Книгоиздательство «Современныя Проблемы».

Эдуардъ Фуксъ.

ИСТОРІЯ НРАВОВЪ.

Томъ I—РЕНЕССАНСЪ.

[Ав]торизованный перев. съ нѣмецкаго Прив.-доц. В. ФРИЧЕ.

Съ предисловіемъ автора къ русскому изданію.

МОСКВА.—1911.

Типографія „Печатное Дѣло“, Тверская, Газетный пер., д. 9.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА КЪ РУССКОМУ ИЗДАНІЮ.

Извѣстное положеніе, гласящее: „болѣе передовыя страны показываютъ болѣе отсталымъ ихъ собственное будущее“, столь безспорное, когда рѣчь идетъ объ отношеніяхъ экономическихъ, оправдывается только до извѣстной степени, когда мы сравнимъ исторію нравовъ на Западѣ и въ Россіи. Въ силу особаго положенія Россіи нѣкоторое совпаденіе въ области нравовъ замѣчается только въ нѣкоторыхъ классахъ, а именно въ господствующихъ. Да и здѣсь лишь до извѣстной степени. Въ виду преобладанія въ Россіи земледѣльческаго населенія и тѣсной связанности послѣдняго съ остальными классами даже въ средѣ господствующихъ группъ завоеванія современной культуры замѣтно переплетаются съ старыми исконными нравами.

Однако, эти отличія со временемъ исчезнутъ и притомъ въ той же мѣрѣ, въ какой процессъ развитія капитализма проникнетъ вширь и вглубь, сближая отдѣльные классы въ Россіи съ соотвѣтствующими классами западноевропейскихъ странъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ развитыя въ моей „Исторіи нравовъ“ точки зрѣнія окажутся все болѣе приложимыми и къ фактическому состоянію нравовъ въ Россіи, какъ въ настоящее время они приложимы къ ней лишь въ своемъ конечномъ выводѣ.

Этотъ выводъ гласитъ: необходимо познать законы историческаго развитія, чтобы въ будущемъ сознательно творить исторію.

Эдуардъ Фуксъ.

Берлинъ—Целендорфъ. Сентябрь, 1911.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе автора къ русскому изданію III

I. Происхожденіе и сущность нравственности . 1

Происхожденіе и основа единобрачія.—Измѣнчивость половой морали.—Законы этихъ измѣненій.—Выводъ относительно будущаго.—Планъ изслѣдованія.

II. Идеалъ физической красоты Ренессанса . . . 66

Сущность Ренессанса. — Происхожденіе идеала красоты.— Культъ физической красоты.—Отношеніе къ наготѣ.—Сущность модъ эпохи Ренессанса.

III. Любовь и бракъ. 133

Основной характеръ любви.—Развитіе индивидуальной половой любви.—Чувственное представленіе о любви.—Добрачное половое общеніе.—Обычай пробныхъ ночей — Формы взаимнаго ухаживанія.—Бракъ и вѣрность. — Супружеская невѣрность. — Свободное половое общеніе и нравственная испорченность.—Употребленіе пояса цѣломудрія.

IV. Нравственность церкви 254

Церковь въ эпоху Ренессанса.—Экономическая основа могущества церкви.—Безбрачіе.—Пороки монашества.—Злоупотребленіе исповѣдью.

V. Проституція. 287

Проституція, какъ оффиціальное средство обороны.—Размѣры проституціи. — Солдатская дѣвка. — Сутенеры и сводни.— Отношеніе къ проституціи отдѣльныхъ классовъ общества.— La grande Cocotte Ренессанса.—Способы привлеченія вниманія, практиковавшіеся проститутками. — Проститутка въ искусствѣ.—Регламентація проституціи. — Борьба противъ проституціи.—Сифилисъ.

VI. Общественныя развлеченія. 339

Прядильня.—Жизнь въ баняхъ.— Курорты.—Игры и танцы.— Праздники и празднества.—Масляничныя игры.—Мистеріи и театръ. — Свадебное торжество и свадебные обряды.— Частныя развлеченія.

VII. Сексуальная патологія. 384

Историческія причины вѣры въ вѣдьмъ.—Эротическая подкладка преслѣдованія вѣдьмъ.—Оргіи одержимыхъ.

I.

Происхожденіе и сущность нравственности.

Основаніемъ всей нашей культуры со всѣми ея излученіями и всѣми ея завоеваніями является институтъ частной собственности. Все выстраивается на частной собственности, все связано съ ней, возвышеннѣйшее проявленіе человѣческаго духа равно, какъ и низменныя, мелочныя стороны будничной жизни. Интересы частной собственности обусловили и создали также основную форму половой морали, а именно моногамію, единобрачіе.

Не только прежде, но еще и теперь единобрачіе считается плодомъ индивидуальной половой любви. Это грубѣйшая ошибка, ибо единобрачіе ни въ принципѣ, ни въ смыслѣ цѣли, которой оно должно было служить и которой оно на самомъ дѣлѣ и служитъ, никогда ничего общаго съ ней не имѣло. Сдѣлать индивидуальную любовь своимъ базисомъ, таковъ въ лучшемъ случаѣ тотъ идеалъ, къ которому единобрачіе стремится, въ качествѣ извѣстнаго учрежденія. Но единобрачіе не было созданіемъ индивидуальной любви, да осуществило этотъ идеалъ лишь временно, въ томъ или другомъ классѣ. Моногамія выросла изъ совсѣмъ другихъ культурныхъ факторовъ и потребностей. Какъ это исчерпывающимъ образомъ доказалъ Льюсъ Г. Морганъ въ своей эволюціи семьи, единобрачіе было послѣдствіемъ концентраціи значительныхъ богатствъ въ однѣхъ рукахъ, — и притомъ въ рукахъ мужчины — и желанія передать эти богатства дѣтямъ именно этого и никакого другого мужчины. Женщина должна была стать матерью дѣтей, относительно которыхъ отецъ могъ быть убѣ-

жденъ, что именно онъ ихъ произвелъ. Греки, у которыхъ единобрачіе впервые получило свое развитіе, откровенно и видѣли въ этомъ его исключительную цѣль. Необходимо уже здѣсь подчеркнуть, что въ единобрачіи не слѣдуетъ видѣть результатъ примиренія мужчины и женщины, а еще менѣе высшую форму брака, а, какъ потомъ будетъ выяснено «провозглашеніе полового антагонизма, совершенно неизвѣстнаго доисторическому человѣчеству».

Таковы основанія и цѣль единобрачія. Внутренняя логика этой формы полового общенія сводится къ слѣдующему требованію: половыя сношенія должны ограничиться сношеніями между однимъ мужчиной и одной женщиной, между одной женщиной и однимъ мужчиной и притомъ исключительно въ рамкахъ соединяющаго ихъ брака. Таково было бы логическое требованіе, предъявляемое къ человѣку институтомъ единобрачія.

Несомнѣнно, оффиціально такой законъ и выставлялся, но его суровая незыблемость всегда была обязательна только для женщины, для мужчины онъ во всѣ времена имѣлъ въ лучшемъ случаѣ лишь оффиціозное значеніе.

Странная и явная двойственность. Но это только мнимое противорѣчіе. На самомъ дѣлѣ, какъ нетрудно увидѣть, это не непримиримое противорѣчіе, а «естественный порядокъ вещей». Родившись не изъ индивидуальной половой любви, покоясь на условности, единобрачіе представляетъ такую форму семьи, которая основана не на естественныхъ, а на экономическихъ условіяхъ. Такъ какъ этими экономическими предпосылками являлись — и еще теперь являются — хозяйственные интересы мужчины, то они должны были имѣть своимъ послѣдствіемъ принципіальное порабощеніе одного пола другимъ, а именно господство въ бракѣ мужчины и неразрывно съ нимъ связанное угнетеніе женщины. Происхожденіе частной собственности требовало только единобрачія женщины, какъ средства получить законныхъ наслѣдниковъ. А открытой или скрытой полигаміи мужчинъ ничто рѣшительно не препятствовало. Такъ какъ въ бракѣ мужчина представляетъ собой господствующій классъ, а женщина — угнетенный и эксплуатируемый, то мужчина всегда былъ единственнымъ законодателемъ, издававшимъ законы въ своихъ собственныхъ интересахъ. Почти всегда строго требуя отъ женщины цѣломудрія, почти всегда объявляя невѣрность женщины величайшимъ преступленіемъ, онъ въ то же время всегда ставилъ своимъ собственнымъ вожделѣніямъ лишь самыя примитивныя преграды. Все это не болѣе и не менѣе, какъ внутренняя необходимость явленія и поэтому «естественный порядокъ вещей». Изъ этого противорѣчія однако выросло нѣчто, что не входило въ планы людей, что также сдѣлалось «естественнымъ порядкомъ вещей»: месть со стороны изнасилованной природы. Эта месть природы обнаруживается въ двухъ неизбѣжныхъ и неотдѣлимыхъ отъ нашей культуры учрежденіяхъ. Это — адюльтеръ и проституція, какъ два неизбѣжныхъ соціальныхъ института.

Рабъ всегда мститъ тѣмъ орудіемъ, которымъ онъ былъ побѣжденъ и порабощенъ. На всѣхъ языкахъ, въ тысячѣ разнообразныхъ формъ и формулъ законъ устами государства, церкви и общества толковалъ женщинѣ впродолженіи всей ея жизни, что кромѣ мужа никто другой не долженъ раздѣлять ея ложа и касаться ея тѣла. Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ женщина мстила тѣмъ, что и другіе мужчины раздѣляли ея ложе и обладали ея тѣломъ и что единственнымъ точнымъ доказательствомъ отцовства можетъ служить одно только моральное убѣжденіе мужчины. И это несмотря на соціальную опалу въ случаѣ разоблаченія обмана, несмотря на суровыя и подчасъ варварскія наказанія, всегда угрожавшія мести женщины. Эту жажду мести ничѣмъ нельзя искоренить, потому что, пока бракъ основанъ на условностяхъ, онъ по существу своему противоестественъ. Тоже самое примѣнимо и къ проституціи, этому суррогату брака. Никакой законъ не былъ въ силахъ уничтожить ее, никакое варварское обращеніе не ставило ея жрицъ ни на одинъ день внѣ общественнаго союза. Въ худшемъ случаѣ проституціи приходилось иногда прятаться и она пряталась въ самомъ дѣлѣ, хотя всѣ заинтересованные и находили дорогу къ ея логовищу. Это ея

неискоренимость совершенно логична. Частная собственность, покоясь на экономическомъ развитіи въ сторону торговли, присвоила всему товарный характеръ, свела всѣ вещи къ ихъ денежной стоимости. Любовь стала такимъ же предметомъ торговли, какъ платье. Вотъ почему большинство браковъ носитъ характеръ торговой сдѣлки, а проституція — это любовь за задѣльную плату, какъ циники грубо, но довольно мѣтко назвали ее въ отличіе отъ брака, этой оплаты гуртомъ, — неотдѣлима отъ единобрачія, которое постоянно снова вызываетъ ее къ жизни, сколько бы его апологеты ни осуждали ее, такъ какъ она въ концѣ концовъ все же представляетъ тотъ громоотводъ, въ которомъ моногамія нуждается, чтобы хотя нѣкоторымъ образомъ обезпечить свою цѣль, заключающуюся въ законныхъ наслѣдникахъ. Словомъ, съ какой бы стороны мы ни подошли къ вопросу, какъ ни печально признаться въ этомъ: прелюбодѣяніе и проституція являются неизбѣжными соціальными явленіями: постоянный любовникъ жены, мужъ — рогоносецъ и проститутка — неизмѣнные соціальные типы. Другими словами: «таковъ естественный порядокъ вещей».

При поверхностномъ взглядѣ намъ могутъ возразить. Предположимъ это такъ. Но изъ этого только слѣдуетъ, что во-первыхъ, такъ всегда было и во-вторыхъ, такъ всегда и останется, пока будетъ существовать міръ. Это не болѣе какъ, прирожденная людямъ порочность и грѣховность. Эти слова не произвольно нами придуманное возраженіе, а на самомъ дѣлѣ господствующее стереотипное воззрѣніе, съ которымъ встрѣчаешься на каждомъ шагу.

Подобныя суммарныя утвержденія настолько же дешевы, поскольку и невѣрны. Будетъ ли такое состояніе вѣчнымъ, въ данномъ случаѣ вопросъ второстепенный. Во всякомъ случаѣ онъ лишь логическое послѣдствіе, вытекающее изъ отвѣта на вопросъ, въ самомъ ли дѣлѣ такъ всегда было. Этимъ послѣднимъ вопросомъ мы и займемся сначала, на него мы постараемся отвѣтить, чтобы лишь потомъ обратиться къ первому вопросу и обосновать его возможныя послѣдствія.

Разумѣется, «такъ» было всегда. Но если присмотрѣться поближе къ этому порядку вещей, то въ его предѣлахъ нетрудно подмѣтить самыя разительныя отличія, увидѣть, что постоянное все же вѣчно мѣнялось. Отличія эти касаются при томъ не только общепризнанныхъ нравовъ. Обнаруживаются особенности, различія, повышенія и пониженія также и въ общихъ уклоненіяхъ отъ основного закона обусловленной единобрачіемъ половой морали въ такой массѣ и съ такимъ единообразіемъ, что изъ нихъ создается типическая въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ картина эпохи, рѣзко отличающаяся отъ всякихъ другихъ.

Такъ какъ этотъ фактъ является какъ разъ исходной точкой систематической исторіи нравовъ, то мы начнемъ съ того, что приведемъ рядъ характерныхъ примѣровъ изъ различныхъ главныхъ областей половой морали для иллюстраціи нашего положенія. Примѣры эти будутъ касаться, стало-быть, различной оцѣнки, дававшейся взаимной супружеской вѣрности, добрачному цѣломудрію женщины, проституціи, главнѣйшимъ понятіямъ приличія и т. д. Само собой понятно, что это можно сдѣлать здѣсь только въ самыхъ общихъ чертахъ. Вѣдь все наше изслѣдованіе въ отдѣльныхъ его главахъ представитъ подробный комментарій къ этимъ примѣрамъ.

Что касается различной оцѣнки, дававшейся супружеской вѣрности, то можно сказать слѣдующее. Въ нѣкоторыя эпохи и въ нѣкоторыхъ классахъ общества высшее основное требованіе единобрачія, вѣрность обоихъ супруговъ, сравнительно побѣдоносно торжествовало и серьезнѣйшимъ образомъ осуществлялось. Наряду съ такими эпохами и классами мы имѣемъ другіе, въ которыхъ это основное требованіе половой морали совершенно игнорировалось большой массой и за замужней женщиной признавалось право открыто имѣть многихъ мужей, какъ за мужчиной право имѣть многихъ женъ. Если иногда считалось, что мужъ и жена, если и не публично, то по крайней мѣрѣ передъ своей совѣстью уже совершили прелюбодѣяніе, измѣнивъ другъ другу лишь мысленно, если иногда жена уже громко обвинялась въ невѣрности, если

удостоила посторонняго мужчину нѣсколькихъ словъ, то въ другія времена женщинѣ (даже той, которая носила на себѣ поясъ дѣвственности) разрѣшалось позволять ухаживателю самые смѣлые жесты, даже поощрять его къ нимъ, не нарушая тѣмъ супружеской вѣрности, ибо послѣдняя ограничивалась самымъ половымъ актомъ. Бывали времена, когда мужъ былъ самымъ усерднымъ сводникомъ, ежедневно продававшимъ свою жену, а замужняя женщина являлась самой ловкой и дѣловитой проституткой, устраивавшей на своемъ супружескомъ ложѣ карьеру мужа, обезвреживавшей его конкурентовъ, выигрывавшей его процессы, удесятирявшей его состояніе и т. д. Рядомъ съ эпохами и классами, считавшими бракъ по любви высшимъ идеаломъ, стоятъ такіе, которые не считали любовь необходимой предпосылкой брака, которые были склонны видѣть въ любви даже нѣчто несовмѣстимое съ бракомъ, которые смотрѣли на выборъ жены откровенно съ точки зрѣнія простого расчета или простого производства дѣтей. Древніе греки напр., всегда видѣли въ бракѣ такую и только такую условность. Вотъ почему женщина у нихъ должна быть стать предварительно гетерой, чтобы имѣть право быть подругой. Одни эпохи и классы превращаютъ женщину въ домашнее вьючное животное, дѣлаютъ изъ нея пожизненную домашнюю рабыню или терпѣливую машину для дѣтопроизводства, лишенную личной воли. Другіе времена и классы видятъ въ ней избалованный предметъ роскоши, любой капризъ которой становится закономъ, или утонченное орудіе наслажденія, задача котораго состоитъ въ томъ, чтобы доставлять мужу всѣ тѣ удовольствія, которыми ея предшественницы, всевозможныя любовницы, радовали и приковывали его къ себѣ. Наконецъ, есть и такіе эпохи и классы, въ которыхъ мужъ и жена становятся двумя вѣрными товарищами, рука объ руку поднимающимися вверхъ по крутымъ тропинкамъ жизни навстрѣчу ея болѣе высокимъ цѣлямъ.

Такое же приблизительно разнообразіе находимъ мы и въ принципіальной оцѣнкѣ женскаго цѣломудрія. Лицомъ къ лицу съ классами и эпохами, придававшими дѣвственности огромное значеніе, стоятъ такіе, которые не только не прославляли, а почти даже порицали невѣсту, если она въ брачную ночь оказывалась еще нетронутой. Единственный выводъ, который отсюда дѣлался, гласилъ, что, очевидно, раньше никто не пожелалъ ею обладать, а это понижало цѣнность дѣвушки, тогда какъ порой незаконные дѣти напротивъ повышали ея цѣнность. Если съ одной стороны нѣкоторые эпохи и классы считаютъ для дѣвушки позоромъ, если ее хоть разъ видѣли въ сопровожденіи мужчины или если она появилась въ публичномъ мѣстѣ безъ родителей, то другіе позволяли молодой дѣвушкѣ, достигшей половой зрѣлости, принимать въ своей спальнѣ впродолженіи цѣлыхъ лѣтъ по ночамъ своего возлюбленнаго (пробныя ночи, Kommnaechte). И притомъ замѣтьте—не только одного. Безъ всякаго вреда для своей репутаціи она имѣетъ право отставить одного возлюбленнаго и отдать его мѣсто другому, третьему, четвертому, если ея ожиданія и требованія не нашли надлежащаго удовлетворенія. Ни ея доброе имя, ни ея супружеское счастье не терпятъ никакого ущерба отъ того, что она впродолженіи мѣсяцевъ давала каждому изъ своихъ любовниковъ возможность доказать, обладаетъ ли онъ тѣми качествами, которыхъ она требуетъ отъ будущаго мужа. То же самое воззрѣніе разрѣшало достигшему половой зрѣлости парню удостовѣриться именно этимъ путемъ въ физическихъ достоинствахъ выбравшей его дѣвушки, предоставляло ему право рѣшить въ зависимости отъ этого опыта, намѣренъ ли онъ вступить съ ней въ бракъ или нѣтъ. Онъ также имѣлъ право провести нѣсколько пробныхъ ночей у цѣлаго ряда дѣвушекъ и то обстоятельство, что эти пробныя ночи не исключали половыхъ отношеній, не связывало его вовсе съ данной дѣвушкой. Нѣкоторые романтики усмотрѣли въ этихъ обычаяхъ нѣчто безусловно идеальное. Это несомнѣнно такъ, если только видѣть въ нихъ базисъ здоровой индивидуальной половой любви, а не то, что въ нихъ хотѣли найти эти романтики, а именно чисто духовное и душевное общеніе половъ. Для парня и дѣвушки половой актъ былъ единственной цѣлью, несмотря на препятствія, которыя разно-

образныя подробности этого обычая создавали для парня. Противоположный взглядъ не логиченъ, если принять во вниманіе первобытную жизненную философію крестьянства.

Не менѣе принципіально различно и оффиціальное положеніе въ общественной жизни проституціи. Жрица продажной любви иногда запиралась въ самые темные углы, клеймилась всеобщей ненавистью и презрѣніемъ, на нее смотрѣли, какъ на прокаженную, одно дыханіе которой будто бы способно заразить все окружающее и обратить въ бѣгство всѣхъ «порядочныхъ» людей. И только тайкомъ, обходными путями, могли къ ней пробираться тѣ, кто жаждалъ любви. Но бывали и такія эпохи, когда ее провозглашали лучшимъ украшеніемъ праздниковъ жизни. У грековъ культъ женщины сосредоточивался въ гетерѣ. Она — подруга мужчины, съ которой онъ ведетъ философскія бесѣды, которую онъ окружаетъ роскошью и блескомъ, дружба и благосклонность которой доставляетъ ему честь, красотѣ которой весь народъ оказываетъ божескія почести, тогда какъ жена ощущалась какъ неизбѣжное и неудобное ярмо, и была обязана терпѣливо проживать свой вѣкъ въ уединенномъ гинекеѣ, никому не показываясь на глаза, скромно удовольствуясь остатками чувствъ мужа. Нѣчто похожее повторяется въ эпоху Ренессанса. Правда, проститутка уже не провозглашается богиней, но и тогда куртизанка часто является въ качествѣ подруги и украшенія публичныхъ праздниковъ и увеселеній. Когда городъ навѣщалъ какой нибудь высокій гость, то красивѣйшія куртизанки даже раздѣвались и встрѣчали князя въ обнаженномъ видѣ у городской черты, какъ лучшее наслажденіе для его глазъ. Эпоха абсолютизма возводитъ куртизанку на престолъ и ея любовныя ухищренія и ея кокетство превращаютъ любой ея капризъ въ высшій законъ для общества и государства. Народъ обязанъ оказывать фавориткѣ абсолютнаго государя высшія почести и гнуть передъ ней шею, хотя бы она только что поднялась изъ грязи болотъ и низинъ...

Ограничимся пока этими немногими, грубо обрисованными, примѣрами типическихъ различій въ отношеніи различныхъ эпохъ къ

основнымъ вопросамъ половой морали, хотя ихъ легко можно было бы удесятерить. Къ нимъ необходимо присоединить еще гораздо большее количество примѣровъ, касающихся второстепенныхъ пунктовъ половой морали. Здѣсь различія бросаются въ глаза еще рѣзче. Достаточно вспомнить о видоизмѣненіяхъ языка, моды, чувства стыдливости, воспитанія, искусства, нравственности въ правѣ и т. д. Мы ограничимся и въ этой области самыми характерными доказательствами этой измѣнчивости и вѣчной измѣняемости, фактами, которые каждый легко самъ можетъ проконтролировать, такъ какъ весь нашъ трудъ представитъ цѣлостный постоянный комментарій къ этимъ положеніямъ.

О различныхъ взглядахъ на главнѣйшія темы разговора между мужчинами съ одной стороны, и мужчинами и женщинами съ другой, достаточно будетъ сказать слѣдующее.

Бывали эпохи, когда господствующая мораль разрѣшала мужчинамъ чаще всего публично вести бесѣду на тему о грубыхъ любовныхъ приключеніяхъ, о недвусмысленныхъ и откровенныхъ похожденіяхъ, или пережитыхъ или слышанныхъ отъ другихъ, о необычайныхъ побѣдахъ и пораженіяхъ въ состязаніяхъ Венеры. Достаточно указать на приблизительно триста Фацецій Поджьо (1380—1459), почти исключительно трактующихъ о такихъ темахъ, представлявшихъ главный матеріалъ бесѣдъ епископовъ и кардиналовъ при дворѣ папы Мартина V, спеціально для этой цѣли собиравшихся каждый день въ опредѣленномъ мѣстѣ папскаго дворца. Даже сами папы, бывшіе въ первую голову героями этихъ эротическихъ шутокъ, часто участвовали въ подобныхъ бесѣдахъ. Далѣе, бывали эпохи, когда господствующая мораль открывала и женщинамъ доступъ къ такимъ бесѣдамъ, во время которыхъ самыя естественныя вещи назывались своими именами. Нѣмецкія масляничныя пьесы XIV и XV вв., производящія на насъ впечатлѣніе чрезмѣрной непристойности, нравились не только мужчинамъ, но и женщинамъ. Женщины не только допускались, какъ слушательницы, къ такимъ бесѣдамъ, онѣ сами спокойно могли въ нихъ участвовать и выбирать темой для своихъ шутокъ и раз-

сказовъ самыя интимныя вещи. Онѣ имѣли право вмѣшиваться въ обсужденіе техники искусства соблазнять, дѣлиться своимъ опытомъ въ дѣлѣ любви и т. д. Достаточно вспомнить новеллы Боккаччіо, сто новеллъ жизнерадостной королевы Наварской и другіе аналогичные документы. Далѣе, бывали эпохи, когда женщина придворныхъ круговъ могла присутствовать при спектакляхъ, единственной темой которыхъ были эротическія оргіи. Примѣрами могутъ служить публичныя представленія любовныхъ сценъ обнаженными красавицами-куртизанками и обнаженными геркулесовскаго сложенія мужчинами... Какъ примѣръ аналогичныхъ простонародныхъ увеселеній можно привести шутовскіе и ослиные праздники, въ которыхъ фаллическій маскарадъ и фаллическія остроты играли главную роль.

Въ иныя времена мужчины и женщины имѣли право во время ухаживанія пользоваться самыми откровенными словами и сравненіями. Въ другія эпохи (напр. въ концѣ XVII в., а въ Германіи въ эпоху, представленную въ литературѣ силезской школой) бесѣда свѣтскаго общества состояла изъ непрерывной цѣпи болѣе или менѣе замаскированной порнографіи. Каждое слово, каждая фраза имѣли свой скрытый порнографическій смыслъ и чѣмъ богаче контрастами былъ смыслъ того или другого слова, тѣмъ восторженнѣе ему апплодировали и тѣмъ восторженнѣе его переносили изъ салона въ салонъ, особенно если удавалось самымъ невиннымъ образомъ выразить самое циническое представленіе. Въ этой области свѣтское общество XVII в. и второй имперіи достигло изумительной виртуозности. Высшимъ идеаломъ указанныхъ эпохъ была женщина, употреблявшая въ разговорѣ съ особеннымъ предпочтеніемъ всякія двусмысленности и въ глазахъ общества ея свѣтское значеніе росло въ прямой зависимости отъ ея фривольности, отъ ея способности пикантно произнести самое грубо-циническое выраженіе.

А рядомъ съ такими эпохами и классами стоятъ другія, подвергавшіе опалѣ каждаго мужчину, который осмѣлился бы произнести въ обществѣ непристойное выраженіе и предписывавшіе женщинѣ

краснѣть даже въ томъ случаѣ, если рѣчь шла о самыхъ простыхъ вещахъ. Самымъ яркимъ выраженіемъ этого настроенія является та форма педантической стыдливости, которая запрещаетъ женщинѣ называть тѣ или другія части костюма или тѣла. Такія эпохи возбраняютъ мужчинѣ и женщинѣ употреблять въ обществѣ рядъ самыхъ невинныхъ словъ и фразъ, потому что утонченная безнравственность вложила въ нихъ извѣстную эротическую двусмысленность и всѣ привыкли ее на самомъ дѣлѣ въ нихъ находить.

Массу характернѣйшихъ различій обнаруживаютъ законы приличія. Нѣкоторыя эпохи категорически запрещаютъ женщинѣ показываться постороннему человѣку въ неглижэ, какъ бы скромно оно ни было, а еще болѣе принимать визиты, лежа въ постели или совершая свой туалетъ. А въ другія эпохи женщина превращаетъ самое интимное неглижэ въ туалетъ, предназначенный для пріемовъ, принимаетъ своихъ визитеровъ у постели — ruelle, какъ назывался проходъ около ея кровати, служившій въ XVII в. настоящимъ корсо для ея друзей и поклонниковъ — и находитъ совершенно естественнымъ, что другъ или посѣтитель становятся свидѣтелями ея туалета, откровенно и активно удовлетворяя при этомъ чувство эротической любознательности. Бывали и такія эпохи, которыя разрѣшали мужчинѣ и женщинѣ вмѣстѣ посѣщать баню.

Каждая эпоха въ отдѣльности къ тому же полна противорѣчій. Что одному классу кажется вполнѣ естественнымъ, у другого находится подъ строжайшимъ запретомъ и наоборотъ. Еще характернѣе для внутреннихъ противорѣчій, свойственныхъ той или другой эпохѣ (впрочемъ это только кажущееся противорѣчіе) то обстоятельство, что женщинѣ, которой запрещается принять посторонняго мужчину, хотя бы въ самомъ скромномъ неглижэ, разрѣшается, даже вмѣняется въ обязанность надѣть такой бальный костюмъ, который позволяетъ мужчинѣ во время разговора и особенно во время танца удостовѣриться въ реальности выставленныхъ ею на показъ физическихъ достоинствъ или что эта женщина имѣетъ полное право предстать передъ мужчиной въ купаль-

номъ костюмѣ, такъ сказать подчеркивающемъ ея обнаженность. Также противорѣчиво поступаетъ эпоха, провозглашая съ одной стороны все половое святыней, имѣющей право обнаруживаться лишь въ безмолвіи брачнаго алькова, а съ другой стороны побуждая женщину костюмомъ, походкой и жестами вести самую непристойную бесѣду со всѣмъ міромъ и такъ сказать провоцировать каждаго встрѣчнаго мужчину, чтобы онъ ее мысленно раздѣлъ. Если бываютъ часто эпохи, когда для женщины ничего не можетъ быть непріятнѣе, какъ публично показаться въ состояніи беременности, когда подобное состояніе прямо позоритъ каждую незамужнюю женщину, на которую всѣ смотрятъ съ презрѣніемъ, то съ другой стороны бываютъ и эпохи, подчеркивающія послѣдствія полового общенія, демонстративно навязывающія каждой женщинѣ интересное положеніе, фабрикуя и пуская на рынокъ ventre à deux, à trois ou á quatre mois.

Порою женщинѣ даже разрѣшалось являться въ обнаженномъ видѣ, чтобы производить впечатлѣніе эротическаго чуда. Въ XIV в., въ эпоху Ренессанса, и въ концѣ XVIII в., въ эпоху директоріи и консульства, ей позволялось позировать совершенно обнаженной для портрета. Извѣстны портреты Діаны Пуатье, герцогини Урбинской, сестры Наполеона, г-жи Рекамьэ и многихъ другихъ дамъ. Ей разрѣшалось даже фигурировать на картинѣ въ моментъ любви. Эпоха регентства позволяла художнику откидывать портьеры и занавѣски будуара и приглашать весь міръ въ свидѣтели самыхъ интимныхъ сценъ. Другія эпохи разрѣшали женщинѣ-красавицѣ доставлять публикѣ въ костюмѣ мадонны эротическое зрѣлище. Достаточно вспомнить портретъ Агнессы Сорель въ видѣ мадонны и другія аналогичныя картины. И не только посредствомъ искусства, переводящаго дѣйствительность на свой языкъ, придающаго ей героическія очертанія, разрѣшалось женщинѣ доставлять публикѣ эротическое зрѣлище, а также путемъ самой обыкновенной техники. Въ наше время, напр., каждая актриса имѣетъ право сняться въ роли Юдифи, Саломеи или Монны Ванны, выставить свой портретъ въ тысячѣ экземпляровъ во всѣхъ художественныхъ магазинахъ и пустить его въ оборотъ въ розничную продажу. Если на подмосткахъ она еще обязана воспользоваться прозрачнымъ трико, то передъ фотографомъ она можетъ скинуть даже и его.

Исторія моды обнаруживаетъ во всѣхъ направленіяхъ тѣ же самыя принципіальныя противоположности, какъ исторія языка и свѣтскаго тона и она, быть можетъ, знаетъ наибольшее ихъ количество. Времена, когда нравственный долгъ обязывалъ каждую женщину закутаться съ ногъ до головы, такъ что на первый взглядъ трудно было отличить ее отъ мужчины, чередуются съ эпохами, когда женщина всѣми силами стремится обнаружить свои физическія достоинства. Одна эпоха устами моды говоритъ: «у женщины вообще нѣтъ ногъ», другія напротивъ положительно развивали и культивировали ретруссэ, при помощи котораго женщины самымъ соблазнительнымъ образомъ обращаютъ вниманіе на свои ноги. Такія эпохи прямо создавали моду, которая принуждала къ частымъ ретруссэ. Также точно создавались моды, детальнѣйшимъ образомъ воспроизводившія формы бедеръ, груди, чары Венеры Калліпигосъ. Съ этой цѣлью изгонялись корсеты и жюпоны, чтобы показать природу во всей ея неприкосновенности. На закатѣ средневѣковья и даже еще въ самый разгаръ Ренессанса мужчина демонстративно подчеркиваетъ свою мужественность путемъ такъ называемой Hosenlatzmode, такъ что взоръ долженъ прежде всего пасть на эту часть костюма. Въ то же самое время женщина дѣлаетъ такой вырѣзъ въ своемъ платьѣ, что вся грудь выставляется на показъ, какъ товаръ, на который хотятъ обратить всеобщее вниманіе. Или женщина дѣйствуетъ еще утонченнѣе, обнажая только самую грудь, ограничиваясь лишь двумя вырѣзами на соотвѣтствующихъ мѣстахъ верхняго платья, изъ которыхъ справа и слѣва выступаютъ демонстративно обѣ груди и только онѣ однѣ, такими же обнаженными и такими же ясно очерченными, какъ лицо и руки. Мода эпохи директоріи, наконецъ, оголяла одинаково какъ мужчину, такъ и женщину. Мужчины носили такія плотно облегавшія ноги брюки, которыя

ясно обрисовывали каждый мускулъ и каждую часть тѣла. Женщины сводили весь свой костюмъ къ рубашкѣ, которая дѣлалась къ тому же часто изъ прозрачной газовой матеріи. То же встрѣчаемъ мы и въ другія эпохи, напр. въ вѣкъ рыцарской любви, при томъ ради той же цѣли и съ тѣми же послѣдствіями.

Необходимо здѣсь еще прибавить, что въ исторіи каждой страны часто бывали и бываютъ эпохи, когда и тайкомъ и открыто всѣ требованія и законы частной и общественной морали игнорировались не только отдѣльными индивидуумами, но и цѣлыми классами и примыкавшими къ нимъ слоями населенія, эпохи, когда по всей линіи побѣдоносно торжествовала тенденція, усматривавшая въ сознательномъ и преднамѣренномъ игнорированіи оффиціально признанныхъ нравственныхъ законовъ, въ пренебреженіи чувствомъ стыдливости, даже въ дикомъ нарушеніи законовъ природы цѣль всѣхъ желаній и высшее наслажденіе. Дворъ Карла II въ Англіи, эпоха регентства во Франціи до крушенія стараго режима являются наиболѣе извѣстными примѣрами такихъ періодовъ откровеннаго и систематизированнаго разврата.

Читатель согласится, что даже указанныя здѣсь различія рисуютъ передъ взорами рядъ противоположныхъ картинъ нравовъ и однако слѣдуетъ еще разъ напомнить, что этотъ перечень представляетъ лишь незначительное собраніе фактовъ, что ими можно было бы наполнить еще цѣлыя страницы и что каждая отдѣльная картина нравовъ дана здѣсь лишь въ самыхъ грубыхъ чертахъ, такъ что при болѣе спеціальномъ изслѣдованіи нетрудно было бы вскрыть рядъ новыхъ характерныхъ особенностей, которыя сами бросились бы въ глаза.

Здѣсь важно и существенно только указать, что каждая изъ этихъ принципіальныхъ варіацій, каждое изъ этихъ частныхъ уклоненій отъ основного закона, обусловленной единобрачіемъ, половой морали не только не ощущались въ свое время — то въ болѣе ограниченныхъ, то въ болѣе широкихъ слояхъ населенія — какъ нѣчто безнравственное, а напротивъ признавались, какъ нѣчто нравственное. Эти уклоненія не только терпѣлись, а напротивъ

считались моральными для даннаго случая и получали поэтому какъ въ неписанныхъ, такъ и въ писанныхъ нравственныхъ законахъ соотвѣтствующее выраженіе, свою юридическую, философскую и общественную санкцію. Отсюда слѣдуетъ, какъ единственный логическій выводъ, что то, что въ иныя времена считалось нравственнымъ и вмѣнялось каждому въ обязанность въ силу законовъ общественной морали, потомъ часто квалифицируется, какъ безнравственное. Чтобы освѣтить это положеніе какимъ-нибудь историческимъ примѣромъ, укажемъ на противоположные взгляды двухъ странъ, въ двѣ разныя эпохи. Во второй половинѣ XVII в. въ Германіи считалось нравственнымъ видѣть въ бракѣ не болѣе, какъ средство дѣторожденія. Ближе всего къ нравственному идеалу былъ такой бракъ, гдѣ жена всегда была беременна или всегда кормила младенца, гдѣ она носила подъ сердцемъ новаго ребенка, когда предыдущій еще даже не научился лепетать. Напротивъ, во Франціи XVIII в. (впрочемъ не только здѣсь, а во Франціи не только въ эту эпоху) подобный взглядъ на бракъ считался безнравственнымъ и женщина извѣстныхъ слоевъ имѣла санкціонированное обществомъ право требовать отъ мужа, чтобы по крайней мѣрѣ въ первые годы бракъ былъ бездѣтнымъ. Бракъ, отъ котораго произошло «цѣлое стадо дѣтей» считался прямо неприличнымъ. Въ первый изъ указанныхъ періодовъ господствующая мораль признавала безнравственнымъ то, что во второй періодъ провозглашалось нравственнымъ. Чтобы привести для примѣра крайность, надо, конечно, признаться, что никогда писанный законъ не предоставлялъ и уже конечно не обезпечивалъ за женщиной право на многомужество, на прелюбодѣяніе. Но никогда не существовало и закона, разрѣшавшаго мужчинѣ соблазнять чужихъ женъ, и однако во всѣ времена это «право» примѣнялось усерднѣйшимъ образомъ. Надо имѣть въ виду, что законы публичной нравственности рѣже всего отливались въ видѣ юридически оформленныхъ параграфовъ и рѣже всего объединялись въ видѣ законодательнаго кодекса. Эти законы выражались и выражаются во всѣ времена въ неписанныхъ, но тѣмъ не менѣе весьма ясныхъ

и категорическихъ воззрѣніяхъ и требованіяхъ общественной морали данной эпохи, той морали, которая не только главнымъ образомъ, но вообще давала и даетъ поступкамъ фактическую санкцію нравственнаго и безнравственнаго.

Эта общественная мораль и постановляетъ, имѣетъ ли мужчина право открыто предаться дѣлу соблазна или же онъ обязанъ прибѣгать къ уловкамъ, должна ли женщина разыгрывать цѣломудренную или галантную, чтобы пользоваться уваженіемъ общества. Она постановляетъ, что въ извѣстныя эпохи каждая хорошенькая женщина, сохраняющая мужу непоколебимую вѣрность, навлекаетъ на себя подозрѣніе въ какихъ то скрытыхъ недостаткахъ, или, что малѣйшее уклоненіе со стороны мужчины или женщины отъ суровой позиціи пуританства наказуется неумолимой карой. Эта общественная мораль постановляетъ, что порядочная женщина, съ невиннѣйшимъ выраженіемъ лица, обязана заниматься одной только математической проблемой: найти въ своемъ костюмѣ ту линію, которая позволитъ ей обнажиться, оставаясь при этомъ «приличной» или что женщина сочтетъ за личное оскорбленіе, если въ ея присутствіи произносится слово «брюки». Она постановляетъ, что единственной темой разговора между представителями обоихъ половъ является святость тайны, о которой позволено распространяться самымъ циничнымъ образомъ, что каждый мужчина имѣетъ право сказать каждой женщинѣ: «ты возбуждаешь во мнѣ желанія, я хочу взять тебя», а каждая женщина имѣетъ право сказать мужчинѣ: «я хочу подѣйствовать на твою чувственность, смотри, какая я соблазнительная, какой лакомый кусочекъ представляю я для твоего воображенія», и т. д. безъ конца, ибо конца здѣсь не существуетъ. Важнымъ и существеннымъ является здѣсь, какъ было уже указано, то, что все это, всѣ эти уклоненія, сегодня одно, а завтра другое, считалось и считается нравственнымъ. Для научнаго отношенія къ явленіямъ слѣдующимъ важнымъ вопросомъ является вопросъ: почему это такъ? Потому, что всѣ эти различія не являются случайностями, существующими безъ всякой внутренней связи, случайностями, которыя можно

было бы произвольно вычеркнуть изъ картины эпохи, нѣтъ они неотдѣлимыя составныя части и неизбѣжныя послѣдствія внутренней сущности соціальнаго бытія. Вотъ почему въ этой сутолокѣ самыхъ разнородныхъ и другъ другу взаимно противорѣчащихъ явленій царитъ строжайшій порядокъ. Передъ нами не безсмысленный, неподдающійся учету хаосъ, нѣтъ, всегда и повсюду въ каждой побѣдоносно торжествующей тенденціи обнаруживается строгая закономѣрность.

Мы подошли такимъ образомъ къ тому вопросу, который является важнѣйшей предпосылкой, единственно допустимымъ базисомъ научно построенной исторіи нравовъ, къ вопросу «почему?», къ вопросу, какъ возникаетъ опредѣленная общественная мораль, откуда она черпаетъ свою категорическую мощь, какіе факторы обусловливаютъ вѣчныя перемѣны и создаютъ новыя формы, словомъ, къ вопросу о законѣ неизбѣжныхъ и вѣчныхъ видоизмѣненій постоянныхъ, такъ сказать, элементовъ половой морали.

Если мы хотимъ выяснить, прежде всего, стало быть, открыть этотъ законъ, то мы должны начать съ того, чтобы проконтролировать связь между теоріей и практикой нравственныхъ нормъ каждой эпохи и современнымъ имъ общественнымъ бытіемъ человѣчества.

Такое изслѣдованіе покажетъ каждому, умѣющему исторически смотрѣть на вещи, что, какъ уже было выше указано, не можетъ быть ничего болѣе безсмысленнаго и нелѣпаго, какъ живущее еще въ головѣ многихъ этиковъ представленіе о такъ называемой случайности и произвольности господствующихъ нравственныхъ воззрѣній. Мы говоримъ о томъ наивномъ взглядѣ, который кульминируетъ въ утвержденіи, что, въ виду невозможности установить какія нибудь абсолютно достовѣрныя нормы, въ нравственныхъ воззрѣніяхъ господствуютъ чистая случайность и произволъ, и потому только чернь одна обязана съ ними считаться. Напротивъ, l'homme superieur можетъ свободно игнорировать эти остроты міровой исторіи. Такая логика ничѣмъ не выше и серьез-

нѣе той, которая болтаетъ чепуху о вѣчной нравственной идеѣ, одинаково осѣняющей и покрытаго шкурой дикаря и одѣтаго въ черный сюртукъ христіанина. Нелѣпость такого воззрѣнія обнаруживается уже при первомъ взглядѣ, ибо даже самый поверхностный анализъ, вооруженный самыми примитивными научными методами, доказываетъ неопровержимо, что въ исторіи нѣтъ безсвязныхъ фактовъ. Правда, случайныя уклоненія могутъ быть, въ смыслѣ патологическихъ явленій, но случайными не могутъ быть массовыя явленія, о которыхъ однихъ можетъ быть рѣчь, когда мы говоримъ о нравственномъ поведеніи людей.

Ужели нѣтъ связи между развратомъ, чисто порнографической модой, порнографически насыщенной рѣчью XVIII в. и общественнымъ бытіемъ извѣстныхъ классовъ? А въ XVII в. между неумолимой нравственной строгостью англійскихъ пуританъ, ихъ мрачнымъ однообразнымъ костюмомъ и заимствованными изъ Библіи оборотами рѣчи и политическими и соціальными условіями ихъ существованія? и т. д. Это значило бы, что все могло бы быть какъ разъ наоборотъ, въ XVIII в. люди могли бы не придавать особеннаго значенія эротическому воздѣйствію женской груди, а въ XVII в. въ средѣ англійскихъ пуританъ могъ бы торжествовать побѣду утонченный культъ физіологическаго наслажденія, культъ эротической наготы. Ясно, что такая логика есть логика сумасшедшаго дома. Вотъ почему она и ходитъ привидѣніемъ въ головѣ лишь тѣхъ этиковъ, логика которыхъ, не отягченная разумомъ, носится надъ временами, какъ никогда надъ ними не носилась «вѣчная нравственная идея». Въ исторіи, какъ уже сказано, царитъ строжайшая гармонія, неумолимѣйшая логика. Сотни узъ и мостиковъ связываютъ слѣдствіе и причину, причину и неизбѣжное, неустранимое послѣдствіе.

Для каждаго исторически мыслящаго человѣка эта связь на самомъ дѣлѣ такъ очевидна, что нѣтъ надобности подробнѣе ее обосновать. Ее можно принять, какъ нѣчто несомнѣнное. Тому, кто еще обуреваемъ сомнѣніями, мы напомнимъ, что эта связь будетъ вскрыта въ дальнѣйшемъ, какъ можно убѣдительнѣе, пу-

темъ аргументаціи въ другомъ направленіи. Нѣсколько болѣе опытный глазъ и болѣе детальная подготовка требуются для того, чтобы понять, что какъ въ господствующихъ нравственныхъ воззрѣніяхъ, такъ и въ соотвѣтствующемъ имъ нравственномъ поведеніи выражается вся сумма современнаго соціальнаго бытія людей. Болѣе основательное изслѣдованіе требуется и для того, чтобы уяснить себѣ, что мы называемъ руководящимъ закономъ, рѣшающимъ въ послѣднемъ счетѣ базисомъ, на которомъ все зиждется.

Мы предвосхитимъ отвѣтъ на эти вопросы и уже потомъ перейдемъ къ ихъ обоснованію...

Въ нравственномъ поведеніи и въ соотвѣтствующихъ ему нравственныхъ догмахъ отражается, какъ и въ правовыхъ воззрѣніяхъ, въ религіи, въ художественномъ творчествѣ и т. д. экономическій базисъ эпохи. Или выражаясь точнѣе: всѣ безъ исключенія идеологіи являются логическимъ отраженіемъ высоты развитія, достигнутаго производственнымъ механизмомъ. Сюда относится: степень общественнаго раздѣленія труда, степень классоваго дѣленія, распредѣленіе собственности, слѣдовательно, отношенія собственности, словомъ, все, что подразумѣвается подъ понятіемъ «экономической основы эпохи». Частная собственность, матеріальные интересы обусловили собой основной базисъ нашей половой морали. Она же такимъ же категорическимъ образомъ опредѣляетъ второстепенные пункты послѣдней. Такъ какъ частная собственность является основаніемъ общей морали, то въ предѣлахъ послѣдней половая мораль должна постоянно мѣняться, приспособляясь къ измѣненіямъ и къ развитію частной собственности, которой подчинена вся область морали.

Конечно, половой инстинктъ самъ по себѣ не экономическій факторъ, но способъ его проявленія тѣмъ не менѣе обусловливается экономическимъ базисомъ общества. Этотъ послѣдній опредѣляетъ (рѣчь идетъ здѣсь, конечно, о массовыхъ явленіяхъ), будетъ ли половой инстинктъ толкать мужчину и женщину къ ранним или позднимъ бракамъ, будетъ ли онъ требовать, какъ сурро-

гатъ брака, постоянную любовницу или бродячую проститутку, благородную жуирующую даму или опустившуюся уличную дѣвицу. Тотъ же экономическій базисъ предрѣшаетъ, будетъ ли женщина въ бракѣ хозяйкой, матерью или дамой, будетъ ли она выбрана какъ производительница дѣтей или за ея представительныя качества, будетъ ли она воспитываться, какъ предметъ роскоши, или какъ неизбѣжная домашняя мебель. Экономическій базисъ опредѣляетъ, что важнѣе, супружеская ли вѣрность или пикантныя удовольствія половой жизни, въ какой степени будетъ вестись борьба за мужчину или женщину, сотни ли или десятки тысячъ женщинъ будутъ тщетно искать пути къ брачному ложу и «упадутъ въ объятія порока», какъ мило выражаются авторы душеполезныхъ трактатиковъ и т. д. Таковы главныя категоріи, а отъ нихъ зависятъ всѣ второстепенные пункты половой морали, какъ-то: мода, свѣтскій тонъ и т. д., ибо послѣднія всегда не болѣе, какъ проявленія, излученія первой, или другими словами: принявшія духовную или матеріальную форму сопутствующія ей явленія.

Матеріальные интересы являются базисомъ, опредѣляющимъ началомъ, — вотъ что главное. Необходимо прежде всего доказать правильность этого положенія. Прекрасно сознавая важность этого пункта, являющагося краеугольнымъ камнемъ всей нашей работы, мы, однако, должны ограничиться немногими характерными примѣрами. Но если намъ удастся доказать это по отношенію къ нѣкоторымъ важнѣйшимъ пунктамъ, мы докажемъ наше положеніе вообще. Мы приведемъ сначала нѣсколько примѣровъ, въ которыхъ связь между половой моралью и экономическимъ основаніемъ общества сама бросается въ глаза. Въ серединѣ XVII в. въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи чаще чѣмъ когда либо встрѣчаются случаи «бигаміи», а именно въ той формѣ, что одинъ мужчина имѣетъ двухъ законныхъ женъ, живущихъ съ нимъ подъ одной кровлей. Это настоящая полигамія. Самое важное въ этихъ полигамическихъ связяхъ то, что они существуютъ не тайкомъ, не прячутся отъ глазъ общественнаго мнѣнія, какъ частное соглашеніе и частная тайна заинтересованныхъ, а существуютъ открыто, устраиваются открыто и не только терпятся властями, а прямо даже предписываются. Имѣть двухъ женъ считалось тогда въ этихъ мѣстностяхъ не только не преступленіемъ, безнравственностью, а чѣмъ-то заслуживающимъ похвалу и потому нравственнымъ. Можно подумать, что такое положеніе является чѣмъ-то невѣроятнымъ. Многіе сочтутъ его даже чудовищнымъ. Оно не было ни тѣмъ ни другимъ, а совершенно естественнымъ порядкомъ, такъ какъ выражало вполнѣ понятное послѣдствіе исторической ситуаціи, въ которой тогда находилась Германія.

Только что кончилась тридцатилѣтняя война. Эта тяжелая и скорбная эпоха привела не только къ полному опустошенію и такому же полному обѣдненію значительныхъ частей Германіи, но и къ сильному сокращенію населенія. Милліоны людей погибли въ битвахъ или были уничтожены всюду появлявшимися мародерами, еще больше народа пало отъ болѣзней и эпидемій, сопутствовавшихъ нескончаемой бойнѣ. Тысячи мѣстностей совершенно вымерли къ концу войны. До этой злополучной войны Германія насчитывала 16 или 17 милліоновъ населенія, а въ 1648 г. число жителей не превышало 4 милліоновъ. А среди нихъ мужчины составляли меньшинство. На $2^1/_2$ милліона женщинъ приходилось $1^1/_2$ милліона мужчинъ. Таковъ былъ печальный итогъ войны. А всегда, во всѣ времена, главнѣйшимъ капиталомъ является человѣкъ: его рабочая сила, его рабочія руки. Такъ какъ въ тѣ времена чувствовался особенный недостатокъ въ этомъ капиталѣ, такъ какъ безъ живого капитала «человѣкъ» всякій другой остается мертвымъ, то въ первую голову надо было создать именно этотъ капиталъ. Производство дѣтей, какъ можно въ большемъ количествѣ, становилось преобладающей экономической потребностью времени и далѣе высшимъ нравственнымъ долгомъ каждаго способнаго производить дѣтей мужчины. Такъ какъ эта потребность приходила въ конфликтъ съ недавними господствовавшими представленіями, то власти предписываютъ просто этотъ долгъ всѣмъ и каждому. Пусть мужчина дѣйствуетъ въ этомъ направленіи какъ можно усерднѣе.

Вы требуете доказательствъ. Вотъ они. Они содержатся въ сжатомъ современномъ указѣ. 19 февр. 1650 г. нюрнбергскій крейстагъ принялъ слѣдующее рѣшеніе:

«Въ виду того, что въ кровавой 30 лѣтней войнѣ населеніе погибло отъ меча, болѣзней и голода и интересы священной римской имперіи требуютъ его возстановленія..., то отнынѣ впродолженіи слѣдующихъ десяти лѣтъ каждому мужчинѣ разрѣшается имѣть двухъ женъ».

Нельзя было выразить цѣль этого рѣшенія дѣловитѣе, нельзя было обнаружить яснѣе экономическое основаніе этой поправки къ господствующей морали.

Узкій идеологъ, привыкшій выводить всѣ проявленія половыхъ отношеній, всѣ моральные критеріи изъ болѣе или менѣе повышеннаго нравственнаго чувства людей, возразитъ, что «это совершенно исключительное явленія, объясняющееся крайнимъ моральнымъ упадкомъ, бывшимъ также печальнымъ наслѣдіемъ 30 лѣтней войны». Такими или аналогичными разсужденіями обыкновенно и устранялся изъ исторической науки этотъ неудобный фактъ. Мы отвѣтимъ: нѣтъ, это не исключительное явленіе, а въ крайнемъ случаѣ очень своеобразное pendant къ аналогичному, но уже безусловно типическому историческому явленію. Стоитъ только съ этой цѣлью изслѣдовать крестьянскую мораль, перелистать въ особенности многочисленныя Weistümer, эти формулировки древняго крестьянскаго права. Въ нихъ мы найдемъ тоже самое. При нѣкоторомъ терпѣніи не трудно будетъ среди нихъ найти цѣлый рядъ документовъ, гласящихъ почти дословно, какъ слѣдующій, взятый изъ бокумскаго мѣстнаго права.

«Item, мужъ, имѣющій здоровую жену и неспособный удовлетворить ея женскія права, пусть приведетъ ее къ сосѣду, а если и тотъ не въ состояніи ей помочь, то пусть мужъ ее бережно возьметъ на руки, не дѣлая ей больно, пусть опуститъ ее внизъ, не дѣлая ей больно, пусть оставитъ ее тамъ пять часовъ и позоветъ другихъ людей себѣ на помощь. А если и тогда ей нельзя помочь, то пусть онъ ее бережно подниметъ и снова опуститъ, не дѣлая ей больно, пусть дастъ ей новое платье и кошелекъ съ деньгами на пропитаніе и пошлетъ ее на ярмарку, а если и тогда ей нельзя помочь, то пусть ей помогутъ тысяча чертей».

Что это значитъ въ переводѣ на нашъ современный языкъ? Это значитъ слѣдующее. Если мужъ не въ состояніи произвести съ здоровой женой ребенка, то пусть отдастъ ее сосѣду «бракопомощнику», такому, который по его мнѣнію можетъ создать ребенка. Если и эта связь останется безплодной, то пусть онъ сдѣлаетъ этотъ экспериментъ со вторымъ и даже съ третьимъ. А если и это безполезно, то пусть ей помогутъ тысячи чертей, т. е. тогда помочь могутъ только сверхестественныя силы. Мужъ сдѣлалъ все, что требовалъ отъ него его долгъ. Его долгъ! Ибо имѣть дѣтей, быть возможно болѣе плодовитой производительницей потомства — такова первая и главнѣйшая обязанность крестьянки. Такое воззрѣніе, такая половая мораль всецѣло обусловлены крестьянскимъ хозяйствомъ, матеріальными интересами крестьянина. Ни для какого другого класса дѣти не являются такимъ важнымъ капиталомъ, какъ для крестьянина, такъ какъ они представляютъ самыя дешевыя и необходимыя рабочія руки. Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣти единственныя рабочія руки, на которыя онъ въ экономически неразвитыя эпохи можетъ расчитывать, единственныя, которыми онъ можетъ обзавестись при малой доходности его производства и потому законность ихъ является для него второстепеннымъ вопросомъ. Главное, чтобы жена производила на свѣтъ дѣтей. Если бракъ остается безплоднымъ, то жена обязана поочереди отдаться всѣмъ тѣмъ, которые по мнѣнію мужа могутъ помочь ему обзавестись дѣтьми. Какъ видно, индивидуальная любовь здѣсь совершенно отсутствуетъ, важна только половая способность мужчины, а жена разсматривается исключительно, какъ дѣтопроизводительная сила, которая въ случаѣ надобности можетъ быть отдана въ распоряженіе то одного, то другого.

Важность дѣтей для крестьянскаго хозяйства даже и въ наше время объясняетъ въ конечномъ счетѣ и болѣе мягкое отношеніе крестьянъ къ прелюбодѣянію. Крестьянинъ еще и теперь охотнѣе

всякаго другого закрываетъ глаза, если его жена выбираетъ себѣ замѣстителя — въ лицѣ крѣпкаго батрака или сосѣда, чтобы дать мужу необходимыхъ дѣтей.

На томъ же экономическомъ базисѣ основывается уже ранѣе упомянутый обычай «пробныхъ» ночей, встрѣчающійся въ разныхъ мѣстностяхъ подъ разными названіями. «Годенъ ли онъ (или она) къ любви», т. е. можно-ли расчитывать на потомство, — такая проба санкціонируется, какъ законная, крестьянской моралью.

Характерные аналогичные случаи можно встрѣтить, какъ массовое явленіе, у всѣхъ неплодовитыхъ расъ. Такъ какъ потомство и для нихъ является самымъ цѣннымъ капиталомъ, то «бракопомощникъ» у этихъ расъ такъ сказать типичная фигура и въ виду важности вопроса его дѣятельность разсматривается обыкновенно, какъ привиллегія святыхъ или пророковъ. Такой расой являются напр. эскимосы. У нихъ также охотно обращаются за помощью къ высшему духу черезъ посредство пророковъ. Въ своемъ описаніи путешествія къ сѣверному полюсу Фритьофъ Нансенъ приводитъ цѣнныя данныя, доказывающія вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ прекрасно понялъ самую сущность этого явленія. Нансенъ говоритъ:

«Седьмая заповѣдь чаще другихъ нарушается гренландцами... Цѣломудріе у нихъ не въ особенномъ почетѣ... Многіе (на западномъ берегу) не считаютъ позоромъ для дѣвушки имѣть дѣтей. Въ бытность нашу въ Готтаабѣ по сосѣдству жили двѣ дѣвушки, отнюдь не скрывавшія свою беременность. Онѣ почти гордились этимъ доказательствомъ того, что ими не пренебрегли. Относительно восточнаго берега Гольмъ также утверждаетъ, что никто не считаетъ позорнымъ для незамужней имѣть дѣтей.

Эгеде разсказываетъ, что женщины считаютъ для себя большой честью и счастьемъ вступить въ связь съ angekok'омъ, какъ у нихъ называются ученые и пророки, и прибавляетъ: «многіе мужья сами ничего противъ этого не имѣютъ и платятъ angekok'у за то, что онъ спитъ съ ихъ женами, особенно если они сами бездѣтны.

Эскимосскія жены пользуются, какъ видно, гораздо большей свободой, чѣмъ жены германцевъ. Причина, вѣроятно, коренится въ томъ, что если у германцевъ сохраненіе наслѣдства, рода и родословной всегда играло большую роль, все это для эскимосса имѣетъ очень малое значеніе, такъ какъ онъ почти ничего не имѣетъ, что могъ бы передать въ наслѣдство и для него важнѣе всего имѣть дѣтей»...

Уже достаточно исчерпывающе выяснено и доказано, что проституція, какъ массовое явленіе коренится въ соціальныхъ условіяхъ, находитъ свои побудительные мотивы въ экономическомъ базисѣ общества. Мы можемъ поэтому освободить себя отъ необходимости приводить здѣсь характерные документы, которые вновь подтвердили бы это положеніе. Разсматривать проституцію, какъ массовое явленіе, главнымъ образомъ, какъ патологическую проблему, какъ проблему прирожденной проститутки — такой методъ объясненія можетъ прельщать развѣ хвастливыхъ полуневѣждъ. Этотъ сортъ сексуальныхъ психологовъ доказываетъ только въ большинствѣ случаетъ, что они не имѣютъ никакого представленія о проституціи, какъ соціальномъ явленіи, и потому произвольно смѣшиваютъ самыя противоположныя явленія. Приведенные до сихъ поръ примѣры прямой связи между половой жизнью, нравственными нормами и матеріальными интересами могутъ служить типическими иллюстраціями. На примѣрѣ санкціонированной въ XVII в. закономъ бигаміи видно, что экономическія потребности, разъ они очень ярко сказываются, способны устранить даже наиболѣе важный постулатъ всей половой морали, основное требованіе морали — единобрачіе.

Матеріальные интересы дѣйствуютъ какъ въ важномъ, такъ и въ мелочахъ. Въ этомъ не трудно убѣдиться, если снять съ явленій тотъ покровъ, въ которомъ они появляются передъ нами и становятся доступными нашему сознанію. Доказательствомъ можетъ служить слѣдующій примѣръ. Въ XVI в. цехи обусловливали пріемъ новыхъ учениковъ удостовѣреніемъ «свободнаго и честнаго происхожденія». Ученикъ долженъ былъ доказать, что

онъ родился въ законномъ бракѣ. Въ десяткѣ описаній цехового быта или городского величія XVI в. можно по этому поводу прочесть патетическое словословіе на тему о томъ, что въ подобныхъ постановленіяхъ сказывалось «гордое нравственное самосознаніе, отличавшее честное ремесленное сословіе». Подобные указы квалифицируются, какъ «послѣдствіе повышеннаго и потому живого нравственнаго чувства», восхваляются, какъ «благородный плодъ внесеннаго въ міръ реформаціей нравственнаго обновленія». И тому подобное. Мы позволимъ себѣ возразить: все это ерунда. Мы постараемся сейчасъ доказать это. Если внимательнѣе присмотрѣться къ цеховому устройству этихъ вѣковъ, если искать въ Laden принциповъ, руководившихъ творцами при формулировкѣ цеховыхъ законовъ, то мы вскроемъ какія угодно причины, но только не «нравственное обновленіе» и не «нравственное сознаніе».

Что касается интересующаго насъ здѣсь указа, то ясно, что это нравственное требованіе базировало не на морали, а исключительно на кошелькѣ. Если цехи въ XVI в. обусловливали пріемъ учениковъ «свободнымъ и честнымъ происхожденіемъ», если въ нѣкоторыхъ городахъ они прямо требовали соотвѣтствующихъ удостовѣреній, то это дѣлалось не для того, чтобы нравственно поднять свое сословіе, а для того, чтобы обезопасить исключительность цеховъ. Такимъ способомъ хотѣли избавиться отъ пролетарскихъ элементовъ, которые въ началѣ XVI в. массами стекались въ города, гдѣ прежде всего хотѣли научиться какому-нибудь ремеслу. Этимъ путемъ хотѣли далѣе устранить грозно разраставшуюся конкуренцію — только поэтому люди вдругъ стали нравственными и косвенно провозгласили святость брака, какъ основу «честности». И въ самомъ дѣлѣ, трудно было придумать болѣе устойчивую плотину противъ грозившей конкуренціи! Удостовѣрить свое законное происхожденіе было въ тѣ времена задачей очень сложной и тѣмъ болѣе трудной, чѣмъ отдаленнѣе была мѣстность, откуда вышелъ человѣкъ. Тѣми же матеріальными интересами руководились дѣловитые и умные цеховые ма-

стера, когда «нравственное чувство» подсказало имъ объявить цѣлый рядъ ремеслъ «безчестными». Всѣмъ тѣмъ, кто происходилъ отъ нихъ, доступъ къ «честному ремеслу» былъ также запрещенъ, подобно тому, какъ эти ремесла были лишены присвоенныхъ «честнымъ» профессіямъ хозяйственныхъ привиллегій. А все это — экономическія причины. Если мастера употребляли вышеприведенныя слова о нравственномъ долгѣ цеховъ безъ задней мысли, то это ничего не мѣняетъ, а доказываетъ только, что борьба, которую они вели, и интересы, которые они отстаивали, сознавались ими не въ ихъ чистомъ видѣ, а въ переносномъ смыслѣ морали.

То же самое можно сказать о замѣчающихся повсемѣстно въ XVI в. запрещеніяхъ публичныхъ бань. До XVI в. въ посѣщеніи публичныхъ бань не находятъ ничего или почти ничего предосудительнаго. Во всякомъ случаѣ нравственное чувство не было шокировано тѣмъ, что мужчины совершенно голые, а женщины, болѣе чѣмъ голыя, такъ какъ онѣ еще украшались для этого, купались и мылись совмѣстно, развлекаясь шутками и играми, отнюдь не проникнутыми пуританскимъ духомъ. И вдругъ, въ первой четверти XVI в. замѣчается переворотъ, приводящій къ противоположному взгляду, посѣщеніе купаленъ и бань запрещается, объявляется безнравственнымъ, бани описываются, какъ вертепы порока и наконецъ одна за другой закрываются. Тамъ, гдѣ учрежденіе не закрывается, оно приноситъ все меньше дохода и собственникъ поэтому часто самъ вынужденъ отказаться отъ его веденія.

Если просмотрѣть предлагаемыя историками-идеологами объясненія этого страннаго переворота во взглядахъ, то мы находимъ у нихъ ту же ссылку, какъ и по поводу цеховой регламентаціи, на повышеніе нравственнаго самосознанія, на обновляющее вліяніе реформаціи и тому подобные моральные моменты, имѣвшіе рѣшающее значеніе. Опять таки это явная чушь. Просвѣтлѣніе пришло въ данномъ случаѣ отъ сифилиса, начавшаго на рубежѣ XV в. свое побѣдное шествіе. Рядомъ съ аналогичной причиной, о которой мы еще будемъ говорить, сифилисъ былъ

тѣмъ морализующимъ факторомъ, который превратилъ въ глазахъ современниковъ ранѣе столь симпатичный обычай купальной жизни въ адскій вертепъ порока. И это понятно. Такъ какъ среди общественныхъ развлеченій купальнаго сезона отдавалось предпочтеніе грубымъ удовольствіямъ, то проститутки поставляли естественно всегда значительный контингентъ посѣтительницъ. А такъ какъ далѣе около бани всегда находилось нѣсколько маленькихъ каморокъ, куда могли уединиться воспламенившіеся любовью посѣтители и посѣтительницы, такъ какъ баня была вмѣстѣ съ тѣмъ еще самымъ бойкимъ домомъ терпимости, то естественно онѣ становились самыми опасными очагами заразы новой страшной французской болѣзни. Яснѣе и убѣдительнѣе діалектика событій не могла внушить людямъ, что посѣщеніе бани «въ высшей степени безнравственно». Здѣсь тоже дѣйствовала экономическая причина.

Могутъ возразить, что такіе важные вопросы, какъ колебаніе цифры браковъ, степень распространенности проституціи и спроса на нее и т. д. могутъ быть въ самомъ дѣлѣ обусловлены хозяйственными интересами, но что отъ нихъ совершенно не зависятъ такія второстепенныя явленія, какъ законы приличія, моды, большій или меньшій вырѣзъ груди въ женскомъ костюмѣ, видоизмѣненія представленій о чувственной красотѣ и т. д. На это возраженіе необходимо отвѣтить, что всѣ эти, повидимому, столь второстепенныя явленія тоже безъ исключенія отражаютъ ничто иное, какъ экономическій базисъ общественнаго бытія людей и народовъ, только въ переносномъ смыслѣ, въ нѣсколько болѣе завуалированномъ видѣ, такъ что часто съ трудомъ приходится проникнуть сквозь внѣшнюю оболочку, чтобы дойти до истинной сущности явленія.

Мы и это положеніе докажемъ анализомъ нѣкоторыхъ явленій, тѣмъ болѣе, что мы при этомъ выяснимъ рядъ другихъ важныхъ выводовъ, имѣющихъ для насъ значеніе.

Такимъ важнымъ выводомъ является уже первое умозаключеніе, изъ котораго необходимо исходить. Присматриваясь къ обоснованнымъ выше примѣрамъ, нельзя не будетъ согласиться съ тѣмъ фактомъ, что никогда не слѣдуетъ разсматривать моральныя требованія, нормы и воззрѣнія просто какъ результатъ пониженнаго или повышеннаго нравственнаго чувства, а что надо вскрыть, какъ это было сдѣлано нами, послѣдніе рѣшающіе мотивы того, къ чему они собственно стремятся. А если поступать такъ, то получится главное положеніе историческаго познанія, гласящее: теорія и практика нравственнаго поведенія всегда соотвѣтствуетъ определеннымъ социальнымъ потребностямъ. Вотъ то важное и рѣшающее, то, что можно было-бы назвать имманентнымъ закономъ. Если уяснить себѣ это, то съ помощью этой новой точки зрѣнія не трудно понять, что не только главные постулаты половой морали опредѣляются матеріальными интересами даннаго общественнаго уклада, слѣдовательно являются общественной потребностью, но и многочисленныя побочныя и частныя ея области. Другими словами: всѣ эти проявленія и излученія половыхъ отношеній должны быть обслѣдованы при свѣтѣ общественныхъ потребностей.

Если мы поступимъ такимъ образомъ, то мы прежде всего натолкнемся на то важное обстоятельство, что общественныя потребности не только мѣняются съ теченіемъ времени, но и въ рамкахъ одной и той же эпохи отличаются чрезвычайнымъ разнообразіемъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ народы вступили на путь цивилизаціи, они перестали быть однородными, или они оставались таковыми только въ внѣшнихъ рамкахъ языка, распадаясь внутреннимъ образомъ на классы. Развитіе частной собственности, на которой выстраивается цивилизація, привело вездѣ съ внутренней необходимостью къ образованію классовъ и къ распаденію на классы. Въ первую голову это раздѣленіе проходитъ между имущими и неимущими. Это раздѣленіе немедленно же приняло и политическій характеръ. Выражаясь грубо: оно создало классы господствующіе, угнетенные, но стремящіеся къ власти, и отмирающіе. Каждый изъ этихъ классовъ имѣетъ свои собственные интересы, т. е. наряду съ главными жизненными интересами, свойственными всей эпохѣ, еще и

свои собственные, частные интересы, которые не только отличаются отъ интересовъ другихъ классовъ, но по большей части діаметрально имъ противоположны и потому враждебны.

Изъ этого разнообразія интересовъ во всѣ времена вытекало разнообразіе половыхъ отношеній, моральныхъ воззрѣній и постулатовъ. Это значитъ: половая мораль никогда не бывала однородной, а распадалась всегда на отдѣльныя классовыя морали, не только часто строго отличныя другъ отъ друга, но и взаимно враждебныя.

Если фактъ классоваго дѣленія общества не вызываетъ сомнѣнія, то мысль, что классовыя различія особенно ясно отражаются въ половой морали, что экономическіе интересы здѣсь имѣютъ категорическую силу, нуждается еще въ болѣе детальномъ обоснованіи. Для примѣра можно привести различный взглядъ на бракъ мастера-ремесленника и купца XVI в. Если для перваго жена — служанка-экономка, строгая, скромная хозяйка, смотрящая за порядкомъ, царящая въ кухнѣ и въ погребѣ, то для богатаго купца она — дама, служанка, воплощающая чувственное удовольствіе. Оба взгляда были обусловлены экономическими условіями существованія обоихъ классовъ.

Хозяйство ремесленника должно находиться въ порядкѣ, жена его должна быть требовательной, внушать прислугѣ уваженіе къ себѣ, заботиться объ экономіи, она должна первой вставать и послѣдней лечь, чтобы убѣдиться, все ли въ порядкѣ и на замкѣ, чтобы не грозила опасность отъ огня или воровъ. На такомъ педантическомъ порядкѣ, на такой экономіи даже въ мелочахъ, покоилось все существованіе и благосостояніе мелкоремесленнаго хозяйства и если оба эти принципа: порядка и экономіи игнорируются, или систематически нарушаются, то хозяйству ремесленника грозитъ разореніе. Эти условія существованія и отражаются въ правахъ и обязанностяхъ хозяйки, имъ все подчинено, все ея поведеніе, далекое отъ высокомѣрія и претенціозности, ея костюмъ, словомъ все. Она обязана воспитать въ такомъ же направленіи дѣтей. Жена ремесленника считаетъ для себя позоромъ поступать

въ противоположномъ направленіи, она ходитъ по улицѣ съ скромно опущенными глазами, чтобы не вызвать невѣрное представленіе о себѣ, она погашаетъ въ себѣ тщеславіе, манящее ее одѣться въ такія роскошныя одѣянія, которыя ей не по карману. Такъ является она типомъ скромной и доброй хозяйки, «честной и непорочной», и таково поэтому и содержаніе обязательнаго для нея нравственнаго закона.

Этому закону она обязана подчиняться подъ страхомъ гибели. Если она часто будетъ посѣщать танцевальныя помѣщенія или зубоскалить съ сосѣдкою, то служанка облѣнится и перестанетъ быть расторопной. Если голова ея занята амурами, то подмастерье, вмѣсто того, чтобы работать также усердно, когда мастера дома нѣтъ, воспользуется его отсутствіемъ, чтобы найти дорогу въ ея спальню. Она уже не ляжетъ послѣдней спать, а будетъ думать лишь о томъ, чтобы какъ можно чаще быть къ услугамъ любовника. Естественное тщеславное желаніе быть красивѣе всѣхъ, побудитъ ее одѣваться, какъ можно роскошнѣе. Такъ какъ въ обоихъ случаяхъ ея поведеніе или служитъ опорой или гибелью для всего существованія семьи, то обязательный для нея нравственный законъ, квалифицирующій ее или какъ скромную и добрую, или какъ плохую хозяйку, является ничѣмъ инымъ, какъ идеологическимъ выраженіемъ экономическаго базиса, на которомъ покоилось существованіе и процвѣтаніе ремесла. Тоже самое, само собой, примѣнимо и къ мужчинамъ этого класса.

Совершенно иначе обусловливалъ экономическій базисъ, на которомъ выстраивался бракъ и домашнее хозяйство зажиточнаго купца, нравственный обиходъ этого класса. Благосостояніе эмансипировало жену отъ хозяйственныхъ обязанностей. Таковъ первый результатъ. Въ этомъ классѣ хозяйство ужъ не страдаетъ въ такой мѣрѣ, если жена не сама за всѣмъ присматриваетъ, если она предоставляетъ другимъ контроль, если воспитаніе дѣтей находится въ чужихъ рукахъ. Какъ только расточительность перестаетъ быть принципіальной опасностью для существованія семьи, становясь постоянной возможностью, женщина превращается да-

лѣе въ предметъ роскоши. Таковъ всегда и вездѣ первый результатъ женской эмансипаціи. Въ этомъ отражается прежде всего растущее богатство, позволяющее мужу сдѣлать изъ жены предметъ роскоши. Для нея поэтому обязательны совершенно иные законы о правахъ и обязанностяхъ хозяйки. Она становится первымъ средствомъ, украшающимъ жизнь мужа, увеличивающимъ количество его наслажденій. Такъ какъ женщинѣ предписывается такимъ образомъ совершенно иная жизненная цѣль, то ея новая роль навязываетъ ей совершенно иныя формы обихода, и слѣдовательно, совершенно иную мораль. То, чѣмъ жена ремесленника можетъ быть для мужа только между прочимъ, — источникомъ радости — для жены купца становится властно на первомъ планѣ, становится ея первымъ долгомъ. Главное орудіе роскоши она превращается въ главное орудіе наслажденія. Она обязана доставлять удовольствіе и притомъ все сызнова, каждый день. Чѣмъ дольше и лучше ей это удается, тѣмъ прочнѣе ея господство. Роскошь должна наглядно продемонстрировать степень богатства и это положеніе имѣетъ для болѣе раннихъ эпохъ, когда еще только начинается накопленіе капиталовъ, гораздо большую силу, чѣмъ для современности. Какъ наиболѣе цѣнимый предметъ роскоши женщина можетъ эту задачу выполнить всего эффектнѣе. Такъ опредѣляется ея главная роль въ предѣлахъ ея класса: она обязана постоянно «представительствовать».

Это ея положеніе опредѣляетъ естественно всѣ ея воззрѣнія, ея языкъ, ея свѣтскія манеры, ея мысли, ея костюмъ. Для мужа она прежде всего орудіе наслажденія и даже эту свою роль она должна продемонстрировать. И потому она желаетъ, чтобы не только мужъ, но и каждый мужчина смотрѣлъ на нее, какъ на особенно цѣнимое орудіе наслажденія. «Развѣ не для этого я создана?» Таковъ тотъ вопросъ, съ которымъ къ каждому обращается покрой ея платья. И она не ограничивается вопросомъ. Демонстративно позволяетъ она каждому въ этомъ удостовѣриться, гордо выставляя на показъ свое для любви созданное тѣло, позволяя какъ можно больше при каждомъ случаѣ видѣть совершенную грудь, гибкую стройность стана, обнаруживая при помощи костюма какъ можно выгоднѣе свою вѣчную несокрушимую, наслажденье сулящую, юность. И поступая такъ, она вмѣстѣ съ тѣмъ не выходитъ за границы приличія, того специфическаго приличія, которое требуется ея классомъ. Своими выраженіями, ихъ изысканностью она подчеркиваетъ все это, и только это.

Жизнь должна быть вѣчнымъ праздникомъ — таково логическое требованіе, порождаемое состояніемъ, избыткомъ. Внѣшность женщины съ ранняго утра и до поздняго вечера поэтому дышитъ праздничностью, является такъ сказать воплощеніемъ жизни, ставшей праздникомъ. Ничто въ ней не говоритъ о будняхъ, съ ихъ заботами и пылью, все, что могло бы о нихъ напомнить, устранено изъ ея среды, она вѣчно стоитъ въ сіяющемъ праздничномъ освѣщеніи. Чтобы достигнуть этого, изъ ея жизни изгоняется все, что могло бы ослабить это настроеніе. Сюда относится и самое священное въ жизни, материнство. Какъ только экономическія условія превращаютъ женщину въ орудіе наслажденія, потребность стать матерью сама собой суживается. Рожаніе дѣтей похищаетъ женщину у общества, надолго уничтожаетъ праздничное настроеніе и — главное — вредитъ тѣлесной красотѣ. Оно преждевременно старитъ, грудь теряетъ свою соблазнительную пышность. Эта цѣль брака становится второстепенной, принимается, наконецъ, какъ неизбѣжное зло. Идеологическимъ выраженіемъ этого настроенія, какъ оно отливается во взглядахъ даннаго класса, служитъ убѣжденіе, что «неприлично» матери кормить своего ребенка, а еще неприличнѣе часто быть беременной.

Аналогичнымъ образомъ образуются, въ соотвѣтствіи съ остальными проявленіями половыхъ отношеній, и всѣ остальные взгляды. Адюльтеръ теряетъ свою социальную опасность. Женщина, ставъ прежде всего орудіемъ наслажденія, усматривающая въ любви только самыя изысканныя формы наслажденія, исполняетъ велѣнія природы ужс не въ безумномъ опьяненіи, а какъ артистка, не забывающая даже во время самой опасной игры о ея правилахъ, все дозволяющихъ и исключающихъ лишь послѣдствія, которыя

превращаютъ игру въ тяжелое иго. Теряя свою социальную опасность, адюльтеръ вмѣстѣ съ тѣмъ перестаетъ быть величайшимъ грѣхомъ. А все, что его подготовляетъ, становится высокой и цѣнимой добродѣтелью. Ловкость, съ которой женщина приковываетъ гостей къ дому, считается въ глазахъ общества выше строго нравственной сдержанности, вслѣдствіе которой пустѣетъ домъ. Первая обозначаетъ способность начать игру съ каждымъ, а высота культуры только диференцируетъ формы этой игры. Въ болѣе примитивныя эпохи игра предполагаетъ грубые жесты, въ эпохи, полярныя имъ, — утонченный флиртъ, празднующій оргіи лишь въ фантазіи.

Вотъ въ общихъ чертахъ картина того, какъ половыя отношенія и половая мораль принимаютъ разныя формы въ разныхъ классахъ сообразно измѣнившимся вмѣстѣ съ матеріальнымъ базисомъ потребностямъ. Само собою понятно, что такимъ же точно образомъ образуются понятія о приличии и нравственности у дворянина, у придворнаго, у князя (являющагося также представителемъ особаго класса съ его специфическими классовыми потребностями и интересами), у крестьянина, у духовенства, у пролетарія. Само собою понятно также, что во всѣхъ этихъ группахъ воззрѣнія мужчины на свои отношенія къ женщинѣ аналогичны воззрѣніямъ женщины на ея отношенія къ мужчинѣ.

Эти различія въ классовой морали возникаютъ сами собой, но разъ образовавшись по мѣрѣ проясненія классоваго сознанія, они санкціонируются классомъ-носителемъ и возвышаются до уровня специфическихъ классовыхъ идеологій, нерѣдко считающихся священными. Этотъ процессъ обусловливается двумя важными факторами: тенденціей къ классовому обособленію и къ классовой солидарности. Первая тенденція выдвигается обыкновенно особенно настойчиво господствующимъ классомъ данной эпохи.

Классъ, обладающій въ сравненіи съ другими классами въ государствѣ извѣстными политическими и социальными привиллегіями и потому господствующій, всегда исполненъ желанія отли-

чаться и внѣшнимъ образомъ и притомъ какъ можно очевиднѣе отъ другихъ. Онъ стремится къ тому, чтобы масса представляла себѣ его въ видѣ болѣе высокой организаціи, чтобы она видѣла въ отдѣльныхъ его представителяхъ существа высшаго порядка. Всему міру должно стать и быть ясно, что этотъ классъ стоитъ на болѣе высокой ступени человѣческой іерархіи. Разумѣется, онъ это дѣлаетъ не безъ задней мысли, а потому, что выводитъ изъ своего болѣе высокаго іерархическаго положенія свои особыя привиллегіи и прежде всего свое пресловутое право на власть. Это стало быть ничто иное, какъ его специальная общественная потребность, вытекающая изъ его историческаго положенія господствующаго класса.

Этимъ сильнымъ интересамъ классоваго обособленія во всѣ времена особенно успѣшно служили нравственныя нормы. А среди послѣднихъ въ особенности тѣ, что касаются специально половыхъ отношеній. Специальныя половыя отношенія и соотвѣтствующія имъ нравственныя установленія того или другого класса всегда служили однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ классоваго обособленія. Объявляя все то, что отвѣчаетъ его специальнымъ жизненнымъ потребностямъ, его гарантированнымъ собственностью возможностямъ наслажденія, дозволеннымъ и потому нравственнымъ, господствующій классъ провозглашаетъ въ тоже время все это недозволеннымъ и безнравственнымъ для угнетеннаго класса. Кромѣ того, онъ объявляетъ безнравственнымъ все то, что можетъ поколебать и подточить его господство. Такъ становится особая классовая мораль въ рукахъ господствующаго класса вмѣстѣ съ тѣмъ средствомъ укрѣпить свое господство надъ другими. Оно заодно средство и господства и угнетенія. Другимъ классамъ предписывается какъ нравственный законъ то, что въ интересахъ господства привиллегированнаго класса. Можно доказать сотнями историческихъ примѣровъ, что для крестьянина, ремесленника, подмастерья всегда то считалось безнравственнымъ и недозволеннымъ, что затушевывало классовое обособленіе. Подобные поступки, разъ они грозили власти командующаго класса, часто прямо ква-

лифицировались, какъ преступленія. Такъ напр. моральный кодексъ аристократіи не только разрѣшалъ, но въ извѣстныхъ случаяхъ прямо предписывалъ женщинамъ появляться публично только съ глубокимъ вырѣзомъ на груди, тогда какъ такой поступокъ со стороны жены ремесленника часто считался безнравственнымъ и запрещался ей строго контролируемой регламентаціей костюма. Безобразнѣйшая старуха-аристократка «соблюдала приличія», хотя ея тощія груди должны были вызывать отвращеніе, тогда какъ хорошенькая мѣщанка, возбуждавшая всеобщій восторгъ, обнаруживая сокровище своего корсажа, «совершала преступленіе противъ нравственности», и часто безпощадно наказывалась, если поддавалась чувству тщеславія и хоть на палецъ уклонялась отъ разрѣшенной ей магистратомъ глубины вырѣза.

Когда мелкая буржуазія въ лицѣ ремесленныхъ цеховъ все болѣе исполнялась въ XVI в. классоваго самосознанія и когда публичныя бани, гдѣ въ виду распространенности купальной жизни горожане и такъ встрѣчались каждый день, естественно становились центрами оппозиціи противъ ненавистнаго господства знати или патриціата, знатные роды, видя, что ихъ господству угрожаетъ опасность, поспѣшили объявить публичныя бани безнравственностью и запретить ихъ тамъ, гдѣ они имѣли власть. Таковъ былъ второй факторъ, покончившій вмѣстѣ съ сифилисомъ въ XVI в. съ былымъ великолѣпіемъ купаленъ и бань. Но тѣ же самые классы потомъ впродолженіи столѣтій не находили ничего предосудительнаго или достойнаго кары, если мужчины и женщины крестьянства или промышленнаго пролетаріата бывали вынуждены во время процесса работы или дома постоянно находиться въ тѣснѣйшей физической близости, если родители, дѣти, коечники обоего пола, возмужалые и полузрѣлые спятъ въ перемежку въ комнатѣ, какъ въ хлѣву, такъ что половая жизнь взрослыхъ становится для незрѣлыхъ и полузрѣлыхъ каждый день предметомъ нагляднаго обученія. Господствующіе классы въ прошломъ никогда не старались отмѣнить соотвѣтствующими указами подобное положеніе, хотя въ рамкахъ своего класса они и клеймили каждое интимное соприкосновеніе половъ. И то и другое отвѣчало ихъ интересамъ господствующаго класса, ихъ экономическимъ интересамъ и было ихъ соціальной потребностью.

Таковъ первый факторъ, обусловливающій развитіе особой классовой морали. Не менѣе важенъ второй факторъ: специфическія моральныя воззрѣнія на службѣ классовой солидарности, какъ объединяющее классовое средство.

Особыя нравственныя воззрѣнія класса становятся узами, задача которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы усилить связь между отдѣльными членами класса. То, что различаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и связываетъ, а именно тѣхъ, которые одинаковымъ образомъ уже отличаются отъ другихъ или же хотятъ отъ нихъ отличиться. То, чѣмъ люди сознаютъ себя отличными отъ другихъ, будь то соціально ниже стоящими или враждебными классами, вмѣстѣ съ тѣмъ связываетъ ихъ въ ихъ сознаніи. Это нѣчто похожее на одинаковый мундиръ или на знамя, вокругъ котораго группируются люди. И знамя это развертывается особенно демонстративнымъ образомъ, т. е. эти особыя качества преднамѣренно культивируются, различія подчеркиваются и сознательно и преднамѣренно вырабатываются. Эти различія внушаютъ прежде всего чувство солидарности. И это совершенно логично, ибо въ нихъ впервые ясно обнаруживается соціальная связь, входя въ сознаніе, какъ друзей, такъ и недруговъ. Каждое нарушеніе этихъ различій со стороны отдѣльнаго индивидуума считается преступленіемъ противъ всего класса. Это касается прежде всего всей области морали: штрейкбрехеръ кажется его борющимся товарищамъ величайшимъ преступникомъ, не меньшимъ преступникомъ является въ глазахъ другихъ фабрикантовъ тотъ, который идетъ на уступки своимъ рабочимъ. Это вѣрно и относительно мельчайшихъ подробностей въ области классовой половой морали. Такимъ путемъ и такимъ образомъ возникаютъ специфическія нравственныя установленія и понятія о приличіи. Традиціонная этика, разумѣется, этого не признаетъ. «Традиціонная этика — говоритъ К. Каутскій въ своемъ блестящемъ этюдѣ о морали — видитъ въ нрав-

ственномъ законѣ ту силу, которая упорядочиваетъ людскія отношенія. Исходя изъ индивидуума, а не изъ общества, она не замѣчаетъ, что нравственный законъ регулируетъ не отношенія одного человѣка къ любому другому, а только взаимныя отношенія людей одного и того же общества». Это значитъ: людей одного и того же класса. Чтобы освѣтить результатъ этой регламентаціи общеизвѣстнымъ, постоянно цитируемымъ примѣромъ, укажемъ на регламентацію незаконныхъ связей въ средѣ господствующаго класса.

Молодой аристократъ или буржуа, содержащій любовницу, не совершаетъ по понятіямъ своего класса безнравственности, если въ то же время въ разныхъ салонахъ, опираясь на помощь многочисленныхъ посредниковъ, ищетъ себѣ богатую и знатную невѣсту. Далѣе, онъ поступаетъ совершенно корректно, если въ тотъ самый день, когда его планы принимаютъ конкретную форму, даетъ отставку той женщинѣ, которая впродолженіи многихъ лѣтъ раздѣляла его ложе и послушно исполняла всѣ его прихоти. Если же онъ утѣшитъ эту женщину болѣе или менѣе значительной денежной суммой, то онъ поступаетъ уже совершенно по джентльменски. Съ другой стороны «счастливая невѣста», призванная занять мѣсто прежней отставленной любовницы, считаетъ совершенно естественнымъ, что тотъ самый мужчина, который, какъ ей завѣдомо извѣстно, имѣлъ многія такія незаконныя связи, который обладалъ многими и многими проститутками и кромѣ того соблазнилъ не одну замужнюю женщину, отъ нея категорически требуетъ цѣломудрія и что констатированіе ея дѣвственности для него является самымъ важнымъ, въ тотъ моментъ, когда она можетъ или должна позволить ему первое интимное сближеніе. Та же классовая мораль позволяетъ мужчинѣ презрительно бросить дѣвушку, если онъ заднимъ числомъ узнаетъ, что другой уже пользовался ея благосклонностью, что у нея есть «прошлое». Даже болѣе, онъ обладаетъ этимъ правомъ даже въ томъ случаѣ, если онъ самъ соблазнилъ эту дѣвушку и она очутилась въ «такомъ» положеніи. Его классовая мораль не обязываетъ его жениться на

дѣвушкѣ съ незаконнымъ ребенкомъ, даже въ томъ случаѣ, если онъ самъ его отецъ.

Если принять во вниманіе все сказанное здѣсь какъ о взглядахъ на половыя отношенія въ опредѣленныя эпохи, такъ и о возникновеніи разнообразныхъ спеціальныхъ моральныхъ установленій и требованій, дифференцирующихъ рѣшительнѣйшимъ образомъ основныя линіи и то распространяющихъ ихъ на цѣлые народы, то ограничивающихъ ихъ опредѣленными классами или даже кругами, если все это принять во вниманіе, чтобы отлить въ сжатой формулѣ, которую можно было бы назвать опредѣляющимъ закономъ, то изложенныя здѣсь точки зрѣнія выразятся въ слѣдующей формулировкѣ.

В о п е р в ы х ъ. Каждый общественный укладъ провозглашаетъ нравственнымъ закономъ состояніе общества, или называетъ нравственнымъ то, на чемъ покоится его существованіе, далѣе всѣ тѣ условія, которыя упрочиваютъ и обезпечиваютъ его существованіе. Съ другой стороны безнравственнымъ объявляется все то, что враждебно жизненнымъ интересамъ этого уклада, что грозитъ опасностью тѣмъ учрежденіямъ, на которыхъ онъ зиждется.

В о в т о р ы х ъ. Что вѣрно для общаго и цѣлаго, вѣрно и для частей. Такъ какъ общество никогда не представляетъ однородной величины, а всегда распадается на разные классы съ столькими же различными и другъ другу противорѣчащими интересами, то каждый отдѣльный классъ дифференцируетъ и исправляетъ установленія общей морали въ своихъ собственныхъ классовыхъ интересахъ. Другими словами: каждый отдѣльный классъ провозглашаетъ нравственнымъ то, что является идеологическимъ выраженіемъ его специфическихъ частныхъ интересовъ, а безнравственнымъ то, что имъ противорѣчитъ.

Эти положенія можно выразить также въ сжатой фразѣ такъ: нравственность является идеологическимъ отраженіемъ общихъ жизненныхъ интересовъ эпохи, дифференцированныхъ специфическими классовыми интересами.

Вотъ что можно считать закономѣрнымъ, если въ массѣ фактовъ вскрыть основное зерно. Изъ этого, конечно, слѣдуетъ, что нравственные законы не могутъ быть произвольно созданы ни отдѣльными лицами, ни цѣлыми соборами, Лютеромъ, Руссо и Кантомъ такъ же мало, какъ папой, собраніемъ морализующихъ прелатовъ или рейхстагомъ. Какъ индивидуумы, такъ и собранія могутъ развѣ только уже возникшее выразить въ сжатой пророческой формѣ и санкціонировать въ видѣ юридическихъ формулъ. Выраженія: «послѣ Лютера», «послѣ Руссо», «послѣ Канта» или «послѣ такого-то постановленія» вѣрно только въ томъ случаѣ, если разсматривать указанныя личныя откровенія или законодательныя санкціи, какъ отраженія или вершину опредѣленной исторической тенденціи, если въ нихъ видѣть слѣдствіе, а не причину.

Мы вовсе не закрываемъ глаза на то, что не въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ возможно сразу установить связь между извѣстными нравственными воззрѣніями, извѣстными своеобразными проявленіями половой жизни и соотвѣтствующими имъ общественными условіями. Эта связь не только не всегда выступаетъ открыто наружу, напротивъ часто она до того завуалирована, что рѣшающія въ конечномъ счетѣ причины могутъ быть вскрыты только обходнымъ путемъ. Часто извѣстныя воззрѣнія превратились въ привычки, продолжающія оказывать свое дѣйствіе, хотя соціальная почва, на которой они выросли, давно разрушена, хотя новыя соціальныя условія требовали бы другихъ нравственныхъ потому еще рѣдко отливаются въ кристалльно-чистую форму, что эти обусловленныя потребностями народа или класса воззрѣнія потому еще рѣдко отливаются въ кристально-чистую форму, что ихъ такъ сказать юридическая формулировка зависитъ кромѣ того еще отъ степени проникновенія даннаго общества въ сущность жизненнаго процесса. Эта сознательность находится подъ сильнымъ вліяніемъ (то задерживающимъ, то благопріятствующимъ) какъ традиціи, такъ еще больше степени напряженности тѣхъ двигательныхъ силъ, которыя живутъ въ общественномъ организмѣ. Много значитъ, переживаетъ ли общество періодъ застоя, все-

общаго упадка или напротивъ эпоху, когда человѣчество горитъ революціоннымъ огнемъ, толкающимъ его къ творчеству новыхъ формъ во всѣхъ областяхъ жизни.

Разумѣется, всѣ эти обстоятельства нисколько не ослабляютъ тѣсную связь между теоріей и практикой половой жизни и соціальными потребностями, они только затрудняютъ нахожденіе мостиковъ, ведущихъ отъ одной области къ другой и неразрывными цѣпями связывающихъ ихъ вмѣстѣ. Не слѣдуетъ закрывать глаза на то, что мысль, что нравственные постулаты являются лишь идеологическимъ выраженіемъ опредѣленныхъ общественныхъ потребностей, лишь надстройкой надъ экономическими предпосылками, будетъ вообще доказана, если удастся доказать эту связь въ главныхъ рѣшающихъ вопросахъ. И мы льстимъ себя надеждой, что доказать это намъ удалось.

Остановимся здѣсь подробнѣе еще на двухъ пунктахъ.

Очень часто различаютъ между такъ называемыми общеобязательными моральными законами и простыми понятіями о приличіи, въ которыхъ склонны видѣть лишь результатъ привычки, развивающейся къ тому же будто бы совершенно нелогическими путями. Какъ на примѣръ такой нелогически возникшей привычки указываютъ часто на противорѣчіе, сказывающееся въ томъ, что дама постыдилась бы предстать передъ мужчиной въ одной только, хотя бы до самаго подбородка застегнутой сорочкѣ, но что эта дама нисколько не устыдится выставить себя на показъ сотнѣ чувственно-жадныхъ мужскихъ глазъ въ подчеркнутой обнаженности, въ костюмѣ, утонченно обрисовывающемъ ея формы, въ глубокомъ декольтэ или въ мокромъ, плотно ея тѣло облегающемъ, купальномъ костюмѣ. Въ этомъ находятъ противорѣчіе. И, конечно, здѣсь есть противорѣчіе, но только кажущееся. Кто въ подобныхъ фактахъ находитъ непримиримое противорѣчіе, кто объясняетъ такой обычай только «модой», воплощающей лишь случайный капризъ, тотъ показываетъ, что не сумѣлъ вникнуть въ тайны дѣйствующихъ здѣсь законовъ.

Въ такихъ случаяхъ рѣчь идетъ не о противорѣчащихъ другъ

другу явленіяхъ, а о логически дополняющихъ другъ друга частяхъ одной основной тенденціи, какъ мы подробно выяснили въ другомъ мѣстѣ (см. главу о модѣ въ нашей книгѣ «Die Frau in der Karikatur). И тоже самое приложимо и къ отношенію такъ называемыхъ «обычаевъ» къ общепризнаннымъ моральнымъ законамъ. Отдѣльныя понятія о приличіи всегда — составныя части общей морали, которыя въ концѣ концовъ сливаются въ гармоническое цѣлое. Наше опредѣленіе возникновенія моральныхъ воззрѣній ясно освѣщаетъ намъ взаимоотношенія или особую сущность обѣихъ сферъ, оно приводитъ насъ къ выводу, что разнообразныя понятія о приличіи, встрѣчающіяся на каждомъ шагу, представляютъ такъ сказать переводъ общихъ основныхъ моральныхъ принциповъ на языкъ специфической классовой морали. Каждый классъ, какъ мы показали, дѣлаетъ этотъ переводъ по своему. Само собой понятно, что тотъ или другой классъ не всегда ограничивается одной только дифференціацией и исправленіемъ въ мелочахъ, а порой задается цѣлью коренного переустройства. Но объ этомъ намъ придется говорить ниже.

Таковъ одинъ пунктъ, который слѣдовало ярче подчеркнуть. Другой пунктъ заключается въ слѣдующемъ.

Можно доказать, что рядъ нравственныхъ нормъ имѣетъ общеобязательную силу, хотя, какъ выясняетъ болѣе детальный анализъ, онѣ вовсе не въ интересахъ всѣхъ классовъ. И однако было бы невѣрно, дѣлать отсюда выводъ, что будто существуютъ общеобязательные моральные законы, лежащіе внѣ классовыхъ интересовъ, или что тѣмъ не менѣе существуютъ нравственныя нормы, витающія внѣ времени и пространства надъ жизнью. Нѣтъ, эти факты говорятъ нѣчто совсѣмъ другое, а именно: специфическіе классовые моральные постулаты являются не только средствами, обособляющими классы, и не только средствами, связующими отдѣльныхъ представителей класса, но отчасти и притомъ очень цѣнными и потому всегда охотно употребляемыми средствами **классоваго господства**.

Командующій классъ данной эпохи навязываетъ, какъ общеобязательную идеологію, другимъ классамъ ту часть своей половой идеологіи, которая въ специальныхъ интересахъ его господства. И почти во всѣ времена эти идеологіи воспринимаются угнетенными классами, какъ общеобязательныя. Послѣднее можетъ показаться страннымъ и чудовищнымъ. И однако это вовсе не странно. Надо помнить, что господствующій классъ угнетаетъ другіе не только физически, т. е. въ соціальномъ и политическомъ отношеніи, но и духовно, навязывая имъ во всѣхъ духовныхъ областяхъ тѣ воззрѣнія, которыя могутъ поддержать его господство.

Тамъ, гдѣ классовое сознаніе не достаточно развито, гдѣ господствуетъ неясное представленіе о сущности вещей, люди склонны принять какъ общеобязательный законъ то, что въ дѣйствительности служитъ лишь интересамъ даннаго господствующаго класса. Такъ напр. въ извѣстныя эпохи всѣ вѣрили, какъ въ свыше установленный вѣчный законъ, что имѣть многихъ дѣтей есть добродѣтель. И однако въ извѣстныя эпохи (именно тѣ, когда этотъ законъ особенно почитался) эта добродѣтель была не болѣе, какъ важнѣйшимъ экономическимъ интересомъ командующихъ классовъ, нуждавшихся въ рабочихъ силахъ, въ солдатахъ, въ плательщикахъ налоговъ и т. д. Конечно, это никогда не мѣшало господствующему классу не считать этотъ законъ обязательнымъ для себя. «Имѣть много дѣтей» онъ для себя считалъ просто — неприличіемъ.

Въ связи съ только что изложеннымъ необходимо сдѣлать еще одно замѣчаніе о различіи законовъ половой морали для мужчины и для женщины. Подобно тому, какъ выше изложенные законы выяснили, что существуютъ различныя классовыя идеологіи, такъ объясняютъ они, что на основаніи тѣхъ же экономическихъ причинъ должны существовать и противоположныя половыя идеологіи, одна обязательная для мужчины, другая обязательная для женщины,—или по отношенію къ главному пункту,—что мужчина можетъ жить въ полигаміи, тогда какъ женщина обязана соблюдать моногамію. Выше указанные законы освѣтили истори-

ческую обусловленность этого порядка вещей, ибо вмѣстѣ съ возникшей на почвѣ частной собственности моногаміей сейчасъ же образовалось классовое дѣленіе на мужчинъ и женщинъ — первая форма классоваго дѣленія, извѣстная въ исторіи. Такимъ образомъ становится понятнымъ тотъ изумительный фактъ, что женщина во всѣ времена и у всѣхъ народовъ вплоть до нашихъ дней склонна считать это несправедливое распредѣленіе правъ и обязанностей «естественнымъ» порядкомъ вещей. Это не болѣе, какъ классовая идеологія командующаго класса «мужчинъ», навязанная имъ не только соціально и физически, но и духовно угнетаемому классу «женщинъ», какъ идеологія общеобязательная. И женщина воспринимала ее, какъ таковую, пока въ ней не пробудилось классовое сознаніе. Послѣднее проснулось въ ней отчетливо, какъ извѣстно, не раньше третьей четверти XIX в. Вотъ почему только къ этому времени и относится принципіальная критика теоріи разныхъ правъ для мужчины и женщины въ области половой морали, какъ результата мнимаго естественнаго порядка вещей.

Если еще теперь послѣ тридцати или сорокалѣтней критики существуетъ безконечное количество мужчинъ и еще больше женщинъ, осуждающихъ эту критику и считающихъ старый порядокъ вещей въ самомъ дѣлѣ «естественнымъ» и потому «вѣчнымъ», то это доказываетъ только, какъ сильно еще классовое господство мужчины, какъ мало оно поколеблено въ своемъ основаніи.

Къ тому, что мы выше обозначали словомъ «закономѣрность», необходимо прибавить на основаніи выдвинутыхъ нами факторовъ еще третье слѣдствіе, а именно тотъ пунктъ, отъ котораго мы исходили въ вступленіи: такъ какъ экономическій базисъ общества находится въ процессѣ постояннаго развитія, такъ какъ каждому новому экономическому укладу соотвѣтствуетъ иная группировка классовъ съ иными классовыми интересами и иными общественными потребностями, то каждая эпоха провозглашаетъ иные

нравственные законы и требуетъ иныхъ нравственныхъ критеріевъ. Другими словами: всякое измѣненіе общественнаго уклада должно приводить къ измѣненію постулатовъ половой морали. Это вполнѣ логично, если бы это было не такъ, то можно было бы удивляться. Этимъ объясняется то, что не существуетъ и не можетъ существовать вѣчной нравственной идеи, внѣ времени и пространства.

Изъ факта внутренней связи между экономическимъ базисомъ общества и нравственными нормами слѣдуетъ, конечно, и то, что перевороты, происходящіе въ области законовъ общественной морали будутъ тѣмъ рѣзче, чѣмъ болѣе коренной ломкѣ подвергается базисъ общественнаго уклада. Если, какъ это было въ XV, XVIII и XIX столѣтіяхъ, въ исторіи человѣчества вступаетъ совершенно новый экономическій принципъ, то должна совершенно измѣниться и мораль, какъ это на самомъ дѣлѣ и было.

Рядомъ съ этимъ существуютъ въ каждую эпоху и индивидуальныя требованія, вытекающія изъ исключительныхъ потребностей. Но они исчезаютъ вмѣстѣ съ индивидуальнымъ случаемъ. Если же половыя нормы обусловлены общественными потребностями цѣлой эпохи, то онѣ будутъ постоянно вновь появляться, пока существуютъ эти соціальныя условія. Здѣсь коренится ключъ къ объясненію того факта, что въ прежнія эпохи можно констатировать болѣе продолжительное существованіе извѣстнаго нравственнаго уклада. Прежде перевороты въ области производственнаго механизма совершались чрезвычайно медленно, поэтому и общественное бытіе долгое время оставалось неизмѣннымъ. На этомъ основаніи «нравственность», характерная для нѣкоторыхъ эпохъ мелкобуржуазной культуры, въ самомъ дѣлѣ долгое время была фактомъ. Ея сравнительно продолжительное существованіе было исторической необходимостью. По тѣмъ же причинамъ въ другія времена также долго продолжались эпохи нравственной испорченности.

Необходимо здѣсь покончить и съ тѣмъ умозаключеніемъ, которое обыкновенно выводится изъ того факта, что идеологіи—въ данномъ случаѣ нравственныя нормы — имѣютъ свою собственную

логику, что онѣ порой движутся совершенно самостоятельно, не считаясь съ измѣненіями, давно уже происшедшими въ общественномъ бытіи человѣчества. Умозаключеніе это сводится къ тому, что въ этой стадіи причина и слѣдствіе мѣняютъ свое мѣсто, что слѣдствіе становится оплодотворяющей причиной или иначе, что духъ опредѣляетъ экономику, подобно тому, какъ раньше онъ самъ опредѣлялся экономикой. Подобное предположеніе оказывается при болѣе внимательномъ изслѣдованіи совершенно неосновательнымъ. Напротивъ, при такомъ изслѣдованіи очень быстро наталкиваешься на совершенно другой фактъ, а именно, что границы, предоставленныя дѣйствительностью оплодотворяющему дѣйствію нравственныхъ идеаловъ на общественное развитіе, чрезвычайно узки.

Дѣйствительность всегда представляетъ слѣдующую картину. Нравственныя нормы, выросшія на почвѣ эпохи съ медленно развивавшейся половой моралью, упрочиваются въ той же мѣрѣ, въ какой неизмѣнными остаются экономическія отношенія, становятся слѣдовательно тѣмъ крѣпче, чѣмъ медленнѣе послѣднія мѣняются. Мораль превращается въ обычай, которому придается значеніе общеобязательнаго закона. Соотвѣтствующія воззрѣнія получаютъ характеръ самостоятельныхъ явленій, уже не слѣдуютъ за непрерывнымъ общественнымъ прогрессомъ, обусловленнымъ экономическимъ развитіемъ, а ведутъ свою самостоятельную жизнь. Эта послѣдняя часто не прекращается и тогда, когда соціальная почва уже давно стала другой.

Въ результатѣ получается, что каждая эпоха — въ особенности это касается нашего времени — богата пережитками морали, коренящимися въ совершенно иной общественной почвѣ. Но въ такіе моменты обыкновенно и прекращается ихъ оплодотворяющее воздѣйствіе на общество. Оплодотворяющимъ образомъ такіе моральные взгляды могутъ вліять только до тѣхъ поръ, пока они движутся въ направленіи главной экономической тенденціи эпохи, пока они поддерживаютъ реальные жизненные интересы общества. Въ противномъ случаѣ, противорѣча этимъ жизненнымъ интересамъ, они уже не въ силахъ преобразовать общество, не опредѣляютъ экономику, производственный процессъ, требующій иныхъ нормъ, а превращаются изъ рычага общественнаго прогресса въ его тормазъ. Подобное противорѣчивое состояніе продолжается до тѣхъ поръ, пока измѣнившееся жизненное содержаніе не приведетъ къ такимъ рѣзкимъ противорѣчіямъ, что общество вынуждено въ интересахъ своего сохраненія довести конфликтъ до крайности, до послѣдняго конца. Другими словами, подобный антагонизмъ длится всегда до тѣхъ поръ пока не завершится революціей. Въ эти моменты за бортъ выкидываются самымъ радикальнымъ образомъ изжившіяся, ставшія нелогичными, моральныя воззрѣнія и если и не возникаютъ совершенно новыя нравственныя нормы, то получаютъ жизненную силу и законную санкцію постепенно назрѣвшія моральныя необходимости. Потомъ начинается снова тотъ же процессъ. Такова та картина, которую передъ нами развертываетъ дѣйствительность. Наша точка зрѣнія, само собой понятно, не отрицаетъ воздѣйствіе нравственныхъ идеаловъ на общество, а только отводитъ этому вліянію его надлежащее мѣсто.

Изъ послѣдняго явствуетъ, какое огромное значеніе имѣютъ въ исторіи человѣчества эпохи революціонныхъ переворотовъ. Изслѣдованіе подобныхъ эпохъ даетъ намъ кромѣ того ключь къ цѣлому ряду другихъ важныхъ фактовъ, подлежащихъ здѣсь еще обсужденію.

Въ такія эпохи, когда экономическая почва общества настолько поколеблена, что все находится въ броженіи и всюду подготовляется новое, никогда не бываетъ прочныхъ моральныхъ воззрѣній. Въ такія эпохи и въ области половой жизни царитъ крайняя анархія. Наиболѣе, повидимому, незыблемые основные законы, на которыхъ выстраивается вся цивилизація, игнорируются и нарушаются самымъ чудовищнымъ образомъ. Подъ этими преступленіями нужно подразумѣвать не только замѣтное возрастаніе случаевъ супружеской невѣрности, но и массовое необузданное торжество чувственныхъ вожделѣній, пренебрегающихъ всѣми со-

ціальными инстинктами и добродѣтелями, не признающихъ даже границъ, возведенныхъ самой природой, черпающихъ высшее наслажденіе какъ разъ въ этомъ преднамѣренномъ игнорированіи ея границъ.

Эта особенность прежде всего отличаетъ классы, находящіеся въ процессѣ преобразованія или новообразованія. Распространенность и степень всеобщей извращенности зависитъ, естественно, отъ того, какіе классы и сколько классовъ находятся въ этомъ процессѣ преобразованія или новообразованія.

Эти явленія, граничащія порой съ ужасомъ, также находятъ вполнѣ свое объясненіе въ законахъ, которымъ подчинено и которымъ слѣдуетъ всякое классовое господство. При извѣстномъ своемъ развитіи это послѣднее должно привести съ внутренней необходимостью къ такимъ неотвратимымъ послѣдствіямъ. Каждый господствующій классъ стремится придать неизмѣнность извѣстнымъ моральнымъ воззрѣніямъ, которыя служатъ ему, какъ мы видѣли, важнымъ средствомъ къ власти. Также поступаютъ и консервативные классы, воплощающіе отсталыя экономическія общественныя формы, все существованіе которыхъ покоится на устарѣлыхъ соціальныхъ условіяхъ. Преслѣдуя тѣ же интересы, они категорически и послѣдовательно отвергаютъ всякія поправки, требуемыя измѣнившейся соціальной почвой.

Но, замѣтьте, только для другихъ. Сами же для себя они отвергаютъ эти поправки только въ теоріи. Они даже менѣе другихъ могутъ избѣжать вліянія измѣнившихся общественныхъ условій, такъ какъ они присвоили себѣ наилучшіе плоды происшедшей эволюціи. Неизбѣжнымъ результатомъ бываетъ пресловутая мораль съ двумя донышками, которая на извѣстной ступени развитія, въ зависимости отъ исторической ситуаціи, перекидывается или въ лицемѣріе или въ цинизмъ. Классическимъ примѣромъ перваго случая является буржуазная Англія XIX в., провозгласившая общественной моралью самую беззастѣнчивую форму нравственнаго лицемѣрія. Не менѣе классическимъ примѣромъ второго случая служитъ процессъ разложенія феодализма въ XVIII в., достигшій своей высшей ужасающей точки, какъ извѣстно, во Франціи. Какъ ни различно поведеніе, внѣшняя видимость лицемѣрія и цинизма, оба приводятъ къ одинаковымъ проявленіямъ, такъ какъ оба результатъ однихъ и тѣхъ предпосылокъ, а именно непримиримаго противорѣчія между унаслѣдованной нравственностью и реальными общественными условіями жизни. Чувственный развратъ, къ которому въ Англіи нравственное лицемѣріе привело разлагавшіеся классы, настолько же антисоціаленъ и чудовищенъ, какъ и чувственныя оргіи, въ которыхъ тратилъ свои послѣднія силы старый режимъ во Франціи. Оба ввели въ употребленіе даже ту же самую технику и тѣ же самые спеціальные пріемы разврата. Скандальная хроника современной Англіи часто упоминаетъ эротическія оргіи, въ которыхъ самое изысканное удовольствіе состоитъ въ томъ, что ни одна женщина не принадлежитъ исключительно одному участнику, а переходитъ изъ рукъ въ руки и служитъ утѣхѣ всѣхъ, съ кѣмъ ее сведетъ случай. А въ эпоху «стараго режима» оргіи bandes joyeuses, устраивавшіяся герцогами де Фронсакъ, графомъ д'Артуа и др., служили всѣмъ libertins заманчивымъ примѣромъ. Во время этихъ оргій хорошій тонъ прямо требовалъ, чтобы каждый homme supérieur предоставлялъ свою любовницу другимъ.

Всеобщее лицемѣріе или открытый цинизмъ, всегда характеризующія отмирающіе или разлагающіеся классы, достигаютъ тѣмъ большого развитія, чѣмъ свободнѣе могутъ проявляться частные интересы этихъ классовъ. Чѣмъ меньше противодѣйствія встрѣчаютъ они со стороны другихъ классовъ, чѣмъ неограниченнѣе ихъ роль въ государствѣ и обществѣ, тѣмъ откровеннѣе игнорируютъ такіе классы соціальные инстинкты, имѣющіе значеніе соціальныхъ добродѣтелей.

Разумѣется, не отъ случая зависитъ, какъ предполагаютъ обыкновенно этики, восторжествуетъ ли въ данную эпоху, въ данной странѣ лицемѣріе или цинизмъ, а, какъ уже указано, отъ различія исторической ситуаціи, служащей отправной точкой зрѣнія. Въ Англіи XIX в., какъ во Франціи XVIII ст.—

(чтобы остаться въ предѣлахъ приведенныхъ примѣровъ) послѣднимъ основаніемъ разврата являются легко нажитыя богатства. Въ Англіи этотъ развратъ долженъ былъ облечься въ плащъ самаго закоренѣлаго лицемѣрія, такъ какъ здѣсь общественный строй облекся въ форму современнаго конституціонализма, слѣдовательно на лицо всѣ гарантіи для общественнаго контроля и публичной критики, и такъ какъ здѣсь далѣе тѣ классы, которые могли бы выступить съ критикой, уже поднялись до роли опредѣляющихъ жизнь факторовъ. Во Франціи эпохи стараго режима не было ничего подобнаго, какъ разъ обратное служило здѣсь предпосылкой. Здѣсь царилъ неограниченный абсолютизмъ, исключавшій всякій исправляющій контроль и всякую публичную критику. Буржуазный укладъ жизни съ соотвѣтствующимъ ему классомъ еще только зарождался. Здѣсь поэтому и не нуждались въ вуаляхъ и плащахъ. Частные интересы, приведшіе къ атрофіи всѣхъ соціальныхъ добродѣтелей, стремившіеся исключительно къ все болѣе и болѣе утонченнымъ удовольствіямъ, могли свободно проявиться въ бѣшеномъ вихрѣ и цинизму были раскрыты широчайшія границы.

Этимъ еще не исчерпывается картина нравственнаго одичанія такихъ классовъ и эпохъ. У нихъ всегда есть еще дополняющіе ихъ антиподы, а именно въ лицѣ классовъ ими угнетаемыхъ, въ лицѣ соціальныхъ отбросовъ, тѣхъ одичалыхъ массъ, лишенныхъ также всякихъ задерживающихъ тормазовъ, ибо послѣдніе или еще не успѣли развиться или уничтожены бѣдственнымъ соціальнымъ положеніемъ.

Достаточно вспомнить о постоянно вновь всплывающихъ изъ нѣдръ люмпенпролетаріата документахъ крайней нравственной распущенности или о пресловутой «нравственности» деревни, о томъ, какъ на самомъ дѣлѣ выглядитъ «деревенская наивность».

Приведемъ одинъ примѣръ, иллюстрирующій послѣднюю. Нѣсколько времени назадъ въ одномъ изъ городовъ центральной Германіи происходилъ процессъ по поводу ложной клятвы. Обошедшій газеты отчетъ о процессѣ гласилъ:

«Тридцативосьмилѣтній Л. изъ З. прошлое лѣто поступилъ въ батраки въ пору жатвы къ одному крестьянину въ Р. Въ спальнѣ служанокъ онъ вступалъ въ половыя сношенія съ служанкой М. Послѣдняя забеременѣла и предъявила искъ о прокормленіи ребенка къ другому батраку Ф. Этотъ послѣдній указалъ на Л., какъ на другого виновника ея беременности. Во время разбирательства дѣла Л. отрицалъ свою вину подъ присягой, а служанка заявила, что Л. и батракъ К. часто находились съ ней вплоть до полуночи. Въ той же комнатѣ находятся еще двѣ кровати, гдѣ спятъ другія двѣ служанки съ ихъ любовниками. Кромѣ Л. и К. 22-лѣтняя служанка находилась въ связи еще съ Ф. У нея уже было нѣсколько незаконныхъ дѣтей. На вопросъ защитника, существуетъ ли въ деревнѣ обычай, въ силу котораго парни спятъ съ дѣвушками, свидѣтельница отвѣтила утвердительно. «Да, таковъ обычай». Л. сначала подстрекалъ ее предъявить искъ къ Ф. Батракъ К. въ свою очередь подтвердилъ, что Л. находился въ связи съ служанкой и что онъ самъ неоднократно бывалъ свидѣтелемъ этого».

Таковъ сжатый отчетъ о процессѣ. Какъ видно верхушка и низина общественнаго зданія стоютъ другъ друга. Ихъ солидарность доходитъ до того, что они предпочитаютъ одинаково тѣ же «спеціальности». Они одинаковые охотники до безпорядочнаго полового смѣшенія, до «обмѣна метрессами», и единственнымъ различіемъ является лишь неодинаковая степень утонченности ихъ пріемовъ.

Было бы непростительной близорукостью утверждать, что это документально удостовѣренное событіе представляетъ лишь исключительный случай. Служанка, о которой шла рѣчь, изрекла истину, которую можно было бы доказать сотней данныхъ: да, таковъ обычай». Это обычай, ибо это исторически обусловлено, какъ неизбѣжный результатъ той соціальной почвы, изъ которой изросла деревенская мораль, подобно тому, какъ bandes joyeuses XVIII в. представляютъ такое же неизбѣжное послѣдствіе исторической ситуаціи тогдашней Франціи.

Но какъ ни сходны въ своихъ внѣшнихъ формахъ оба эти явленія, мы дѣлаемъ изъ нихъ на основаніи вышеизложенныхъ замѣчаній противоположные выводы. Если оргіи ancien régim'а характеризуютъ вырожденіе отмирающихъ классовъ, то развратъ сельскаго люмпенпролетаріата относится къ числу тѣхъ, которые встрѣчаются въ классахъ, сознаніе которыхъ еще чрезвычайно мало развито и не привело еще къ образованію классовой идеологіи.

Удареніе лежитъ здѣсь на словѣ «классовое сознаніе», ибо въ немъ суть. Намъ уже приходилось неоднократно употреблять это слово. Изслѣдованіе вопроса о той роли, которую этотъ факторъ играетъ въ общественномъ развитіи, составляетъ послѣдній пунктъ, который подлежитъ здѣсь обсужденію.

———

Выше было указано, что специфическая классовая мораль является однимъ изъ лучшихъ средствъ классоваго сплоченія, что она является боевымъ значкомъ, ярко подчеркивающимъ принадлежность къ данному классу, тѣмъ знаменемъ, вокругъ котораго его представители собираются и группируются. Эта классовая мораль однако не возникаетъ непосредственно вмѣстѣ съ новымъ классомъ. Классовое развитіе должно уже находиться на извѣстной ступени, классъ долженъ уже сознавать себя таковымъ, понимать ясно свои интересы и свои специфическія потребности. Короче, въ классѣ должно пробудиться классовое сознаніе. Только въ этотъ моментъ (и это совершенно логично) дифференцируются такъ называемые общеобязательныя нравственныя нормы, отражающія главные интересы эпохи, въ видѣ специфической классовой морали. Пробужденіе же классоваго сознанія равносильно возникновенію классовой борьбы. Какъ только родившійся въ нѣдрахъ общества новый классъ приходитъ къ самосознанію, онъ становится сознательно въ оппозицію всѣмъ остальнымъ классамъ, стремясь выдвинуть и осуществить свои спеціальные интересы. Поступая такъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ старается вытѣснить

изъ ихъ привиллегированнаго положенія до сихъ поръ господствовавшіе классы и самому занять мѣсто командующей группы. Такъ неизбѣжно одновременно съ пробужденіемъ классоваго сознанія возникаетъ въ исторіи и классовая борьба.

Вліяніе этого фактора въ исторіи на основаніи вышесказаннаго однако еще значительнѣе. Пробужденіе классоваго сознанія является вмѣстѣ съ тѣмъ въ исторіи всегда однимъ изъ важнѣйшихъ нравственныхъ стимуловъ человѣчества. Оно до крайности поднимаетъ нравственность даннаго класса и, если рѣчь идетъ о классѣ поднимающемся, то не только его нравственность, но и всѣхъ остальныхъ, даже господствующихъ классовъ. Въ первую голову повышается естественно нравственное чувство представителей пробуждающагося класса, по слѣдующимъ причинамъ. Несправедливость господства командующаго класса, противъ которой борется поднимающійся классъ, ощущается послѣднимъ прежде всего въ области нравственности—не только половой, конечно, а общей—и именно съ этой точки зрѣнія господствующій классъ подвергается прежде всего критикѣ и обстрѣлу. Съ другой стороны любое требованіе поднимающагося класса сначала обставляется всегда нравственными аргументами. Такимъ образомъ поднимающійся классъ противополагаетъ себя господствующему именно въ области морали. Эта рѣзкая противоположность становится постепенно сознательной и съ этого момента ее стараются еще усилить. Представители новаго класса хотятъ отличаться ярко и замѣтно именно въ нравственныхъ вопросахъ и въ нравственномъ поведеніи и потому порой становятся въ демонстративную оппозицію господствующимъ моральнымъ воззрѣніямъ. Специфическая мораль становится однимъ изъ главныхъ пунктовъ программы. Усматривая въ господствѣ враждебнаго класса торжество безнравственности, подкрѣпляя свои собственныя требованія нравственными мотивами, поднимающійся классъ заявляетъ себя представителемъ истинной морали. Вотъ почему возвышающійся классъ требуетъ отъ своихъ членовъ, прежде всего, незапятнанной безупречности.

Неизбѣжнымъ результатомъ всего этого является то, что болѣе высокая форма нравственности бываетъ всегда на самомъ дѣлѣ представлена восходящимъ классомъ, новымъ классомъ, поднимающимся въ борьбѣ съ прежними господствующими силами изъ нѣдръ стараго общества. Этотъ фактъ обусловленъ еще одной причиной, получаетъ отъ нея свою историческую логику. На сторонѣ восходящаго класса всегда и болѣе высокіе политическіе идеалы. А при такихъ условіяхъ въ немъ появляется и болѣе высокая нравственность. Не только находящаяся въ распоряженіи человѣчества масса энергіи получаетъ при такихъ условіяхъ гораздо большее примѣненіе въ духовныхъ областяхъ—разъ мысль и чувства всецѣло обращены на высшіе идеалы человѣчества, они постоянно очищаются и облагораживаются.

Кто нуждается въ историческихъ доказательствахъ, тому мы можемъ указать хотя бы на эпоху эмансипаціи современной буржуазіи. Примѣръ, не оставляющій желать ничего лучшаго. Возьмемъ ли мы для сравненій исторію Англіи XVII в., Франціи XVIII ст. или Германіи XIX в., всегда мы видимъ ясно, что буржуазія, пришедшая къ самосознанію и вступившая въ борьбу съ отмирающимъ феодализмомъ, воплощала собой болѣе высокую нравственность. Это, конечно, не значитъ, что она придерживалась аскетизма въ половой области и осуждала всякую форму болѣе свободнаго любовнаго общенія. Въ эпоху своей эмансипаціи буржуазія несомнѣнно пропагандировала болѣе чувственный взглядъ на семью и бракъ и въ этомъ отчасти заключалась ея болѣе высокая нравственность. Но такъ какъ вѣчныхъ абсолютныхъ нравственныхъ нормъ не существуетъ, то этотъ фактъ и не можетъ служить обязательнымъ для всѣхъ временъ масштабомъ. Одно и то же явленіе можетъ характеризовать восходящій и нисходящій классъ.

Ограничимся однимъ примѣромъ. Имитація беременности служила въ XVI в. выраженіемъ творческихъ силъ, насыщавшихъ эпоху, тогда какъ въ эпоху второй имперіи во Франціи тотъ же самый трюкъ былъ лишь послѣдствіемъ рафинированнаго разлагавшагося общественнаго порядка. То же самое примѣнимо и къ свободнымъ половымъ отношеніямъ, у одного класса они могутъ быть слѣдствіемъ нравственнаго вырожденія, у другого, наоборотъ, выраженіемъ высокаго моральнаго развитія.

Восходящій классъ воплощаетъ собой болѣе высокую нравственность не только въ цѣляхъ педагогическихъ, въ интересахъ нравственнаго воспитанія своихъ членовъ, но и потому, что въ немъ яснѣе всего сказываются общественныя потребности данной эпохи. Такъ какъ нравственное поведеніе является для насъ въ конечномъ счетѣ всегда результатомъ экономическаго базиса общества, то тѣ классы, которые въ соціальной іерархіи представляютъ высшую ступень развитія, должны воплощать въ своей половой жизни естественно и высшую форму морали. Восходящіе классы не потому нравственнѣе—и умнѣе!—другихъ, что сдѣланы изъ лучшаго тѣста, а потому, что на ихъ сторонѣ логика исторіи, и притомъ всегда послѣднее звено исторической логики.

На основаніи этихъ двухъ причинъ специфическая нравственность восходящаго класса является вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ выше сказано, стимуломъ для нравственнаго прогресса всего общества.

———

Выше мы сказали, что намъ необходимо здѣсь прежде всего изслѣдовать и рѣшить вопросъ, всегда-ли половыя отношенія цивилизованнаго человѣчества были «такими», т.-е. по существу неизмѣнными, какъ обычно принято думать, или же можно указать на принципіальныя различія, другими словами: не измѣнялись ли онѣ соотвѣтственнымъ образомъ. Намъ кажется, что поскольку позволяютъ рамки вступленія, мы уже отвѣтили исчерпывающимъ образомъ на этотъ вопросъ.

Мы переходимъ такимъ образомъ ко второму вопросу. Измѣнятся ли въ будущемъ принципіально, фундаментально половыя отношенія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ требуетъ столько же строчекъ, сколько первый потребовалъ страницъ, или даже половины

того. Ибо отвѣтъ уже заключается въ отвѣтѣ на первый вопросъ. Также мало, какъ въ прошломъ существовали незыблемыя, неизмѣнныя состоянія,—и на основаніи тѣхъ же имманентныхъ законовъ,—можетъ застыть и современная жизнь, такъ что невозможнымъ стали бы болѣе высокія новыя формы.

Мы выяснили, что уровень развитія производственнаго механизма, степень того, какъ люди могутъ удовлетворять свои общественныя потребности, опредѣляютъ собой общественное бытіе и, слѣдовательно, также и половую мораль эпохи. А если это такъ, то дальнѣйшей эволюціи хозяйственнаго развитія, которую ни одинъ мыслящій человѣкъ не будетъ отрицать, должна соотвѣтствовать такая же безпрерывная эволюція преобразованія нравственнаго поведенія и обязательныхъ для даннаго времени нравственныхъ нормъ.

Надо прибавить, что эта эволюція будетъ не только безпрерывной, но и столь же послѣдовательной. А такъ какъ мы уже теперь въ состояніи ясно представить себѣ главныя линіи дальнѣйшаго экономическаго развитія, то мы, не попадая въ комическое положеніе легкомысленныхъ пророковъ, можемъ уже теперь сказать, каковы будутъ основныя линіи нравственныхъ нормъ будущаго, въ какомъ направленіи произойдетъ ихъ принципіальное преобразованіе.

Подобно тому, какъ эволюція привела къ болѣе высокой нравственности нашего времени, такъ приведетъ она къ еще болѣе высокой морали въ будущемъ, которое съ естественно-научной необходимостью осуществитъ тенденціи настоящаго и прошлаго.

Сколько бы ни возражали оруженосцы средневѣковой реакціи противъ такого утвержденія, мы повторяемъ, наше время воплощаетъ болѣе высокую мораль. Ибо это такъ, несмотря ни на что. При оцѣнкѣ высоты уровня вѣка слѣдуетъ исходить не изъ понятій «нравственность» или «безнравственность», являющихся всегда лишь относительными, а въ гораздо большей степени изъ направленія и удѣльнаго вѣса главной тенденціи эпохи. Пессимистамъ, толкующимъ о нравственной испорченности нашего времени, нетрудно—ограничимся однимъ примѣромъ!—доказать, что столь часто осуждаемая эпоха второй имперіи во Франціи вовсе не отличалась такой же рафинированностью въ своихъ эротическихъ наслажденіяхъ и эксцессахъ, какъ наше время, и они могутъ привести сотни примѣровъ изъ самыхъ разнообразныхъ областей. И все таки эти пессимисты неправы. Нравственность нашей эпохи все же выше... Ибо, повторяемъ, рѣшающее значеніе имѣютъ какъ самая линія движенія, такъ и степень нравственныхъ противодѣйствующихъ силъ. Никогда раньше первая не шла такъ сознательно вверхъ къ болѣе высокимъ формамъ нравственности и никогда интересы, разрушающіе и разлагающіе соціальныя обязанности, не встрѣчали такого рѣшительнаго отпора со стороны соціальныхъ добродѣтелей, какъ въ настоящее время.

Широкія народныя массы стоятъ нынѣ на такой высотѣ общаго образованія и политической морали, какъ никогда раньше. Ихъ пониманіе историческаго процесса никогда не было такъ глубоко, а ихъ требованія отъ жизни никогда не были столь внушительны, какъ нынѣ.

И въ этомъ надежныя гарантіи для будущаго.

Въ будущемъ единобрачіе станетъ наконецъ дѣйствительностью, какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ.

Эта истина осуществляется по мѣрѣ того, какъ прокладываетъ себѣ путь новый общественный укладъ, для котораго индивидуальная половая любовь, какъ связь между двумя представителями противоположныхъ половъ, уже не будетъ простой фикціей, за которой скрывается грязный расчетъ, а единственной нормальной потребностью и единственнымъ закономъ жизни. Отсюда слѣдуетъ возвышеннѣйшій выводъ, который только можетъ подсказать логика тому, кто умѣетъ вникать въ смыслъ исторіи.

Человѣчество стоитъ не въ концѣ, а въ началѣ своей исторіи и притомъ въ преддверіи истинно славной части этой исторіи.

———

Изъ фактовъ освѣщенныхъ нами, какъ имманентный законъ всего жизненнаго процесса общества, естественно вытекаютъ и сами собой условія построенія и разсмотрѣнія каждой главы о половой жизни, выстраивающейся на изложенной нами научной базѣ и слѣдовательно также нашего изслѣдованія о половыхъ отношеніяхъ и нравственныхъ нормахъ различныхъ эпохъ. Они показываютъ, какія области должны быть связаны между собой и подъ какимъ угломъ зрѣнія, а также, какимъ образомъ надо дѣлить и разъединять матеріалъ.

Такъ какъ достигнутая высота производственнаго процесса опредѣляетъ собой весь жизненный процессъ общества, слѣдовательно также и нравственныя нормы въ области половыхъ отношеній, то отсюда слѣдуетъ, что послѣднія по существу должны быть вездѣ одинаковыми тамъ, гдѣ общественный базисъ покоится на тѣхъ же экономическихъ условіяхъ. И наоборотъ, эти нравственныя нормы должны быть другими вездѣ тамъ, гдѣ благодаря измѣнившимся экономическимъ условіямъ измѣнилась и общественная почва. Не климатъ, языкъ или географическія границы обусловливаютъ собой различіе или сходство нравственности разныхъ странъ и государствъ, а высота развитія, достигнутая обществомъ, тѣ способы, которыми классы удовлетворяютъ свои потребности.

Одинаковой высотѣ хозяйственнаго развитія всегда соотвѣтствуютъ тѣ же нравственныя нормы—таковъ законъ. Нравственныя нормы, соотвѣтствующія феодализму во Франціи, должны походить по существу на тѣ, что выросли изъ феодальной почвы въ Германіи. Нравственныя нормы торговой эпохи въ Германіи должны по существу совпадать съ тѣми, которыя царили въ вѣкъ торговли въ Голландіи, и т. д. Это совпаденіе въ самомъ дѣлѣ всегда и существовало въ исторіи и притомъ въ такой степени, что нравственныя нормы разныхъ классовъ въ одной и той же странѣ, весьма разнясь другъ отъ друга, въ то же время весьма сходны даже въ мелочахъ съ нравственными нормами соотвѣтствующихъ имъ классовъ другихъ странъ. Это такъ естественно, если принять во вниманіе, что каждый классъ отражаетъ извѣстную высоту производства. Такое положеніе тѣмъ очевиднѣе, чѣмъ яснѣе восторжествовалъ извѣстный экономическій принципъ, и можетъ быть поэтому легче и лучше всего выяснено на современной намъ эпохѣ.

Нравственныя нормы современной англійской буржуазіи сходны по существу съ нравственными нормами нѣмецкой, французской, итальянской, скандинавской и русской, отличаясь въ то же время принципіально отъ нормъ, регулирующихъ половую жизнь англійскаго мѣщанства и пролетаріата, которыя въ свою очередь похожи на тѣ нормы, которымъ подчиняется половая жизнь мѣщанства и пролетаріата другихъ странъ. Между половой моралью французскаго мелкаго крестьянина и французской буржуазіи существуетъ цѣлая пропасть, тогда какъ между половой моралью французскаго и нѣмецкаго крестьянина, по сколько они воплощаютъ одинаковую высоту производственнаго механизма, различіе сравнительно небольшое.

Такъ какъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что не климатъ, языкъ и географическія границы кладутъ грань между нравственными нормами, а исключительно только экономическія условія жизни, то позволительно разсматривать вмѣстѣ страны, достигшія одинаковаго уровня хозяйственнаго развитія, включить ихъ въ рамки того же изслѣдованія, т.-е. феодальную Францію съ феодальной Германіей, буржуазную Англію съ буржуазной Франціей, Германіей, Голландіей и т. д. Нѣтъ надобности дѣлать постоянныя принципіальныя разграниченія между Германіей, Франціей, Англіей и т. д. Сопоставленіе разныхъ государствъ важно еще по другой причинѣ. Оно лучше подчеркиваетъ связь между экономикой и идеологіей. Не слѣдуетъ забывать, что существенное только тогда выступаетъ рельефно, если можно дѣлать сопоставленія, если можно сравнить, въ чемъ выражалось это существенное въ разныхъ странахъ. Только изъ противопоставленія и сопоставленія вытекаетъ послѣднее.

Конечно, никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду, что нрав-

ственные нормы страны въ данную эпоху—всегда результатъ многихъ отдѣльныхъ величинъ, или что онѣ по крайней мѣрѣ находятся подъ ихъ вліяніемъ; таковы: традиція, темпъ развитія данной страны, бóльшая или меньшая побѣдоносность даннаго экономическаго принципа и т. д. А такъ какъ эти отдѣльныя величины въ разныхъ странахъ другія, слѣдовательно разнятся между собою, то и ихъ результатъ при болѣе внимательномъ взглядѣ иной. Или другими словами: ни въ одной странѣ основной законъ времени не проявляется въ своемъ чистомъ видѣ. Буржуазная Англія получаетъ кое-что отъ абсолютистической Франціи, буржуазная Франція отъ феодальной Германіи, или еще болѣе феодальной Россіи и т. д. Но принимая во вниманіе даже всѣ эти факторы, мы все же видимъ, что такое вліяніе играетъ всегда второстепенную роль и отражается обыкновенно лишь въ мелочахъ. Принципіальная сторона остается въ главномъ все той же.

Вотъ почему такая общая рамка, объединяющая одинаковыя фазы развитія разныхъ странъ, отнюдь не приводитъ къ механическому шаблону, а напротивъ только такимъ путемъ выступаютъ ясно и отчетливо главныя пластическія линіи развитія. Если мы желаемъ реконструировать прошлое такъ, чтобы оно казалось живой жизнью, то первымъ условіемъ является именно то, чтобы ясно обнаруживались главныя линіи историческаго процесса. Только такимъ образомъ изъ мелочей составится цѣльная картина. Суть именно въ этихъ главныхъ линіяхъ, а не въ многочисленныхъ оттѣнкахъ, свойственныхъ картинѣ. Послѣдніе могутъ быть только предметомъ спеціальныхъ изслѣдованій.

Такъ какъ одновременное историческое освѣщеніе нравовъ различныхъ странъ европейскаго культурнаго міра находитъ свое оправданіе въ выше указанныхъ мотивахъ, то мы и будемъ пользоваться этимъ методомъ. Прибавимъ, что мы ограничиваемся здѣсь именно этими странами, т. е. главнымъ образомъ тѣми, гдѣ звучитъ нѣмецкая, англійская и французская рѣчь, игнорируя какъ полуазіатскія государства, въ родѣ Сербіи, Болгаріи

и Турціи, такъ и чисто крестьянскія страны, въ родѣ Венгріи и т. д.

Разсматривая такимъ образомъ различныя страны подъ общимъ угломъ зрѣнія, мы въ этомъ послѣднемъ имѣемъ заодно и исходную точку и разъединяющій принципъ. Съ одной стороны мы начнемъ изученіе новаго времени возникновеніемъ денежнаго хозяйства, съ другой — разсмотримъ различныя фазы, пройденныя до сихъ поръ этимъ экономическимъ принципомъ въ культурной исторіи Европы.

Такъ подсказывается намъ само собою построеніе нашего изслѣдованія, его планъ. Мы начнемъ съ разложенія средневѣковаго натуральнаго хозяйства и возникновенія торговаго капитала. Это вѣкъ цеховъ и господства городской буржуазіи. Мы перейдемъ затѣмъ къ эпохѣ антагонизма между старыми феодальными силами и новыми экономическими факторами, позволившими князьямъ держать одинъ классъ въ подчиненіи посредствомъ другого и восторжествовать такимъ образомъ надъ обоими. Это—вѣкъ княжескаго абсолютизма. Наконецъ, намъ остается еще изслѣдовать развитіе современнаго капитализма и окончательную ликвидацію феодализма, какъ экономической единицы, что въ однѣхъ странахъ привело къ экономическому и политическому господству буржуазіи, а въ другихъ, къ тому, что дворянство, правда, осталось политически господствующимъ классомъ, но только въ качествѣ преторіанцевъ буржуазіи. Таковы три главныя эпохи экономическаго развитія Европы со времени возникновенія денежнаго хозяйства и ихъ внѣшнее политическое выраженіе. Мы должны поэтому именно такимъ образомъ распредѣлить матеріалъ. Наше изслѣдованіе обниметъ три тома. Каждой эпохѣ будетъ посвященъ одинъ томъ, который представитъ вмѣстѣ съ тѣмъ законченное цѣлое, охватывая точно отграниченную историческую фазу развитія. Подзаголовки этихъ трехъ томовъ будутъ гласитъ: Ренессансъ, Вѣкъ галантности и Вѣкъ буржуазіи.

Чтобы придать каждому изъ трехъ томовъ законченный и цѣ-

лостный характеръ, мы должны разсмотрѣть каждую изъ этихъ трехъ хозяйственныхъ эпохъ въ ихъ полномъ объемѣ.

Этимъ уже сказано, что мы не должны дѣлить матеріалъ по строгимъ и точнымъ датамъ, стало быть приблизительно такъ: XIV до XVI ст., XVII и XVIII ст., XIX в. Это было бы дѣленіе чисто механическое и въ высшей степени неисторическое, ибо отдѣльныя эпохи постоянно переплетаются. Порой вершины двухъ противоположныхъ эпохъ стоятъ даже вплотную рядомъ.

Такъ напр. вѣкъ княжескаго абсолютизма уже достигалъ своей кульминаціонной точки во Франціи, когда въ Голландіи сѣверный Ренессансъ переживалъ свой пышнѣйшій расцвѣтъ. И тоже самое позже. Въ Англіи буржуазное общество уже мощно выстраивается, индустрія уже шествуетъ на своихъ желѣзныхъ сандаліяхъ въ то самое время, когда во Франціи и Германіи феодализмъ еще впродолженіи десятилѣтій празднуетъ свои глупыя оргіи. Необходимо здѣсь поэтому вкратцѣ точнѣе опредѣлить и обосновать, какъ мы будемъ проводить хронологическую и географическую границу, довольствуясь впрочемъ здѣсь объемомъ и границами первой фазы, составляющей содержаніе перваго тома. Разграниченіе слѣдующихъ фазъ будетъ обосновано уже въ соотвѣтствующихъ остальныхъ томахъ.

Начало Ренессанса обыкновенно относятъ къ серединѣ кватроченто (XV в.). Вся предыдущая эпоха обозначается словомъ «средніе вѣка». Конецъ Ренессанса также обычно относится къ концу чинквеченто (XVI в).

Противъ такого хронологическаго опредѣленія ничего нельзя возразить, если подъ понятіемъ Ренессансъ подразумѣвать только рамку для извѣстной эпохи въ исторіи искусства, отграниченной съ одной стороны вѣкомъ готики, съ другой — вѣкомъ барокко. Если же придавать этому термину болѣе широкое историческое значеніе, если видѣть въ Ренессансѣ проявленіе совершенно новаго культурнаго фактора — а это возможно, такъ какъ Ренессансъ давно сталъ опредѣленнымъ культурно-историческимъ понятіемъ, — если далѣе не ограничиться одной страной, а обслѣдовать всѣ страны, гдѣ этотъ принципъ облекся въ жизнь, то необходимо дату рожденія отодвинуть дальше назадъ, а конецъ отнести къ болѣе близкимъ къ намъ временамъ, т. е. необходимо включить въ это понятіе все то, что въ конечномъ счетѣ однородно.

Перенесеніе начала Ренессанса къ болѣе отдаленной эпохѣ касается прежде всего Италіи, перенесеніе его конца къ болѣе близкимъ временамъ — Голландіи и Англіи. Такое расширеніе понятія не только логично, но и неизбѣжно, какъ только уяснишь себѣ, что нужно подразумѣвать подъ этимъ словомъ, въ общеисторическомъ смыслѣ, а не спеціально въ отношеніи къ искусству. Здѣсь можно дать только самый общій отвѣтъ на этотъ вопросъ, такъ какъ мысль эта въ другомъ мѣстѣ нашего изслѣдованія должна получить болѣе детальное освѣщеніе. Въ культурно-историческомъ отношеніи Ренессансъ знаменуетъ восшествіе и побѣду совершенно новаго хозяйственнаго уклада въ исторіи европейскаго человѣчества, а именно, какъ было выше указано, возникновеніе денежнаго хозяйства, его побѣду надъ предшествовавшимъ натуральнымъ хозяйствомъ и его первое шествіе по европейскимъ странамъ. Въ политическомъ смыслѣ Ренессансъ обозначаетъ рожденіе, дѣтство и отрочество буржуазнаго міра, другими словами, возникновеніе и первый расцвѣтъ городского бюргерства.

Если первая эпоха расцвѣта бюргерства видѣла господство ремесла, т. е. цеховъ, то вторая — господство купца, ибо первымъ источникомъ накопленія капитала, первымъ его всемірно-историческимъ проявленіемъ служила торговля. Эта фаза закончилась, когда логика новыхъ силъ развилась настолько, что очутилась въ непримиримомъ противорѣчіи съ недостаточно развившейся дѣйствительностью. Въ этой стадіи были неизбѣжны новый переворотъ и новая перестановка экономическаго соотношенія силъ, что и выразилось въ развитіи княжескаго абсолютизма. Вотъ эта эпоха, отличавшаяся въ разныхъ странахъ различной степенью продолжительности и интенсивности, и заслуживаетъ въ культурно-историческомъ смыслѣ названія Ренессансъ.

Изображая этотъ процессъ хронологически и географически, мы видимъ, что онъ раньше всего начался въ средней и сѣверной Италіи и притомъ очень ясно уже въ началѣ XIII в. Здѣсь, въ царствѣ мірового господства папства, съ его городскими коммунами, впервые оказались на лицо тѣ условія, которыя привели къ торжеству новыхъ экономическихъ силъ. Къ этому перевороту столѣтіемъ позже примкнула Германія и прежде всего ея югъ и города вдоль Рейна, естественныя звенья, соединявшія Италію съ сѣверными народами и гаванями. Въ то же самое время процессъ этотъ начинается въ Испаніи, Франціи и Голландіи, позже всѣхъ примыкаетъ къ этому хороводу Англія, однако не вслѣдствіе своего островнаго положенія, какъ обыкновенно думаютъ, а потому, что здѣсь процессъ капитализаціи имѣлъ совсѣмъ иныя отправныя точки, чѣмъ на континентѣ Европы. Если здѣсь капитализмъ возникъ изъ торговаго капитала, то въ Англіи изъ капитализаціи землевладѣнія, какъ производителя самаго важнаго предмета тогдашней англійской торговли — шерсти. Вотъ почему въ Англіи буржуазное общество развивалось совсѣмъ особымъ путемъ.

Эта эпоха быстрѣе всего окончилась въ Испаніи и Франціи, гдѣ раньше всего въ силу разныхъ предпосылокъ опредѣлились условія, благопріятныя для зарожденія княжескаго абсолютизма. Въ Германіи эволюція привела къ тому же результату въ концѣ XVI в. Позже всего, а именно **въ** концѣ XVII в. пришла къ княжескому абсолютизму Голландія. А въ Англіи его въ сущности никогда не было. Побѣда, одержанная буржуазіей въ революціи 1649 г., была полная, впослѣдствіи лишь слегка испорченная компромиссомъ. Вотъ почему общественное развитіе Англіи было столь отлично отъ континентальнаго.

Терминъ Ренессансъ, употребляемый въ исторіи искусства, охватываетъ только второй актъ этой всемірно-исторической драмы, вызванное побѣдоноснымъ развитіемъ торговаго капитала отраженіе этого процесса въ сферѣ искусства. Но, какъ видно, эта грандіозная драма имѣетъ и свой первый актъ, имѣетъ свое вступленіе, равно, какъ свое послѣсловіе. Исторія искусства пользуется для ихъ обозначенія другими терминами, исторія культуры обязана охватить цѣлое, начало, середину и конецъ, все кругообразное движеніе, а не только кульминаціонную точку.

Это кругообразное движеніе первой фазы современнаго денежнаго хозяйства въ предѣлахъ европейской культуры — представляетъ рамку перваго тома нашего изслѣдованія.

II.

Идеалъ физической красоты эпохи Ренессанса.

Идеи носятъ не метафизическій характеръ, онѣ не внесены въ жизнь извнѣ, онѣ носятъ характеръ діалектическій, онѣ обусловлены всегда специфической особенностью развитія жизни. Всѣ воззрѣнія и идеи, съ которыми мы встрѣчаемся въ исторіи, только кристаллизуютъ линію развитія жизни, другими словами — общественнаго бытія человѣчества.

Таковы въ сжатой научной формулѣ основныя мысли вступительной главы. Для историко-объяснительнаго значенія этой мысли важенъ однако прежде всего вопросъ, какіе факторы обусловливаютъ линію развитія жизни? Мы уже отвѣтили на этотъ вопросъ. Этими опредѣляющими факторами являются исключительно матеріальные интересы людей. Они формируютъ и даютъ окончательное направленіе линіи развитія жизни.

Такъ какъ матеріальные интересы людей въ свою очередь находятся въ процессѣ постоянной эволюціи, въ силу постоянныхъ измѣненій въ производственномъ механизмѣ, создающихъ новыя потребности у народовъ и классовъ, или же уничтожающихъ и сокращающихъ потребности, недавно господствовавшія, то отсюда явствуетъ не затронутое нами еще послѣдствіе, весьма важное для историческаго развитія идей и воззрѣній. Оно заключается въ томъ, что принципіальные коренные перевороты существующаго производственнаго механизма непремѣнно приводятъ къ обновленію духовной жизни, иногда даже къ ея какъ бы вторичному зарожденію. (Renaissance).

Такіе принципіальные перевороты, приводящіе къ возникновенію совершенно новыхъ воззрѣній и представленій, происходятъ тогда, когда въ исторію вступаетъ совершенно новый экономическій принципъ, слѣдовательно такая форма производства, которая противоположна существующей, и которая требуетъ полнаго переустройства общественной организаціи. Въ силу послѣдней черты восшествіе новаго хозяйственнаго фактора становится революціонизирующимъ факторомъ исторіи. Этотъ факторъ видоизмѣняетъ кореннымъ образомъ общество, такъ какъ преобразовываетъ самое его основаніе, не ограничиваясь устраненіемъ нѣкоторыхъ противорѣчій, образовавшихся въ медленномъ процессѣ развитія.

Коренное преобразованіе общества состоитъ въ томъ, что вмѣстѣ съ возникновеніемъ новаго хозяйственнаго принципа образуются новые классы съ другими интересами и потому и съ новыми воззрѣніями и во вторыхъ въ томъ, что этотъ новый факторъ или разлагаетъ или соотвѣтствующимъ образомъ преобразовываетъ старые классы общества. Оба эти явленія суть неизбѣжные результаты каждой такой эволюціи и потому въ этомъ процессѣ должна измѣниться вся прежняя физіономія соціальнаго бытія людей.

На такихъ поворотахъ проходятъ пограничныя линіи культуры, знаменующія конецъ одной и начало другой эпохи. Чѣмъ послѣдовательнѣе проникаетъ въ жизнь новый принципъ, чѣмъ революціоннѣе и глубже его дѣйствіе (другими словами: разрушаетъ ли онъ старый базисъ общества по всей линіи или только частично), тѣмъ яснѣе и отчетливѣе должны выступать эти пограничныя линіи, отмежевывающія старое время, прежнее общественное бытіе людей и соотвѣтствующее имъ идейное содержаніе отъ новаго, тѣмъ ярче современность должна отдѣляться отъ прошлаго, какъ день отъ ночи или лѣто отъ зимы. Сразу ли бросается при этомъ различіе временъ въ глаза или сначала еле замѣтно, одно остается неизмѣннымъ: такія поворотныя эпохи, когда историческое развитіе достигаетъ своей высшей точки, являются революціонными періодами, причемъ революція продолжается до тѣхъ поръ, пока

новый принципъ не проникнетъ во всѣ области жизни, пока онъ ихъ не преобразуетъ до самаго основанія, не станетъ хозяиномъ міра, новымъ законодателемъ, которому всѣ сферы жизни должны органически подчиниться. Такой процессъ можетъ длиться десятилѣтія, но и столѣтія.

И не только совершенно новый видъ получаетъ картина эпохи подъ рукой новаго строителя исторіи, такія революціонныя эпохи— и это главное—представляютъ самое величественное зрѣлище, которое только можетъ дать исторія наблюдателю. Въ нихъ сконцентрированы самыя гордыя переживанія и осуществляются самыя прекрасныя мечты. Въ нихъ геній человѣчества празднуетъ свои лучшія побѣды. Съ другой стороны въ такія эпохи пораженія должны носить особенно трагическій характеръ. Позади остаются поля битвы, сохраняющія впродолженіи столѣтій свой потрясающій видъ. Все это обусловлено внутренней необходимостью и нетрудно понять.

Въ такія эпохи всегда преобладаетъ творческое начало — оно должно преобладать, какъ мы сейчасъ покажемъ — и потому такія эпохи полны величія. Величіе же — единственная красота въ высшемъ смыслѣ слова.

Каждый разъ, когда рождается новый историческій принципъ, передъ человѣчествомъ раскрываются новыя или по крайней мѣрѣ другія возможности дѣятельности во всѣхъ областяхъ. Вмѣстѣ съ этимъ расширяется горизонтъ, окаймляющій жизнь людей, и не толькс отдѣльныхъ индивидуумовъ или узкоограниченныхъ группъ. Такъ какъ все общество становится на другую почву, то расширяется горизонтъ по крайней мѣрѣ всѣхъ тѣхъ классовъ, прежнее бытіе которыхъ нарушается и разлагается. А какъ только для дѣятельности открываются новыя перспективы и новыя возможности, растутъ крылья у духа и они уносятъ его въ безграничныя дали. Въ борьбѣ съ своей эпохой познаетъ онъ ея проблемы и порой угадываетъ напередъ по сѣменамъ тѣ плоды, которые созрѣютъ лишь столѣтія спустя. Развивается воображеніе и людямъ кажется, будто раньше густой непроницаемый покровъ скрывалъ отъ взоровъ даже ближайшіе предметы.

Теперь, когда этотъ покровъ палъ, перспектива въ будущее человѣчества кажется безграничной, а вереница новыхъ видѣній, внезапно поднимающихся передъ разумомъ, — безконечной. Въ такія эпохи люди точно переживаютъ актъ всеобщаго и одновременнаго оплодотворенія и радость творчества пронизываетъ весь міръ. Каждый испытываетъ такое чувство, будтоноситъ въ своихъ нѣдрахъ будущее, новый міръ, который представляется и болѣе прекраснымъ. По всѣмъ классамъ и націямъ, порой по всей данной части свѣта проносится вѣяніе упоительныхъ весеннихъ ожиданій, полное вѣры предчувствіе будущаго, предчувствіе чего-то великаго.

Застывшая рѣка развитія внезапно снова течетъ быстрѣе во всѣхъ областяхъ и катитъ смѣло свои гордыя волны. Благоразумная осторожность, до сихъ поръ слывшая главнѣйшей добродѣтелью, становится презрѣннѣйшимъ порокомъ. Быстрота рѣшенія, смѣлость дѣйствій, отважная предпріимчивость вызываютъ величайшее преклоненіе даже въ томъ случаѣ, если онѣ граничатъ съ безумной дерзостью. Страсти разгораются и концентрируются въ грандіозныхъ размѣрахъ. Какъ ненависть, такъ и любовь не знаютъ предѣловъ. Тѣ, кто заинтересованы въ сохраненіи существующаго порядка, чувствуютъ по мѣрѣ того, какъ колеблется почва, на которой зиждется ихъ существованіе, что ихъ «священнѣйшимъ» правамъ грозитъ опасность. Они превращаются въ варваровъ, поглощенныхъ одной лишь мыслью, всѣми силами противодѣйствовать развитію новаго, хотя бы погибло все человѣчество. Не болѣе терпимы и новые классы, воплощающіе основную экономическую идею новаго времени. Восходящіе классы никогда не бываютъ сантиментальны и лицемѣрны. Они рѣшительнѣйшимъ образомъ ставятъ въ порядокъ дня свои историческія права, обрушиваясь насмѣшкой и издѣвательствомъ на своихъ фактическихъ или мнимыхъ противниковъ. Страстная, идущая до самопожертвованія любовь, пронизываетъ — въ противоположность этимъ двумъ группамъ — всѣхъ тѣхъ, кто выводитъ изъ родившагося новаго иные болѣе прекрасные идеалы для будущаго человѣчества. Въ

рядахъ этихъ лицъ возникаетъ прекраснѣйшая изъ всѣхъ социальныхъ добродѣтелей — безкорыстное чувство солидарности, съ восторгомъ приносящее личность въ жертву дѣлу.

Изъ столкновенія этихъ противоположныхъ тенденцій родятся самыя страшныя формы классовой борьбы, обыкновенно жуткой въ своемъ общемъ процессѣ, ужасной въ своихъ подробностяхъ, и все-таки прекрасной, такъ какъ рѣчь идетъ о цѣломъ, о судьбѣ всего міра, и потому дышащей величіемъ.

Въ такія эпохи унаслѣдованные предразсудки обыкновенно смѣло опрокидываются. Такъ какъ старое кажется превзойденнымъ, то все, связанное съ нимъ, ощущается, какъ ложь, и потому все, что носитъ печать традиціоннаго, освященнаго лишь бременемъ, заранѣе встрѣчается сомнѣніемъ и издѣвательствомъ. Всѣ существующія отношенія и учрежденія подвергаются критикѣ. Такъ какъ подъ напоромъ эволюціи падаютъ самыя горделивыя твердыни прошлаго, воздвигнутыя, казалось, для вѣчности, то всякій авторитетъ колеблется и теряетъ прежнее довѣріе, уваженіе и любовь. Все существующее должно доказать свое право на существованіе и, когда оно не выдерживаетъ критики новаго, надъ нимъ безпощадно произносится смертный приговоръ.

Это справедливо въ первую голову относительно установленій, регулирующихъ половую жизнь людей, ибо въ этой области они прежде всего чувствуютъ гнетъ традиціонной морали.

Насколько смѣлы подобныя эпохи въ уничтоженіи и разрушеніи, настолько же отважны и величественны онѣ въ творчествѣ. Продуктивность повышается въ грандіозномъ масштабѣ. О творческой продуктивности эпохи Шекспира Г. Брандесъ говоритъ въ своей книгѣ о Шекспирѣ:

«Въ наши дни, когда на англійскомъ языкѣ говорятъ сотни милліоновъ людей, нетрудно сосчитать англійскихъ поэтовъ. А тогда въ странѣ насчитывалось около трехсотъ лириковъ и драматурговъ, творившихъ чрезвычайно продуктивно для публики, не превышавшей численно современную датскую, ибо изъ пяти милліоновъ населенія четыре были безграмотны. Но способность писать стихи

была среди тогдашнихъ англичанъ такъ же распространена, какъ среди современныхъ нѣмокъ умѣніе играть на рояли».

Повсюду воздвигаются новыя скрижали, закладывается новый фундаментъ для болѣе великолѣпнаго общественнаго зданія. Вмѣсто того, чтобы починять самыя ветхія мѣста, предпочитаютъ строить сызнова. Никакая задача, какъ бы она ни была грандіозна и фантастична, не кажется индивидууму и обществу слишкомъ большой и опасной, ибо мысль и чувства всѣхъ получаютъ универсальный характеръ, каждый сознаетъ себя положительно великаномъ, хочетъ все охватить своей волей, все познать, сокрушить всякое противодѣйствіе, все себѣ подчинить. Таковы отличительныя черты каждаго въ отдѣльности и цѣлыхъ классовъ и народовъ, ибо такова физіономія эпохи. Къ вещамъ и людямъ предъявляются самыя высокія требованія, претензіи всѣхъ безграничны и безмѣрны.

Вотъ почему преимущество дается всегда зрѣлости, она пользуется особеннымъ почетомъ какъ въ области физической, такъ и въ области духовной. Не обѣщающій юноша, не дѣвушка, похожая на нераспустившійся бутонъ, цѣнятся выше всего въ такія эпохи, а мужчина, находящійся въ зенитѣ своей силы, творящій, и женщина, достигшая вершины развитія, понимающая. Мужчина долженъ быть заодно и Апполономъ и Геркулесомъ, женщина — Венерой и Юноной.

Такія эпохи смѣлы не только въ своихъ стремленіяхъ, а въ противоположность другимъ періодамъ, не менѣе могучи и въ осуществленіи своихъ стремленій. Воля и дѣйствіе идутъ рука объ руку. Въ такія эпохи совершалось всегда все то глубочайшее и высочайшее, что грезилось и представлялось человѣческому генію. Совершенство индивидуальнаго творчества такъ же велико, какъ богатство новыхъ идей и образовъ. Каждое дыханіе эпохи исполнено творческой силы и никогда у нея не отнимается дыханіе. Къ тому же каждая задача, которую ставятъ себѣ люди такихъ эпохъ, граничитъ съ героическимъ, ибо въ каждой дышетъ вся огромная энергія времени и кажется, будто само время незримыми

руками участвуетъ и въ самомъ мелочномъ. Все, что создается въ такія эпохи, носитъ поэтому печать вѣчной цѣнности.

Это, конечно, не значитъ, что въ такія эпохи создается безусловно лучшее, такъ какъ высота достигаемаго зависитъ отъ тѣхъ средствъ, которыми располагаетъ эпоха для разрѣшенія вставшихъ передъ нею проблемъ, зависитъ отъ степени зрѣлости и высоты предшествующей эпохи. Вмѣстѣ съ совершенствомъ и обиліемъ средствъ, ожидающихъ примѣненія, растетъ смѣлость и энергія людей, растетъ сумма твореній эпохи. Если же наслѣдіе прошлаго примитивно и неразвито, то ея созданія остаются лишь смѣлыми обѣщаніями и столь же смѣлыми дерзновеніями. Масштабъ для оцѣнки можетъ быть поэтому только относительнымъ и все-таки позволительно сказать, что все въ такія эпохи шествуетъ на высотахъ совершенства.

Такова сущность эпохъ, когда на историческую сцену выступаетъ новый хозяйственный принципъ, совокупность всего этого дѣлаетъ такія революціонныя эпохи столь величественными. Только филистеръ, дорожащій прежде всего своимъ «покоемъ», чувствуетъ при видѣ нихъ трепетъ ужаса. Тотъ же, кто еще видитъ на пути человѣчества прогрессивные идеалы, не можетъ наглядѣться на чудеса такихъ эпохъ и смотритъ всегда съ затаенной завистью на тѣхъ людей, которымъ посчастливилось жить въ такую эпоху, ибо они видѣли и достигли вершины жизни, взбираться на которыя составляетъ высшее счастье, доступное человѣчеству.

Всякій, кто сознательно идетъ впередъ, лелѣетъ при этомъ горячую мечту, желаніе, чтобы вновь настало такое время, и какъ можно скорѣе, потому что тогда человѣчество вновь осуществитъ ослѣпительныя чудеса и откровенія, болѣе даже величественныя, чѣмъ тѣ, которыя раньше озарили міръ. Средства, при помощи которыхъ будущее человѣчество разрѣшитъ свои новыя проблемы, будутъ и абсолютно и относительно гораздо болѣе развитыми и богатыми.

Тогда будутъ даны предпосылки для самаго грандіознаго творчества, ибо новое время встрѣтитъ классъ, сознательно и обдуманно подготовлявшій величайшія цѣли и въ его рядахъ будетъ стоять уже не одинъ Гуттенъ, а сотни тысячъ. И тогда снова «жить» станетъ «радостью» и при томъ величайшей.

Такой эпохой былъ Ренессансъ.

Другими словами, все здѣсь сказанное и описанное осуществилось въ рамкахъ европейской культуры, когда въ XIV и XV вв. на историческую сцену вторично выступилъ новый экономическій факторъ — развитіе товарнаго производства и обусловленное имъ денежное хозяйство — и завершилъ собой средніе вѣка*). Завершая средніе вѣка, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ началъ новую эпоху, которая впродолженіе двухъ столѣтій переросла заключенное въ рамки деревенской общины крестьянское и ремесленное производство, привела къ смѣлой предпріимчивости міровой торговли и положила первый камень для современнаго капитализма.

Революціонное значеніе Ренессанса остается внѣ всякаго сомнѣнія. Это была величайшая революція, которая извѣстна новѣйшему времени. Она была грандіозна не только по своему объему и продолжительности, но и по своему глубокому значенію, ибо она охватила всю цивилизованную Европу, кончилась не раньше, чѣмъ новый принципъ, воплощенный въ ней, проникъ побѣдоносно во всѣ сферы жизни, и открыла собой величайшую эпоху европейскаго человѣчества послѣ паденія античнаго міра.

Она — исходная точка новой исторіи человѣчества.

Вмѣстѣ съ ней родилось величайшее благо культуры: нація и національный языкъ. Раньше не существовало ни того, ни другого

До этой эпохи государства представляли собой не болѣе, какъ дикій сбродъ безчисленныхъ и въ большинствѣ случаевъ другъ другу враждебныхъ группъ интересовъ и были поэтому лишь очень слабо сплочены. Небольшая по объему марка, основная со-

---

*) Первое выступленіе денежнаго хозяйства на историческую сцену относится къ античному міру.

ціальная единица среднихъ вѣковъ, охватывавшая часто одну или въ лучшемъ случаѣ нѣсколько сосѣднихъ деревень, была тогда цѣлымъ міромъ. Кто не былъ членомъ этой маленькой общины, былъ безправенъ и считался чужимъ. Все, что относилось къ другой маркѣ, казалось заграницей, принадлежало къ другому міру, къ которому вели лишь очень примитивные мосты, и къ которому обыкновенно относились враждебно. Каждый изъ этихъ другихъ міровъ имѣлъ свои интересы, къ которымъ въ лучшемъ случаѣ относились равнодушно, такъ какъ они оставались непонятными, но также часто противъ нихъ ополчались враждебно, такъ какъ они грозили опасностью.

Основной чертой средневѣковой духовной структуры была поэтому чрезвычайная узость, обнаруживавшаяся во всѣхъ областяхъ. Даже языкъ не служилъ объединяющимъ началомъ для отдѣльныхъ мѣстностей, разъединенныхъ столькими же діалектами, и эти діалекты также упрямо почитались, какъ границы марки. И даже уже на небольшомъ разстояніи эти мѣстныя нарѣчія звучали такъ же непонятно, какъ чужая рѣчь. Въ каждой странѣ говорили на тысячѣ различныхъ языковъ. Только въ очень критическіе моменты сосѣднія марки проникались общими интересами, но какъ только исчезали принудительныя причины объединенія, всѣ также быстро разбѣгались въ разныя стороны.

Такое положеніе вещей обусловливалось экономической базой среднихъ вѣковъ. Средніе вѣка жили натуральнымъ хозяйствомъ. Продукты производились только для собственнаго потребленія и обыкновенно каждый производилъ все нужное для жизни: пищу, одежду, жилище, орудія труда. Кругъ лицъ, которымъ исчерпывалась частная и общественная дѣятельность каждаго, состоялъ изъ производителя и его семьи, общины, къ которой онъ принадлежалъ, и развѣ еще феодальнаго сеньора, отъ котораго онъ зависѣлъ, какъ данникъ. Въ предѣлахъ этого круга удовлетворялись всѣ потребности и отъ продуктивной силы этого круга зависѣли послѣднія. Феодалъ взамѣнъ дани предлагалъ защиту противъ всякихъ враговъ. Такой общественный порядокъ, покоющійся

всецѣло на изолированности и территоріальной замкнутости сравнительно небольшихъ группъ, можетъ въ своемъ идейномъ отраженіи отвести лишь очень второстепенное мѣсто общимъ воззрѣніямъ, объединяющимъ отдѣльные элементы. Такъ напр. при подобныхъ условіяхъ не можетъ быть мѣста желанію взаимныхъ сношеній и потому тогда и не существовало шоссейныхъ дорогъ. Не было на лицо общественной потребности, которая побудила бы къ ихъ постройкѣ, предполагавшей совмѣстную дѣятельность многихъ. Съ другой стороны узость интересовъ отдѣльныхъ формацій должна была неминуемо углубить и увѣковѣчить малѣйшій антагонизмъ интересовъ. Всѣмъ этимъ объясняется продолжительное господство натуральнаго хозяйства. Тамъ, гдѣ ему содѣйствовали къ тому же еще географическія условія, разъединяющія рѣки, горы и болота, отдаленность отъ всякаго естественнаго сообщенія и т. д., оно отчасти сохранилось даже и до нашихъ дней.

Эта идиллія, въ которой впрочемъ не было ничего идиллическаго въ томъ смыслѣ, какъ это понимали архаизирующіе романтики, могла держаться долго еще и потому, что она постоянно изъ себя создавала тѣ условія, которыя ее упрочивали. И все-таки она не могла продолжаться вѣчно, а должна была рухнуть, когда враждебные ей элементы, ею же и созданные, достигли извѣстной высоты развитія. Этимъ враждебнымъ натуральному хозяйству факторомъ, который въ концѣ концовъ и разложилъ его, была естественная тенденція раздѣленія труда, стремившаяся все къ болѣе простымъ формамъ, приведшая сначала къ образованію самостоятельнаго ремесла, а потомъ къ возникновенію торговли. Въ силу этой эволюціи ремесло стало новой силой рядомъ съ старой и къ тому же призванной побѣдить послѣднюю. Тенденція къ раздѣленію труда, разумѣется, естественное явленіе, всюду возникающее само собой, ибо она выражаетъ фатальное слѣдствіе всегда и вездѣ существующаго стремленія упрощать процессъ труда, чтобы сдѣлать его раціональнѣе.

Первой формой раздѣленія труда всюду было разграниченіе

производительнаго отъ непроизводительнаго труда, т. е. перенесеніе обязанности защиты на опредѣленные элементы организаціи съ тѣмъ, чтобы остальные могли посвящать себя своей производительной работѣ, какъ можно безопаснѣе и спокойнѣе. Чѣмъ больше въ теченіи вѣковъ человѣкъ становился господиномъ надъ своими орудіями труда, чѣмъ ловчѣе онъ ими управлялъ, тѣмъ дальше шло раздѣленіе труда во всѣхъ областяхъ производительнаго труда, такъ какъ этимъ путемъ всюду повышались его результаты.

Такъ возникло въ концѣ концовъ самостоятельное ремесло.

Такъ какъ его продукты постепенно стали превосходить потребности личности и цеха, то явилась необходимость въ обмѣнѣ излишка продукта съ другими группами, которая привела къ возникновенію рынковъ, ставшихъ естественными узловыми пунктами сообщенія. Одновременно съ этими возникла необходимость ихъ охраны отъ разбойничьихъ нападеній. Накоплявшіяся въ этихъ мѣстахъ сокровища постоянно возбуждали аппетитъ какъ окрестныхъ жителей, такъ и чужихъ народовъ, а въ мѣстахъ, лежавшихъ на судоходныхъ рѣкахъ, также и морскихъ пиратовъ.

Такъ деревня должна была превратиться въ городъ.

Первоначально обмѣнивались только излишкомъ продуктовъ, обмѣнивали товаръ на товаръ. То была подготовительная эпоха, конецъ среднихъ вѣковъ. По мѣрѣ повышенія производительности труда, по мѣрѣ постояннаго роста ремесла, люди стали уже производить спеціально для обмѣна, т.-е. ради торговли.

А этотъ фактъ сдѣлался рѣшающимъ, онъ разграничилъ новое время отъ среднихъ вѣковъ, вмѣстѣ съ нимъ на историческую сцену выступилъ самый революціонный факторъ міра — деньги.

Деньги были тѣмъ необходимымъ средствомъ обмѣна, въ которомъ нуждалось товарное производство и оно поэтому и выдвинуло ихъ. Эпоха натуральнаго хозяйства, производившая только для собственнаго потребленія или для ограниченнаго круга членовъ общины, не нуждалась въ такомъ средствѣ обмѣна. По-

дать феодалу платилась также натурой, такъ какъ ею выражалось въ принципѣ только то, что крестьянинъ исполнялъ въ сущности только работу феодала и его слугъ, которую они сами, занятые защитой и охраной, не могли исполнять.

Деньги и разложили, а потомъ уничтожили средневѣковую феодальную форму производства.

Чѣмъ больше развивался товарный обмѣнъ, тѣмъ большей силой становились деньги. «Деньги были такимъ товаромъ, который каждый бралъ и въ которомъ каждый нуждался, за который все можно было получить, все, что могла предложить феодальная форма производства: личныя услуги, жилище, пищу, а кромѣ того и безчисленное количество предметовъ, которые дома не производились, которые становились все болѣе насущной потребностью, и которые можно было получить только за деньги. Классы, пріобрѣтавшіе денежное богатство, производившіе товары и торговавшіе товарами, достигали все большаго значенія. Цеховой мастеръ, котораго ограничительные законы принуждали имѣть только извѣстное количество подмастерьевъ и который не могъ поэтому особенно разбогатѣть, скоро остался позади купца, жажда обогащенія котораго была безмѣрна, капиталъ котораго не имѣлъ границъ, и—что для него было особенно пріятно—доходъ котораго былъ чрезвычайно великъ».[1])

Но еще важнѣе было слѣдующее.

Здѣсь совершилось то, что выше мы опредѣлили, какъ самое главное. Вмѣстѣ съ новымъ принципомъ—торговлей,—выраженіемъ и революцинизирующимъ средствомъ котораго были деньги,—на историческую сцену выступила такая форма производства, которая подтачивала не только отдѣльные пункты старой почвы, на которой стояло общество, а вся эта прежняя почва исчезла, общественное бытіе людей получило совсѣмъ иной базисъ и совсѣмъ новые корни.

А вмѣстѣ съ этимъ наполнились совсѣмъ инымъ содержа-

[1]) К. Каутскій: Томасъ Морусъ.

ніемъ всѣ мысли и чувства людей. Всѣ воззрѣнія и идеи коренньшъ образомъ измѣнились.

Товарное производство создало въ лицѣ купца совсѣмъ новый классъ, первую форму современной буржуазіи, и до основанія измѣнило бытъ всѣхъ остальныхъ существовавшихъ классовъ. Этимъ путемъ въ исторію вошли совсѣмъ новыя идеологіи и совершенно новыя силы. Достаточно указать на одинъ яркій примѣръ.

Такъ какъ производство для личнаго потребленія ограничено опредѣленными узкими границами, то индивидуальная энергія средневѣковыхъ людей находила лишь скромный стимулъ развитія и духъ ихъ не отличался особеннымъ полетомъ. Иначе обстоитъ дѣло въ эпоху товарнаго производства, приведшаго къ міровой торговли. Здѣсь уже не было границъ. Отдѣльная личность и все общество приводятся въ движеніе самыми сильными стимулами, все постоянно и сызнова вспыхиваетъ и разгорается, все стремится къ безграничнымъ ширямъ и далямъ. Духъ человѣческій старается превзойти самого себя, перелетѣть черезъ преграды, воздвигнутыя дѣйствительностью. Родился совершенно новый человѣкъ съ совершенно новыми взглядами. Изъ коллективиста онъ превратился въ индивидуалиста и прежде всего въ—стяжателя.

Движеніе это началось ранѣе всего въ Италіи. Первые его зародыши мы находимъ при томъ въ южной Италіи, гдѣ въ средніе вѣка начались первыя торговыя сношенія между Востокомъ и Европой. Греки и сарацыны сначала напали на итальянцевъ, потомъ—старая исторія!—навязали имъ свои товары, преимущественно шелкъ и пряности. Тогда впервые зародилась морская торговля и прежде всего съ Константинополемъ. За южной Италіей послѣдовала Италія сѣверная, а затѣмъ одна за другой Испанія, Франція, Германія, и т. д. Ибо всюду потребности приводили къ товарному производству и всюду торговля въ концѣ концовъ становилась міровой, выводя европейское человѣчество шагъ за шагомъ за предѣлы средневѣковья.

Кульминаціоннымъ пунктомъ этого революціоннаго переворота были XV и главнымъ образомъ XVI ст. Если треченто и кватроченто являются вездѣ еще только періодомъ предчувствія, эпохой, когда надъ всѣмъ міромъ проносилось вѣяніе весны, то чинквеченто всюду сдѣлалось вѣкомъ величайшихъ осуществленій. На его рубежѣ поднимаются грандіознѣйшіе документы творчества. Достаточно вспомнить великолѣпныя откровенія искусства. Въ эту эпоху во всѣхъ странахъ, во всѣхъ областяхъ искусства, было создано самое зрѣлое и прекрасное, литература обогатилась глубочайшими и эффектнѣйшими произведеніями, живопись заблистала самыми дивными красками, пластика—самыми совершенными формами, архитектура—самыми грандіозными линіями.

Достаточно вспомнить—чтобы привести еще одинъ примѣръ—разнообразныя открытія, эти могучія послѣдствія предпріимчиваго купеческаго духа. Потребность растущаго капитализма въ драгоцѣнныхъ металлахъ и въ рынкахъ для сбыта создала смѣло и отважно великій вѣкъ географическихъ открытій. Открытіе новыхъ материковъ и новыхъ морскихъ путей сдѣлалось могучимъ рычагомъ быстраго развитія. Цивилизованное человѣчество по всей линіи переступило естественныя границы Европы. Если церковь была универсальна, то капиталъ, всюду стремившійся дѣлать дѣла и забирать прибыль, становился космополитичнымъ подъ знакомъ міровой торговли. Онъ хотѣлъ осчастливить своими доходными дѣлами не только католическое, но и все платежеспособное человѣчество. Былъ ли человѣкъ свреемъ, язычникомъ или христіаниномъ было для капитала въ началѣ его развитія столь же безразлично, какъ и нынѣ, лишь бы съ человѣкомъ можно было обдѣлать выгодное дѣло.

Въ то же время въ Европѣ капитализмъ создалъ такою же могучею рукою національное государство и національный языкъ, что только повидимому противорѣчитъ его космополитической тенденціи. Интересы торговаго капитала дѣйствовали объединяющимъ образомъ въ направленіи образованія государствъ по-

тому, что онъ имѣлъ интересы прямо противоположные какъ феодальной знати съ ея децентралистическими тинденціями, такъ и вообще всему феодальному обществу. Торговый капиталъ преслѣдовалъ безусловно централистическія цѣли. Прибыль купеческаго капитала была тѣмъ выше, чѣмъ болѣе сильная центральная власть стояла за его спиной и могла защищать на чужбинѣ честь его страны, т. е. его торговые интересы, требованія и притязанія. Купечество,— а съ нимъ и города, представителемъ которыхъ оно было—всегда становились на сторону княжеской власти, находившейся также повсюду—въ одной странѣ въ большей, въ другой—въ меньшей степени, смотря по предшествовавшему развитію—въ борьбѣ съ децентралистической феодальной знатью.

Такъ какъ интересы торговаго капитала были однородны, одинаковы по всей линіи, то они и должны были восторжествовать побѣдоносно по всей линіи. Съ другой стороны борьба между крѣпнувшимъ княжескимъ абсолютизмомъ и защищавшимъ свои частные интересы мелкимъ дворянствомъ должна была также по всей линіи окончиться побѣдой абсолютизма и пораженіемъ феодальной знати, представлявшей исторически отсталый экономическій принципъ. Такова была логика исторіи. Такъ какъ послѣдняя всюду безъ исключенія приводила къ торжеству абсолютизма, то это было вмѣстѣ съ тѣмъ равносильно безпрерывному возникновенію и росту сплоченныхъ національныхъ государствъ въ противоположность слабо спаеннымъ и внѣшне безсильнымъ государственнымъ организмамъ, соотвѣтствовавшимъ средневѣковому способу производства, существовавшимъ повсюду въ эпоху феодализма. Образованіе національныхъ государствъ, происходящее въ этотъ періодъ, является такимъ образомъ исключительно результатомъ экономическихъ интересовъ торговаго капитала.

Вмѣстѣ съ возникновеніемъ національныхъ государствъ долженъ былъ развиться и національный языкъ. Въ эпоху феодализма, какъ было уже упомянуто, языкъ распадался на сотни діалектовъ соотвѣтственно разнообразнѣйшимъ экономическимъ условіямъ отдѣльныхъ мѣстностей. Мѣстное нарѣчіе было во многихъ отношеніяхъ продуктомъ специфической экономической структуры отдѣльныхъ мѣстностей, слѣдовательно обособленности ихъ общественнаго бытія. Вмѣстѣ съ возникновеніемъ сплоченныхъ націй изъ діалектовъ долженъ былъ развиться единый національный языкъ, какъ выраженіе общихъ экономическихъ интересовъ этого новаго коллектива. А разсадникомъ національнаго языка должны были вездѣ стать—и въ самомъ дѣлѣ стали—крупные города, какъ тѣ мѣста, гдѣ сосредоточивалась та сила, которая приводила къ образованію государствъ.

Возникновеніе національнаго государства и національнаго языка были наиболѣе важными результатами переворота, происходившаго съ XIV по XVI в.

Такова общая физіономія эпохи, основная тенденція Ренессанса.

Кто желаетъ понять Возрожденіе не только въ его основной сущности, но и въ его глубокихъ противорѣчіяхъ, сразу бросающихся въ глаза каждому, кто занимается этой эпохой, тотъ не долженъ удовольствоваться этими общими линіями, а обязанъ вникнуть въ детали. И эти детали въ особенности важны, когда рѣчь идетъ о правахъ эпохи. Огромныя противорѣчія общественнаго бытія оказали глубочайшее вліяніе на мораль вѣка и создали здѣсь картину, полную величайшихъ противоположностей.

Мы уже знаемъ, что существенное значеніе для вопроса, въ какой степени новая эпоха можетъ разрѣшить стоящія передъ ней проблемы, имѣютъ тѣ средства, которыми она располагаетъ. Другими словами, результаты, которыхъ можетъ достигнуть эпоха въ своемъ безпрерывномъ движеніи впередъ, обусловлены въ конечномъ счетѣ наслѣдіемъ, которое ей оставлено исторіей, степенью общаго историческаго проникновенія, съ которымъ ей приходится считаться. Это такъ понятно.

Если даже вмѣстѣ съ новыми интересами возникаютъ всегда

и новыя идеи, облекаясь въ конкретныя формы, то онѣ сначала выступаютъ подъ покровомъ стараго времени. Новыя битвы происходятъ въ старой одеждѣ и отъ узости или широты этихъ старыхъ одеждъ логически зависитъ, какъ легко и какъ далеко можетъ въ нихъ двигаться впередъ новая эпоха. А средства, встрѣченныя тогда на своемъ пути новой эпохой для разрѣшенія своихъ насущныхъ задачъ, были чрезвычайно мало развиты, ибо то были средства феодальнаго времени, въ большинствѣ случаевъ очень примитивныя.

Уже изъ одного этого слѣдуетъ, что успѣшному творчеству надъ стоявшими передъ эпохой проблемами мѣшали непреоборимыя препятствія и что, при всемъ величіи и при всей грандіозности достигнутаго, ея результаты были все же отрывочны и неполны. И если это отрывочное и половинчатое тѣмъ не менѣе производитъ такое горделивое и величественное впечатлѣніе, то это только доказываетъ, какъ безмѣрны были силы, освобожденныя и пущенныя въ оборотъ новымъ экономическимъ принципомъ.

Даже въ области искусства всѣ задачи были завѣщаны будущему въ полурѣшенномъ видѣ. Даже и здѣсь эпоха не сумѣла завершить полный кругъ своего развитія и достигнуть послѣднихъ границъ, а была задержана на полпути еще слишкомъ мало развитой дѣйствительностью. Достаточно вспомнить объ одной изъ величайшихъ проблемъ живописи, о проблемѣ изображенія воздуха или лучше, о проблемѣ подчиненія себѣ атмосферы, окружающей предметы. Эта проблема оставалась для Ренессанса все время въ главномъ—книгой за семью печатями. Все созданное ею въ этомъ направленіи были только смѣлыя предчувствія, а отнюдь не осуществленія.

Въ еще большей степени это примѣнимо къ другимъ сферамъ жизни. Всюду грандіозно-смѣлые полеты мысли, всюду мужество вознестись на самыя крутыя вершины, равнаго которому міръ не зналъ послѣ паденія античнаго міра, да и послѣ исхода Ренессанса лишь очень рѣдко, но нигдѣ и никому не удалось въ самомъ дѣлѣ взойти на эти вершины. Еще большее вліяніе на то обстоятельство, что развитіе не пошло безпрерывно по прямой линіи, а то и дѣло шло крутыми зигзагообразными движеніями, мѣстами наталкиваясь на неразрѣшимыя противорѣчія, имѣлъ тотъ фактъ, что средневѣковая форма производства во многихъ мѣстахъ не только не исчезла, а находила для своего существованія самыя благопріятныя условія. Описанная выше революціонизирующая роль торговаго капитала ограничивалась сначала только нѣкоторыми пунктами, правда, самыми важными, тѣми мѣстами, которыя въ силу своего географическаго положенія и исторической ситуаціи стали торговыми рынками, другими словами, главными городами возникавшихъ національныхъ государствъ, которые потомъ на самомъ дѣлѣ и сдѣлались ихъ столицами. Но даже и здѣсь феодализмъ порой являлся еще сильнымъ пережиткомъ, такъ какъ горожане еще долго оставались въ значительной степени земледѣльцами, напр. въ Берлинѣ даже еще въ XIX в. Тѣмъ не менѣе въ городахъ почва была преобразована въ какія нибудь десятилѣтія, зато движеніе шло очень медленно изъ городовъ въ деревню.

Географическая замкнутость и изолированность привела, какъ уже было указано, во многихъ странахъ къ тому, что въ многочисленныхъ районахъ феодальный способъ производства держался еще впродолженіи столѣтій и продукты производились лишь въ ограниченномъ размѣрѣ для торговли, а по существу все еще для потребностей общины или въ лучшемъ случаѣ—сосѣднихъ деревень.

Эпоха Ренессанса представляетъ поэтому въ итогѣ картину страннаго смѣшенія обоихъ способовъ производства, феодальнаго во всѣхъ его стадіяхъ, отъ расцвѣта до увяданія, и восходившаго капиталистическаго, представленнаго столькими же стадіями развитія. Такое смѣшеніе отражалось въ мышленіи, чувствованіи и дѣйствованіи людей въ видѣ столькихъ же различій, въ видѣ многочисленныхъ, какъ уже указано, непримиримыхъ противорѣчій.

Въ примѣненіи къ нашей спеціальной темѣ этимъ смѣшеніемъ объясняется то обстоятельство, что рядомъ съ самыми революціонными требованіями въ области мысли и воли, приводившихъ въ особенности въ морали къ самымъ смѣлымъ постулатамъ, рядомъ съ безграничной дерзостью въ разрушеніи стараго и созиданіи новаго, производящей порой впечатлѣніе чего-то очень современнаго, продолжали жить и развиваться пережитки старыхъ моральныхъ воззрѣній, еще вполнѣ коренившихся въ почвѣ феодальныхъ отношеній. Эти старыя унаслѣдованныя идеи тѣмъ медленнѣе уступали натиску новаго времени и обнаруживали тѣмъ большую жизнеспособность, чѣмъ больше логика новыхъ жизненныхъ факторовъ терпѣла крушеніе въ столкновеніи съ примитивной дѣйствительностью. Начиная съ середины XVI в. это неизбѣжное явленіе начинаетъ обнаруживаться постепенно во всѣхъ областяхъ, такъ какъ нигдѣ не существовало условій для безпрерывнаго органическаго развитія въ этомъ направленіи.

Таковъ трагизмъ всѣхъ истинно революціонныхъ эпохъ.

Такъ какъ истинный революціонизмъ стремится превзойти себя, стремится перешагнуть границы данной дѣйствительности, то онъ неизбѣжно разбивается объ эту неразвитую, отсталую дѣйствительность. Путаница, возникающая всегда въ такихъ случаяхъ, относила господствовавшее неясное представленіе о сущности происходившаго процесса всегда на счетъ «добраго стараго времени». То, что въ дѣйствительности является лишь неизбѣжнымъ сопутствующимъ явленіемъ всякаго процесса развитія, превратилось въ представленіи людей въ грѣхъ противъ мнимыхъ законовъ природы, а добродѣтелью стало то, что въ конечномъ счетѣ было причиной того, что новое, болѣе совершенное, то, что имѣло на своей сторонѣ логику исторіи, стало противоестественнымъ.

Каждая тенденція развитія разоблачаетъ свои тайны лишь на извѣстной ступени зрѣлости. Выступившій на историческую сцену въ XV в. вмѣстѣ съ міровой торговлей капитализмъ долженъ былъ сначала пережить то грандіозное развитіе, которое онъ получилъ въ XIX в., чтобы можно было познать его сущность и его законы.

Вотъ почему только въ наше время и стало возможнымъ, въ хаосѣ явленій XV и XVI вв. открыть органическія, логическія и существенныя черты этой великой революціонной эпохи и ясно отличить новое отъ стараго.

Сказанное здѣсь о Ренессансѣ примѣнимо ко всѣмъ слѣдующимъ главамъ нашего труда, ибо тѣ же факторы опредѣлили въ равной мѣрѣ понятія о красотѣ этой эпохи, новыя формы брака, развитіе и задержку индивидуальной половой любви, первые зародыши женской эмансипаціи, законы приличія и моды, разные взгляды на проституцію и т. д.

Сдѣланныя здѣсь замѣчанія должны быть поэтому разсматриваемы, какъ вступленіе къ этому тому.

«Человѣкъ — мѣра всему». Человѣкъ какъ физическое явленіе, какъ тѣлесное понятіе является и естественной предпосылкой половой морали, ибо онъ ея орудіе. Вотъ почему мы должны начать описательную часть нашей работы изображеніемъ взглядовъ и идеаловъ Ренессанса, касающихся человѣческаго тѣла. Для Ренессанса эта отправная точка зрѣнія еще естественнѣе, чѣмъ для всякой другой эпохи, такъ какъ Возрожденіе открываетъ собой, какъ выше было указано, эру совершенно новаго человѣчества въ исторіи европейской цивилизаціи.

Творческія эпохи насквозь проникнуты и насыщены эротикой и чувственностью. Ибо понятія «творческій» и «чувственный» равнозначущи. Эротика и чувственность лишь физическое выраженіе творческой силы. Каждая революціонная эпоха является поэтому вмѣстѣ съ тѣмъ эпохой огромной эротической напряженности и поэтому Ренессансъ былъ несмотря на многочисленныя противоположныя, перекрещивавшіяся тенденціи совершенно исключительнымъ вѣкомъ чувственности. Этотъ фактъ долженъ естественно отражаться во всѣхъ жизненныхъ формахъ, во всѣхъ духовныхъ областяхъ, долженъ отражаться одинаково отчетливо какъ въ важнѣйшихъ, такъ и въ второстепенныхъ явленіяхъ.

Все, въ чемъ обнаруживается для чувствъ творческая способность, приковываетъ вниманіе эпохи. Только ею она въ концѣ концовъ интересуется.

Чувственность становится такимъ образомъ единственнымъ явленіемъ, соотвѣтствующимъ природѣ. Она такъ сказать единственная категорія познанія, допускаемая разумомъ, логикой. Внѣ ея люди Ренессанса не могли себѣ представлять вещи. Она единственный разумъ эпохи. Конечно, это положеніе не было сознательнымъ актомъ, программой, которую защищали и осуществляли. Но до чего бы ни касалась эпоха, чего бы она ни создавала—во всемъ чувственность звучитъ, какъ непремѣнный и явственный аккомпаниментъ. А такъ какъ способность къ творчеству составляетъ самую суть жизненнаго процесса, то этимъ объясняется и та тайна, что всѣ продукты такой революціонной эпохи носятъ печать вѣчной цѣнности. Все, что дышетъ истинной жизнью, безсмертно, непреходяще. И эта безсмертность тѣмъ выше, чѣмъ больше была сумма чувственной энергіи, насыщавшей время зарожденія этихъ созданій.

Само собой понятно, что и всѣ духовные рефлексы эпохи Ренессанса должны быть насыщены чувственностью. Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ. Показать, какъ эта всеобщая чувственная тенденція отражалась во взглядахъ на физическую красоту,—такова задача этой главы.

Каждая эпоха, каждое общество кристаллизуютъ свою сущность въ идеологіяхъ, и притомъ во всѣхъ духовныхъ откровеніяхъ. Они идеологически выражаютъ себя въ философіи, въ наукѣ, въ системахъ права, въ литературѣ, въ искусствѣ, въ правилахъ поведенія, а также въ своихъ представленіяхъ о тѣлесной красотѣ, провозглашая извѣстные законы красоты, конструируя такимъ образомъ типъ, который онѣ считаютъ идеаломъ. Такъ какъ всѣ идеологіи эпохи зависятъ отъ ея сущности—ибо идеологіи не что иное, какъ другое выраженіе для особыхъ жизненныхъ законовъ и жизненныхъ интересовъ эпохи въ ихъ главной тенденціи—то онѣ тѣмъ величественнѣе и смѣлѣе, чѣмъ грандіознѣе побѣда человѣчества, воплощающаяся въ данной эпохѣ, и чѣмъ разнообразнѣе и многочисленнѣе открытыя этой побѣдой возможности. Всѣ идеологіи, созданныя Ренессансомъ, должны были поэтому дышать величіемъ. Свое выраженіе это величіе нашло въ художественномъ изображеніи человѣка, а последнее было лишь отраженіемъ общихъ представленій о человѣческомъ тѣлѣ.

Въ этой области Ренессансъ сызнова открылъ человѣка въ его физическомъ проявленіи. Въ аскетическомъ міровоззрѣніи, не связанномъ съ какой нибудь опредѣленной территоріей, а охватывавшемъ всю домену католической церкви, тѣло играло роль лишь мимолетной и преходящей оболочки безсмертной души. Такъ какъ средневѣковое міровоззрѣніе провозгласило сверхземную душу высшимъ понятіемъ и единственной цѣлью жизни, то тѣлесная оболочка, мѣшавшая осуществленію этой послѣдней, должна была превратиться въ простой, достойный презрѣнія, придатокъ.

«Что можно потерять, того не стоитъ желать. Думай о непреходящемъ, о сердце! Стремись къ небесамъ! Блаженъ на свѣтѣ тотъ, кто въ состояніи презирать свѣтъ».

Такъ пѣлъ Бернаръ Клэрвосскій, одинъ изъ самыхъ блестящихъ поэтовъ аскетизма въ серединѣ XII в. Тѣло въ глазахъ средневѣковаго человѣка только пища для червей. Средневѣковая идеологія отвергала поэтому человѣческое тѣло, или лучше относилась къ нему отрицательно, допускала его лишь въ той степени, въ какой оно менѣе всего могло мѣшать осуществленію его сверхземного содержанія, лишь какъ видѣніе, какъ видѣніе души.

Это не значитъ, что чувственное начало было совершенно упразднено средними вѣками, не только потому, что во всѣ времена «плоть была сильнѣе духа», и потому чувственныя проявленія жизни не могли быть совершенно уничтожены аскетизмомъ, какъ программой средневѣковаго міровоззрѣнія, но и потому, что феодальное общество, какъ и всякое другое, не представляло однородной величины. Во всѣхъ странахъ оно распадалось на различные классы. И такъ какъ господствующій классъ, какъ выше

было указано, часто навязываетъ массамъ идеологію, постулаты которой онъ для себя не считаетъ обязательными, то суровое аскетическое ученіе церкви не помѣшало феодальной знати создать въ рыцарской любви специфическую классовую идеологію, исключительно сосредоточенную на чувственномъ наслажденіи.

Романтическій культъ женщины былъ особенно реалистически настроенъ какъ разъ въ своихъ извращенныхъ чудачествахъ. Рыцарская любовь ни словомъ не касалась безсмертной души, зато каждое слово было посвящено прекрасному тѣлу. И хотя въ этомъ культѣ чувственности скрыты первые зародыши индивидуальной половой любви, все же преданная ему феодальная аристократія была нисходящимъ классомъ и потому ея чувственность выражалась только въ рафинированномъ наслажденіи. Въ ней не было ничего творческаго, она носила характеръ вырожденія, была игрой, извращенностью. А подъ неизбѣжнымъ вліяніемъ средневѣковаго христіанскаго міровоззрѣнія мистическіе любовные идеалы рыцарства превратились въ концѣ концовъ въ простое систематизированное сладострастіе. Доказательствомъ служитъ идеалъ физической красоты, созданный рыцарствомъ: физическая сторона была въ немъ подчеркнута подъ угломъ зрѣнія рафинированнаго наслажденія.

Прямой противоположностью въ этомъ отношеніи былъ Ренессансъ, создававшій повсюду національныя рамки и массовую культуру. Представленный восходящимъ классомъ, онъ противопоставилъ рафинированности дышавшую силой идеологію здоровья. Этимъ путемъ Ренессансъ становился въ полномъ смыслѣ слова реалистичнымъ. Онъ низвелъ предметы съ неба на землю и снялъ съ нихъ мистическій покровъ. И въ первую голову онъ поступилъ такъ съ человѣкомъ.

Такъ какъ эпоха Возрожденія покоилась на міровой торговлѣ и послужила началомъ для великихъ географическихъ открытій, то она вырвала человѣка изъ потусторонняго міра, къ которому онъ до сихъ поръ принадлежалъ, и сдѣлала его своимъ собственнымъ господиномъ. Въ качествѣ покупателя или продавца каждый сдѣлался для нея цѣннымъ предметомъ интереса. Такимъ образомъ человѣкъ сталъ въ центрѣ явленій и притомъ человѣкъ, какъ физическое понятіе, а не только въ смыслѣ жалкой оболочки безсмертной души, какой онъ былъ до сихъ поръ. Объектъ «червей» сталъ — субъектомъ.

Такъ родился совершенно новый Адамъ и совершенно новая Ева. Не человѣкъ измѣнился, а измѣнилась та программа, по которой «представляли» себѣ человѣка. Въ дѣйствительности никогда не жили ни сверхземные призраки средневѣковыхъ иконъ, ни сверхземныя — въ противоположномъ смыслѣ слова — героическія поколѣнія Рубенса. Другими словами: соотвѣтственно измѣнившемуся общественному бытію людей измѣнились и чувственныя представленія объ Адамѣ и Евѣ. И такъ какъ всякое состояніе облекается въ форму идеала, то и этотъ послѣдній измѣнился соотвѣтствующимъ образомъ. Переставъ быть орудіемъ сверхземной души, ставъ орудіемъ земной жизни, человѣкъ логически превратился въ идеальное орудіе земной радости.

Въ этомъ и заключалось вторичное открытіе понятія «человѣкъ».

Идеалъ красоты каждой эпохи зависитъ, какъ сказано, отъ основной тенденціи вѣка. Также мало какъ существуетъ вѣчная нравственная идея, существуютъ и абсолютныя понятія о красотѣ. Такихъ понятій существуютъ сотни и всѣ они имѣютъ свой критерій въ самой эпохѣ, также какъ и мораль, ибо, какъ послѣдняя, они являются необходимыми и неотдѣлимыми составными частями каждой культурной полосы. Наши современныя знанія доставили намъ въ этой области критерій, при помощи котораго мы можемъ сопоставить и сравнить различныя понятія о красотѣ, критерій, позволяющій намъ найти линію развитія и узнать, идетъ ли она вверхъ или внизъ, прямо или въ сторону. Этимъ критеріемъ является понятіе «здоровье», естественность въ подчеркиваніи того, что считается красивымъ. Естественность же равнозначуща цѣлесообразности, а послѣдняя зависитъ отъ расового характера. Замѣтимъ въ скобкахъ: такъ какъ здѣсь рѣчь

идетъ исключительно о такъ называемой средиземной расѣ, то понятіе цѣлесообразность, какъ основа красоты, должно быть одинаковымъ у всѣхъ ея представителей.

На вопросъ, что же надо считать соотвѣтствующимъ сущности цѣлесообразности, что надо считать красивымъ и потому естественнымъ, мы отвѣтимъ: принципіальное стремленіе къ выявленію полярной противоположности между мужчиной и женщиной, какъ можно болѣе ясное выявленіе всѣхъ тѣхъ физіологическихъ особенностей, которыя отличаютъ мужчину отъ женщины, а женщину отъ мужчины, категорическое устраненіе женственности изъ облика мужчины, а мужественности изъ облика женщины. Короче выражаясь, совершенная красота заключается въ выявленіи полового характера мужчины и женщины.

Какъ видно, подобное представленіе о тѣлесной красотѣ вполнѣ чувственное, ибо цѣлесообразность въ области красоты никогда не бываетъ ничѣмъ инымъ, какъ красотой эротической. Эпоха Возрожденія и провозгласила въ конечномъ счетѣ идеальнымъ типомъ человѣка — чувственнаго человѣка, того, кто лучше всякаго другого въ состояніи вызвать у другого пола любовь, притомъ въ строго животномъ смыслѣ, слѣд. сильное половое чувство. Это примѣнимо не только къ цѣлому, но и къ частямъ, т. е. къ оцѣнкѣ отдѣльныхъ красотъ у мужчины и женщины.

Въ этомъ смыслѣ цѣлесообразная красота и восторжествовала и притомъ чрезвычайно ярко въ эпоху Возрожденія, такъ какъ она была эпохой революціонной. Послѣ паденія античнаго міра эта красота здѣсь праздновала свои высочайшіе тріумфы. Ибо творческія эпохи не только здоровы, но прямо насквозь пропитаны здоровьемъ. Мужчина считается совершеннымъ, т. е. красивымъ, если въ немъ развиты признаки, которые характеризуютъ его половую активность: сила и энергія. Женщина объявляется красивой, если ея тѣло обладаетъ всѣми данными, необходимыми для выполненія предназначеннаго ей материнства. Прежде всего грудью, питательнымъ источникомъ жизни. Грудь получаетъ все больше значенія, чѣмъ дальше развивается Ренессансъ. Въ противоположность среднимъ вѣкамъ, предпочитавшимъ женщинъ съ узкими бедрами и стройнымъ станомъ, предпочтеніе отдавалось широкимъ бедрамъ, крѣпкой тальѣ, толстымъ ягодицамъ.

Въ книгѣ Дж. Б. Порта «Физіономія человѣка», появившейся въ XVI в. во Франціи, физическая внѣшность мужчины описывается слѣдующимъ образомъ:

«Вотъ ради чего мужчины отъ природы имѣютъ крупный станъ, широкія лица, немного загнутыя брови, большіе глаза, четырехугольный подбородокъ, толстыя жилистыя шеи, крѣпкія плечи и ребра, широкую грудь, впалый животъ, костистыя и выступающія бедра, жилистыя крѣпкія ляжки и руки, твердыя колѣни, крѣпкія голени, выступающія икры, стройныя ноги, крупныя, хорошо сложенныя жилистыя кисти руки, крупныя, далеко другъ отъ друга отстоящія, лопатки, большія сильныя спины, мѣсто между спиной и таліей равноугольнымъ и мясистымъ, костистую и крѣпкую талію, медленную походку, сильный и грубый голосъ и т. д. По своему характеру они великодушны, неустрашимы, справедливы, честны, простодушны и честолюбивы».

Идеалъ красивой женщины Аріосто рисуетъ въ лицѣ одной изъ героинь поэмы «Неистовый Роландъ» слѣдующими словами:

«Шея ея бѣла, какъ снѣгъ, горло подобно молоку, прекрасная шея кругла, грудь широка и пышна. Подобно тому, какъ морскія волны набѣгаютъ и исчезаютъ подъ легкой лаской вѣтерка, такъ волнуются ея груди. Угадать то, что скрыто подъ свѣтлымъ платьемъ, не сумѣлъ бы взоръ самого Аргуса. Но каждый пойметъ, что оно такъ же прекрасно, какъ то, что видно. Прекрасная рука кончается бѣлой кистью, точно выточенной изъ слоновой кости, продолговатой и узкой, на которой не выступаетъ впередъ ни одна жилка, ни одна косточка, какъ бы она ее ни повернула. Маленькая, круглая, изящная ножка завершаетъ чудесную, полную величія, фигуру. Сквозь густую ткань вуали сіяетъ ея пышная ангельская красота».

Такъ какъ всякая революціонная эпоха въ своемъ страстномъ стремленіи къ творчеству всегда переступаетъ границы нормаль-

наго, то она не довольствуется созданіемъ нормальной фигуры, а всегда преувеличиваетъ существенныя черты. Поэтому и Ренессансъ довелъ свой идеалъ физическаго человѣка до уровня героической расы. Въ мужчинѣ цѣнятъ не только широкую грудь, но прямо геркулесовское сложеніе. Онъ долженъ, какъ уже сказано, быть Апполономъ и Геркулесомъ въ одномъ лицѣ. Лицо его должно быть энергично и потому предпочтеніе дается орлиному носу. Такіе могучіе люди взращиваются съ успѣхомъ даже искусственно. Въ своей книгѣ о Шекспирѣ Брандесъ слѣдующими словами характеризуетъ англичанина эпохи Ренессанса:

«Молодой англійскій лордъ того времени былъ однимъ изъ самыхъ благородныхъ продуктовъ человѣчества, чѣмъ-то среднимъ между бельведерскимъ Апполономъ и премированнымъ жеребцомъ въ образѣ человѣка. Онъ чувствовалъ себя настолько же человѣкомъ дѣйствія, сколько и художникомъ».

Въ женщинѣ любили пышныя формы, превышающія миловидность и граціозность. Женщина должна была быть, какъ уже замѣчено въ одномъ лицѣ Юноной и Венерой. Женщина, корсажъ которой предвѣщаетъ роскошную грудь, цѣнится выше всего. Вотъ почему уже дѣвушка щеголяетъ своей пышной грудью. По мнѣнію Брантома, величественно сложенная женщина заслуживаетъ глубочайшаго преклоненія. Она должна быть высокаго импозантнаго роста, должна обладать пышной, прекрасной грудью, широкими бедрами, крѣпкими ягодицами — какъ Венера Каллипигосъ — полными руками и ногами, «способными задушить гиганта». Такова по мнѣнію Брантома прекрасная, царственная женщина. Таковы женщины Рубенса, созданныя имъ для безсмертной жизни въ лицѣ трехъ Грацій. Созерцаніе такихъ женщинъ доставляетъ высочайшую радость, ибо обладаніе ими сулитъ мужчинѣ глубочайшее наслажденіе. Брантомъ говоритъ по поводу любовной авантюры величественной по своему тѣлосложенію женщины:

«Вотъ почему полныя женщины заслуживаютъ предпочтенія хотя бы ради только ихъ красоты и величія, ибо за эти послѣднія,

какъ и за другія ихъ совершенства, ихъ цѣнятъ. Такъ гораздо пріятнѣе управлять высокимъ и красивымъ боевымъ конемъ, и послѣдній доставляетъ всаднику гораздо больше удовольствія, чѣмъ маленькая кляча».

Такова основная тенденція эпохи, царившая во всѣхъ странахъ, гдѣ новый факторъ развитія проявилъ себя въ жизни. Во всѣхъ странахъ, гдѣ создавался образъ новаго человѣка, въ центрѣ вниманія стояло тѣло, а физическая красота полагалась въ подчеркнутой чувственности. Такова первая общая черта идеала красоты всѣхъ странъ, первая черта, которая бросается въ глаза. Но и въ другомъ еще направленіи царила общность — въ средствѣ, которымъ разрѣшали эту задачу. Этимъ средствомъ былъ античный идеалъ красоты, который самъ собой навязывался всѣмъ странамъ и къ которому всѣ онѣ естественно и обратились. Каждая эпоха всегда пользуется тѣми категоріями мысли прошлаго, въ которыхъ она находитъ, какъ ей кажется, свои собственныя проблемы уже рѣшенными. Въ такихъ случаяхъ какъ бы сами собой всплываютъ тѣ формы мышленія, которыя когда-то выражали такое же жизненное содержаніе. Такими явились въ нашемъ случаѣ античныя представленія — ибо духовная культура античнаго міра была точно также результатомъ и выраженіемъ торговаго строя жизни.

Этими двумя чертами исчерпывается общность идеала красоты Ренессанса.

Одинаковая тенденція, одинаковая отправная точка не предрѣшала однако еще однообразія всѣхъ представленій въ отдѣльныхъ странахъ, однообразіе идеала. Одна и та же тенденція можетъ привести къ образованію разныхъ идеаловъ красоты, она должна даже привести къ ихъ разнообразію, сообразно изложеннымъ въ первой главѣ факторамъ, если историческая ситуація въ отдѣльныхъ странахъ иная. Ибо каждая страна варьируетъ общія представленія о расовой красотѣ въ зависимости отъ своихъ частныхъ интересовъ, точно также, какъ она поступаетъ и съ установленіями морали. И не только каждая отдѣльная страна,

но и каждый отдѣльный классъ. Каждый классъ всегда создаетъ себѣ своего Апполона и свою Венеру. Такой процессъ совершенно логиченъ и является поэтому неотдѣлимой составной частью каждой классовой идеологіи. Ибо и представленія о красотѣ суть отраженія особыхъ классовыхъ интересовъ. Этотъ фактъ обыкновенно объяснялся до сихъ поръ (въ виду непониманія самаго процесса) большимъ или меньшимъ «совершенствомъ» представленій о красотѣ. Трудно опредѣлить это явленіе болѣе ошибочно.

Такъ какъ историческая ситуація каждой страны въ эпоху Ренессанса была иной, то и идеалъ красоты долженъ былъ въ разныхъ странахъ при одинаковой сущности значительно разниться въ подробностяхъ. Италія развивалась иначе, чѣмъ Франція, Германія, Голландія, а всѣ онѣ должны были разниться между собою, такъ какъ во всѣхъ этихъ странахъ положеніе классовъ было иное. Вотъ почему мы имѣемъ въ эпоху Ренессанса столько же варіацій расоваго идеала красоты, построеннаго на принципѣ цѣлесообразности, сколько разныхъ ступеней развитія существовало въ тогдашнемъ обществѣ.

Италія, Испанія и Франція были по всему своему развитію странами аристократическими, поэтому и представленія о красотѣ должны были воплотиться здѣсь въ аристократическомъ идеалѣ. Апполонъ и Венера должны были здѣсь носить аристократическій типъ. Идеальный типъ человѣка принялъ здѣсь видъ божества, освобожденнаго отъ всѣхъ мелочей земной жизни. Тамъ, гдѣ, какъ въ Италіи, на помощь приходила еще и природа, возникала естественно высшая форма этого идеала, что было отчасти обусловлено еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что здѣсь въ богатыхъ остаткахъ античнаго искусства и въ никогда не отмиравшей античной традиціи на лицо были самыя развитыя средства для рѣшенія этой задачи.

Съ другой стороны какъ во Франціи, такъ и въ Испаніи, гдѣ абсолютизмъ уже подчинилъ себѣ весь общественный организмъ, идеалъ женской красоты долженъ былъ развиться такъ, чтобы выставить женщину, какъ наиболѣе утонченное орудіе наслажденія. Германія наоборотъ была по существу мелкобуржуазной страной. Свою соціальную физіономію она получала главнымъ образомъ отъ находившагося тогда въ полномъ расцвѣтѣ ремесла. Въ Германіи идеалъ красоты носилъ поэтому безусловно мѣщанскій характеръ. Въ Голландіи мѣщанство стояло на особенно крѣпкихъ и солидныхъ устояхъ — идеально красивый типъ, воцарившійся здѣсь, дышалъ поэтому силой и здоровьемъ. Въ XVI в. Фландрія отличалась наивысшимъ экономическимъ развитіемъ, и здѣсь поэтому высшую красоту воплощали сверхчеловѣческіе образы Рубенса.

Такимъ образомъ одна страна отчетливо разнилась отъ другой, хотя онѣ всѣ и сходились не менѣе отчетливо въ одной основной чертѣ. Такъ какъ все культурное человѣчество было проникнуто революціоннымъ порывомъ, то всякому идеалу красоты, существовавшему въ эту эпоху, были свойственны героическія очертанія. То была печать вѣчности, которой отличаются всѣ творенія великихъ революціонныхъ эпохъ.

———

То, что эпоха поднимаетъ на щитъ, служитъ для нея вмѣстѣ съ тѣмъ и предметомъ культа. Эпоха Ренессанса подняла на щитъ физическаго человѣка и ему она устраивала, пока длилась, повсемѣстный культъ. Онъ сдѣлался для нея возвышеннѣйшимъ и наиболѣе боготворимымъ символомъ жизни.

Въ каждомъ культѣ всегда немедленно переходятъ отъ общаго къ единичному, къ живописи деталей. Люди открываютъ сотни красивыхъ мелочей и для каждаго создается идеальная форма. Кодексъ красоты, установленный эпохой Ренессанса для каждой детали тѣлесной красоты, служитъ документальнымъ доказательствомъ въ пользу какъ факта открытія новаго человѣка, такъ и того культа, которыми окружали тѣло.

Въ этомъ кодексѣ женская красота хотя и не является высшимъ объектомъ, все же стоитъ на первомъ планѣ. Женской

красотѣ посвящены самыя обстоятельныя, детальныя и многочисленныя описанія. И это понятно. Не только потому, что творческая тенденція есть результатъ мужской активности, чаще встрѣчаются конструкціи женской красоты, созданныя мужчиной, чѣмъ идеалы мужской красоты, созданные женщиной, а главнымъ образомъ потому, что мужской активностью обусловлено то обстоятельство, что мужчина является въ принципѣ аггрессивнымъ, а женщина — пассивнымъ началомъ. Правда, женщина тоже добивается любви мужчины и даже въ еще болѣе сосредоточенной формѣ, чѣмъ мужчина добивается женской любви (объ этомъ мы говорили въ разныхъ мѣстахъ нашей книги: Die Frau in der Karikatur), но она никогда не дѣлаетъ этого ясно и отчетливо, какъ мужчина. Мужчина облекаетъ поэтому свои требованія относительно физической красоты женщины въ самыя ясныя и точныя описанія.

Тридцатью шестью достоинствами—по другимъ только восемнадцатью, двадцатью тремя или двадцатью семью—«должна обладать женщина, если хочетъ прослыть красавицей и быть миловидной». Эти отдѣльныя красоты обозначаются или формой или цвѣтомъ и т. д. Чтобы придать этому идеалу еще болѣе осязательныя, конкретныя очертанія, указывали обыкновенно на женщинъ опредѣленныхъ странъ и городовъ. Уроженки Кельна славятся своими красивыми руками, уроженки Брабанта своими красивыми спинами, француженки своими красиво выпуклыми животами, вѣнки—своей пышной грудью, уроженки Швабіи—достоинствами Венеры Каллипюгосъ, баварки—красотою самыхъ интимныхъ частей женскаго тѣла. Люди Ренессанса ничего не хотѣли забыть, и отличались большей точностью, а восходящіе классы къ тому же никогда не отличаются лицемѣрной стыдливостью. Порой не ограничивались даже этими данными, вдаваясь въ еще болѣе интимное описаніе. Женщина, желающая прослыть красавицей, должна обладать не однимъ какимъ нибудь изъ этихъ достоинствъ, а всѣми вмѣстѣ. «Женщина, которая отвѣчаетъ всѣмъ этимъ требованіямъ, является въ самомъ дѣлѣ красавицей», говорится въ «Denkwürdigkeiten» рыцаря Эйба.

Этотъ кодексъ красоты былъ повсюду облеченъ въ форму стихотворныхъ афоризмовъ и дошелъ до насъ въ цѣломъ рядѣ варіантовъ, притомъ иногда съ иллюстраціями. Достаточно привести одинъ примѣръ.

Очень распространенная свадебная пѣсня перечисляетъ «тридцать пять достоинствъ красивой дѣвушки» слѣдующимъ образомъ:

«Три должны быть бѣлыми, три черными, три красными, три—длинными, три—короткими, три — толстыми, три — большими, три—маленькими, три—узкими, а въ общемъ женщина должна быть высокаго роста и полнаго сложенія, должна имѣть голову, какъ уроженка Праги, ноги—какъ уроженка Рейна, грудь, какъ вѣнка, животъ, какъ француженка, спину, какъ уроженка Брабанта, руки, какъ жительница Кельна».

Подобныя же болѣе детальныя стихотворенія встрѣчаются какъ въ Denkwürdigkeiten рыцаря Эйба, такъ и въ книгѣ пѣсенъ Клары Гецлеринъ (Haetzlerin). Тему эту обработалъ и Гансъ Заксъ, причемъ это стихотвореніе, какъ многія изъ его поэмъ, появилось въ видѣ иллюстрированнаго летучаго листка. Сравненіе отдѣльныхъ версій доказываетъ, впрочемъ, что взгляды разныхъ городовъ на женскую красоту весьма различны. Если одинъ прославляетъ уроженокъ Фландріи за ихъ спину, то другой—за ихъ руки, третій—за ихъ бедра, четвертый—за ихъ бюстъ и т. д. Въ одномъ стихотвореніи Клары Гецлеринъ швабка отличается красивой грудью, тогда какъ достоинства Венеры Каллипюгосъ болѣе всего отличаютъ польку. Подобные рифмованные кодексы красоты существовали не только на нѣмецкомъ, но и на латинскомъ, французскомъ, испанскомъ и итальянскомъ языкахъ. Сохранился цѣлый рядъ и прозаическихъ версій. Достаточно указать на Фацеціи Бебеля.

Этому культу соотвѣтствуетъ самое страстное возвеличеніе возлюбленной, а также и вообще женщины. Одна франкфуртская рукопись XV в. сохранила слѣдующую серенаду, которую влюбленный поетъ въ честь своей красавицы:

«Она подобна свѣтлому дню. Никто не въ состояніи достойнымъ образомъ воспѣть ей хвалу. У нея розовыя уста, прекрасныя щечки, золотистые прекрасные волосы, ясные глаза, бѣлые, какъ слоновая кость, зубы, маленькія круглыя груди, длинныя изящныя бедра, узкіе бѣлые пальцы, не очень широкія ноги и т. д.

Сюда относится и эпиграмма Клеманъ Маро о «студентѣ и дѣвушкѣ»...

Нюренбергскія масляничныя пьесы полны хвалебныхъ гимновъ въ честь тѣлесной красоты женщины вообще. Доказательствомъ могутъ служить нѣсколько стиховъ изъ масляничной пьесы Ein hübsch Spiel. Это состязаніе, въ которомъ побѣда остается за тѣмъ, кто сумѣетъ сказать лучшее во славу и честь женщины.

Второй.

Послушайте-ка меня, вы, молодежь! Я имѣлъ такой успѣхъ у женщинъ, онѣ внушили мнѣ такое чувство, что я долженъ жить, какъ имъ хочется, и дѣлать все, что онѣ прикажутъ. Я скорѣе откажусь отъ всего, что доставляетъ на свѣтѣ честь. Только служа женщинѣ, человѣкъ является героемъ.

Третій.

Нѣтъ на свѣтѣ ничего лучшаго изящной и милой дѣвушки съ смѣющимся отъ радости личикомъ, покрытыми краской любви щечками, красными, какъ пурпуръ, губами; такой она нравится мнѣ, когда меня мучаетъ по ночамъ голодъ любви...

Четвертый.

Женщину съ глазами, похожими на окна, въ которыя смотрится солнце, съ лицомъ, на которомъ черный цвѣтъ мѣшается съ бѣлымъ и краснымъ, съ лбомъ, блестящимъ, какъ слоновая кость, я пригласилъ бы съ собой, хотя бы меня за это ненавидѣли цѣлый годъ.

Пятый.

Если бы я встрѣтилъ женщину высокую и гордую, держащую себя прямо, какъ стрѣла, съ головой и волосами, похожими на корону, съ сладкой рѣчью и голосомъ, съ бѣлыми плечами, за которой всѣ молодые парни бѣгутъ вослѣдъ, то я взялъ бы ее съ собой на ночь за два грошена, хотя бы самъ папа отлучилъ меня отъ церкви.

Шестой.

Я предпочелъ бы хорошенькую женщину, съ граціозными манерами, съ миловиднымъ личикомъ, смѣющимся ротикомъ, въ которомъ сверкаютъ бѣлые зубы, съ ямочками на щекахъ, съ красивымъ подбородкомъ.

Восьмой.

Если бы я нашелъ женщину съ яснымъ взглядомъ, хорошо сложенную, съ прекрасной головой и шеей, съ руками и ногами ни слишкомъ великими, ни слишкомъ маленькими, съ узкими бедрами,... которая согласилась бы на то, о чемъ я ее попросилъ бы, то ей я бы служилъ съ утра до вечера.

Какъ видно, здѣсь нѣтъ рѣчи о духовной красотѣ. Если употребляются такія слова, какъ «Zucht» и «Sitte», то имѣется въ виду исключительно половой актъ. Никогда не говорится объ умѣ, о душевномъ благородствѣ,—только прекрасное тѣло возбуждаетъ своими различными достоинствами въ мужчинѣ любовь и только оно дѣлаетъ женщину интересной и соблазнительной, только оно вызываетъ восторгъ и преклоненіе. Въ нѣкоторыхъ стихахъ приведенной масляничной пьесы это высказано еще значительно откровеннѣе.

Въ особенности восторженные гимны поются красотѣ бюста. Груди бѣлы, какъ слоновая кость, онѣ подобны Венеринымъ холмамъ, или двумъ сахарнымъ головамъ, онѣ выступаютъ изъ корсажа, какъ «два восходящихъ весеннихъ солнца», онѣ «поднимаются, какъ два копья» и т. д. Въ честь женской груди всюду раздаются хвалебные гимны. Вездѣ тамъ, гдѣ слагается гимнъ въ честь женщины, прежде всего и громче всего воспѣвается грудь. Гансъ Заксъ поетъ о своей красавицѣ:

«У нея бѣлая шейка, а подъ ней двѣ груди, украшенныя и испещренныя голубыми жилками».

Быть можетъ самый восторженный гимнъ въ честь прекрас-

ной груди принадлежитъ Клеманъ Маро, который сложилъ дифирамбъ всѣмъ ея достоинствамъ, прославилъ вызываемыя ею чары сладострастія, всѣ желанія, которыя она возбуждаетъ въ мужчинѣ...

Впрочемъ, въ этомъ гимнѣ уже явственно чувствуется та рафинированная общественная среда, въ которой возникъ этотъ дифирамбъ. Въ ней слышится уже не наивная радость, а упадочность придворной атмосферы французскаго абсолютизма.

Апофеозъ, устроенный прекрасной женской груди въ искусствѣ, не только не уступаетъ, но даже превосходитъ гимнъ, сложенный въ честь ея поэзіей. Никогда въ живописи не изображали съ такимъ горячимъ упоеніемъ красоту груди, какъ въ эпоху Ренессанса. Ея идеализированное изображеніе—одинъ изъ неисчерпаемыхъ артистическихъ мотивовъ эпохи. Для нея женская грудь самое удивительное чудо красоты и потому художники рисуютъ и изображаютъ ее изо дня въ день, чтобы увѣковѣчить. Какой бы эпизодъ изъ жизни женщины ни изображалъ художникъ, онъ всегда найдетъ случай вплести новую строфу въ гимнъ, раздающійся въ честь ея груди. И всегда возвеличивается ея здоровая естественная красота—красота, покоющаяся на принципѣ цѣлесообразности. Это всегда такая грудь, которая точно создана для того, чтобы пить изъ ея источника жизненную силу.

Съ этимъ культомъ груди можетъ сравниться еще только восторженное прославленіе интимностей красоты женщины. Наиболѣе характернымъ примѣромъ можетъ служить древняя повѣсть о «Бѣломъ шиповникѣ», существующая въ нѣмецкихъ, французскихъ, испанскихъ и итальянскихъ версіяхъ и неоднократно переработанная вплоть до XIX в.: достаточно указать на извѣстную передѣлку этой повѣсти авторомъ «Les bijoux indiscrets»,—Дидро... Пластическія искусства также отдали дань этому культу. Вспомнимъ многочисленныя гравюры на эту тему Бегама и Альдегревера, плакаты Петра Флетнера, «Флору» Донателло, чтобы ограничиться хотя бы этими немногими примѣрами.

Выше мы уже сказали и обосновали документами, что и представленія о мужской красотѣ въ эпоху Ренессанса носили чисто чувственный характеръ. Отъ мужчины требовали, чтобы онъ былъ заодно и Апюллономъ и Геркулесомъ, причемъ удареніе лежало на послѣднемъ словѣ. Число предъявляемыхъ къ красавцу-мужчинѣ требованій было поэтому гораздо скромнѣе. Отъ женщины требовали 36 достоинствъ. Когда рѣчь шла о мужчинѣ, то въ крайнемъ случаѣ пренебрегали всѣми, за исключеніемъ одного, но зато это одно цѣнили въ особенности высоко. Это достоинство давало мужчинѣ право предъявлять къ желанной женщинѣ самыя высокія требованія и оно же часто уничтожало даже классовыя различія, дѣлало слугу достойнымъ любви княгини, казалось богатой невѣстѣ лучшимъ богатствомъ мужа. Быть отъ природы созданнымъ для любви, таково это достоинство. Не то, чтобы остальныя черты мужской красоты не цѣнились и игнорировались. Но если послѣднія свойства были соединены съ упомянутымъ, они получали высшую премію. Безъ этого достоинства мужчина не считался красавцемъ, но онъ былъ имъ, если, обладая имъ, вмѣстѣ съ тѣмъ не обладалъ никакими другими.

Намъ возразятъ, что съ этой точки зрѣнія всегда испоконъ вѣка оцѣнивался мужчина, что ее можно найти во всѣ эпохи вплоть до нашего времени. До извѣстной степени это такъ и однако между отдѣльными эпохами въ этомъ отношеніи царитъ глубокое различіе. Эпоха Ренессанса провозгласила это качество, такъ сказать, высшимъ требованіемъ, предъявляемымъ къ мужчинѣ, она возвела индивидуальное желаніе женщины на степень всеобщаго закона. Она сдѣлала это притомъ какъ нельзя болѣе ясно и отчетливо. Какъ мы увидимъ ниже, она подчеркнула это требованіе даже въ модѣ.

Отчетливое указаніе на это свойство не было ни въ положительномъ ни въ отрицательномъ смыслѣ, такъ сказать, мимоходомъ брошенной остротой. Даже если мы скажемъ, что люди Ренессанса рѣдко упускали случай, упомянуть объ этомъ свойствѣ,

такъ какъ это было во вкусѣ ихъ грубыхъ шутокъ, то и этого будетъ недостаточно. Нѣтъ, это была, такъ сказать, главная тема, центральный пунктъ, изъ котораго исходили и къ которому постоянно вновь возвращались. Эта тема является специальнымъ предметомъ многочисленныхъ бесѣдъ, стихотвореній, афоризмовъ, поговорокъ, загадокъ, объемистыхъ швенковъ, сотни новеллъ, фацецій и т. д. И при томъ во всѣхъ странахъ. Мы встрѣчаемся съ этой темой также часто у нѣмцевъ Бебеля и Линднера, у итальянцевъ Поджьо и Корнацано, у французовъ Брантомъ и Раблэ. Можно привести еще сотни другихъ авторовъ. Въ виду откровенности обработки этой темы невозможно привести здѣсь примѣры. Безцѣльно было бы также перечислить заглавія, такъ какъ любое собраніе памятниковъ эпохи полно такихъ темъ. Если мы приведемъ нюренбергскія масляничныя пьесы XV в. «Die Fastnacht der Müllerin или Ein hübsch Vastnachspiel, то съ такимъ же основаніемъ могли бы мы процитировать еще десятокъ другихъ заглавій или привести масляничныя пьесы, возникшія въ другихъ городахъ и мѣстностяхъ.

То же самое нужно сказать и о фацеціяхъ. Новелла итальянца Корнацано «Онъ не онъ», основанная на италіанской пословицѣ, можетъ служить иллюстраціей, хотя мы ее и выбрали на угадъ среди десятка другихъ, лежащихъ передъ нами. Очень излюбленной формой трактовки этого сюжета является, если можно такъ выразиться, его отрицательное изображеніе: сатирическое описаніе разочарованія и возмущенія женщины, когда она удостовѣряется въ отсутствіи этого достоинства у жениха, мужа или возлюбленнаго—изображеніе дѣвушки, которая въ послѣдній моментъ отказываетъ своему богатому ухаживателю, или молодой женщины, сознающей себя на другой день послѣ свадьбы «проданной, а не отданной замужъ», или невѣрной жены, оправдывающей этимъ его недостаткомъ свою невѣрность. Обычной формой такой сатиры является словопреніе передъ фантастическимъ судилищемъ на тему о томъ, чего жена имѣетъ право требовать отъ мужа, таковъ напр. шванкъ: «Unerhörte Zeitung

eines Weibes, das an seinem Manne Kein Genüge hatte» или довольно объемистая тирольская масляничная пьеса «Eine Ehescheidung». Въ послѣдней пьесѣ выступаетъ не менѣе десяти лицъ, истица, обвиненный, судья, эксперты, среди послѣднихъ нѣсколько женщинъ, такъ какъ послѣднія особенно въ этомъ компетентны.

Мы едва ли преувеличимъ, если скажемъ, что какъ разъ эта черта одинъ изъ наиболѣе характерныхъ и важныхъ документовъ въ пользу чисто чувственнаго идеала эпохи Ренессанса. Въ ней—ея сущность. Надо помнить, что такое представленіе было не только логическимъ, но и неизбѣжнымъ результатомъ творческихъ порывовъ эпохи и потому органически съ ней связано. Оно неустранимо изъ рамки эпохи. И потому мы имѣемъ право далѣе утверждать, что многочисленные историки Возрожденія, или проходящіе мимо этого и тому подобныхъ явленій, или видѣвшіе въ нихъ не болѣе, какъ невѣроятно извращенное проявленіе грубо-эротической распущенности, этимъ только доказываютъ, что они не поняли и не уяснили себѣ сущности эпохи.

Въ связи съ этимъ фактомъ находится то обстоятельство, что какъ уже было выше указано, зрѣлость цѣнилась Ренессансомъ выше всего. Мужчина и женщина въ зенитѣ жизни—таковъ идеалъ эпохи. Мужчина на апогеѣ своей физической силы и половой способности, женщина — не какъ расцвѣтающая дѣвушка, еще менѣе, какъ несложившаяся дѣвочка, а въ томъ возрастѣ, когда ея формы достигаютъ полнаго развитія, когда все ея существо въ послѣдній разъ отдается во власть чувственности и сулитъ наивысшее блаженство. Плодъ цѣнится безконечно выше цвѣтка. Лучшимъ возрастомъ женщины считается возрастъ отъ 35 до 40 лѣтъ.

«Ахъ, Филина, люблю я смѣющуюся морщинку около твоего глаза, не сочной молодости, а опытности созданіе. Когда мои жадныя руки охватываютъ твой пышный станъ, грудь твоей дочки не прельщаетъ меня. Мнѣ люба зрѣлая осень и для нея я забываю весну. Иди! Я укачаю тебя, пока зима не накроетъ бѣлой пеленой виноградъ».

Подобные продукты античной музы теперь снова нравились, такъ какъ отвѣчали потребностямъ одинаковаго общественнаго уклада.

Предпочтеніе, которое давалось зрѣлой матери передъ только что расцвѣтающей дочерью, мысль, что зрѣлыя прелести первой соблазнительнѣе — выражалась непосредственно въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Грудь, уже ставшая источникомъ жизни, болѣе всего манитъ и интересуетъ мужчинъ. Вотъ почему художники такъ охотно изображали Марію, кормящую младенца. Вотъ почему также въ XV и XVI вв. колодцы и фонтаны такъ часто сооружались въ видѣ женщины, изъ грудей которой брызжетъ вода. Она лучшій символъ брызжущей во всѣ стороны жизни, символъ питающихъ силъ. Достаточно вспомнить знаменитый «колодезь добродѣтели» въ Нюрнбергѣ. Можно было бы привести сотню другихъ примѣровъ. Всѣ они одинаково драгоцѣнныя и прекрасныя доказательства творческаго пыла эпохи. Изъ такихъ фонтановъ часто текло вино, которымъ въ праздничный день городъ или князь угощали народъ.

Прекрасная женщина, достигшая зрѣлости, можетъ естественно предъявлять къ мужу самыя высокія требованія, о чемъ впрочемъ подробнѣе въ главѣ о любви въ эпоху Ренессанса.

Та же самая точка зрѣнія объясняетъ намъ, почему тогда, въ противоположность другимъ эпохамъ, беременная женщина считалась эстетически прекрасной. И не только въ переносномъ смыслѣ, не только какъ символъ материнства, нѣтъ, самое состояніе беременности производило эстетическое впечатлѣніе. Доказательствомъ служитъ, на нашъ взглядъ, тотъ фактъ, что искусство очень часто изображало беременную женщину и притомъ со всѣми характерными признаками беременности. Наиболѣе извѣстна въ этомъ отношеніи картина La Gravida, приписываемая Рафаэлю. Другимъ доказательствомъ служитъ то обстоятельство, что, изображая нагихъ женщинъ, имъ охотно придавали видъ беременныхъ. Достаточно вспомнить Еву ванъ Эйка и другіе подобные женскіе акты.

Историки искусства высказывали предположеніе, что художникъ по всѣмъ вѣроятіямъ имѣлъ передъ собой натурщицу, находившуюся въ начальной стадіи беременности и не разглядѣлъ этого. А сравнительно большое количество такихъ картинъ они объясняютъ всеобщимъ невѣдѣніемъ относительно характерныхъ признаковъ беременности. Л. Г. Штрацъ прямо говоритъ: художники не разглядѣли беременности. Такое объясненіе кажется намъ поверхностнымъ.

Несомнѣнно, если художники изображали женщину беременной, то они поступали такъ безсознательно, подобно тому, какъ японецъ, копируя Венеру Милосскую, безсознательно придаетъ ей японскій типъ. Но именно поэтому частое изображеніе женщины въ періодѣ беременности представляетъ интегрирующую составную часть общихъ воззрѣній эпохи. Эпоха, а вмѣстѣ съ ней и творящій художникъ, очевидно, находили этотъ типъ красивымъ, иначе отъ него отвертывались бы, да и сами художники не изображали бы его, все равно, понимали ли они или нѣтъ послѣднюю причину его безобразія. Гораздо логичнѣе кажется намъ объясненіе частаго изображенія великими художниками беременныхъ женщинъ тѣмъ соображеніемъ, что эпоха безсознательно отдавала преимущество тому, что служило особенно характернымъ выраженіемъ идеи творчества, и потому во всемъ подчеркивала эту творческую сторону. Оплодотворенная любовью женщина является лучшимъ символомъ творческой силы. Высшимъ идеаломъ зрѣлости является зрѣлость, уже несущая плоды.

Въ связи со всѣмъ указаннымъ находится тотъ фактъ, что люди Ренессанса видѣли въ старости величайшее несчастье. Въ старости физическая природа человѣка, главный идеалъ жизни, уже не въ силахъ исполнять своего назначенія. Старуха съ ея отцвѣтшими формами уже не въ силахъ возбуждать въ мужчинѣ желанія. Старикъ въ свою очередь уже не способенъ удовлетворять желанія женщины. Ничего поэтому болѣе ужаснаго, какъ старикъ и старуха и о нихъ говорится очень часто съ жестокимъ издѣвательствомъ и глумленіемъ. Это видно уже изъ древнѣйшаго

нѣмецкаго романа Ruodlieb, относящагося къ концу среднихъ вѣковъ. Тамъ встрѣчается слѣдующее описаніе старухи.

«Старость укрощаетъ женщину, похожую въ нѣжномъ возрастѣ на луну. Старуха безобразна. Она похожа на обезьяну. Прежде гладкій лобъ испещренъ морщинами. Голубиные глаза становятся мутными. Изъ носа капаетъ, полныя щеки отвисаютъ, зубы выпадаютъ, подбородокъ остро выступаетъ впередъ. Ротъ, когда-то такъ соблазнительно улыбавшійся, зіяетъ теперь, какъ страшная отверстая пропасть. Шея похожа на лишенную перьевъ шею сороки и когда-то упругая прекрасная грудь отвисла, какъ губка. Золотистые волосы, доходившіе до земли въ видѣ богатой, спускавшейся по спинѣ, косы, стали косматыми. Съ опущенной головой, съ выступающими впередъ плечами идетъ она, похожая на лѣниваго ястреба, почуявшаго падаль».

Въ книгѣ пѣсенъ Клары Гецлеринъ среди другихъ болѣе длинныхъ стихотвореній встрѣчается слѣдующая пріамель.

«Груди ея похожи на два мѣшка безъ воды».

Съ неменьшей жестокостью относятся и къ старику, котораго возрастъ лишаетъ возможности служить любви. Надъ нимъ издѣваются не менѣе зло. Этой темѣ посвященъ цѣлый рядъ масляничныхъ пьесъ, швенковъ, новеллъ. Иллюстраціей могутъ служить слѣдующіе стихи изъ «Fastnachtsspiel von Holzmännern».

Обвинитель.

Судья, я лѣсной человѣкъ. У меня была дѣвушка, очень красивая. Ее отбилъ у меня вонъ этотъ. Я часто накрывалъ ихъ, когда они вмѣстѣ танцовали... Судья, я хотѣлъ бы знать ваше мнѣніе.

Обвиняемый.

Судья, вникните въ мои слова. Я молодой красивый парень и вполнѣ способенъ къ любви, какъ видно по всему. Эта женщина часто привѣтствовала меня, а когда просила о любви, я не могъ ей отказать.

Женщина.

Судья, я молодая женщина и обладаю молодымъ прекраснымъ

тѣломъ. Съ старикомъ мнѣ пришлось поститься и я потому выбрала молодого. Онъ неутомимъ и лучше умѣетъ любить, чѣмъ старикъ. Я предпочитаю поэтому его...

Судья.

Выслушавъ всѣхъ васъ, я долженъ упрекнуть васъ за то, что вы изъ-за такихъ пустяковъ поднимаете такой шумъ. Мой приговоръ гласитъ: сражайтесь изъ-за нея.

Такъ какъ намъ придется еще вернуться къ этой темѣ въ главѣ «Бракъ и любовь», то ограничимся этимъ примѣромъ.

Такъ какъ въ мужчинѣ и женщинѣ видѣли всегда только полъ, то въ связи съ презрѣніемъ къ старости мы замѣчаемъ у обоихъ половъ страстное желаніе «снова помолодѣть», особенно у женщины, такъ какъ ея расцвѣтъ менѣе продолжителенъ, а слѣды старости выступаютъ наружу быстрѣе и виднѣе. Этимъ страшно затруднялась ея соціальная позиція въ борьбѣ за мужчину, такъ какъ другихъ средствъ борьбы кромѣ красиваго тѣла у нея въ большинствѣ случаевъ не было. Оно ея главный капиталъ, ея ставка. Отсюда ея страстное желаніе остаться какъ можно дольше молодой. Изъ этой понятной тоски выросла въ значительной степени идея объ источникѣ молодости, представляющая въ XV и XVI вв. такой распространенный мотивъ.

Наиболѣе художественной и потому и наиболѣе извѣстной обработкой этого мотива является одноименная прекрасная картина Лукаса Кранаха въ берлинскомъ Музеѣ Императора Фридриха. Безконечной вереницей паломничаютъ старушки къ чудодѣйственному источнику, въ повозкахъ, верхомъ, на носилкахъ, несомыхъ слугами, на тачкахъ, толкаемыхъ батраками, даже на спинѣ стариковъ. Всѣ онѣ, стоящія уже обѣими ногами въ могилѣ, свалившіяся уже подъ тяжестью жизни, хотятъ еще разъ помолодѣть, еще разъ пережить жизнь, еще разъ расточать и испытать радости любви. И источникъ юности совершаетъ свое дѣло. Старчески согнувшись, съ истощеннымъ тѣломъ и увядшей грудью, жалкія, несчастныя погружаются онѣ (на лѣвой сторонѣ картины) въ воду, чтобы выйти (на правой сторонѣ) изъ воды исполненными новой

жизнерадостности, юными существами съ округленными формами и упругой грудью, снова пробуждающей въ мужчинахъ желанія. И новая жизнь начинается немедленно же танцами, шутками, ухаживаніемъ.

Тайна обновляющей силы источника юности вскрыта Г. С. Бегамомъ на его очаровательной гравюрѣ, которую мы воспроизвели въ нашей книгѣ «Die Frau in der Karikatur». Если у Лукаса Краваха новую жизнь изъ источника юности черпаютъ главнымъ образомъ женщины, то у Бегама и большинства другихъ художниковъ, трактовавшихъ этотъ мотивъ, не только онѣ, но и мужчины. По распространенному народному повѣрію, а также по мнѣнію одной дамы у Брантома, лучшее средство для женщины, желающей вѣчно оставаться молодой, состоитъ въ томъ, чтобы по крайней мѣрѣ разъ въ день испытать ласку здороваго мужчины. Мужчинѣ народныя повѣрія рекомендовали иныя средства помолодѣть. Ванна, устроенная десятью дѣвушками, приправленная разными ароматическими пряностями «дѣлаетъ стариковъ снова молодыми», гласитъ народное повѣріе. А если онъ послѣ ванны пойдетъ спать съ дѣвушкой, то на другое утро онъ проснется юношей. По другой версіи онъ долженъ провести послѣ ванны ночь между двумя дѣвушками, чтобы снова обрѣсти силы молодости. Въ такихъ рецептахъ приходится видѣть не что иное, какъ символическое изображеніе обновляющей силы молодости.

Само собой понятно, что и «наука» спѣшила предлагать десятки средствъ тѣмъ, кто хотѣлъ помолодѣть. Шарлатаны, цыгане, старухи продаютъ ихъ легковѣрнымъ людямъ на улицахъ и ярмаркахъ, отчасти тайно, отчасти открыто. Эта тема также часто затронута въ масляничныхъ пьесахъ.

Не менѣе яркимъ доказательствомъ въ пользу основной чувственной тенденціи Ренессанса является его отношеніе къ наготѣ.

Извѣстно, что тогда во всѣхъ странахъ къ наготѣ относились довольно просто. Даже еще въ XVI в. на сонъ грядущій совершенно раздѣвались, спали голыми. И притомъ оба пола и всѣ возрасты; обыкновенно мужъ, жена, дѣти и слуги спали въ об-

щей комнатѣ, не раздѣленные даже перегородками. Таковъ былъ обычай не только въ крестьянствѣ и въ низахъ, но и среди высшаго бюргерства и аристократіи. Даже передъ гостемъ не стѣснялись и онъ спалъ обыкновенно въ общей спальнѣ съ семьей. Жена ложится спать безъ платья («Kleiderbloss») въ присутствіи гостя, котораго видѣла первый разъ въ жизни. Требованія стыдливости считались исполненными, если она дѣлала это «цѣломудренно». Если гость отказывался разоблачиться, то его отказъ возбуждалъ недоумѣніе. Какъ долго продолжался этотъ обычай, видно изъ одного документа, относящагося къ 1587 г., въ которомъ обычай этотъ порицается, слѣдовательно еще существовалъ. Другимъ выраженіемъ этой простоты нравовъ служило то, что еще въ XVI в. мужчины, женщины и дѣвушки голыми перебѣгали улицу, когда содержатель бани звонилъ къ ея открытію, или въ лучшемъ случаѣ были снабжены только вѣникомъ, скрывавшимъ половыя части. Въ виду того, что банѣ будетъ посвящена особая глава, мы не будемъ вдаваться въ подробности относительно этого обычая.

Здѣсь мы имѣемъ въ виду не эту простоту нравовъ, а демонстративное выставленіе на показъ своей наготы, горделивое и надменное щеголяніе ею. Физическая красота разсматривалась эпохой Ренессанса не какъ тайна, которая должна цвѣсти въ тиши и обнаруживаться лишь въ кеменатѣ (комнатѣ). Она сіяла въ праздничной залѣ, на улицѣ, на ярмаркѣ, гдѣ весь народъ былъ зрителемъ и судьей, она была сокровищемъ, которымъ хотѣли часто вызвать зависть въ другихъ.

Въ первую голову на показъ выставлялась, конечно, женская красота. Дѣлалось это различнымъ образомъ и въ различныхъ формахъ. Самымъ благороднымъ средствомъ было, разумѣется, искусство. Демонстративность здѣсь заключалась въ томъ, что художнику заказывали портретъ жены или возлюбленной въ обнаженномъ видѣ. Ее изображали или совсѣмъ обнаженной или въ особо претенціозномъ декольтэ, какъ эротическое чудо. Знаменитыми картинами въ такомъ родѣ являются «Венера дель

Трибуна» Тиціана, изображающая герцогиню урбинскую, двѣ картины того же Тиціана, изображающія, какъ король Карлъ II играетъ на музыкальномъ инструментѣ возлѣ ложа своей возлюбленной, предстоящей глазамъ въ совершенно обнаженномъ видѣ. Не менѣе извѣстны обнаженные портреты Діаны Пуатье, метрессы Генриха II. Генрихъ II неоднократно заказывалъ портреты своей юноновской возлюбленной въ обнаженномъ видѣ, а также приказалъ высѣчь ее изъ мрамора и отлить изъ серебра. Габріэлла д'Эстэ, метресса Генриха IV, также неоднократно воспроизводилась обнаженной. Кажется, нѣтъ надобности доказывать, что во всѣхъ этихъ картинахъ рѣчь шла о демонстративномъ выставленіи на показъ эротической красоты. Относительно Діаны Пуатье надо замѣтить, что здѣсь главное вниманіе было обращено на ея пышную грудь. Въ такомъ же духѣ изобразилъ Рафаэль Форнарину, Тиціанъ — свою дочь Ливію, Рубенсъ — создалъ свой гимнъ въ честь Маріи Медичи, наполняющій цѣлую залу Лувра. Сюда же относится и нагая статуя—портретъ, которую прекрасная сестра папы Джулія Фарнезе заказала для своего склепа въ храмѣ Св. Петра.

Положительно не поддается подсчету количество женскихъ портретовъ созданныхъ спеціально ради прекрасной груди оригинала. Прекрасная грудь пользовалась, какъ уже было указано, высшимъ почетомъ въ эпоху Ренессанса. Безконечное число женщинъ, обладавшихъ этимъ достоинствомъ, щедро раскрывало свой корсажъ и сбрасывало всѣ покровы, дабы глаза каждаго могли безпрепятственно наслаждаться этими сокровищами. Можно безъ преувеличенія сказать, что часто мужъ или любовникъ заказывали не портретъ возлюбленной, а портретъ ея груди, ибо прекрасная обнаженная грудь многихъ женскихъ портретовъ Ренессанса представляетъ не только центръ, но и главную суть этихъ картинъ. Само собой понятно, что художники стремились сохранить «портретную» точность изображаемой груди. Достаточно сравнить различные портреты прекрасной Симонетты, изображенной какъ Боттичелли, такъ и другими художниками, различ-

ные портреты кисти Париса Бордоне и Паоло Веронезе, картину Тиціана, изображающую Альфонсо д'Авалосъ и его возлюбленную, портретъ герцогини Лотарингской и др.

Самой рафинированной формой выставленія на показъ красоты тѣла и особенно груди было ихъ изображеніе въ видѣ мадонны. Самымъ извѣстнымъ историческимъ примѣромъ является портретъ Агнесы Сорель, метрессы Карла VII, въ видѣ мадонны, созданный Жакомъ Фукэ. Держа на колѣняхъ младенца, la Belle des Belles, какъ называли мадонну на галантерейномъ языкѣ эпохи, разоблачала всю пышность своей прекрасной груди (картина воспроизведена въ нашей книгѣ Gechichte der erotischen Kunst). Это былъ въ самомъ дѣлѣ заманчивый мотивъ. Въ образѣ Дѣвы Маріи можно было заодно изобразить и самый священный, возвышенный символъ и служить міру, выставить самымъ пикантнымъ образомъ на показъ земную красоту. Женщина становилась такимъ образомъ въ одномъ лицѣ и святой и дьаволомъ, соблазнительницей и спасительницей. Женское честолюбіе могло такимъ путемъ праздновать свои высочайшія побѣды. Опускаясь въ молитвенномъ экстазѣ передъ мадонной, зритель вмѣстѣ съ тѣмъ преклонялся передъ раскрывавшимся ему чудомъ красиваго тѣла. Примѣру Агнесы послѣдовала, безъ сомнѣнія, не одна женщина, обладавшая красивой грудью, и вотъ почему столько изображеній Дѣвы Маріи, возникшихъ въ эпоху Возрожденія, возбуждаетъ въ насъ отнюдь не сверхземныя мысли. Модель и художникъ думали не о небесахъ, а о самомъ земномъ на землѣ. Нѣкоторымъ образомъ сюда относятся и статуи метрессъ, воздвигнутыя могущественными церковными сановниками въ церквахъ, чтобы имъ воздавались почести, какъ святымъ. Достаточно указать на Сиджизмондо Малатеста, построившаго въ 1445—1450 г. великолѣпную церковь въ честь св. Франциски въ Римини и помѣстившаго въ ней памятникъ своей прекрасной либовницѣ Изоттѣ.

Красивое тѣло выставлялось однако на показъ не только путемъ идеализирующаго и преувеличивающаго искусства, возно-

сящаго предметы надъ міромъ дѣйствительности, нѣтъ, въ этомъ отношеніи шли гораздо дальше, смѣло щеголяя наготой передъ всѣмъ міромъ, на улицѣ, гдѣ ее окружали и ощупывали глазами десятки тысячъ любопытныхъ. Такое выставленіе на показъ нагого тѣла мы уже описали въ первой главѣ по поводу обычая встрѣчи передъ городскими стѣнами навѣщавшаго городъ князя совершенно обнаженными прекрасными женщинами. Исторія зарегистрировала цѣлый рядъ такихъ встрѣчъ, напр. въѣздъ Людовика XI въ Парижъ въ 1461 г., Карла смѣлаго въ Лилль въ 1468 г., Карла V въ Антверпенъ въ 1520 г. О послѣднемъ событіи мы имѣемъ болѣе подробныя свѣдѣнія благодаря Дюреру, который присутствовалъ при немъ и признавался, что онъ съ особеннымъ интересомъ рзглядывалъ обнаженныхъ красавицъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что этотъ обычай былъ очень распространенъ и что эти три случая не были исключеніями, иначе современные хронисты объ этомъ упомянули бы. Во всякомъ случаѣ достовѣрно извѣстно, ибо обосновано документами, что этотъ номеръ программы всегда возбуждалъ живѣйшій интересъ.

О въѣздѣ Людовика XI въ Парижъ сообщается слѣдующее. У фонтана дю Пансо стояли дикіе мужчины и женщины, сражавшіеся другъ съ другомъ, а возлѣ нихъ три обнаженныя прекрасныя дѣвушки, изображавшія сиренъ, обладавшія такой чудной грудью и такими прекрасными формами, что невозможно было наглядѣться.

И если Дюреръ открыто говоритъ о своемъ любопытствѣ, если онъ сообщаетъ своему другу Меланхтону, что разглядывалъ этихъ дѣвушекъ вблизи и довольно дерзко, ибо онъ «художникъ», то у толпы были такія же побудительныя причины, такъ какъ она состояла въ значительной степени изъ чувственныхъ юношей и стариковъ, не знавшихъ на свѣтѣ ничего выше красивой женщины. Эта часть зрителей спѣшила насладиться всѣми чувствами, тѣмъ болѣе, что прекраснѣйшія изъ прекрасныхъ украшали праздникъ своей наготой и выставляли всѣ свои тайныя прелести на показъ, причемъ каждая хотѣла быть самой прекрасной и же-

ланной. Наивысшее любопытство было къ тому же совершенно законно въ данномъ случаѣ, такъ какъ именно эти группы стояли въ центрѣ праздника, устроеннаго въ честь посѣтителя. Нагимъ красавицамъ всегда отводились главныя роли въ пріемѣ. Онѣ или шли во главѣ кортежа, или разыгрывали символическія пантомимы, выражавшія гордость, испытываемую городомъ по поводу чести посѣщенія высокаго гостя.

Во время въѣзда Людовика XI въ Парижъ въ 1461 г. три обнаженныя дѣвушки поочереди декламировали передъ королемъ стихи, прославлявшіе его. Во время встрѣчи городомъ Лиллемъ Карла Смѣлаго Бургундскаго три обнаженныя красавицы разыгрывали передъ нимъ судъ Париса, по поводу котораго мы и узнаемъ то, о чемъ было выше упомянуто, по словамъ хрониста, «изъ всего устроеннаго ничто такъ не понравилось и такъ не заинтересовало народъ, какъ именно это представленіе». При такихъ состязаніяхъ кромѣ того каждый зритель былъ тоже «Парисомъ» и сравнивалъ прелести Юноны и Венеры и т. д. И, несомнѣнно, въ глазахъ красавицъ главнымъ вознагражденіемъ, ради котораго онѣ и выставляли свою красоту на показъ, былъ этотъ всеобщій интересъ, было сознаніе, что тысячи взоровъ завидуютъ имъ и пожираютъ ихъ.

Такія встрѣчи пользовались сочувствіемъ и государынь. Объ англійской королевѣ Елизаветѣ сообщаютъ, что «она не входила ни въ одинъ садъ, гдѣ бы ее не встрѣтили съ привѣтствіемъ нимфы, нереиды, тритоны, флоры и лѣсные боги». Одежды на этихъ языческихъ богахъ и богиняхъ представляли наименьшій интересъ. Порой красавицы были одѣты лишь въ прозрачную ткань, ничего не скрывавшую и только повышавшую любопытство зрителей и пикантность зрѣлища. Такіе покровы носили поэтому, какъ въ древности, названіе «стеклянной одежды».

Трудно придумать болѣе грандіозный культъ физической красоты, чѣмъ эти представленія. Въ первой главѣ мы упомянули, что для этой роли предназначались обыкновенно самыя красивыя куртизанки города. Въ своемъ объемистомъ сочиненіи «О

женщинѣ» Плоссъ однако подчеркиваетъ, что не только куртизанки пользовались этими случаями, чтобы выставить на показъ свою красоту, но и «дочери знатныхъ патриціевъ считали для себя честью итти въ обнаженномъ видѣ во главѣ императорскаго кортежа». Если подобное утвержденіе правильно—намъ не удалось добыть никакихъ данныхъ въ пользу него,—то оно еще значительно повысило бы значеніе этихъ смѣлыхъ представленій для оцѣнки культа тѣла въ эпоху Ренессанса.

Тотъ фактъ, что красивая женщина, обладательница безупречнаго бюста, позируетъ обнаженной передъ художникомъ, изображающимъ ее такъ, чтобы вся ея красота обнаруживалась передъ зрителемъ, можетъ быть уложенъ въ рамки многихъ другихъ эпохъ, равно какъ и тотъ фактъ, что она для мужа или любовника портретируется въ костюмѣ Евы и въ позѣ продиктованной самымъ жгучимъ сладострастіемъ. Если же она выставлетъ свое нагое тѣло на улицахъ, то это предполагаетъ во всѣхъ участникахъ: въ актерахъ, распорядителяхъ и въ публикѣ такую смѣлость мысли, для оцѣнки которой у насъ нѣтъ подходящаго масштаба, даже въ томъ случаѣ, если эта роль исполнялась не знатными патриціанками, а чуждыми городу красивыми проститутками изъ «женскаго переулка». Кто бы ни участвовалъ въ этихъ представленіяхъ, дамы или куртизанки, ясно одно: общество Ренессанса, обратившись къ античнымъ формамъ мысли, переняло античное міровоззрѣніе въ самомъ широкомъ смыслѣ. А поступало оно такъ, замѣтимъ мы въ скобкахъ, потому что послѣднее выражало когда-то аналогичное содержаніе и прежде всего принципіально сходныя экономическія условія. Выше процитированный обычай ставить метрессамъ статуи въ церквахъ и требованіе поклоняться имъ, какъ святымъ, соотвѣтствуетъ чисто языческимъ представленіямъ. Всѣ эти частности, какъ и слагающаяся изъ нихъ общая картина, вполнѣ логичны.

Всѣ эти явленія неотдѣлимыя составныя части общей физіономіи вѣка. Когда чувственность восторжествовала подъ вліяніемъ сходныхъ съ античнымъ міромъ экономическихъ условій,

люди не только объективно взглянули на наготу, а дошли въ этомъ направленіи до самыхъ послѣднихъ, до самыхъ смѣлыхъ выводовъ. Имъ оставалось только снять покровъ со всѣхъ тѣхъ красотъ, которыя только что были открыты, такъ какъ этимъ путемъ, казалось, лучше всего выражалась правильная ихъ оцѣнка. Чувственная идеализація тѣла обусловливала, какъ логическое послѣдствіе, до крайности повышенный культъ тѣла, а послѣдній могъ выразиться только какъ культъ наготы, къ которой не только относились непринужденно, но которую прямо выставляли на показъ. Слѣдуетъ прибавить, что часто въ мистеріяхъ и мужчины играли безъ одежды. Еще въ другомъ пунктѣ можно установить сходство съ античнымъ міромъ.

Въ обоихъ случаяхъ при всей своей стихійной силѣ передъ нами черты упадка. Несомнѣнно: разъ человѣкъ, какъ физическое явленіе, представлялся эпохѣ Ренессанса высшей формой красоты, то она должна была логически видѣть въ нагомъ прекрасномъ человѣкѣ лучшее зрѣлище. Но такъ какъ въ этихъ представленіяхъ участвовали обыкновенно только обнаженныя женщины, то они по своей тенденціи были далеки отъ чистаго культа красоты. Мы имѣемъ въ данномъ случаѣ передъ собою исключительно аристократическіе нравы, придворные праздники, культъ, которымъ окружали тѣло исключительно аристократическіе круги. Вотъ почему разнообразныя, здѣсь указанныя, формы этого культа рѣже всего встрѣчались въ мелкобуржуазной Германіи, и чаще всего въ тѣхъ странахъ, гдѣ княжескій абсолютизмъ уже сдѣлался въ эту эпоху не только господствующимъ политическимъ факторомъ, но и господствующей соціальной силой, т. е. въ Испаніи, Италіи, Франціи и въ Фландріи, находившейся подъ испанскимъ владычествомъ. На показъ выставляется спеціально женская нагота, что совершенно въ духѣ идеологіи абсолютизма. Абсолютизмъ сдѣлалъ изъ женщины самый драгоцѣнный предметъ роскоши, а цѣнность предмета роскоши повышается въ глазахъ владѣльца, если онъ возбуждаетъ всеобщую зависть. А послѣдняя можетъ вспыхнуть лишь въ томъ случаѣ, если данная драгоцѣнность выставляется на показъ.

Необходимо коснуться еще одной особенности частной жизни, служащей не менѣе классическимъ доказательствомъ свойственнаго Ренессансу культа физической красоты и относящейся къ затронутому до сихъ поръ кругу идей. Мы имѣемъ въ виду описаніе и прославленіе интимной тѣлесной красоты возлюбленной или жены, со стороны мужа или любовника въ бесѣдѣ съ друзьями, ихъ готовность дать другу даже случай воочію убѣдиться въ этой хваленой красотѣ. Эта одна изъ излюбленныхъ разговорныхъ темъ эпохи. Мурнеръ говоритъ въ своемъ Geuchmatt.

«Не мало можно найти дураковъ, хвалящихъ своихъ женъ въ лицо каждому встрѣчному. Они говорятъ: у меня такая прекрасная жена, что если бы ты ее увидѣлъ, ты бы изумился».

Сеньёръ Брантомъ сообщаетъ:*)

«Я зналъ нѣсколькихъ сеньоровъ, которые хвалили своихъ женъ передъ своими друзьями и подробнѣйшимъ образомъ описывали имъ всѣ ихъ прелести».

Одинъ расхваливаетъ цвѣтъ кожи жены, похожей на слоновую кость, съ розовымъ налетомъ, какъ у персика, на ощупь мягкую, какъ шелкъ или бархатъ, другой—пышность ея формъ,

---

1) Такъ какъ намъ придется еще неоднократно въ нашей работѣ цитировать сеньера Брантома, произведеніе котораго заключаетъ цѣнныя данныя для исторіи нравовъ эпохи, то мы уже здѣсь замѣтимъ слѣдующее, чтобы уяснить, какіе нравы иллюстрируютъ его показанія.

Всѣ пикантныя исторіи, часто сугубо эротическія, переданныя Брантомомъ потомству, касаются безъ исключенія верхушки общества. Онъ самъ подчеркиваетъ это во многихъ мѣстахъ. Онъ пишетъ напр.: „Кромѣ этого, я долженъ замѣтить, что всѣ эти случаи, которые я здѣсь сообщаю, имѣли мѣсто не въ маленькихъ мѣстечкахъ или деревняхъ, а въ изысканномъ обществѣ, а герои ихъ не простые низко поставленные люди, ибо, хотя языкъ мой и простъ, но я занимаюсь только высокими и крупными предметами“.

Приведя однажды примѣръ изъ простонародной жизни, Брантомъ спѣшитъ извиниться.

„Мнѣ досадно, что я привелъ этотъ примѣръ, такъ какъ онъ касается человѣка низкаго состоянія и мнѣ не хочется пачкать бумагу такими людьми, а хочется говорить только о высоко стоящихъ особахъ“.

Въ самомъ дѣлѣ, онъ говоритъ въ большинствѣ случаевъ о французскомъ дворѣ Катерины Медичи и притомъ очень часто о любовныхъ приключеніяхъ, героинями которыхъ являлась сама королева и принцессы.

упругость ея грудей, похожихъ на «большіе яблоки съ граціозными остріями», или на «хорошенькіе шарики съ розовыми ягодами», твердые, какъ мраморъ, тогда какъ ея бедра «полушарія, сулящія высшее блаженство». Другіе хвастаютъ «словно выточенными бѣлыми ногами» женъ, подобными «горделивымъ колоннамъ, увѣнчаннымъ красивымъ фронтономъ». Не забываютъ при этомъ даже и самыхъ интимныхъ подробностей...

О духовныхъ качествахъ супруги или женщины говорятъ развѣ подъ самый конецъ. Главную роль играетъ красивое тѣло, которое описывается съ ногъ до головы и обратно. Описаніе нерѣдко подкрѣпляется доказательствомъ. Другу предоставляется возможность подглядѣть жену во время купанья или туалета или еще охотнѣе его приводятъ въ спальню, гдѣ спящая жена, не подозрѣвая, что она имѣетъ постороннихъ свидѣтелей, предоставляетъ его взорамъ всю свою наготу. Порой даже самъ мужъ откидываетъ скрывающіе ее покровы, такъ что всѣ ея прелести разоблачаются передъ взоромъ любопытныхъ. Тѣлесная красота жены демонстративно выставляется на показъ, какъ кладъ или сокровище, которые должны возбудить зависть и сомнѣнію здѣсь не должно быть мѣста. Вмѣстѣ съ тѣмъ обладатель этихъ сокровищъ хвастаетъ ими, чтобы подчеркнуть, что онъ ихъ собственникъ. Онъ дѣлаетъ это не тайно, и жена должна то и дѣло мириться съ тѣмъ, что мужъ подведетъ къ ея ложу своихъ друзей, даже въ томъ случаѣ, когда она не спитъ, и что онъ сорветъ съ нея одѣяло, отчасти скрывающее ея тѣло отъ взоровъ. Что это былъ часто встрѣчающійся обычай, видно хотя бы изъ того, что у современныхъ писателей упоминается цѣлый рядъ такихъ случаевъ и что современные разсказчики часто повторяютъ этотъ мотивъ.

У Брантома мы читаемъ слѣдующій примѣръ:

«Я хочу разсказать еще объ одномъ человѣкѣ, котораго навѣстилъ пріятель какъ разъ въ то время, когда тотъ одѣвался. При этомъ случаѣ мужъ показалъ ему жену, спавшую на постели совершенно обнаженной, безъ всякаго прикрытія, ибо было жарко.

Онъ наполовину сдернулъ занавѣску, такъ что восходившее солнце освѣтило всю ея красоту. Пріятель насладился этимъ зрѣлищемъ и потомъ оба отправились къ королю».

Въ новеллѣ Фіорентино La Niccolosa, которую мы цитируемъ во французскомъ переводѣ встрѣчается слѣд. мѣсто:

Elle était ainsi, sons vergogne, couchée dans le lit, lorsque Buondelmonte et le mari, un flambeau à la main, arrivérent dans la chambre. Buondelmonte l'empressa de prendre le coin du drap et de lui couvrir le visage; puis se mettant au pied du lit, il commenca â decouvrir les pieds et les jambes qui étaient écartées и т. д.

Въ этой новеллѣ Фіорентино рѣчь идетъ впрочемъ о другой темѣ, а именно о томъ бывшемъ тогда въ ходу наказаніи, которымъ мстилъ обманутый или отвергнутый любовникъ той дамѣ, за которой онъ тщетно ухаживалъ. Онъ старался тѣмъ или инымъ путемъ завладѣть ею, чтобы ее потомъ выставить на показъ въ обнаженномъ видѣ или передъ своими пріятелями или даже открыто на площади. Примѣры мы находимъ у Боккачіо и у другихъ новеллистовъ. Охотно показывали въ такомъ видѣ жену также и мужу, чтобы насладиться ея страхомъ.

Примѣромъ можетъ служить одна новелла Страпаролы въ его Piacevoli notti. Три замужнія сестры насмѣялись одна за другой надъ однимъ юношей. Всѣ онѣ дали ему понять, что благосклонны къ нему, а въ рѣшительную минуту оставили его въ дуракахъ. Юноша замыслилъ мѣстъ. Во время устроеннаго имъ бала ему удается завладѣть ими, онъ заставляетъ ихъ подъ страхомъ смерти раздѣться и въ такомъ видѣ показываетъ ихъ мужьямъ, которые, разумѣется, и не подозрѣваютъ, что это ихъ собственныя жены.

Юмористическая и сатирическая трактовка такого выставленія на показъ, обращающая свое жало противъ глупости мужчинъ, слишкомъ полагающихся на вѣрность своихъ женъ, сводится къ тому, что любовникъ дамы подводитъ ея мужа къ ложу, гдѣ они только что насладились любовью, и показываетъ ему всѣ ея пре-

лести. Мужъ по своей глупости никогда, разумѣется, не догадывается, что передъ нимъ его собственная жена, такъ какъ онъ раньше и не замѣчалъ ея красоты. Она ему и отомстила тѣмъ, что взяла себѣ любовника, который къ этой красотѣ былъ не слѣпъ. Это, повторяемъ, очень частый мотивъ. Очень забавная обработка его подъ заглавіемъ «Какъ мастеръ Матесъ не узналъ своихъ собственныхъ сокровищъ», встрѣчается среди веселыхъ подвиговъ и приключеній монаха изъ Ленина.

Красивая, но невѣрная жена судьи Матеса взяла себѣ любовника въ лицѣ отважнаго дворянчика. Это извѣстно при маркграфскомъ дворѣ, гдѣ этимъ хотятъ воспользоваться для шутки. Судья Матесъ получаетъ приказъ арестовать въ домѣ упомянутаго дворянина государственнаго измѣнника, который будто бы тамъ спрятался. Судья Матесъ добросовѣстно исполняетъ полученное приказаніе. Онъ естественно осматриваетъ и постель, въ которой какъ разъ находится его невѣрная жена. Однако дворянинъ находитъ выходъ, считаясь съ глупостью рогоносца-судьи. Онъ предоставляетъ послѣднему право все осмотрѣть, что лежитъ въ его постели, за исключеніемъ лица. Измѣнница ничего не имѣетъ противъ, зная, что при такихъ условіяхъ ей не грозитъ никакая опасность.

Судья Матесъ убѣждается, что въ постели лежитъ не щетинистый померанскій юнкеръ, а «склоняется въ виду видѣнной красоты къ убѣжденію, что это, вѣроятно, померанская дворянка». «Это, несомнѣнно, придворная дама, такъ какъ наши мѣщанки никогда не обладаютъ такими прелестями» — говоритъ онъ.

Другая версія этой темы—примитивно грубоватый шванкъ Auf den Esel gezetst. Здѣсь мужъ — графъ не узнаетъ жены—измѣнницы, которая при помощи румянъ и краски превращается изъ русокудрой въ брюнетку.

Все этс характерные документы, также доказывающіе, что въ центрѣ всеобщаго интереса стояло тѣлесное и притомъ чувственно-тѣлесное, что оно было главнымъ идейнымъ содержаніемъ эпохи.

Въ заключеніе надо упомянуть, что такое демонстративное

хвастанiе исходило не только отъ мужчины, что и женщина любила хвастать физическими достоинствами любовника или мужа. Разумѣется, она поступала не такъ откровенно, какъ мужчина. Тѣмъ не менѣе въ нашемъ распоряженiи рядъ современныхъ документовъ, ничего не оставляющихъ желать въ смыслѣ откровенности. Это главнымъ образомъ жалобы вдовъ, покинутыхъ невѣстъ и женъ, расхваливающихъ выше всякой мѣры добродѣтели покойнаго или отсутствующаго.

Не менѣе естественно, что не только женщина, но и мужчина выставлялъ свою красоту на показъ. А такъ какъ его красота заключалась главнымъ образомъ въ его активности, то онъ выставлялъ на показъ въ первую голову тѣ качества, которыя служили ея выраженiемъ. Онъ любитъ совершать подвиги атлета, танцора, вертящаго въ воздухѣ женщину, онъ хвастаетъ своей эластичностью и неутомимостью, не боящейся никакого напряженiя силъ. Онъ не довольствовался однако этими косвенными доказательствами, а демонстрировалъ то, чему эпоха придавала главное значенiе, путемъ моды.

Идеалъ красоты, свойственный данной эпохѣ, переносится всегда и на костюмъ, опредѣляетъ соотвѣтствующимъ образомъ основной тонъ моды. Мода не болѣе какъ примѣненiе идеала физической красоты данной эпохи къ практикѣ ежедневной жизни.

Какъ мы уже выяснили въ нашей книгѣ «Die Frau in der Karikatur», мода является эротической проблемой, потому что цѣль декоративной выработки покроя платья заключается въ подчеркиванiи эротическаго воздѣйствiя тѣла. Эта цѣль особенно наглядно выступаетъ въ женской одеждѣ и легко можетъ быть выяснена на примѣрѣ женской моды, все равно скрываетъ ли она или обнаруживаетъ тѣло. Въ такъ называемыя чувственныя эпохи эта цѣль выступаетъ однако и въ мужскомъ костюмѣ. Эта основная черта моды служитъ, конечно, опредѣленной цѣли, какъ мы показали въ упомянутомъ сочиненiи, цѣли взаимнаго ухаживанья. Для женщины мода даже самое надежное средство эротическаго воздѣйствiя.

Этотъ общiй характеръ моды, имѣющiй значенiе для всѣхъ эпохъ, получаетъ въ каждый перiодъ особую форму въ зависимости отъ специфическаго общественнаго бытiя. Ренессансъ былъ творческой эпохой, и потому вѣкомъ здоровой и сильной чувственности. Явное подчеркиванiе чувственнаго, въ смыслѣ здоровой чувственности, должно было поэтому быть главной тенденцiей моды Возрожденiя, а потомъ и ежечасное и ежеминутное выставленiе на показъ индивидуальной физической красоты. И въ самомъ дѣлѣ, такова основная черта, отличающая большинство модъ Ренессанса во всѣхъ странахъ.

На нормальнаго и здороваго человѣка чувственное воздѣйствiе оказываетъ всегда ярко выраженная форма цѣлесообразной красоты. Послѣ того, какъ въ идеалѣ красоты эпохи восторжествовала красота, построенная на принципѣ цѣлесообразности, эта послѣдняя должна была найти свое подчеркнутое выраженiе въ модѣ. Въ мужскомъ костюмѣ подчеркивали силу путемъ выявленiя мускулатуры, широты плечъ, объема груди и т. д., въ женскомъ преувеличивали бедра и грудь.

Въ примѣненiи къ мужскому костюму эту задачу рѣшили сначала такъ, что мужчина одѣвался въ плотно облегавшiй тѣло костюмъ, оттѣнявшiй отчетливо каждый мускулъ. Верхнее платье было значительно укорочено и замѣнено своего рода курткой, спускавшейся ниже пояса не болѣе, чѣмъ на ладонь. «Она едва прикрывала заднюю часть тѣла. Такова была тогдашняя мода, царившая въ Крейнцбургѣ» — говорится въ крейнцбургской хроникѣ. Такъ какъ платье дѣлалось какъ можно уже, то оно казалось какъ бы второй кожей. Эта мода достигла своего крайняго развитiя въ послѣднихъ десятилѣтiяхъ XIV вѣка и господствовала почти все XV ст. Такъ какъ въ своемъ крайнемъ развитiи эта тенденцiя приводила къ явной безпомощности въ движенiяхъ, то сталъ замѣчаться переворотъ, который привелъ ко второму рѣшенiю поставленной эпохой задачи.

Чтобы дать возможность двигаться болѣе свободно и непринужденно, пришлось брюки и рукава въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пе-

рерѣзать. Эти разрѣзы декоративно украшались, такъ что изъ куртки сквозь разрѣзы выступала шелковая рубашка, въ видѣ буффовъ, а разрѣзы въ брюкахъ снабжались буффами другихъ цвѣтовъ. Такъ возникла первая форма моды на буффы, приблизительно въ концѣ XV в. Она не только давала возможность дальше развить эту тенденцію, но и открывала безграничныя возможности другой тенденціи: демонстративному щеголянію богатствомъ и великолѣпіемъ костюма. И это имѣло рѣшающее значеніе.

Всѣ творческія эпохи любятъ роскошь и безумное расточительство. Этому стремленію теперь открывалось безграничное поле дѣйствія, такъ какъ вѣкъ міровой торговли создалъ предпосылки для безмѣрной роскоши. Образовались огромныя богатства, легче можно было нажиться. Роскошь, какъ массовое явленіе, обнаруживается въ свою очередь всегда первоначально въ костюмѣ, ибо здѣсь лучше и легче выставить ее на показъ. Въ области мужской моды конечнымъ результатомъ этой роскоши была безобразная знаменитая мода на шаровары (Plunderhosen), достигшая въ смыслѣ безумнаго злоупотребленія сукномъ своего крайняго развитія въ первой половинѣ XVI в. — одинъ человѣкъ носилъ порой на себѣ до 60 аршинъ сукна — и господствовавшая во всѣхъ странахъ еще во второй половинѣ столѣтія. Лучше всего описана эта мода бранденбургскимъ придворнымъ проповѣдникомъ Андреасъ Мускулусъ, въ его сочиненіи Vom Hosenteufel.

Въ примѣненіи къ женской модѣ рѣшеніе задачи было достигнуто не менѣе странными и смѣшными средствами, открывавшими, разумѣется, не менѣе мужскихъ модъ, широкій просторъ для проявленія роскоши. Сначала и женщины одѣвались въ плотно облегавшія тѣло платья, подчеркивавшія всѣ ихъ эротически-возбуждающія прелести — пышность груди и бедеръ, красивую линію ногъ и т. д. Постепенно все вниманіе было сосредоточено однако на эротическомъ выявленіи груди и бедеръ, такъ называемыхъ главныхъ характерныхъ признаковъ красоты, основанной на по-

нятіи цѣлесообразности. Этотъ процессъ впродолженіи вѣковъ повторялся, разумѣется, неоднократно, но иногда въ здоровой, иногда, напротивъ, въ рафинированной формѣ. Въ эпоху Ренессанса эта тенденція носила безусловно здоровый характеръ и это положеніе нисколько не колеблется отъ того, что найденное эпохой рѣшеніе очень мало совпадаетъ съ нашими представленіями о красотѣ и гигіенѣ.

Стремленіе сдѣлать талію пошире привело къ такъ называемому Wulstenrock. Путемъ обматыванія таліи широкими, порой вѣсившими 25 фунтовъ, Wûlsten, получившими названіе «жира», (Speck) формы тѣло получали колоссальный размѣръ. Женщины казались толстыми, какъ «пекари», по выраженію проповѣдника Гейлеръ изъ Кайзерсберга. Вмѣстѣ съ тѣмъ женщины производили такое впечатлѣніе, будто онѣ беременны, что также соотвѣтствовало, какъ выше указано, тенденціи вѣка, его преклоненію передъ зрѣлостью. Это впечатлѣніе еще усиливалось благодаря тому, что женщины ходили въ башмакахъ безъ каблуковъ, что заставляло ихъ откидывать назадъ верхнюю часть тѣла, такъ что животъ выступалъ поневолѣ впередъ.

Демонстративное подчеркиваніе груди достигалось при помощи корсажа, а въ случаѣ его недостаточности при помощи набиванія ватой. Уже эпоха Ренессанса, какъ и античный міръ, знали искусственную грудь. Женщины во что бы то ни стало хотѣли казаться полными, отличаться пышными формами. Грудь старались прежде всего искусственно поднять вверхъ. «Существующій уже впродолженіи столѣтій обычай носить корсеты имѣлъ своимъ назначеніемъ не столько скрыть грудь (какова была тенденція среднихъ вѣковъ: не имѣть груди отвѣчало аскетическому міровоззрѣнію. Э. Ф.), сколько напротивъ позволить ей тѣмъ яснѣе выступить впередъ надъ все ниже опускавшимся верхнимъ краемъ платья» (C. H. Stratz: Frauenkleidung.).

Но этого мало. Стали все больше стремиться къ тому, чтобы убѣдить всѣхъ въ красотѣ своихъ формъ, въ томъ, что являешься живымъ воплощеніемъ господствовавшаго идеала красоты, и

чтобы въ этомъ не было сомнѣнія, тенденція вѣка шла все категоричнѣе навстрѣчу къ декольтированію, къ самому смѣлому обнаженію груди. А въ силу исторической ситуаціи вѣка, эта тенденція рѣдко встрѣчала на своемъ пути значительныя препятствія.

Эпоха Ренессанса отличалась не только чувственностью. Такъ какъ рѣчь идетъ о побѣдѣ восходящаго класса, то она не знала ни лицемѣрной стыдливости, ни страха, а смѣло и безбоязненно доводила всѣ свои намѣренія до крайняго предѣла. Эта прямолинейность въ свою очередь приводила къ тѣмъ особенностямъ, благодаря которымъ моды Ренессанса кажутся намъ подъ часъ такими чудовищными, причемъ эти особенности характеризуютъ одинаково какъ мужскія, такъ и женскія моды. «Я превосходнѣйшимъ образомъ созданъ для любви»—говорилъ мужчина женщинѣ при помощи своего костюма. «Я достойный предметъ твоей силы»—отвѣчала она ему не менѣе ясно при помощи своей одежды. А какъ предложеніе, такъ и отвѣтъ отличались въ эпоху Ренессанса одинаковой смѣлостью.

Начнемъ съ женской моды.

Проблема эротическаго воздѣйствія разрѣшалась здѣсь, какъ уже сказано, смѣлымъ обнаженіемъ груди. Ренессансъ придерживался того взгляда, что «обнаженная женщина красивѣе одѣтой въ пурпуръ». Такъ какъ нельзя было всегда быть обнаженной, то показывали по крайней мѣрѣ какъ можно больше ту часть, которая всегда считалась высшей красотой женщины и всегда поэтому обнаруживалась при помощи моды, а именно грудь. Обнаженіе груди не только не считалось порокомъ, а напротивъ было частью всеобщаго культа красоты, такъ какъ служило выраженіемъ чувственныхъ порывовъ эпохи. Всѣ женщины, одаренныя красивой грудью, болѣе или менѣе декольтировали свою грудь. Даже не молодыя уже женщины стремились какъ можно дольше вызывать иллюзіи полной и пышной груди. Чѣмъ болѣе одарена была женщина отъ природы въ этомъ отношеніи, тѣмъ болѣе расточительной была она. Въ отличіе отъ другихъ эпохъ,

въ періодъ Ренессанса женщины декольтировались не только въ бальной залѣ, но и дома, на улицѣ и даже въ церкви. Особенно щедры въ этомъ отношеніи были онѣ въ праздничные дни. Эпоха Ренессанса ясно показываетъ, что не климатъ, а общественное бытіе опредѣляетъ моды, что климатъ создаетъ во всякомъ случаѣ только количественныя, а не качественныя отличія, въ томъ смыслѣ, что, напр., болѣе жаркія страны предпочитаютъ болѣе легкія ткани. Такъ какъ на сѣверѣ дѣйствовали тѣ же экономическія причины, какъ и на югѣ, то сѣверянки декольтировались такъ же сильно, какъ и южанки. Фламанка и швейцарка обнажали свою грудь не менѣе, чѣмъ француженка, венеціанка и римлянка.

Только классовое дѣленіе проводило здѣсь грани. Господствующіе классы, у которыхъ женщина считалась главнымъ предметомъ роскоши, доводили декольтэ до послѣдней крайности. При испанскомъ и французскомъ дворахъ часто платье дамы было сзади и спереди раскрыто почти до пояса, такъ что не только грудь, но и почти вся верхняя часть тѣла была обнажена. Придворный поэтъ Клеманъ Маро говоритъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній:

«Когда я вижу Варвару въ праздничномъ костюмѣ, который доходитъ ей только до живота, то она производитъ на меня впечатлѣніе хорошо отшлифованнаго алмаза, играющаго постоянно своими лучами. Жанна напротивъ закутана съ ногъ до головы. Когда я вижу ее въ простомъ платьѣ, я говорю себѣ: «Ты не откровенна. Сѣрая ткань, облегающая твои члены,—пепелъ, покрывающій вѣчно пылающій огонь».

Чтобы лучше обратить вниманіе на красоту груди, на ея наиболѣе цѣнимыя достоинства—упругость и пышность, женщины порой украшали ореолы алмазными кольцами и шапочками и обѣ груди соединялись золотыми цѣпочками, отягченными крестами и драгоцѣнностями. Катерина Медичи придумала для своихъ придворныхъ дамъ моду, обращавшую на грудь вниманіе тѣмъ, что въ верхней части платья справа и слѣва были сдѣланы два

круглыхъ вырѣза, обнаруживавшихъ только груди, но зато цѣликомъ и обыкновенно обнаженными, или тѣмъ, что груди искусственно воспроизводились внѣшнимъ образомъ. Аналогичная мода, въ силу которой обнаруживались только грудь и лицо, царила и въ другихъ мѣстахъ. Тамъ, гдѣ обычай требовалъ, чтобы благородныя дамы переходили улицу только подъ шалью или въ маскѣ, какъ въ Венеціи, онѣ, правда, скрывали лицо, но зато тѣмъ щедрѣе выставляли на показъ грудь.

Въ средѣ бюргерства и городского дворянства женщины не декольтировались такъ сильно, какъ при дворахъ абсолютныхъ государей. Только проститутки подражали этой модѣ и имъ часто позволялось выходить на улицу съ совершенно обнаженной грудью, въ всякомъ случаѣ онѣ имѣли полное право являться въ такомъ видѣ дома и на празднествахъ. Но и мѣщанки декольтировались очень замѣтно. Существовало нѣсколько модъ среди бюргерства, позволявшихъ такъ глубоко вырѣзать платье, что видны были даже ореолы грудей. Такую моду можно прослѣдить по рисункамъ Голбейна и Дюрера. Въ одномъ описаніи костюмовъ относящемся къ началу XV в., говорится:

«Богатыя дѣвицы одѣваютъ платье съ вырѣзомъ спереди и сзади, такъ что груди и спина почти обнажены».

Въ Лимбургской хроникѣ, также относящейся къ XV в., говорится:

«А женщины носятъ широкіе вырѣзы, такъ что видна половина груди».

Къ тому же корсажъ такъ подпиралъ грудь вверхъ, что достаточно было малѣйшаго движенія со стороны женщины, чтобы грудь выходила изъ платья. Женщины, одаренныя отъ природы красивой грудью, несомнѣнно не упускали случая доставлять мужчинамъ такое зрѣлище. Это совершенно естественная логика подобныхъ модъ. Каждая тенденція стремится достигнуть своей границы, осуществить всѣ свои возможности. И что это не наша произвольная комбинація, доказывается многочисленными литературными документами, распространенными поговорками и т. д.

Мурнеръ, напр., слѣдующимъ образомъ описываетъ утонченные пріемы женщинъ.

«Женщины совершенно забыли стыдъ. Такъ пали низко нравы. Въ наготѣ онѣ полагаютъ теперь красоту. Вся ихъ спина видна и онѣ мастерски умѣютъ показывать грудь, подпертую корсетомъ. Чтобы она не задохнулась въ платьѣ, онѣ обнажаютъ половину ея, такъ думаютъ онѣ привлечь глупцовъ. «Оставьте! Что это такое?—говоритъ женщина, когда мужчина касается ея груди. «Какой вы злой! Клянусь честью, я ни разу еще не видала такого дерзкаго человѣка!». Она защищается противъ мужчины такъ, какъ оселъ, со спины котораго упалъ мѣшокъ. Тайкомъ подноситъ она руку къ груди и вся она выпадаетъ изъ платья».

Щедрость въ этомъ отношеніи женщинъ нѣкоторыхъ городовъ вошла въ поговорку. О флорентинкахъ говорили: «Онѣ охотно показываютъ свою пышную грудь». Въ 48-ой главѣ своего трактата «De sacerdotum et Monachorum Carnalium abominatione» Гусъ пишетъ:

«Женщины дѣлаютъ въ своихъ платьяхъ около шеи такой большой вырѣзъ, что каждый можетъ видѣть ея блестящую кожу до половины обнаженной груди, притомъ вездѣ, въ храмѣ, какъ и на площади, а еще болѣе дома, а то, что остается скрытымъ отъ ея груди, такъ искусственно преувеличено, и такъ выступаетъ впередъ, что производитъ впечатлѣніе двухъ роговъ на груди».

Право особенно сильно декольтироваться принадлежало во многія эпохи спеціально дѣвушкамъ. Это понятно. Грудь является главнымъ ея средствомъ эротически воздѣйствовать на мужчину, привлечь его вниманіе. Дѣвушка еще только добивается мужчины, поэтому она имѣетъ право болѣе другихъ выставлять на показъ свои заманчивыя прелести. Отъ замужней женщины, уже достигшей своей цѣли, обычай требовалъ, чтобы ея декольтэ

было значительно скромнѣе. Она уже не имѣла права показывать ореолы грудей. А вдова была даже обязана наглухо до самой шеи застегивать платье, такъ какъ ей уже не приходилось больше привлекать къ себѣ вниманіе мужчинъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ вдовы должны были совершенно закутаться, какъ въ мѣшокъ: онѣ уже не имѣютъ права на утѣхи жизни. Впрочемъ это требованіе ограничивалось только годомъ траура. По прошествіи этого времени вдова въ разныхъ городахъ и въ разныя эпохи могла снова выставлять свою красоту на показъ и даже конкурировать въ этомъ отношеніи съ дѣвушками, такъ какъ теперь она снова добивалась любви и вниманія мужчины. Такая дифференцировка правилъ приличія лучше всего доказываетъ выше приведенное положеніе, что мода является по существу эротической проблемой и служитъ прежде всего цѣлямъ взаимнаго ухаживанія.

На ряду съ хронистами, авторами швенковъ и разсказчиками новеллъ, на ряду съ современными рисовальщиками и художниками много свѣдѣній о смѣломъ обнаженіи груди даютъ моралисты и проповѣдники, не упускающіе при этомъ случая, напомнить, что это дѣло діавольское и грозитъ адскими муками всѣмъ, кто такимъ путемъ проявляетъ свою безнравственность. Еще изъ одного источника узнаемъ мы много положительныхъ подробностей о господствовавшей въ эпоху Ренессанса тенденціи какъ можно больше обнажать публично грудь, а именно изъ многочисленныхъ современныхъ регламентацій костюма и законовъ противъ роскоши. Большинство историковъ видѣли въ этой регламентаціи не болѣе какъ выраженіе отеческаго попеченія городскихъ властей и администраціи, стремившихся поставить преграду роскоши, подтачивавшей народное благосостояніе. Нѣтъ сомнѣнія, что такова была одна изъ причинъ, приводившихъ къ изданію регламентацій костюма и законовъ противъ роскоши, но гораздо важнѣе два другихъ фактора.

Мода является не только эротической проблемой, но и важнымъ средствомъ классоваго обособленія. Въ болѣе раннія эпохи мода была даже наиболѣе важнымъ такимъ средствомъ, и потому характерныя черты, служившія въ костюмѣ признаками классоваго дѣленія, опредѣлялись всегда закономъ, а именно въ упомянутыхъ регламентаціяхъ костюма. Границы всегда устанавливались не для верха, а для низа, только низшіе классы не должны были переступать ихъ. Таковъ одинъ изъ этихъ факторовъ.

Другой главной цѣлью, которую преслѣдовала регламентація моды и которую часто и не думали скрывать, была защита родной индустріи противъ иностранной конкуренціи драгоцѣнными матеріями и вышивками, какъ то бархатомъ, шелкомъ, вуалями, вышивками серебромъ, мѣхами и т. д. Запрещеніе носить и обрабатывать подобныя матеріи не рѣдкость въ такихъ городахъ и въ такія эпохи, когда цехи отличались силой и держали въ своихъ рукахъ городское управленіе. Подобные указы всегда проводились въ жизнь тѣмъ энергичнѣе, чѣмъ безусловнѣе была власть господствующаго класса и наоборотъ они тѣмъ болѣе игнорировались, чѣмъ замѣтнѣе другіе классы подточили власть командующей группы, ибо непокорность угнетенныхъ классовъ по отношеніи къ старому и къ традиціи обнаруживается прежде всего въ костюмѣ. Цехи же, предвидѣвшіе грядущій переворотъ задолго до того времени, когда онъ сдѣлался историческимъ фактомъ, старались всѣми силами сохранить старину, ибо на ней покоилось ихъ экономическое и политическое могущество. Сообразно узкому горизонту своихъ интересовъ, они хотѣли регулировать своими указами жизнь горожанъ даже въ ея мельчайшихъ подробностяхъ.

Изъ означенныхъ двухъ факторовъ, породившихъ главнымъ образомъ регламентацію костюма, вытекаютъ совершенно логически и тѣ два факта, которые необходимо здѣсь упомянуть. Это во-первыхъ, многочисленные оттѣнки, которые принимала мода въ населеніи различныхъ городовъ, и во-вторыхъ, прямо противоположная черта, тотъ совершенно безспорный фактъ, что эти указы въ другихъ мѣстахъ, очевидно, оставались только на бумагѣ, что видно изъ наблюдаемаго нами постояннаго ихъ возоб-

новленія. Другими словами, всѣ понимали истинную причину и дѣйствіе моральнаго негодованія. Въ морали городскихъ властей обнаруживался прежде всего ихъ классовый интересъ, который они при этомъ могли успѣшно охранять лишь до тѣхъ поръ, пока къ ихъ услугамъ находилось никѣмъ не оспариваемое политическое могущество.

Такъ какъ благородство костюма возростало въ той же мѣрѣ, въ какой увеличивалось декольтэ, и такъ какъ съ другой стороны обнаженная грудь считалась высшимъ украшеніемъ женщины, то господствующіе классы присвоили эту привилегію только себѣ. Женщины изъ простонародія не имѣли права показать, что и ихъ грудь можетъ быть «благороднаго свойства». Вотъ почему многочисленные запретительные указы имѣли въ виду какъ разъ декольтэ. Тамъ, гдѣ господствовала знать, они были обязательны для всего бюргерства, тамъ, гдѣ власть находилась въ рукахъ городского патриціата, они были обязательны для женъ ремесленниковъ.

Что мода служила средствомъ классоваго обособленія, ясно видно изъ указа французскаго короля Генриха III, указа, возобновленнаго имъ въ 1576 г. Между тѣмъ, какъ въ дворянствѣ декольтэ было чрезвычайно распространено, «священный» ордонансъ «запрещалъ людямъ незнатнаго происхожденія узурпировать костюмъ знати и превращать своихъ женъ въ Desmoiselles.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда угроза карой за роскошь въ костюмѣ не приводила къ желаннымъ результатамъ, что, какъ намъ достовѣрно извѣстно, бывало неоднократно, прибѣгали къ слѣдующей утонченной мѣрѣ, которая также встрѣчается нерѣдко: проститутки исключались изъ закона и имъ даже вмѣнялось въ обязанность ношеніе запрещеннаго костюма. Такимъ путемъ мечтали, повидимому, дискредитировать роскошь, удержать женщинъ отъ употребленія запрещенныхъ частей костюма боязнью, сойти за проститутку или безчестную особу. Такая мѣра встрѣчается въ регламентаціи, изданной въ 1353 г. въ Цитау.

«Пусть шеффены слѣдятъ за тѣмъ, чтобы ни женщины ни дѣвушки не носили Kögel, за исключеніемъ публичныхъ женщинъ, послѣднимъ власти разрѣшаютъ и даже предписываютъ носить такое украшеніе».

Иногда прибѣгали заразъ къ обѣимъ мѣрамъ: къ дискредитированію данной моды и къ угрозѣ кары. Такъ поступилъ венеціанскій Высокій Совѣтъ въ указѣ XVII в.

«Только публичнымъ женщинамъ разрѣшается ходить и посѣщать церкви въ такомъ оголенномъ видѣ. Каждый супругъ долженъ былъ бы удержать жену отъ такого оголенія, иначе онъ обязанъ заплатить нѣсколько сотъ дукатовъ, безъ различія, благороднаго ли онъ происхоженія или нѣтъ».

Но, повидимому, и дискредитированіе той или другой моды не приводило къ желанному результату, какъ видно изъ постояннаго возобновленія подобныхъ указовъ.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что стремленіе публично выставлять на показъ свою красоту настолько вытекало изъ внутренней сущности эпохи, что предпочитали лучше подвергаться моральной опасности, чѣмъ скрыть свою красоту, которой гордились болѣе всего. И въ самомъ дѣлѣ, это стремленіе обнаруживалось тѣмъ необузданнѣе, чѣмъ болѣе проникалъ въ жизнь новый экономическій принципъ. Если же, начиная со второй трети XVI в. впродолженіи нѣсколькихъ десятилѣтій, обычай глубокаго декольтэ и вмѣстѣ съ нимъ роскошь въ костюмѣ пошли на убыль, преимущественно среди нѣмецкаго бюргерства, то это объясняется въ конечномъ счетѣ не этими указами и не вліяніемъ реформаціи, какъ думаютъ многіе историки, а тяжелой экономической депрессіей, обнаружившейся тогда повсемѣстно и вынуждавшей массы къ самоограниченію въ этой области.

Какой бы откровенности и смѣлости ни достигала женская мода въ обнаженіи груди—ей ни въ чемъ не уступало въ этомъ та особенность мужской моды, которая отличаетъ Ренессансъ отъ всякихъ другихъ эпохъ. Здѣсь рѣчь идетъ о томъ, что нѣмцы называютъ Latz, а французы — braguette. Эта подробность при-

даетъ мужской модѣ Возрожденія въ нашихъ глазахъ поистинѣ чудовищный характеръ...

Чувственному характеру эпохи Ренессанса какъ нельзя болѣе отвѣчала та черта, что какъ женщина, такъ и мужчина открыто обнаруживали то, чему ихъ вѣкъ придавалъ наибольшую цѣнность. Никто не находилъ страннымъ, что мужчина и женщина такими грубоватыми средствами дѣйствовали одинъ на чувства другого. А чувства мужчины и женщины оставались отнюдь не равнодушными къ этимъ возбудителямъ, а приводились ими въ постоянное волненіе. Литература Ренессанса богата доказательствами того, что чувства мужчины воспламенялись глубоко обнаженной грудью женщины, что эта часть тѣла всегда прежде всего увлекаетъ и соблазняетъ его. Нетрудно обосновать документальными данными и тотъ фактъ, что женщины не менѣе воспламенялись демонстративно подчеркнутой энергіей мужчины.

Такъ какъ это взаимное дѣйствіе неоспоримый фактъ, то обѣ эти черты представляютъ собою классическіе документы моды въ пользу вторичнаго открытія физическаго человѣка, въ которомъ заключалась задача и цѣль новаго воцарившагося въ мірѣ экономическаго уклада. Обѣ эти черты, разумѣется, только части общей картины Ренессанса, но онѣ принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыя позволяютъ разоблачить истинную сущность вѣка. Онѣ его магистральныя линіи.

III.

Любовь и бракъ.

Мы уже выяснили, что всякая по существу своему революціонная эпоха всегда бываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ эпохой напряженной эротики. Поэтому и Ренессансъ, особенно на апогеѣ своего развитія, неизбѣжно долженъ былъ стать совершенно исключительнымъ вѣкомъ пламенной чувственности. Всякое болѣе детальное разсмотрѣніе эпохи только подтверждаетъ это положеніе.

«Міръ — говоритъ Максъ Адлеръ — созданъ не единожды, мистическимъ, сверхчеловѣческимъ актомъ, а постоянно вновь создается въ моментъ возникновенія новаго способа мышленія, доводящаго свое содержаніе до сознанія мыслящаго субъекта въ совершенно новой формѣ».

Если этотъ процессъ никогда не прекращался въ исторіи, то революціонныя эпохи имѣютъ въ рамкахъ этой эволюціи совсѣмъ особое значеніе, и безспорно самое важное для темпа этого процесса. Никогда сознаніе, что сами люди являются творцами міра, не было такъ ясно и такъ интенсивно, какъ именно въ революціонныя эпохи. Въ такія эпохи люди въ противоположность другимъ періодамъ, когда этотъ процессъ протекаетъ въ скрытомъ видѣ, сознательно дѣйствуютъ, какъ строители міра. Это нетрудно понять.

Революціонными эпохи бываютъ тогда, когда экономическое развитіе разбиваетъ старыя мѣшающія ему общественныя формы и ставитъ передъ современниками, какъ высшую задачу, ждущую немедленнаго разрѣшенія — необходимость творчества новыхъ формъ, приспособленныхъ къ измѣнившимся потребностямъ.

Такъ какъ это сознанiе вспыхиваетъ не въ отдѣльныхъ только лицахъ, а благодаря концентрацiи процесса во всемъ задѣтомъ имъ человѣчествѣ, то всѣ его силы пробуждаются, приходятъ въ движенiе, проявляются въ дѣйствiи и въ такiя эпохи человѣчество какъ будто переживаетъ свою первую эмансипацiю. Въ такiя эпохи человѣчество убѣждено, что можетъ разрѣшить всѣ свои вопросы, вообще всѣ проблемы. Въ такiя эпохи оно поэтому сознательно творитъ мiръ. А сознательное дѣйствованiе приводитъ быстрѣе къ намѣченной цѣли, такъ какъ люди стремятся пойти кратчайшимъ путемъ и избѣгаютъ обходныхъ дорогъ, на которыя они сбиваются при безсознательномъ движенiи. Революцiонныя эпохи играютъ поэтому огромную роль, ускоряя темпъ процесса постояннаго сотворенiя мiра.

Люди революцiонныхъ эпохъ отличаются еще въ другой области бóльшей силой и творческой способностью, а именно въ области чувственной любви. Или выражаясь точнѣе: общая активность людей такихъ эпохъ является послѣдствiемъ ихъ вообще повышенной жизненной силы, которая въ свою очередь является результатомъ пробужденiя человѣчества къ сознательности. Такъ какъ далѣе сила есть прежде всего чувственность или по крайней мѣрѣ всегда проявляется и въ чувственности, то отсюда ясно, что всякое повышенiе жизненной силы должно привести къ повышенной чувственной дѣятельности вообще и въ частности эротической.

Неудивительно поэтому, если въ такъ называемыя революцiонныя эпохи половое чувство достигаетъ крайней степени напряженности и что эта напряженность развивается въ направленiи здоровья (см. главу о законѣ волнообразнаго движенiя эротики въ моей Geschichte der erotischen Kunst).

Болѣе близкое разсмотрѣнiе половой жизни въ эпоху Ренессанса въ разныхъ странахъ доказываетъ на каждомъ шагу это положенiе. Каждый документъ, оставленный намъ этимъ богатымъ временемъ, положительно насыщенъ здоровой чувственностью, является въ конечномъ счетѣ ничѣмъ инымъ, какъ облекшейся въ

форму творческой чувственностью. Эта революцiоннѣйшая изъ всѣхъ эпохъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ грандiозный историческiй примѣръ эротики, какъ массоваго явленiя.

Половая любовь въ эпоху Ренессанса носила прямо вулканическiй характеръ и проявлялась обыкновенно, какъ вырвавшаяся изъ плѣна стихiйная сила, подчинявшая себѣ все, пѣнясь и шумя, правда, порой и не безъ грубой жестокости. А такъ какъ каждая стихiйная сила проявляясь обнаруживаетъ свой конечный законъ, то въ области любви основнымъ принципомъ была производительность. И это не подлежитъ сомнѣнiю: мужчина хотѣлъ прежде всего оплодотворять, женщина — быть оплодотворенной.

Благодаря этому любовь получила въ эпоху Ренессанса такой же героическiй оттѣнокъ, какъ и идеалъ физической красоты. Это было логично. Противоположное было напротивъ нелогично, ибо всѣ отдѣльныя проявленiя духа вѣка органически между собой связаны и потому гармонично дополняютъ другъ друга. То, что въ идеалѣ красоты Возрожденiе привело къ благороднѣйшему воплощенiю красоты, въ смыслѣ цѣлесообразности, должно было въ реальной жизни привести къ подобному же торжеству естественнаго закона любви. Въ такомъ направленiи эпоха и идеализировала любовь, какъ мы видѣли на рядѣ примѣровъ. Любовь такъ сказать и въ идеологiи превратилась изъ понятiя въ реальность, стала сознательнымъ осуществленiемъ закона природы и въ концѣ концовъ культомъ воспламененныхъ сильнѣйшимъ образомъ инстинктовъ. Повышенная половая дѣятельность стала въ глазахъ обоихъ половъ явленiемъ нормальнымъ, дающимъ право на уваженiе. Совершеннымъ въ глазахъ эпохи былъ только тотъ мужчина, который кромѣ вышеуказанныхъ физическихъ достоинствъ отличался никогда не потухавшими желанiями, совершенной женщиной только та, которая вплоть до самаго зрѣлаго возраста жаждала любви мужчины.

Другими словами: высшими добродѣтелями считались вулканическiя страсти у обоихъ половъ, неослабѣвающая даже въ пре-

клонныхъ лѣтахъ производительность мужчины и столь же неослабѣвающее плодородіе женщины. Имѣть много дѣтей доставляло славу и было обычнымъ явленіемъ, не имѣть ихъ считалось наказаніемъ за какой нибудь грѣхъ и встрѣчалось сравнительно рѣдко.

Такова основная линія въ половой жизни Ренессанса, которую нетрудно вскрыть, такъ какъ она всюду выступаетъ чрезвычайно отчетливо и сама навязывается наблюдателю. Такое ея отчетливое выявленіе было обусловлено двумя особыми факторами, которыхъ нельзя игнорировать при исторической реконструкціи.

Первое изъ этихъ обстоятельствъ заключается въ томъ, что эта тенденція ни въ чемъ не находила преградъ для себя. Мы уже выше упомянули, что результаты, которыхъ можетъ достигнуть та или другая эпоха, зависятъ въ значительной степени отъ тѣхъ предпосылокъ, которыя она получаетъ въ готовомъ видѣ отъ прошлаго.

Чисто чувственная тенденція Ренессанса могла свободно развиться потому, что въ предыдущіе средніе вѣка отношенія между полами носили очень примитивный характеръ, были исключительно половыми отношеніями. Животный базисъ эротическаго чувства былъ лишь въ самой незначительной степени одухотворенъ. Любовь исчерпывалась физическимъ актомъ, во всякомъ случаѣ кульминировала въ немъ.

Это приложимо въ особенности къ браку. Его условный характеръ былъ лишь въ очень малой степени одухотворенъ индивидуальной любовью. Для аристократіи бракъ былъ политическимъ актомъ, лучшимъ средствомъ увеличить свое вліяніе и могущество. Интересы семьи, а не желанія личности имѣли поэтому рѣшающее значеніе. То же самое вѣрно и относительно цеховыхъ мастеровъ средневѣковыхъ городовъ. Если кругъ, среди котораго они могли выбрать жену, былъ и безъ того ограниченъ, то они кромѣ того должны были еще подчиняться цеховымъ и семейнымъ интересамъ, причемъ послѣдніе были тѣсно связаны съ первыми. Когда въ городахъ возникъ купеческій патриціатъ, во-

просъ о матеріальномъ благосостояніи также оттѣснилъ личныя склонности. Бракъ былъ въ глазахъ этого слоя самой простой формой накопленія капитала, скорѣйшимъ способомъ постояннаго присвоенія прибыли.

Только низшіе слои народа, неимущіе классы смотрѣли на бракъ не съ такой условной точки зрѣнія и потому индивидуальная любовь играла въ ихъ брачныхъ союзахъ бо́льшую роль. У всѣхъ другихъ классовъ бракъ, спаенный денежными, классовыми и сословными интересами, былъ въ большинствѣ случаевъ ничѣмъ инымъ, какъ средствомъ производства законныхъ наслѣдниковъ. Въ этихъ классахъ супружеская любовь была лишь въ незначительной степени субъективной склонностью, а скорѣе объективной обязанностью, «не причиной, а корелатомъ брака». Религіозная и буржуазная идеологія городовъ нѣсколько скрашивала это положеніе вещей, зато оно держалось въ чистомъ видѣ среди крестьянства въ деревняхъ. Какъ уже было выяснено въ первой главѣ, здѣсь половая способность мужчины и женщины считалась благодаря экономическимъ условіямъ существованія главнѣйшимъ оффиціальнымъ пунктомъ рядомъ съ матеріальнымъ благосостояніемъ. Таковы были предпосылки, существовавшія въ средніе вѣка. Нетрудно видѣть, что онѣ представляли чрезвычайно благопріятную почву для развитія эротики. Эта тенденція Ренессанса не только не находила себѣ препятствій, а напротивъ даже поддержку въ другихъ побудительныхъ факторахъ, направленныхъ къ той же цѣли.

Эти факторы заключались въ зарождавшейся въ средніе вѣка индивидуальной любви, бывшей первымъ результатомъ зарождавшагося новаго содержанія жизни. Какъ ни страннымъ покажется на первый взглядъ утвержденіе, тѣмъ не менѣе оно безспорный фактъ: дѣйствіе этого важнѣйшаго и благороднѣйшаго эмансипаціоннаго процесса, цѣлью котораго было поднятіе обоихъ половъ изъ ихъ низкаго состоянія, заключалось не въ ослабленіи, еще менѣе въ устраненіи, а напротивъ въ чрезвычайномъ усиліи животной стороны любви. Правда, это дѣйствіе шло въ направленіи,

знаменовавшемъ, несомнѣнно, этическій прогрессъ, но это ничего не мѣняетъ въ внѣшнемъ результатѣ. И, какъ нетрудно понять, этотъ фактъ не менѣе логиченъ. Взаимная любовь мужчины и женщины, какъ высшая форма проявленія жизни, должна носить характеръ не низменной арифметической задачи, а выстраиваться исключительно на взаимной индивидуальной склонности и страсти — таково основное требованіе, такова программа индивидуальной любви. Литература всѣхъ странъ доказываетъ, что слѣды такой индивидуальной страсти встрѣчаются уже въ раннемъ средневѣковьѣ.

Въ очаровательномъ любовномъ посланіи одной образованной дамы къ ея возлюбленному, находящемся въ собраніи посланій монаха Вернгера фонъ Тегернзе, мы имѣемъ даже прямо классическое свидѣтельство. Мы не знаемъ ни даму, которая пишетъ письмо, ни мужчину, которому оно адресовано, и однако каждая строчка письма говоритъ намъ, что слова эти были продиктованы самой чистой и благородной страстью женскаго сердца.

«Любимѣйшій изъ дорогихъ!» — такъ начинаетъ она письмо и все дальнѣйшее есть постоянное взаимное сліяніе съ возлюбленнымъ, дышетъ высокимъ уваженіемъ и твердымъ, какъ скала, довѣріемъ. «Тебя одного среди тысячи выбрала я, тебя одного восприняла въ святыню моего духа». И послѣ цѣлаго ряда страницъ она заканчиваетъ слѣдующими сердечными стихами, ставшими впослѣдствіи какъ бы волшебнымъ заклинаніемъ, нѣжнѣйшей исповѣдью всѣхъ истинно любящихъ:

«Ты мой, я твоя. Можешь быть въ этомъ увѣренъ. Ты заключенъ въ моемъ сердцѣ. Я потеряла ключикъ отъ него и ты теперь не можешь выйти оттуда».

Однако если мы изъ этого документа можемъ сдѣлать выводъ, что высшая форма половой любви уже тогда во многихъ мѣстахъ побѣдоносно вошла въ жизнь, то это имѣло мѣсто только въ идеѣ, если такъ можно выразиться, только въ принципѣ. Условный характеръ брака въ средѣ имущихъ и господствующихъ классовъ оставался тѣмъ не менѣе по прежнему въ силѣ, былъ не только

не уничтоженъ, но даже и не поколебленъ. Вѣдь этотъ условный характеръ брака сохранился въ этихъ классахъ и по сю пору и только слегка замаскированъ болѣе изысканными свѣтскими формами.

По прежнему большинство браковъ опредѣлялось классовыми, денежными и сословными соображеніями. Торжество индивидуальной склонности не могло поэтому осуществиться въ предѣлахъ брака, а только въ принципіальномъ отрицаніи связаннаго съ бракомъ требованія взаимной физической вѣрности. Такъ оно и случилось.

Первое массовое торжество индивидуальной любви въ исторіи проявилось на самомъ дѣлѣ во всѣхъ странахъ не въ формѣ супружеской любви, а въ формѣ рыцарскаго культа дамы, высшій принципъ котораго прямо гласилъ, что истинная любовь (Minne) не имѣетъ рѣшительно ничего общаго съ бракомъ. Иными словами: болѣе высокая форма любви началась исторически съ прелюбодѣянія, съ обоюднаго прелюбодѣянія, систематически организованнаго цѣлымъ классомъ. Въ этомъ классѣ не было ни одного мужчины, не домогавшагося бы изъ года въ годъ любви другихъ женщинъ, только не жены, ни одной женщины, не позволявшей бы другимъ мужчинамъ публично при всѣхъ домогаться ея расположенія, такъ что въ концѣ концовъ все рыцарство представляло не что иное, какъ «общество для устроенія обоюднаго адюльтера».

Сама природа вещей обусловливала, разумѣется, что желанная цѣль и обѣщанное вознагражденіе въ огромномъ большинствѣ случаевъ въ самомъ дѣлѣ и достигались и отдавались, ибо всякій протестъ имѣетъ тенденцію проявиться въ дѣйствіяхъ. А рыцарскій культъ выступилъ исторически именно, какъ протестъ противъ условнаго брака, признававшаго только обязанности. Въ данномъ случаѣ въ чемъ иномъ могло проявиться дѣйствіе, какъ не въ достиженіи и отдачѣ высшей награды любви (Minnesold). Ибо сущностью индивидуальной любви является именно сексуальный моментъ, желаніе мужчины обладать женщиной, отдающейся ему не во имя объективной обязанности, а въ силу субъективной

влюбленности, и такое же желаніе женщины отдаться тому мужчинѣ, который возбуждаетъ ея симпатію.

Всякій протестъ ведетъ однако еще дальше, а именно къ полной побѣдѣ въ данной области. Полная же побѣда достигалась здѣсь тогда, когда остроумію удавалось отдавать чаще любви и страсти то, что обязанность требовала, какъ жертву. И на это и были устремлены всѣ помыслы обѣихъ сторонъ, женщины не менѣе, чѣмъ мужчины, несмотря на всѣ смѣшныя и уродливыя, нагроможденныя романтикой, препятствія, которыя любовникъ долженъ былъ превозмочь, прежде чѣмъ его дама разрѣшала ему доказать ей, что объятія друга куда слаще объятій мужа.

Въ своемъ конечномъ итогѣ такая классовая мораль приводила логически къ тому, что выше мы назвали первымъ слѣдствіемъ зарожденія въ исторіи индивидуальной половой любви, какъ массоваго явленія, а именно къ чрезвычайному усиленію физической стороны любви.

Тотъ фактъ, что «любовные дворы» короля Артура и др., гдѣ обсуждались права и обязанности любви, никогда не существовали въ дѣйствительности, какъ мы теперь знаемъ, а были только продуктами поэтической и художественной фантазіи эпохи, рѣшительно ничего не мѣняетъ. Напротивъ: эта столь распространенная и столь долго считавшаяся дѣйствительностью легенда о существованіи подобныхъ «соборовъ любви» является лишнимъ доказательствомъ. Въ этихъ описаніяхъ любовныхъ дворовъ и въ свѣдѣніяхъ о будто бы происходившихъ тамъ дебатахъ мы имѣемъ не что иное, какъ академическое обсужденіе со стороны умиравшихъ среднихъ вѣковъ назрѣвшей проблемы индивидуальной половой любви. Не менѣе естественно и то, что легенда о дворахъ и судилищахъ любви была пріурочена къ рыцарству, что именно здѣсь должна была зародиться тема о правѣ на индивидуальную половую любовь.

Сознательная пропаганда этого естественнаго права могла возникнуть только тамъ, гдѣ экономическія предпосылки уже привели къ освобожденію женщины отъ домашняго рабства и гдѣ условный характеръ брака выступалъ особенно наглядно, такъ что супружеская любовь сознавалась почти исключительно, какъ обязанность. И то и другое впервые имѣло мѣсто среди рыцарства. Здѣсь бракъ носилъ почти исключительно условный характеръ, — молодые люди предназначались для брака еще дѣтьми и только во имя семейныхъ интересовъ — и здѣсь благосостояніе уже освободило женщину отъ домашней работы, такъ что ея горизонтъ расширился и въ ней могло развиться болѣе интенсивное чувство личности. По тѣмъ же самымъ причинамъ, изъ тѣхъ же круговъ вышла въ XV и XVI вв. дѣвушка-амазонка, virago, женщина, конкурировавшая съ мужчиной въ области науки и общаго образованія.

Усиленіе физической стороны любви не только въ этихъ кругахъ, но и во всѣхъ классахъ, было обусловлено еще одной причиной.

Сплетавшаяся съ условнымъ бракомъ индивидуальная половая любовь не одна вела къ этой цѣли, подобно тому, какъ въ вышеописанномъ ея проявленіи не слѣдуетъ видѣть только протестъ угнетенной природы: передъ нами не только процессъ обновленія, но и въ такой же мѣрѣ процессъ вырожденія нисходящаго класса. Принципъ chacune pour chacun восторжествовалъ, какъ массовое явленіе, въ концѣ среднихъ вѣковъ, потому что, какъ мы видѣли, въ жизнь вступилъ новый экономическій факторъ. И въ результатѣ должно было сложиться вышеописанное состояніе нравовъ. Ибо если общественная почва начинаетъ колебаться, не можетъ быть мѣста твердымъ и устойчивымъ нравственнымъ воззрѣніямъ. Это полученное опытнымъ путемъ положеніе не знаетъ исключеній. А какъ мы показали въ предшествующей главѣ, характернѣйшая черта эпохи заключалась именно въ томъ, что заколебалась вся общественная почва. Старые классы разлагались, образовывались новые, другіе преобразовывались: все находилось въ процессѣ кипѣнія и зарожденія.

Многочисленные документы наглядно иллюстрируютъ чувственный характеръ любви и брака въ эпоху Ренессанса: нравы, обы-

чаи, общія и правовыя воззрѣнія, отражающіяся въ своеобразныхъ пословицахъ, поговоркахъ, дѣйствіяхъ, и въ особенности литература и искусство, въ которыхъ половыя отношенія обычно являются лейтмотивомъ.

Въ этомъ отношеніи въ высшей степени характерны обычаи, связанные съ бракосочетаніемъ, обычаи, санкціонировавшіе бракъ: освященіе брачнаго ложа священникомъ,—или епископомъ и архіепископомъ, когда въ бракъ вступали люди княжескаго происхожденія,—и затѣмъ дожившій до нашихъ дней обычай публичнаго раздѣленія ложа.

Когда священникъ освящалъ брачное ложе, онъ имѣлъ, конечно, въ виду не мѣсто отдыха послѣ дневныхъ трудовъ, а «мастерскую любви». Дабы на ней покоилось благоволеніе божіе, дабы изъ нея выходили желанные продолжатели рода и наслѣдники, вотъ для чего освящалось она священникомъ. Ложе, какъ «мастерская любви», играетъ далѣе главную роль въ правовыхъ нормахъ, на которыхъ покоился бракъ, о чемъ свидѣтельствуетъ выше указанный обычай публичнаго его раздѣленія: женихъ и невѣста вмѣстѣ ложились на постель въ присутствіи свидѣтелей. Въ большинствѣ странъ бракъ считался заключеннымъ, когда женихъ и невѣста «накрылись однимъ одѣяломъ». «Взойдешь на постель и право свое пріобрѣтешь» — гласитъ древняя нѣмецкая поговорка. Чтобы въ этомъ не было сомнѣнія, обычай совершался публично. Этотъ обычай сохранился почти во всѣхъ европейскихъ странахъ и почти у всѣхъ классовъ до начала XVII в., исчезалъ лишь медленно и отжилъ лишь тогда, когда церковное вѣнчаніе, какъ единственный актъ, санкціонирующій бракъ, стало закономъ. А осуществить этотъ законъ было нелегко для церкви и онъ поэтому входилъ въ жизнь лишь очень постепенно. Простой народъ во всѣхъ странахъ цѣпко держался за свои старые обычаи и права и долго ничего не хотѣлъ слышать о церковномъ вѣнчаніи. Въ заключеніи брака видѣли не религіозный, а юридическій актъ, правовую сдѣлку. Этимъ объясняется публичное раздѣленіе ложа, такъ какъ всѣ сдѣлки совершались публично.

Собственно германскій по своему происхожденію, этотъ обычай совершался самымъ разнообразнымъ образомъ, оффиціально, съ большой торжественностью, въ серьозномъ религіозномъ тонѣ, въ присутствіи священника, освящавшаго ложе, но и юмористически. Общеизвѣстна форма, въ которую этотъ обычай вылился при княжескихъ дворахъ. Такъ какъ въ этой средѣ бракъ носилъ чисто условный характеръ, такъ какъ онъ былъ своего рода политическимъ договоромъ, въ силу котораго одно государство передавало другому извѣстную территорію, или права на власть, олицетворенныя въ образѣ невѣсты, то молодые могли и не видѣться до брака.: вѣдь личная склонность не входила, какъ факторъ, въ рѣшеніе арифметической задачи. Сдѣлка завершалась публичнымъ раздѣленіемъ ложа, причемъ самъ женихъ могъ и отсутствовать: его роль могъ взять на себя уполномоченный посланникъ, которому было поручено устройство сдѣлки. Онъ ложился спокойно на парадное ложе рядомъ съ «счастливой» невѣстой, въ качествѣ оффиціальнаго замѣстителя своего господина, и дѣло считалось сдѣланнымъ, т. е. бракъ считался юридически заключеннымъ.

Менѣе извѣстны часто грубоватые, не лишенные юмористическаго оттѣнка обычаи, бывшіе въ ходу у простонародья и даже до сихъ поръ окончательно не исчезнувшіе. Для характеристики послѣднихъ приведемъ одинъ обычай, существующій въ Верхнемъ Пфальцѣ. «Какъ только телѣга съ приданымъ невѣсты останавливается передъ домомъ молодыхъ, женихъ снимаетъ двуспальную кровать, положенную на самомъ верху, и относитъ ее въ спальню, потомъ въ присутствіи всѣхъ кладетъ на постель невѣсту, ложится рядомъ и цѣлуетъ ее».

Если въ такихъ обычаяхъ мы имѣемъ дѣло съ символической характеристикой дѣторожденія, какъ главной и послѣдней цѣли брака, то съ другой стороны существуетъ рядъ воззрѣній и обычаевъ, имѣющихъ въ виду непосредственно половой актъ, какъ ежедневную «брачную пищу», ради которой вступаютъ въ бракъ, «такъ какъ безъ нея не можетъ обойтись ни здоровый мужчина,

ни здоровая женщина». Подобное воззрѣніе отчетливо выступаетъ въ разныхъ деревенскихъ обычаяхъ и въ такомъ общеизвѣстномъ документѣ, какъ Ehezuchtbüchlein Лютера. Здѣсь открыто, хотя и грубо, половому акту приписывается значеніе необходимаго для взрослаго человѣка средства наслажденія, а именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о правахъ, «женщины, вышедшей замужъ за неспособнаго къ любви мужчину». Сюда относится и слѣдующій обычай: часть гостей поетъ передъ дверью супружеской спальни эротическія свадебныя пѣсни, сыплетъ эротическія остроты и шутки, снимаетъ одѣяло съ молодыхъ и вытаскиваетъ ихъ съ тріумфомъ изъ постели.

Мы сказали выше, что эпоха Ренессанса отличалась здоровьемъ, а первое требованіе покоющейся на здоровомъ фундаментѣ физіологіи любви заключается въ томъ, что мужчинѣ и женщинѣ, какъ только они достигаютъ половой зрѣлости, предоставляется право осуществленія своихъ половыхъ функцій. Это воззрѣніе было въ самомъ дѣлѣ общепризнаннымъ въ эпоху Ренессанса и выражается въ цѣломъ рядѣ поговорокъ и притомъ такъ же наивно, какъ и грубо. О мужчинахъ говорится: «Если парни хотятъ расти и толстѣть, то имъ не слѣдуетъ долго поститься» И то же самое провозглашается, какъ право дѣвушекъ: «Если дѣвица испытываетъ голодъ, не слѣдуетъ долго ждать, а нужно ее скорѣе выдать замужъ за молодого парня...»

Обыкновенно это обоюдное право на любовь выражается еще гораздо откровеннѣе, причемъ не упускается случай подробно описать физическіе признаки половой зрѣлости юноши и дѣвушки...

Естественно—непринужденное отношеніе Ренессанса къ явленіямъ жизни часто мотивировало раннее выполненіе юношами и дѣвушками половой функціи тѣми же или схожими аргументами, которые Боккачьо вложилъ въ уста одной дамы: «Законы природы важнѣе всего. Природа ничто не создала даромъ и снабдила насъ благородными органами не для того, чтобы мы ими пренебрегали, а для того, чтобы мы ими пользовались».

Самой убѣдительной причиной въ глазахъ женщинъ Ренессанса

послѣдовать совѣту дамы Боккачьо была мысль, что въ противномъ случаѣ «легко заболѣть истеріей, погубившей уже не одну прекрасную женщину» и что «лучшимъ средствомъ противъ нея является бракъ съ сильнымъ и хорошо сложеннымъ мужчиной».

При такомъ настроеніи любовная тоска мужчинъ и женщинъ Ренессанса носила, естественно, очень конкретный характеръ. Мужчина отнюдь не мечтаетъ о равноправной подругѣ, рука объ руку съ которой онъ устремится навстрѣчу высокой цѣли жизни, дѣвушка также мало тоскуетъ объ освободителѣ и воспитателѣ ея души. Оба думаютъ только объ исполненіи физическаго акта. Этимъ вполнѣ опредѣленнымъ желаніемъ исчерпывается вся ихъ любовь.

Дѣвушка требуетъ, чтобы мать нашла ей юношу, который «училъ бы ее усердно сладкой игрѣ любви». Въ особенности народныя пѣсни даютъ въ этомъ отношеніи очень характерныя и очень многочисленныя доказательства, настолько же наивныя, насколько и забавныя. Но было бы ошибкой, исходя изъ такихъ народныхъ пѣсенъ, ограничиватъ чисто физическое представленіе о любви, выражающееся въ нихъ, только народной массой, т.-е. низшимъ слоемъ. Любовная поэзія высшихъ классовъ представляетъ многочисленныя доказательства въ пользу того, что и здѣсь въ центрѣ любовной тоски стоялъ половой актъ. Достаточно вспомнить грандіозную «пѣсню пѣсенъ», сложенную Ренессансомъ въ честь чувственной любви—діалогъ между Ромео и Юліей. Чтобы убѣдиться въ этомъ, прочтите въ III дѣйствіи великолѣпное описаніе любовной тоски Юліи по Ромео.

Покровъ густой, о ночь — пріютъ любви,
Раскинь скорѣй, чтобы людскіе взоры
Закрылись и Ромео трепеталъ
Въ объятіяхъ моихъ, никѣмъ не зримый,
Не порицаемый. Свѣтло съ избыткомъ
Любовникамъ среди восторговъ ихъ
Отъ блеска собственной красы—и если

Любовь слѣпа, тѣмъ лучше ладитъ съ ночью.
Приди же, о торжественная ночь,
Ты величавая жена вся въ черномъ,—
И проиграть, выигрывая, ты
Меня въ игрѣ таинственной, которой
Двѣ непорочности залогомъ служатъ,
Наставь, о ночь! Приливъ нескромной крови
Закрой ты на щекахъ моихъ своей
Мантильей черной, пока любовь,
Сначала робкая, смѣлѣй не станетъ,
Но обратится въ долга чистоту.
Придите ночь, и Ромео, ты, мой день въ ночи.

Тоска мужчинъ по женщинѣ носитъ, какъ уже сказано, такой же предметный характеръ и это явственно звучитъ какъ въ безчисленныхъ народныхъ пѣсняхъ, такъ и въ твореніяхъ искусства. Въ амразскомъ сборникѣ пѣсенъ, содержащемъ много такихъ стихотвореній, есть между прочимъ одно, въ которомъ выражена тоска покинутаго юноши по своей возлюбленной: то, о чемъ онъ тоскуетъ въ своемъ горѣ, это только тѣ чувственныя радости, которымъ его дарила покинувшая его возлюбленная. Какъ дополненіе можно привести литературное произведеніе, не распѣвавшееся, подобно этимъ народнымъ пѣснямъ, на улицахъ и площадяхъ, а именно очаровательныя письма Іоанна Секундуса, этого, какъ его восторженно окрестилъ Гете, «великаго поэта поцѣлуя» (der grosse Küsser). Его тоска по любви и по возлюбленной тоже дышетъ однимъ только сладострастіемъ, и высшимъ его желаніемъ является безконечное число сладострастныхъ поцѣлуевъ, полученныхъ и возвращенныхъ.

«Сказать тебѣ, какіе поцѣлуи я люблю больше всего? Развѣ можно выбирать, возлюбленная! Когда ты отдаешь мнѣ свои губы влажными, я благодаренъ имъ. Когда онѣ горятъ, я люблю ихъ такими. Какъ сладко цѣловать твои глаза, когда они подернуты томностью и угасаютъ отъ желанія, твои глаза, источники моихъ страданій. Какъ сладко оставлять на твоихъ щекахъ, шеѣ и плечахъ, на твоей бѣлой груди слѣды красныхъ поцѣлуевъ...

Продолжительны ли твои поцѣлуи и бѣглы, томны, кротки или страстны, всѣ они любы мнѣ. Только объ одномъ прошу я тебя: никогда не цѣлуй меня такъ, какъ я тебя цѣловалъ, а всегда по другому. Пусть то будетъ игра, полная разнообразія».

Дѣвушка этой эпохи не можетъ дождаться, когда созрѣетъ для любви. Въ одномъ стихотвореніи Нидгарта фонъ Рейенталь, изображающемъ деревенскую любовь, мать и дочь бесѣдуютъ о правѣ послѣдней на любовь. Шестнадцатилѣтняя дочка настаиваетъ на томъ, что ея тѣло уже давно созрѣло для любви, мать держится другого мнѣнія, однако дочь знаетъ прошлое матери: «Вамъ же было только 12 лѣтъ, когда вы перестали быть дѣвушкой». Мать сдается. «Ну хорошо, возьми себѣ любовниковъ, сколько хочешь». Дочь не довольствуется этимъ разрѣшеніемъ, она хочетъ, чтобы ей не мѣшали, и тутъ выясняется, почему мать находила дочь еще слишкомъ юной для любви.

«Я бы охотно это сдѣлала, если бы вы сами не отнимали у меня изъ подъ носа мужчинъ. Чортъ бы васъ побралъ! Есть же у васъ мужъ, на что вамъ еще другіе мужчины»? Мать, видя, что ее обличили, соглашается на все. «Ну хорошо, дочка. Только смотри, молчи. Будешь ли ты любить много или мало, я ничего не буду имѣть противъ и хотя бы тебѣ пришлось качать на рукахъ младенца. Но и ты не болтай, когда увидишь, что я отдаюсь любви».

Эта взаимная зависть женщинъ, особенно зависть матери къ дочери, имѣющей больше шансовъ на любовь, довольно распространенный мотивъ въ литературѣ эпохи. Наиболѣе классическимъ примѣромъ въ этомъ отношеніи является нюрнбергская масляничная пьеса «Der Wittwe und der Tochter Vastnacht», спеціально трактующая объ этой зависти, притомъ въ самомъ грубомъ тонѣ. По господствующему обычаю вопросъ отдается на разрѣшеніе судилища, которое, выслушавъ обѣ стороны, должно высказаться, кто изъ нихъ, мать или дочь, имѣетъ право первой выйти замужъ. Мать мотивируетъ свое право пер-

венства тѣмъ, что она молодая похотливая вдова и не можетъ жить безъ мужчины, такъ какъ привыкла къ «мужскому мясу», тогда какъ дочь ссылается на то чувство сладострастія, которое она испытываетъ, когда батракъ ее обнимаетъ и цѣлуетъ. Послѣ того, какъ всѣ десять судей высказали свое мнѣніе, мораль пьесы сводится къ тому, что мать и дочь имѣютъ одинаково большія права, такъ какъ «ночной голодъ мучаетъ и женщинъ и дѣвицъ».

Тѣми же соображеніями мотивируютъ свои «права на любовь» и молодые юноши. Ссылкой на «ночной голодъ» объясняютъ юноши и дѣвушки также свое нежеланіе стать монахами и монахинями.

Необходимо подчеркнуть, что вполнѣ здоровому представленію Ренессанса о совпаденіи полового общенія съ періодомъ зрѣлости не соотвѣтствовала дѣйствительность: далеко не всѣ мужчины и женщины могли вступать въ бракъ рано. Очень часто классовые интересы мѣшали осуществленію такого здороваго принципа. Правда, браки, заключенные въ молодые годы, были довольно обычнымъ явленіемъ какъ среди дворянства и бюргерства, такъ и въ крестьянствѣ, тамъ гдѣ не существовало подворнаго права, исключавшаго раздѣлъ земли и признававшаго законнымъ наслѣдникомъ только старшаго сына. Проповѣдники даже часто ополчались противъ раннихъ браковъ. Мурнеръ восклицаетъ:

«Нынѣ онъ и она быстро женятся, хотя имъ вмѣстѣ и нѣтъ тридцати лѣтъ».

Въ нѣкоторыхъ деревняхъ уже четырнадцатилѣтняя дѣвушка считалась способной къ браку. Однако съ другой стороны существовалъ цѣлый классъ, которому вступленіе въ бракъ было запрещенно или во всякомъ случаѣ очень затруднено, а именно подмастерья. Вступать въ бракъ имѣли право часто одни только самостоятельные ремесленники или тѣ, кто готовились стать самостоятельными. Но такъ какъ большинство цеховыхъ регламентовъ не пускало въ ряды мастеровъ пролетарскіе элементы подмастерьевъ, «сыновей не мастеровъ», то, разумѣется,

для значительнаго ихъ числа это было равносильно запрещенію вступать въ браки. Тамъ же, гдѣ подмастерьямъ разрѣшалось вступать въ браки, существовалъ другой законъ, въ силу котораго женатый подмастерье не имѣлъ права стать мастеромъ, т.-е. косвенно и это постановленіе было равносильно запрету жениться. Поистинѣ, односторонній классовый интересъ не могъ противопоставить желанію вступить въ бракъ болѣе крѣпкой преграды! И однако эти указы были мало дѣйствительны, такъ какъ въ эпоху Ренессанса встрѣчаются даже женатые ученики и что они были не исключеніемъ, видно изъ того, что въ цеховомъ регламентѣ существовалъ особый параграфъ, касавшійся «учениковъ, вступающихъ въ бракъ». Такъ, напр., въ относящихся къ 1582 г. статутахъ виртембергскихъ каменщиковъ и каменотесовъ, говорится: «Если ученикъ въ годы учиничества женится, то онъ все таки обязанъ окончить свои два года выучки».

Подобно тому, какъ въ эпоху Ренессанса браки очень часто заключались рано, такъ никогда быть можетъ люди не вступали такъ охотно вторично въ бракъ, какъ тогда. Конечно, это явленіе объясняется важностью упорядоченнаго хозяйства для мелкоремесленнаго производства. Но, несомнѣнно, здѣсь дѣйствовалъ въ значительной степени и основной чувственный тонъ времени.

Въ высшей степени характерно и то обстоятельство, что никогда такъ часто немолодой уже вдовецъ не вступалъ въ бракъ съ молодою дѣвушкой, а вдова въ зрѣломъ возрастѣ не выходила замужъ за молодого парня. Вполнѣ соотвѣтствуя чувственной тенденціи эпохи, эта черта съ другой стороны противорѣчила ея здоровымъ инстинктамъ. Что люди прекрасно понимали это противорѣчіе, видно изъ того, что такіе неравные браки подвергались высмѣиванію словомъ и картиной. Если юношѣ, женившемуся на старухѣ, предсказывали, что онъ на брачномъ ложѣ получитъ «насморкъ», то о молодыхъ женахъ и старыхъ мужьяхъ говорили, что первыя — тѣ «лошади, на которыхъ старики быстро доѣдутъ до могилы». Старикамъ кромѣ того, пред-

сказывались уже въ брачную ночь рога, ибо въ такихъ бракахъ по народной поговоркѣ, «слишкомъ мало молятся». Послѣднее выраженіе было насмѣшливымъ обозначеніемъ «брака между старикомъ и чувственной молодой женщиной» и связано съ однимъ анекдотомъ, сообщеннымъ Августомъ Тюнгеромъ въ его Фацеціяхъ, вышедшихъ въ 1480 г.

Чисто чувственное воззрѣніе на любовь привело естественно къ тому, что стремились какъ можно чаще испытать физическое наслажденіе. Другими словами, ненасытность—одна изъ характерныхъ черть половой жизни Ренессанса. Эту черту мы находимъ во всѣхъ странахъ: отъ испанскаго и итальянскаго юга до англійскаго или голландскаго сѣвера, отъ западной Франціи до юговосточной Германіи всюду мужчины и женщины отличались непомѣрнымъ аппетитомъ...

Хотя женщины и пассивны по натурѣ, однако онѣ въ этомъ отношеніи не только не уступали мужчинамъ, а, если вѣрить современнымъ поэтамъ и новеллистамъ, даже превосходили ихъ своею требовательностью. Мы можемъ вполнѣ вѣрить новеллистамъ, такъ какъ эта черта обусловлена именно женской пассивностью. Вспомнимъ новеллу Боккаччьо объ отшельникѣ Алибекѣ. Чтобы обрисовать ненасытность женщинъ, сатирики заявляли, что у нихъ вообще кромѣ любви ничего другого въ головѣ нѣтъ: о чемъ бы съ ними ни бесѣдовать, все, даже самое невинное, онѣ истолковываютъ въ этомъ смыслѣ. Раблэ облекаетъ эту мысль по своему обыкновенію въ гротескную форму.

«Вспомните, что случилось въ Римѣ въ 240 году съ основанія города. Молодой знатный римлянинъ встрѣтилъ у подножія Целійскаго холма римскую даму, по имени Вероника. Она была глухонѣмая. Ничего не подозрѣвая, онъ спросилъ ее, какихъ сенаторовъ видѣла она наверху, причемъ онъ по свойственной итальянцамъ живости жестикулировалъ руками. Не понимая его словъ, дама естественно вообразила, что онъ требуетъ отъ нея того, о чемъ она сама думала, то, что обыкновенно молодые люди требуютъ отъ женщинъ. Знаками, которые въ дѣлѣ любви

несравненно цѣлесообразнѣе, дѣйствительнѣе и очаровательнѣе словъ, она пригласила его пойти съ ней въ ея домъ, стоящій въ сторонѣ, и знаками же объяснила ему, какъ ей пріятно будетъ предаться любовной игрѣ».

Впрочемъ, сатира Раблэ еще значительно отстаетъ отъ жизни, если принять во вниманіе факты, сообщенные Брантомомъ... Особенно требовательны въ любви были однако, если вѣрить современникамъ, вдовы. Предписанный закономъ годъ траура рѣдко соблюдался, такъ что даже еще въ средніе вѣка были назначены наказанія, если вдова вторично вступала въ бракъ по прошествіи 30 дней послѣ смерти мужа, и вознагражденіе, если она впродолженіи года честно оплакивала покойнаго. Поэтому существовало воззрѣніе, что тотъ, кто женится на вдовѣ, непремѣнно станетъ рогоносцемъ. Испанская пословица гласитъ: que la jornada de la viudez d'una mujer es d'un dia, «вдовство вдовы продолжается только одинъ день», а французская пословица гласитъ: «печаль вдовы только въ ея верхнемъ платьѣ». Только верхнее платье траурное, такъ какъ большинство вдовъ продолжало носить цвѣтныя сверкавшія нижнія части костюма, какъ средство воздѣйствія на чувственность мужчины. Третій взглядъ гласилъ: вдовы любятъ вдвойнѣ, ибо хотятъ вознаградить себя со вторымъ мужемъ за тѣ лишенія, которымъ ихъ подвергалъ первый, и потому нѣтъ ничего опаснѣе, какъ жениться на вдовѣ, бывшей уже два или три раза замужемъ. Брантомъ посвятилъ въ своемъ сочиненіи цѣлую главу любви вдовъ и болѣе половины приводимыхъ имъ примѣровъ касается ихъ ненасытности. О той же темѣ не мало разсказали также итальянскіе и нѣмецкіе новеллисты.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ эту эпоху женщины нерѣдко публично хвастали этой своей требовательностью. Такъ Маргарита Наварская величала себя «самой женственной женщиной во всемъ королевствѣ». Стоитъ только заглянуть въ ея Гентамеронъ, чтобы понять, какъ правильно она оцѣнила себя. Эти женщины, фантазія которыхъ была насыщена сладострастными картинами, были какъ бы воплощеніемъ полового чувства.

Если многія матери завидовали своимъ болѣе молодымъ дочерямъ, имѣвшимъ больше шансовъ нравиться мужчинамъ, то новеллисты сообщаютъ намъ и о такихъ, которыя стремились найти дочерямъ мужей, неутомимыхъ въ «турнирѣ любви». Онѣ поступаютъ такъ потому, что «знаютъ по опыту, что отъ одного этого зависитъ счастливая жизнь тѣхъ, у кого есть состояніе, и что скорѣе можно отказаться даже отъ богатства, чѣмъ отъ этого».

Такія благоразумныя матери — новеллисты называютъ ихъ обыкновенно самыми благоразумными—зорко прислушивались къ репутаціи мужчинъ, способныхъ и готовыхъ вступить въ бракъ. Онѣ наводили справки у знакомыхъ, друзей, въ церкви и на улицахъ. Прежде чѣмъ получить нужныя свѣдѣнія, онѣ не позволютъ мужчинѣ явиться въ домъ въ качествѣ жениха. Подробнѣе всего развита эта тема въ одной новеллѣ—пословицѣ итальянца Корнацано.

Мать молодой красивой дѣвушки выбираетъ ей въ мужья бѣднаго, но стройнаго юношу, который славится своей силой. Дочь естественно ничего не имѣетъ противъ того, что выборъ мужа производится подъ такимъ угломъ зрѣнія. Авторъ новеллы доказываетъ правильность взгляда матери тѣмъ, что даже этотъ молодой силачъ не могъ удовлетворить требовательности молодой женщины и спасся отъ ея бѣшеной влюбленности только путемъ грубоватаго средства.

Женщины, разумѣется, отличаются неистощимой хитростью при достиженіи своей цѣли и притомъ съ перваго же дня брака. Въ своихъ Gesamtabenteuern (III, 95) Гагенъ передаетъ содержаніе новеллы, посвященной этой темѣ и восходящей къ стихотворенію, относящемуся къ концу среднихъ вѣковъ. При такомъ чисто физическомъ взглядѣ на любовь величайшее преступленіе, которое можетъ совершить мужчина, заключается въ томъ, что онъ обманываетъ ожиданія женщины, что онъ на словахъ сильнѣе, чѣмъ на дѣлѣ. Женская жалоба на подобное хвастовство—обычная тема современной сатиры, масляничныхъ пьесъ и пластическаго искусства.

Цѣль единобрачія всегда и вездѣ предполагала принципіальное требованіе добрачнаго цѣломудрія. На практикѣ это требованіе примѣнялось однако исключительно къ женщинѣ. Отъ жены мужъ требовалъ прежде всего, чтобы она сохранила свою физическую нетронутость до брачной ночи. Ея дѣвственность принадлежала только ему. Сколько бы это требованіе ни облекалось въ хитроумныя идеологическія измышленія, въ немъ отражается, какъ уже было выяснено въ первой главѣ, не болѣе, какъ матеріальная цѣль единобрачія, заключающаяся въ производствѣ законныхъ наслѣдниковъ. Тотъ фактъ, что женихъ въ брачную ночь найдетъ невѣсту нетронутой, служитъ ему первой гарантіей, что она и въ бракѣ будетъ соблюдать ему вѣрность и что дѣти, которыя произойдутъ отъ этого брака, будутъ его дѣтьми. Для жениха не можетъ быть поэтому болѣе непріятнаго разочарованія, какъ узнать въ брачную ночь, что его невѣста имѣла уже связь. Въ Freidank'ѣ говорится:

«Лучше имѣть на ложѣ ежа, чѣмъ невѣсту, лишившуюся своей невинности».

Высокая оцѣнка, которая давалась физической нетронутости женщины,—въ ней усматривали высшую женскую добродѣтель—обнаруживалась въ эпоху Ренессанса въ цѣломъ рядѣ чрезвычайно откровенныхъ обычаевъ, особенно свадебныхъ, имѣвшихъ цѣлью публично доказать всему міру, что женщина въ этомъ отношеніи «достойна» или «недостойна». Дѣвушкѣ сплетался вѣнокъ, женщину, до брака лишившуюся невинности, старались всячески унизить въ глазахъ согражданъ.

Наиболѣе распространенный признакъ отличія заключался въ томъ, что достойная невѣста подходила къ алтарю съ вѣнкомъ на головѣ: она носила «почетную корону цѣломудрія». Вѣнокъ (Schapel, Schapelin) — признакъ дѣвственности. Невѣсты дѣвственницы имѣли далѣе право распускать волосы на непокрытой головѣ. Наоборотъ, невѣста, которая еще до брака сошлась съ мужчиной, хотя бы съ женихомъ, должна была удовольствоваться вуалью. Въ нѣмецкой народной пѣснѣ XV ст.

дѣвушка не впускаетъ возлюбленнаго въ спальню, ссылаясь на ожидающее ее въ противномъ случаѣ клеймо.

«Кто стучится ко мнѣ въ дверь? Я его все равно не впущу. А то мнѣ пришлось бы носить вуаль, когда другія дѣвушки украшаются вѣнкомъ. Мнѣ было бы стыдно, очень стыдно и чѣмъ дальше, тѣмъ больше».

Въ Нюрнбергѣ «падшая» дѣвушка должна была итти въ церковь съ соломеннымъ вѣнкомъ на головѣ, толпа осыпала мѣсто передъ дверью ея дома сѣчкой и ее называли «испытанной дѣвкой». Въ Ротенбургѣ церковная эпитемія заключалась въ томъ, что невѣста, потерявшая невинность, должна была стоять на паперти съ соломенной косой, придѣланной къ волосамъ, а ея совратитель обязанъ былъ впродолженіи трехъ воскресеній появляться въ церкви въ соломенномъ плащѣ, а также возить свою возлюбленную въ тачкѣ по всему мѣстечку, причемъ толпа забрасывала обоихъ грязью.

Вездѣ тамъ, гдѣ мелкая буржуазія была политической господствующей силой, стало быть тамъ, гдѣ процвѣтало ремесло, она облекла всѣ эти требованія и воззрѣнія въ законодательную форму. Описанные народные обычаи не только санкціонируются, какъ церковныя эпитеміи, но и получаютъ юридическую силу. Такимъ «запятнаннымъ молодымъ» предписывались далѣе всевозможныя ограниченія: они имѣли право пригласить на свадьбу только опредѣленное количество гостей, угостить ихъ только опредѣленнымъ количествомъ свадебныхъ блюдъ, да и самая свадьба праздновалась не такъ долго, какъ у «достойныхъ» молодыхъ, и справлялась въ день, въ который обычно не бывало свадебъ, напр. въ Мемменгенѣ въ среду, которая въ глазахъ народа пользовалась дурной славой. Въ соотвѣтствующихъ указахъ открыто выставлялась самая цѣль этихъ постановленій: заклеймить тѣхъ, кого они касались.

Въ одномъ нюренбергскомъ указѣ, изданномъ въ XVI в. и неоднократно возобновлявшемся въ XVII ст., направленномъ исключительно противъ гнуснаго порока «растлѣнія дѣвушекъ»,

говорится, что это дѣлается для того, чтобы «молодые предстали публично передъ всѣми въ томъ позорѣ, въ которомъ они сами виноваты». Мало того. Обѣ стороны подвергались еще серьезнымъ тѣлеснымъ наказаніямъ и денежнымъ штрафамъ, особенно значительнымъ, когда добрачная связь жениха и невѣсты обнаруживалась только послѣ свадьбы, будь то вслѣдствіе преждевременнаго рожденія ребенка или благодаря доносу. Наказаніе было потому серьезнѣе въ такихъ случаяхъ, что женихъ и невѣста «обманули своимъ молчаніемъ церковь и общину Господа и не сообщили объ этомъ эконому при священническомъ домѣ», какъ говорится въ выше упомянутомъ указѣ: они хотѣли присвоить себѣ почести, на которыя не имѣли права.

Дабы благородная профессія доносчиковъ не вымирала, а и впредь обнаруживала кипучую дѣятельность, давая тѣмъ возможность отдѣлить «добрыхъ» отъ «злыхъ», доносчикъ получалъ третью часть денежнаго штрафа. Нѣкоторые указы обязывали даже невѣсту, если доносъ былъ «обоснованъ», подвергнуться осмотру со стороны двухъ назначенныхъ городскимъ совѣтомъ акушерокъ, которыя должны были выяснить, «находится ли она еще въ честномъ состояніи дѣвственности»... Невѣста, не подчинившаяся такому осмотру, не имѣла права на «честную» свадьбу. Такимъ же путемъ ей, впрочемъ, разрѣшалось и самой очиститься отъ павшаго на нее подозрѣнія.

Еще болѣе грубое, на нашъ взглядъ, воззрѣніе отражается въ другомъ свадебномъ обычаѣ, при помощи котораго въ разныхъ странахъ и мѣстностяхъ невѣста была обязана публично доказать, или при помощи котораго она доказывала, что вступила въ бракъ дѣвственницей. Обычай этотъ заключался въ томъ, что на другой день послѣ свадьбы простыня или рубашка невѣсты съ торжествомъ вывѣшивались или показывались изъ окна. Только такое документальное доказательство спасало въ глазахъ сосѣдей и друзей честь новобрачной. Чѣмъ явственнѣе были слѣды крови, тѣмъ нахальнѣе выставлялась простыня на показъ сосѣдямъ, ибо тѣмъ выше была слава невѣсты, какъ дѣвственницы.

Брантомъ сообщаетъ объ этомъ обычаѣ, какимъ онъ существовалъ въ Испаніи, слѣдующее:

«Женщина имѣетъ еще одно средство доказать свою незапятнанность, а именно на другое утро послѣ свадьбы показать кровавые слѣды борьбы, какъ это дѣлается въ Испаніи, гдѣ окровавленная простыня вывѣшивается изъ окна, при громкихъ крикахъ: Virgen la tenemos (Мы считаемъ ее дѣвушкой, она дѣвушка)».

Аретинъ и италіанскіе новеллисты сообщаютъ, что подобный же обычай существовалъ и въ Италіи. Въ Швабіи встрѣчается аналогичный обычай. Если здѣсь мужъ обвинялъ жену, что она уже не была дѣвушкой, когда выходила замужъ, то ея родители могли или должны были доказать противное. Съ этой цѣлью свадебная простыня представлялась на разсмотрѣніе суда. Если мужъ былъ неправъ, онъ подвергался денежному взысканію и сорока ударамъ. Если же онъ былъ правъ, то бракъ считался несостоявшимся, а молодая къ тому же еще изгонялась изъ родительскаго дома, «такъ какъ въ домѣ отца предавалась разврату».

Подобный обычай сохранился до сихъ поръ въ славянскихъ странахъ.

Разумѣется, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ такіе обычаи сохранялись дольше, они принимали все болѣе символическій характеръ. Выставлялись уже не самые слѣды, или во всякомъ случаѣ слѣды, очень ретушированные. Естественно, что это должно было совершиться рано или поздно, даже тамъ, гдѣ не преслѣдовали при этомъ обмана. Опытъ очень скоро научилъ людей, что свадебная ночь можетъ и не сопровождаться «кровавой бойней», а дѣвственность невѣсты все же будетъ неоспоримымъ фактомъ.

Высокая оцѣнка, которая давалась физической нетронутости женщины, явствуетъ еще изъ того обстоятельства, что потеря дѣвственности дѣлала женщину въ глазахъ всѣхъ низшимъ существомъ. Она имѣла поэтому часто право предъявлять къ тому, кто ее обезчестилъ, искъ о вознагражденіи. Съ другой стороны мужчина могъ требовать отъ родителей невѣсты, лишившейся своей дѣвственности, болѣе значительнаго приданаго.

Всѣ эти обычаи и законы, съ которыми къ тому же совершенно совпадало общественное мнѣніе въ эпоху Ренессанса, однако нисколько не мѣшали тому, что какъ разъ въ эту эпоху не только мужчины, но и женщины особенно часто нарушали предписаніе добрачнаго цѣломудрія. При общей напряженности эротическаго чувства число добрачныхъ связей должно было неизбѣжно возрасти. Въ мелкобуржуазной средѣ выше указанныя моральныя воззрѣнія, соотвѣтствовавшія какъ нельзя лучше ея интересамъ, всегда пользовались величайшимъ почетомъ и значеніемъ, такъ какъ экономическое существованіе мастера предполагало самую почтенную и солидную форму брака. Но если даже большинство мѣщанскихъ дѣвушекъ страшно боялись тогда (какъ и теперь) публичнаго скандала, такъ какъ онъ клеймилъ ихъ обыкновенно на всю жизнь, въ виду того ограниченнаго круга, въ которомъ протекала эта жизнь, то очень часто еще болѣе горячая кровь оставалась побѣдительницей. Мелкобуржуазная мораль могла поэтому войти въ жизнь только такимъ образомъ, что соблюдались внѣшнія приличія. А что тогда считалось «внѣшнимъ приличіемъ», мы узнаемъ ниже на рядѣ различныхъ курьезныхъ примѣровъ.

Въ жилахъ этой эпохи текла болѣе горячая кровь, наполняя сердца мужчинъ и женщинъ болѣе страстными желаніями. Чѣмъ утонченнѣе становились средства, позволявшія избѣжать опасности, тѣмъ болѣе возрастала у женщинъ готовность подчиниться велѣніямъ чувствъ и испытать тѣ радости, которыя Ренессансъ цѣнилъ болѣе всякой другой эпохи. Добрачныя связи женщинъ въ эпоху Ренессанса должны были быть въ порядкѣ вещей, почти во всѣхъ слояхъ населенія. Въ литературѣ каждой страны встрѣчается огромное количество заявленій на этотъ счетъ. Съ другой стороны есть рядъ обстоятельствъ и явленій, превращающихъ подобное предположеніе въ достовѣрный фактъ.

Въ литературѣ встрѣчаются даже многочисленные документы, на основаніи которыхъ можно было бы заключить, что лишь немногія женщины вступали въ бракъ чистыми, какъ ангелы.

Ограничимся лишь немногими данными, свидѣтельствующими о добрачныхъ связяхъ дѣвушекъ.

Для Италіи Корнацано удостовѣряетъ въ новеллѣ, основанной на поговоркѣ: «Кто былъ свидѣтелемъ, того да благословитъ Богъ», что нѣтъ ни одной дѣвушки старше десяти лѣтъ. Епископъ, выведенный въ новеллѣ, говоритъ своимъ слушателямъ: «Прежде чѣмъ стать епископомъ, я былъ исповѣдникомъ и всѣ дѣвушки старше десяти лѣтъ признавались мнѣ, что у нихъ уже было по крайней мѣрѣ два любовника».

О Франціи говорится въ одной новеллѣ Тюнгера.

«Нѣмецкій дворянинъ, умѣвшій немного говорить по французски, въѣзжалъ верхомъ по мосту въ Авиньонъ. Усталая лошадь начала спотыкаться, когда взошла на мостъ. Дѣвица, очевидно, легкаго поведенія разразилась при видѣ этого смѣхомъ и стала издѣваться надъ всадникомъ. «Ахъ, мадамъ! — возразилъ онъ. Вы едва ли удивитесь тому, что моя лошадь спотыкается, если узнаете, что она это дѣлаетъ всегда при видѣ женщины легкаго поведенія». «Охо! — воскликнула та. — Если это такъ, то совѣтую вамъ не въѣзжать въ городъ, ибо иначе вы сломаете себѣ шею».

Было бы нетрудно удесятерить для каждой страны число такихъ примѣровъ. Ибо нѣтъ такого разсказчика новеллъ, автора масляничныхъ пьесъ, собирателя швенковъ или сатирика, который не подносилъ бы своимъ читателямъ подобные факты. Само собою понятно, что въ двухъ приведенныхъ примѣрахъ чувствуется преувеличивающій языкъ сатиры, но она не искажаетъ картину времени, а только рельефнѣе подчеркиваетъ ея коренную сущность.

Важной причиной того, что люди тогда легче поддавались своимъ чувствамъ, была легкость вступленія въ бракъ. Она въ значительной степени устраняла опасность публичнаго порицанія. Пока церковное вѣнчаніе не было еще принудительнымъ закономъ — а мы видѣли, что противъ него долго и упорно возставали — достаточно было простого обѣщанія женитьбы, чтобы бракъ считался законнымъ, въ Германіи напр. достаточно было простого «предложенія и согласія». А если за этимъ слѣдовало раздѣленіе

ложа, то бракъ считался и состоявшимся. Для законности брака не требовалось ни публичнаго оглашенія, ни составленія брачнаго контракта. Когда въ бракъ вступали молодые люди, то даже въ этомъ случаѣ не требовалось согласія родителей и опекуновъ. Въ результатѣ — цѣлый рядъ такъ называемыхъ «случайныхъ браковъ», Winkelehen, которые церкви пришлось признать, хотя она и дѣлала это весьма неохотно.

Если къ этому прибавить, что число жалобъ, поданныхъ покинутыми женщинами на мужчинъ, было чрезвычайно велико, и что подобное печальное состояніе продолжалось цѣлое столѣтіе, то отсюда слѣдуетъ, что эти «случайные браки» представляли не болѣе, какъ удобную форму, въ которой мужчины и женщины удовлетворяли свои горячія сексуальныя желанія. Иначе невозможно истолковать этотъ фактъ, разъ извѣстно, что большинство этихъ женщинъ было обмануто и покинуто. Другимъ доказательствомъ въ пользу чрезвычайно частыхъ добрачныхъ связей также и дѣвушекъ является расцвѣтъ фабрикаціи искусственной дѣвственности. Это «искусство» было извѣстно уже Возрожденію, а не только эпохѣ рококо или нашему вѣку. Всѣ аптекари и торговцы специями торговали тогда также и мазями и средствами, при помощи которыхъ можно было завуалировать потерянную дѣвственность, такъ что новый любовникъ или мужъ не только получалъ иллюзію, что онъ первый удостоился любви этой женщины, но и видѣлъ явные слѣды, подтверждавшіе его увѣренность. У Аретино можно прочесть грубоватое описаніе употребленія такого «обновляющаго дѣвственность средства» и узнать по поводу этого, какъ невѣста, достаточно свѣдущая въ искусствѣ любви, сумѣла этимъ путемъ разбить самое основательное подозрѣніе и прослыть образцомъ цѣломудрія.

И, повидимому, торговля этими средствами отличалась бойкостью, а спросъ на нихъ былъ очень великъ, такъ какъ хронисты то и дѣло сообщаютъ, что аптекари наживали ихъ продажей значительныя состоянія. Поэтому не только аптекари и торговцы специями торговали такими средствами, а также безчис-

ленное множество шарлатановъ, акушерокъ и даже странствующихъ студентовъ, такъ какъ дѣло было выгодное, а спросъ никогда не прекращался. Въ пѣснѣ одного странствующаго нѣмецкаго студента, относящейся къ XV ст., говорится: «Если дѣвица потеряла свою невинность, то я состряпаю ей мазь».

Мужчины въ большинствѣ случаевъ прекрасно знали о распространенности такихъ махинацій и потому, желая удостовѣриться въ нетронутости дѣвушки, прибѣгали къ разнымъ волшебнымъ средствамъ, пуская ихъ незамѣтно въ ходъ еще до свадьбы. Такія средства, призванныя выяснить, является ли дѣвушка еще невинной, были въ употребленіи въ разныхъ мѣстностяхъ. Приведемъ какъ единственный примѣръ «воду гагатъ» (растворъ смоляного угля). Объ этомъ средствѣ въ средніе вѣка говорили: «если дѣвушка выпьетъ эту воду и съ ней ничего не случится, то она невинна, если же она послѣ этого станетъ мочиться, то она уже не дѣвушка». Такъ сами мужчины старались о томъ, чтобы остаться въ дуракахъ! Ибо такимъ образомъ даже падшая женщина могла доказать, что она невинность. И, вѣроятно, женщины очень скоро раскусили это.

Если отсюда съ одной стороны слѣдуетъ, какое большое значеніе придавалось тогда физической нетронутости дѣвушки, то съ другой стороны отсюда явствуетъ то, о чемъ мы выше упомянули, а именно, что предписаніе добрачнаго цѣломудрія тогда постоянно нарушалось. Отсюда необходимо сдѣлать далѣе выводъ, что часто женщина отдавалась будущему мужу еще до брака и что многія и многія порядочныя дѣвушки стыдливо носили «почетную корону цѣломудрія» (въ день свадьбы), хотя раньше упражнялись не съ однимъ юношей въ игрѣ «метанія копья въ кольцо» (Ringestechen), какъ называютъ «турниръ между мужчиной и женщиной, въ которомъ мужчина остается побѣдителемъ только тогда, когда захочетъ женщина».

Такъ какъ путемъ приличнаго поведенія и дешевыхъ средствъ шарлатановъ можно было оставаться въ общественномъ мнѣніи дѣвушкой, не будучи ею на самомъ дѣлѣ, то больше всего боялись

беременности, ибо только она влекла за собой опалу со стороны общества. Этотъ страхъ беременности очень трогательно выражается въ цѣломъ рядѣ народныхъ пѣсенъ. Какъ примѣръ приведемъ одну пѣсню, относящуюся къ XV в. и не забытую также и впродолженіи всего XVI ст., какъ видно изъ дошедшихъ копій.

«Споемъ мы вамъ новую пѣсню о маленькомъ писарѣ, который посватался къ невинной дѣвушкѣ, которую очень любилъ. Онъ подарилъ ей красную юбку. Зачѣмъ? Онъ хотѣлъ понравиться ей и получить разрѣшеніе спать въ ея спальнѣ. Въ полночь онъ постучался въ дверь дѣвушки и дверь отворилась ему. И вотъ они покоятся рядомъ. Дѣвушка спрашиваетъ его: «А если родится ребенокъ, кто будетъ его отцомъ?» «Дорогая, я позабочусь о ребенкѣ, я дамъ ему золото и серебро и буду ему отцомъ!» И когда это случилось, отгадайте, чѣмъ все кончилось? Писарь покинулъ страну. Какой позоръ, не правда-ли! И все таки это бывало такъ часто».

Безъѣстный поэтъ правъ: «Это бывало такъ часто». Каждый день случалось, что дѣвушки оставались брошенными, съ ребенкомъ на рукахъ или подъ сердцемъ, а отецъ отправлялся на всѣ четыре стороны — въ «доброе старое время» чаще даже, чѣмъ теперь. У насъ на этотъ счетъ достаточно данныхъ. Ограничимся однимъ фактомъ. Выставивъ въ своихъ статутахъ условіемъ принятія въ цехъ законность происхожденія, мастера, конечно, хотѣли избавиться только самымъ простымъ для того времени средствомъ отъ непріятной конкуренціи, но если они постоянно пускали въ ходъ эту формулу и могли успѣшно ею оперировать, то это доказываетъ только, что число незаконнорожденныхъ должно было быть огромнымъ.

Такъ какъ это число было такъ велико, то «доброе старое время» не только торговало очень бойко испытанными средствами возстановленія утраченной дѣвственности, но и съ большимъ успѣхомъ пускало въ ходъ другое «искусство», а именно, абортъ. Да, и это тоже «часто бывало», чаще даже, чѣмъ воображаютъ тѣ, кто видятъ въ нашихъ предкахъ образцы нравственности и

цѣломудрія. Доказательствомъ служитъ хотя бы длинный списокъ средствъ, издавна практиковавшихся противъ «задержки кровей». Списокъ такихъ «надежныхъ» средствъ, рекомендовавшихся любой акушеркой дѣвушкамъ, не желавшимъ обнаружить своего паденія, былъ уже въ эпоху Ренессанса чрезвычайно длиненъ. До насъ дошелъ такой перечень, содержащій ровно 250 такихъ средствъ, обыкновеннс настой изъ тѣхъ или другихъ растеній, вызывавшій менструаціи. Съ нѣкоторыми изъ нихъ были связаны самыя фантастическія представленія, такъ напр. «диптамъ дѣйствуетъ такъ сильно, что его нельзя положить даже на постель беременной». Одни средства были довольно невиннаго свойства, другія, напротивъ, чрезвычайно опасны. И однако какъ разъ послѣднія пользовались особенной популярностью и величайшимъ довѣріемъ. Достаточно упомянуть о «головнистой ржи» или о «донскомъ можжевельникѣ». Объ употребленіи послѣдняго у насъ имѣется наибольшее количество свѣдѣній.

Какъ велика была вѣра въ дѣйствіе донского можжевельника, видно уже изъ многочисленныхъ его эпитетовъ: «пальма дѣвственности», «розмаринъ дѣвственности», «дѣтоубійца», «древо дѣвственности». Это было самымъ популярнымъ средствомъ аборта, постояннымъ утѣшеніемъ, послѣдней надеждой женщинъ и дѣвушекъ, жаждавшихъ любви. Даже въ самомъ маленькомъ садикѣ предусмотрительныя женщины поэтому усердно разводили и оберегали его. Какъ только подрастала дѣвушка, ея старшія товарки нашептывали ей, это это деревцо можетъ все исправить. Каждая дѣвушка знала объ этомъ и говорила другой: «Парни стоятъ другъ за друга, другъ за друга должны стоять и дѣвки». О распространенности плодоуничтожающаго дѣйствія донского можжевельника свидѣтельствуютъ афоризмы и поговорки на англійскомъ и на другихъ языкахъ. Въ одной древне-англійской балладѣ говорится объ употребленіи можжевельника (Savin-tree) молодой дѣвушкой ради аборта.

«She is gane to the garden — To put'of the savin tree
But for a'that she could say, (or) do,—The babie it would not die».

У норвежцевъ встрѣчается слѣдующій рифмованный афоризмъ:
«Sevenbom sevenbom — Har gjurt saa mangen jomfru from».

Это значитъ: не одна дѣвица обязана только этому кусту, если считается цѣломудренной.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда средство сразу не дѣйствовало, беременныя дѣвушки прибѣгали къ болѣе радикальнымъ пріемамъ, какъ-то горячимъ ваннамъ, бѣшенымъ танцамъ, и еще болѣе безумнымъ экспериментамъ, практиковавшимся повсюду. «Она танцуетъ такъ, точно завтра хочетъ произвести ребенка» — говорили объ усердной танцоркѣ, не пропускавшей ни одного танца и отличавшейся во время танца особеннымъ усердіемъ.

Неудивительно, что и литература Ренессанса богата указаніями на частое примѣненіе аборта. Повидимому, особенно въ этомъ отношеніи отличались придворные круги. Оно и понятно. Здѣсь искушенія были особенно многочисленны, а добрачная беременность грозила особенными непріятностями. Характерный примѣръ можно найти у Брантома. Молодая дѣвушка, забеременѣвшая отъ принца и родившая ребенка внѣ брака, спокойно отвѣчаетъ на нравственное негодованіе окружающихъ:

«Меня слѣдовало бы порицать не за мой проступокъ, а за мою непредусмотрительность. Если бы я была такой умной, какъ большинство моихъ товарокъ, поступающихъ еще хуже меня, то я позаботилась бы объ устраненіи послѣдствій и не находилась бы теперь въ затруднительномъ положеніи».

Возмущало не то, что молодая дама разрѣшала принцу болѣе чѣмъ одни только нѣжные взгляды и поцѣлуи, безнравственность усматривалась въ беременности и въ ребенкѣ, въ неумѣніи соблюдать правила игры, заключающіяся въ томъ, чтобы всѣмъ рисковать, не теряя ставки — видимости добродѣтели. Изъ другихъ данныхъ видно, что въ придворныхъ кругахъ было, повидимому, не мало женщинъ, которымъ чуть не каждый годъ грозила опасность нежеланной беременности. Анонимный французскій авторъ пишетъ:

«Съ тѣхъ поръ, какъ барышни такъ хорошо освѣдомлены от-

носительно медикаментовъ, что уже не боятся неловкаго положенія, въ которое ихъ можетъ поставить слишкомъ пылкій любовникъ, все больше падаетъ ремесло куртизанки. Ибо для кавалера гораздо пріятнѣе развлекаться съ благородной дамой, не рискуя ничѣмъ. Съ тѣхъ поръ барышни поэтому не выходятъ изъ себя, когда любовникъ требуетъ отъ нихъ большаго, чѣмъ право созерцать ея прекрасное лицо и прекрасную грудь».

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть, что абортъ тогда не считался преступленіемъ, такъ что можно было довольно открыто рекомендовать и получать подобныя средства. Тамъ же, гдѣ полагалось наказаніе, оно рѣдко примѣнялось.

Слобомъ, нѣтъ никакого сомнѣнія въ правильности послѣдняго стиха вышеприведеннаго стихотворенія: «Да это часто бывало».

Если мы въ предыдущемъ абзацѣ утверждали, что въ эпоху Ренессанса случаи добрачныхъ связей были особенно часты, то мы не хотимъ этимъ сказать, что это было право, признанное моральнымъ кодексомъ вѣка, а только то, что это было слѣдствіемъ повышенной эротики эпохи, неизбѣжнымъ вездѣ тамъ, гдѣ классовые интересы не выдерживали натиска основной тенденціи эпохи.

Однако бывали также случаи, были цѣлые классы, гдѣ добрачное половое общеніе женщины прямо сакціонировалось кодексомъ морали. Мы имѣемъ въ виду обычай «пробныхъ ночей», преимущественно — замѣтьте, только преимущественно! — существовавшій въ деревнѣ и распространенный во всей Европѣ. Совсѣмъ этотъ обычай никогда не исчезалъ и сохранился во многихъ мѣстностяхъ вплоть до нашихъ дней. Онъ восходитъ къ давнимъ временамъ и извѣстенъ подъ разными названіями. Несмотря на древность этого обычая и на его распространенность наши свѣдѣнія о немъ не многочисленны. Древнѣйшее его описаніе относится къ XVIII в. и касается спеціально Швабіи. Подробность

этого обычая Фр. Г. Фишеръ описываетъ слѣдующимъ образомъ въ своей брошюрѣ, посвященной этому вопросу:

«Почти во всей Германіи, особенно въ той части Швабіи, которая именуется Шварцвальдомъ, среди крестьянъ держится обычай, въ силу котораго дѣвушки уступаютъ своимъ ухаживателямъ еще задолго до свадьбы права, принадлежащія обыкновенно только мужьямъ. Но было бы совершенно неправильно думать, что эти дѣвушки лишены женской нравственности и расточаютъ свою любовь безъ всякой сдержанности всѣмъ своимъ любовникамъ. Ничего подобнаго. Деревенская красавица умѣетъ такъ же экономно распоряжаться своими прелестями и скрашивать рѣдкіе моменты наслажденія такой же сдержанностью, какъ и любая барышня, сидящая за туалетнымъ столикомъ.

Какъ только деревенская дѣвушка достигаетъ зрѣлости, за ней начинаютъ ухаживать парни и въ тѣмъ большемъ количествѣ, чѣмъ больше у нея достоинствъ, пока они не замѣтятъ что одинъ среди нихъ пользуется ея особенными симпатіями. Тогда онѣ всѣ исчезаютъ и счастливецъ имѣетъ право посѣщать ее по ночамъ. Однако онъ плохо соблюдалъ бы романтическое приличіе, если бы вошелъ къ ней черезъ дверь. Деревенскій этикетъ требуетъ, чтобы онъ совершилъ свои ночные визиты черезъ окно подъ крышей.

Этотъ нелегкій подвигъ доставляетъ любовнику первоначально только то преимущество, что онъ можетъ поболтать нѣсколько часовъ съ дѣвушкой, лежащей въ постели совершенно одѣтой, застрахованной противъ всѣхъ козней Эроса. Когда она засыпаетъ, онъ обязанъ покинуть ее и только постепенно ихъ бесѣда становится оживленнѣе. Впослѣдствіи дѣвушка предоставляетъ ему возможность, среди всевозможныхъ шутокъ и забавъ въ деревенскомъ духѣ, удостовѣриться въ ея скрытыхъ прелестяхъ, позволяетъ ему застать ее въ легкомъ одѣяніи и наконецъ разрѣшаетъ ему все, чѣмъ женщина можетъ удовлетворить чувственность мужчины. Но и теперь она соблюдаетъ постепенность, хотя правила современныхъ приличій не позволяютъ мнѣ вда-

ваться въ подробности. Многое можно угадать уже по самому названію «пробныя ночи», хотя первые визиты называются собственно «ночными посѣщеніями» (Kommnâchte).

Часто дѣвушки отказываютъ любовнику въ послѣднемъ доказательствѣ любви до тѣхъ поръ, пока тотъ не прибѣгнетъ къ насилію. «Пробныя ночи» устраиваются каждый день, ночныя посѣщенія только наканунѣ праздниковъ и во время праздниковъ. Первыя продолжаются до тѣхъ поръ, пока обѣ стороны не убѣдятся въ своей пригодности къ браку или пока дѣвушка не забеременитъ. Только послѣ этого крестьянскій парень офиціально сватается и помолвка, а потомъ свадьба быстро слѣдуютъ другъ за другомъ. Въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ еще господствуютъ патріархальные нравы, парень не часто покидаетъ беременную дѣвушку. Въ противномъ случаѣ онъ навлекъ бы на себя ненависть и презрѣніе всей деревни. Зато очень часто бываетъ, что молодые люди расходятся послѣ первой или второй «пробной ночи». Дѣвушка не рискуетъ потерять свою репутацію, такъ какъ вскорѣ появляется другой парень, готовый сызнова начать съ ней романъ. Только если пробныя ночи нѣсколько разъ подъ рядъ не приводятъ къ браку, дѣвушка можетъ попасть въ двусмысленное положеніе. Деревенская публика считаетъ себя тогда въ правѣ предположить, что у нея есть какіе нибудь скрытые недостатки. Крестьяне считаютъ этотъ обычай настолько невиннымъ, что часто, когда священникъ спрашиваетъ ихъ о здоровьѣ дочерей, они въ доказательство того, что онѣ растутъ и процвѣтаютъ, откровенно и съ отеческой гордостью отвѣчаютъ, что ихъ дочки уже принимаютъ ночныхъ посѣтителей».

Въ своей брошюрѣ Фишеръ приводитъ кромѣ того еще нѣсколько болѣе старинныхъ документовъ, доказывающихъ существованіе этого обычая и въ другихъ мѣстахъ. Такъ въ одномъ древнемъ документѣ сообщается. «У саксовъ существуетъ отвратительный, закономъ признанный, обычай, въ силу котораго женихъ сначала проводитъ ночь у невѣсты, а потомъ уже

рѣшаетъ, женится ли онъ на ней или нѣтъ». Другой авторъ, Квардусъ изъ Кэмбриджа, говоритъ въ своемъ описаніи Валлиса, что «прежде браки рѣдко устраивались безъ предварительнаго соитія, такъ какъ существовалъ обычай, въ силу котораго родители отдавали своихъ дочерей на пробу молодымъ людямъ за извѣстную сумму денегъ, причемъ деньги считались потерянными, если дѣвушка отсылалась обратно домой».

Въ первой главѣ мы уже указали, какое большое значеніе имѣютъ для крестьянскаго хозяйства дѣти, что они даже главное условіе его существованія. Въ этой экономической необходимости и въ нѣкоторыхъ характерныхъ для крестьянства отношеніяхъ собственности—лежитъ ключъ къ разгадкѣ этого обычая, на первый взглядъ не вяжущагося съ прочей идеологіей единобрачія. Какъ только мы прибѣгнемъ къ помощи этого ключа, всѣ загадки и вопросы, которые задаетъ этотъ обычай историку культуры, разрѣшаются сами собой. Тогда мы поймемъ, вопервыхъ, продолжительное существованіе этого обычая въ разныхъ странахъ, поймемъ, почему онъ сохранился, несмотря на моральныя проповѣди церкви, поймемъ также ясно причину многочисленныхъ отличій, характеризующихъ этотъ обычай въ разныхъ мѣстностяхъ, поймемъ, почему онъ въ однихъ мѣстахъ возникъ, а въ другихъ нѣтъ, и т. д...

Въ самомъ дѣлѣ, каждая особенность этого обычая отражаетъ особенности отношеній собственности данной мѣстности и прежде всего, конечно, особенности наслѣдственнаго права. Этотъ ключъ объясняетъ намъ далѣе многочисленныя различія въ правовыхъ послѣдствіяхъ, которыя въ разныхъ мѣстностяхъ имѣли эти пробныя ночи и ночныя посѣщенія, почему въ одной мѣстности «проба» имѣла мѣсто лишь наканунѣ свадьбы, почему въ другой мѣстности половыя отношенія, сопутствовавшія ей, обязывали къ заключенію брака, а иногда такую принудительную силу имѣлъ лишь фактъ беременности и т. д.

Этотъ обычай объясняется, разумѣется, не однимъ только непосредственно экономическимъ мотивомъ, а именно желаніемъ

узнать, годится ли женщина для деторожденія, а также рядомъ другихъ обстоятельствъ. Хотя послѣдніе и не содержатъ причину его возникновенія, но они помогли его возникновенію и упрочили въ сильнѣйшей степени его существованіе, а также предопредѣлили нѣкоторыя его формы.

Однимъ изъ такихъ обстоятельствъ, имѣющихъ особое значеніе для горныхъ мѣстностей, является разная роль, которую играетъ въ процессѣ труда холостой парень и незамужняя дѣвушка, роль разъединяющая ихъ на болѣе продолжительное время, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Между тѣмъ, какъ мужчина занятъ въ горахъ рубкой лѣса часто въ отдаленныхъ лѣсахъ, дѣвушка также часто пасетъ скотъ на не менѣе отдаленномъ альпійскомъ лугу. При такихъ условіяхъ неизбѣжно должны были выработаться опредѣленные случаи, когда оба пола сходились для совмѣстнаго времяпрепровожденія. Естественно, что это происходило ночью, притомъ въ каморкѣ дѣвушки, такъ какъ только ночь освобождала парня и дѣвушку отъ работы, а въ ея каморкѣ парень всегда могъ застать дѣвушку. Такъ приспособилось въ горныхъ мѣстностяхъ естественное, инымъ путемъ не осуществимое, желаніе совмѣстнаго общенія половъ къ главной цѣли крестьянскаго брака, превративъ обычай въ прочный и долго существовавшій институтъ.

Мы выше упомянули, что обычай «пробныхъ ночей» и «ночныхъ визитовъ» жилъ **преимущественно** среди крестьянства. Въ самомъ дѣлѣ, онъ не ограничивался однимъ только крестьянствомъ, а былъ распространенъ въ XV и XVI вв. также и среди городскаго бюргерства и притомъ, повидимому, во всей Европѣ. Одинъ хронистъ сообщаетъ, что итальянскія горожанки разрѣшали своимъ возлюбленнымъ «пробныя ночи», причемъ тѣ однако должны были воздерживаться, и что даже патриціи не видѣли въ этомъ ничего предосудительнаго. О существованіи того же обычая въ сѣверной Франціи говоритъ одно старофранцузское стихотвореніе, въ которомъ обсуждается слѣдующій спорный вопросъ: одна дама разрѣшила возлюбленному провести съ ней ночь, но въ полномъ воздержаніи. Вопросъ гласитъ: кто изъ нихъ приноситъ бо́льшую жертву?

О существованіи этого обычая въ Германіи мы имѣемъ самыя точныя и надежныя свѣдѣнія, такъ какъ они запротоколированы судебнымъ производствомъ и касаются извѣстныхъ историческихъ лицъ. Рѣчь идетъ о разбиравшихся на судѣ претензіяхъ Варвары Лёффельгольцъ, впослѣдствіи матери знаменитаго гуманиста, Вилибальдъ Пиркгеймера, къ ея первому возлюбленному Сигмунду Штромеру.

Въ этомъ любовно-брачномъ дѣлѣ, о которомъ мы имѣемъ превосходный этюдъ, написанный нынѣшнимъ хранителемъ городской библіотеки въ Нюрнбергѣ, Эмилемъ Рейке, напечатавшимъ и объяснившимъ эти документы, рѣчь шла о томъ, что истецъ, Сигмундъ Штромеръ, требовалъ выполненія брачнаго обѣщанія, даннаго ему Варварой Лёффельгольцъ. Прежняя его возлюбленная потомъ однако раздумала и отрицала это обѣщаніе. Такъ возникло довольно продолжительное дѣло, въ которомъ съ обѣихъ стороны были выдвинуты въ широкомъ объемѣ мнѣнія компетентныхъ лицъ. Самое ядро спора для насъ безразлично, зато тѣмъ важнѣе то, что во время этого процесса обстоятельно обсуждались и «пробныя ночи», имѣвшія мѣсто между влюбленными. Именно въ одну изъ такихъ ночей Варвара будто и дала обѣщаніе выйти замужъ. Объ этихъ ночахъ Рейке сообщаетъ на основаніи документовъ:

«Варвара должна была признаться, что она впускала истца по ночамъ въ свою комнату и хотя она и утверждала, что онъ первоначально бывалъ у нея не болѣе двухъ часовъ, ей было доказано, что она провела съ нимъ по крайней мѣрѣ шесть цѣлыхъ ночей. Обвиняемая не отрицала этого, но заявила, что ничего предосудительнаго въ эти ночи не совершалось.

Павелъ Имгофъ и его жена—близкіе родственники Варвары, въ квартирѣ которыхъ она принимала визиты Сигмунда Штромера—спокойно входили въ комнату по наивному обычаю времени, садились къ ней на постель и спали въ одной комнатѣ

съ ней и съ истцомъ. Одинъ изъ молодыхъ супруговъ, повидимому, даже всегда присутствовалъ при ночныхъ визитахъ Штромера, въ качествѣ блюстителя приличія. Этотъ выводъ можно сдѣлать изъ того, что Урсула Имгофъ заявляла, что получила ключъ отъ комнаты Варвары отъ нея самой. Впрочемъ она ихъ часто оставляла и одних».

Прибавимъ въ видѣ поясненія, что всѣ эти ночныя интимныя посѣщенія происходили въ домѣ Гольцшуера, въ одномъ изъ самыхъ знатныхъ патриціанскихъ домовъ въ Нюрнбергѣ. Мартинъ Гольцшуеръ былъ дядей сироты Варвары Лёффельгольцъ, а Павелъ Имгофъ былъ его зятемъ и въ его домѣ молодые жили нѣкоторое время. Прибавимъ далѣе, что въ самомъ фактѣ этихъ интимныхъ ночей ни судъ ни компететныя лица не видѣли ничего предосудительнаго и такъ какъ жалоба Сигизмунда Штромера осталась безъ послѣдствій, то они, стало быть, изъ этого не дѣлали вывода, что Варвара Лёффельгольцъ имѣла намѣреніе впослѣдствіи выйти за него замужъ.

Этотъ запротоколированный фактъ не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что интересующій насъ обычай былъ извѣстенъ и весьма распространенъ и среди бюргерства. Изъ актовъ процесса мы видимъ, что подробности его здѣсь тѣ же, что и у крестьянства. Только вступленіе носило у бюргерства менѣе романтическій характеръ, такъ какъ любовникъ приходилъ не черезъ окно подъ крышей, и не какими нибудь другими опасными для жизни путями, а въ худшемъ случаѣ чернымъ ходомъ.

И однако несмотря на совпаденіе этого обычая у крестьянъ и у бюргерства, все же существовало значительное различіе, а именно въ конечной цѣли, и поэтому въ самомъ существѣ дѣла.

Можно констатировать, что въ разныхъ мѣстностяхъ крестьяне устраивали своихъ, достигшихъ зрѣлости, дочерей въ возможно отдаленныхъ комнатахъ. Отсюда слѣдуетъ, что здѣсь рано или поздно молодые люди въ самомъ дѣлѣ сходились, что они не обнаруживали никакой сдержанности, а удовлетворяли свою страсть съ бѣшенствомъ животныхъ...

Въ средѣ бюргерства этотъ обычай носилъ по существу иной характеръ и осуществлялся на дѣлѣ поэтому иначе. Хотя въ нашемъ распоряженіи лишь очень скудный матеріалъ, все же мы съ нѣкоторымъ основаніемъ можемъ утверждать, что, если дѣвушка изъ этихъ круговъ впускала къ себѣ въ комнату одинъ или нѣсколько разъ симпатичнаго ей ухаживателя и даже въ концѣ концовъ разрѣшала ему лечь съ ней на одну постель, то это еще не значило, что молодые люди въ самомъ дѣлѣ сходились. Ибо каждое явленіе имѣетъ свою собственную логику. А эта логика приводила къ тому, что въ бюргерской средѣ этотъ обычай былъ не болѣе какъ примитивной и грубой формой флирта. Это доказывается не только цѣлымъ рядомъ выраженій, относящихся къ этому обычаю, но и тѣмъ, что, какъ мы видимъ изъ процесса Варвары Лёффельгольцъ, при этихъ ночныхъ свиданіяхъ присутствовала на краю постели dame de garde. Разумѣется, этотъ ангелъ-хранитель буржуазнаго кодекса приличій былъ настолько благоразуменъ, что неоднократно оставлялъ комнату, очевидно, съ той цѣлью, чтобы дать больше простора интимнымъ шуткамъ и забавамъ обоихъ флиртующихъ

Это, конечно, не исключаетъ того, что условіе воздержанія, которое влюбленная мѣщаночка ставила претенденту на ея руку—или на ея состояніе!—порой и не соблюдалось. Неисполненіе этого обѣщанія было даже, вѣроятно, довольно обычнымъ явленіемъ, и даже въ «лучшихъ семействахъ» въ концѣ концовъ не довольствовались нѣжными ласками или удовлетвореніемъ эротическаго любопытства и т. д., а требовали всего и позволяли все. Жаждущіе любви люди, одаренные здоровыми чувствами, просто не въ силахъ устоять передъ сильнымъ искушеніемъ, при такихъ благопріятствующихъ ему обстоятельствахъ. Это одинаково приложимо къ юношѣ и къ дѣвушкѣ и въ этомъ отношеніи даже самыя благовоспитанныя мѣщанки не составляютъ исключенія. Отсюда слѣдуетъ далѣе, что дѣвушка, практиковавшая этотъ обычай, часто бывала менѣе довольна мужчи-

ной, исполнившимъ данное обѣщаніе, чѣмъ мужчиной, не сдержавшимъ своего слова, но оправдывавшимся тѣмъ, что при видѣ такихъ прелестей даже самыя честныя намѣренія таятъ, какъ воскъ въ огнѣ.

Прибавимъ къ этому еще то, что уже и тогда умѣли предотвращать послѣдствія, о чемъ свидѣтельствуютъ сотни разныхъ поговорокъ, бывшихъ у всѣхъ на устахъ и сохранившихся впродолженіе столѣтій. Но даже если въ городѣ рѣчь шла не о томъ, о чемъ въ деревнѣ, если здѣсь было лишь слѣдствіемъ то, что тамъ считалось главной цѣлью, то все же слѣдовало бы наконецъ привыкнуть при оцѣнкѣ также и бюргерства въ прошломъ истолковывать такія понятія, какъ женское цѣломудріе, женская нравственность иначе, чѣмъ нынѣ принято, и иначе, чѣмъ это до сихъ поръ дѣлали романтики—апологеты прошлаго, отчасти преднамѣренно, отчасти по невѣжеству.

Если въ бюргерствѣ «пробныя ночи» были по существу ничѣмъ инымъ, какъ примитивной формой флирта, то у дворянства, гдѣ этотъ обычай также существовалъ, онѣ служили не только флирту, но какъ и у крестьянства, средствомъ взаимнаго испытанія. Въ этомъ классѣ означенный обычай также восходитъ къ очень древнимъ временамъ, ибо вся рыцарская героическая легенда положительно изобилуетъ подобными примѣрами. Мы находимъ ихъ повсюду: въ пѣснѣ о Гудрунѣ, въ Парсифалѣ, въ легендѣ о Лоэнгринѣ, въ пѣсняхъ французскихъ трубадуровъ и нѣмецкихъ минезингеровъ, въ испанскихъ романсахъ—словомъ вездѣ. Всѣ эти литературныя данныя говорятъ намъ о томъ, что дѣвушка охотно раздѣляетъ ложе богатыря или о томъ, что она не менѣе охотно даетъ ему мѣсто на своемъ, чтобы послѣ «испытанія» согласиться на бракъ съ нимъ.

Въ пѣснѣ о Гудрунѣ о помолвкѣ короля карадиновъ съ сестрой Гервига говорится:

«Она сдалась не безъ колебаній, какъ обычно поступаютъ дѣвушки. Ему предложили ея любовь, и витязь молвилъ: «Она мнѣ нравится, я постараюсь ей такъ служить, что меня найдутъ на ея ложѣ». Рыцарь и дѣвушка помолвились и съ нетерпѣніемъ ожидали пришествія ночи: тогда оба они испытали тайное блаженство».

«Испытаніе» Эльзы Брабантской въ Лоэнгринѣ описывается слѣдующимъ образомъ:

«Когда Эльза Брабантская, эта прекрасная, цѣломудренная дѣвушка, была ночью приведена къ князю, которому она была люба, императрица сама сопровождала ее къ постели. Комната была разукрашена коврами, кровать блистала краснымъ золотомъ и богатыми шелками. Одѣяла были затканы разными животными. На это ложе легла дѣвушка, чтобы испытать сладость любви. Пришелъ и императоръ, приказалъ прислугѣ покинуть комнату и простился съ молодыми. Дѣвушку раздѣли и витязь прижалъ ее къ себѣ крѣпко и нѣжно. Больше я ничего не скажу, скажу только, что онъ нашелъ то, чего искалъ».

О такомъ добрачномъ половомъ общеніи между благородной дамой и рыцаремъ свидѣтельствуютъ также многочисленныя народныя пѣсни. Какъ на примѣръ, мы укажемъ на заключительные стихи старонѣмецкой поэмы «Соколъ», облекающіе въ самыя простыя слова самую интимную тему.

«Онъ сѣлъ къ ней на траву и сдѣлалъ ей сладко-больно. Онъ искалъ любви и нашелъ ее. Сладкая любовь обоихъ связала».

Существованіе «испытанія» въ дворянской и княжеской средѣ доказывается не только изящной литературой, но и документальными данными. Такъ императоръ Фридрихъ III, послѣ помолвки съ принцессой Леонорой Португальской, получилъ отъ ея дяди, короля неополитанскаго Альфонса, посланіе, въ которомъ тотъ предлагалъ ему немедленно же подвергнуть племянницу «испытанію», потому что если оно состоится въ Германіи и если молодая дама не окажется во вкусѣ императора, то роднѣ придется заплатить за дорогостоющую ея «обратную доставку». Вотъ соотвѣтствующее мѣсто этого письма:

«Ты уведешь мою племянницу въ Германію и если она тебѣ

не понравится, то ты ее пошлешь обратно или бросишь ее и женишься на другой, поэтому устрой брачную ночь уже здѣсь, чтобы, если она тебѣ понравится, ты могъ бы ее взять съ собою, какъ пріятный товаръ, а если нѣтъ, то оставить ее намъ, какъ обузу».

Въ нашемъ распоряженіи имѣется даже документальное указаніе на неудачное княжеское «испытаніе». Мы имѣемъ въ виду «испытаніе», устроенное впродолженіи полгода графомъ Іоганномъ IV Габсбургскимъ и Герцлауде фонъ Раппольдштейнъ въ 1378 г. Въ данномъ случаѣ вина была на сторонѣ его. «Испытаніе» окончилось безуспѣшно, такъ какъ по заявленіямъ дамы, на которой долженъ былъ жениться графъ Габсбургскій, послѣдній впродолженіи шести мѣсяцевъ не обнаружилъ своей мужественности. Этотъ отрицательный результатъ былъ оформленъ и бумага передана дамѣ, очевидно, чтобы не уронить ее въ глазахъ другихъ возможныхъ претендентовъ. Что дѣвушка впродолженіи полугода находилась въ самомъ щекотливомъ положеніи, не порочило ея чести по тогдашнимъ княжескимъ представленіемъ; ея честь была бы запятнена только въ томъ случаѣ, если бы претенденту удалось достигнуть своей цѣли. Подобные документы, конечно, куда важнѣе описаній, встрѣчающихся въ героическихъ сказаніяхъ.

Изъ этихъ примѣровъ ясно видно, какое принципіальное различіе существовало между «пробной ночью» и оффиціальнымъ «раздѣленіемъ ложа», видно, что первое въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь шла не только о государственныхъ интересахъ, но и объ индивидуальномъ наслажденіи, всегда предшествовало второму, помолвкѣ и бракосочетанію.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ этомъ отношеніи обычаи дворянской и княжеской среды совершенно совпадали съ обычаями крестьянства. И тамъ и здѣсь дѣйствовали аналогичные интересы. Въ средѣ дворянства и князей главной цѣлью брака является потомство, обязанное сохранять наслѣдство и родъ. Вотъ почему «испытаніе» сохранилось и до сихъ поръ при княжескихъ

дворахъ. Вся разница только въ томъ, что теперь это «испытаніе» беретъ на себя наука. Консилиумъ врачей обсуждаетъ, каковы виды на потомство и каковы гарантіи, предлагаемыя физическими данными жениха и невѣсты.

Въ концѣ среднихъ вѣковъ формы взаимнаго ухаживанія носили у всѣхъ почти классовъ и во всѣхъ странахъ еще очень примитивный характеръ. То были не болѣе, какъ такъ называемыя первоначальныя формы галантерейности. Другими словами: оба пола выражали другъ другу свою симпатію не иначе, какъ недвусмысленнымъ путемъ грубыхъ прикосновеній. Не только глаза, но и руки имѣли полную свободу дѣйствія. Разумѣется, крестьянинъ поступалъ откровеннѣе и грубѣе дворянина или бюргера, съ другой стороны нѣмецкое дворянство вело себя неуклюжѣе, чѣмъ италіанское и испанское, но все это были количественныя, а не качественныя различія.

Въ старонѣмецкомъ романѣ Ruodlieb, изображающемъ вещи со свойственной среднимъ вѣкамъ откровенностью, встрѣчаются въ своемъ родѣ классическія мѣста, характеризующія грубые пріемы ухаживанія крестьянъ. Укажемъ здѣсь лишь на слѣдующую сцену. Отважно-дерзкій парень, названный авторомъ «рыжимъ» за его огненно-красные волосы, заходитъ къ немолодому уже крестьянину, женившемуся вторично, послѣ смерти первой жены, на молоденькой хорошенькой дѣвкѣ. При видѣ молодой пышногрудой крестьянки въ странникѣ пробуждается желаніе ею обладать и онъ придумываетъ соотвѣтствующій планъ. Желая усыпить ревность старика, онъ объявляетъ себя двоюроднымъ братомъ его жены. Молодая крестьянка, которой крѣпкій парень пришелся чрезвычайно по вкусу, соглашается на эту мистификацію и между ними завязывается бесѣда, въ которой онъ намекаетъ ей на свое желаніе, а она выражаетъ свое согласіе. Надо ждать ночи, когда старикъ заснетъ. Однако ничто не мѣшаетъ получить и дать между тѣмъ нѣсколько авансовъ. И молодые люди не мѣшкаютъ. Не успѣлъ старикъ выйти на мгновеніе изъ ком-

наты, какъ они уже использовали моментъ. Una manus mammas tractabat et altera gambas, quod celabat ea super expandendo crusena. И такъ какъ это вполнѣ во вкусѣ молодой крестьянки, то она распускаетъ свое платье, такъ что «рыжій» даже въ присутствіи мужа можетъ до извѣстной степени продолжить свою любовную забаву.

Если въ деревенскихъ кругахъ, какъ видно изъ этого примѣра, ухаживанье отличалось прямо грубостью, то бюргерство и дворянство были по меньшей мѣрѣ неуклюжи и еще далеки отъ всякой утонченности. Обѣ стороны всегда прямо направлялись къ «конечной цѣли». Флиртъ, конечно, былъ очень въ ходу, его разрѣшали и имъ пользовались при всякомъ случаѣ и во всякомъ мѣстѣ, но безъ нужды имъ не ограничивались. Мужчина всегда пользовался случаемъ «взять плохо защищаемую крѣпость», какъ тогда выражались. Словомъ, обѣ стороны въ принципѣ предпочитали кратчайшій путь.

Болѣе утонченныя формы ухаживанія и любви встрѣчаются сначала и долго лишь среди куртизанокъ (какъ и въ древности). Куртизанки знали, что въ этомъ ихъ главная притягательная сила въ глазахъ мужчинъ. И онѣ высмѣивали дамъ, не доросшихъ до ихъ конкуренціи. Римскія куртизанки напр., издѣваясь, говорили о благородныхъ римлянкахъ, что онѣ, правда, всегда готовы отдаться, но не понимаютъ даже утонченности, которую придаетъ любви рѣчь. Chiavono come cani, ma sono quiete della bocca, come sassi.

Чѣмъ побѣдоноснѣе развивалось денежное хозяйство, тѣмъ многочисленнѣе становился классъ, имѣвшій возможность жить исключительно для наслажденія, тѣмъ женщина въ этихъ кругахъ становилась быстрѣе и замѣтнѣе предметомъ роскоши. Вмѣстѣ съ тѣмъ самое наслажденіе, и прежде всего наслажденіе въ любви, получало все болѣе утонченную форму. L'Art d'aimer становилось въ этихъ кругахъ высшей, важнѣйшей и популярнѣйшей наукой. «Порядочныя» дамы стали понимать не только рафинированное дѣйствіе циничныхъ словъ въ любви, но и употреблять всѣ безчисленные прочіе трюки, при помощи которыхъ можно повысить любовное наслажденіе. Законныя жены, которыя когда-то отдавались любви, какъ «бревна», стали превосходить самихъ куртизанокъ, какъ мы выше уже указали, такъ что по словамъ современниковъ «было гораздо пріятнѣе любить благородную даму» или «съ благородной дамой вступить въ турниръ любви», чѣмъ съ опытнѣйшими жрицами любви, «такъ какъ первыя отличаются большими достоинствами ума и воспитанія, а въ искусствѣ любви не уступаютъ послѣднимъ».

Своего апогея достигла утонченность вмѣстѣ съ побѣдой абсолютизма, который не только провозгласилъ женщину, какъ орудіе наслажденія, тайной царицей, но и прямо открыто возвелъ ее на престолъ. Въ этихъ кругахъ превращеніе «бревна» въ «мастерицу любви» шло особенно быстро. Брантомъ пишетъ по этому поводу:

«Что касается нашихъ хорошенькихъ француженокъ, то въ прежнія времена онѣ всѣ были очень неловки и отличались неуклюжей манерой любить. Однако за послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ онѣ научились у другихъ націй столькимъ тонкостямъ и изысканностямъ, переняли у нихъ такія ухищренія и обычаи, а можетъ быть и сами всему этому научились, что нынѣ превосходятъ въ этомъ отношеніи всѣ націи. Я слышалъ и отъ иностранцевъ, что въ этомъ пунктѣ онѣ заслуживаютъ преимущество. Къ тому же циничныя слова звучатъ на французскомъ языкѣ гораздо пріятнѣе, сладострастнѣе и гораздо болѣе возбуждаютъ, чѣмъ тѣ же слова на другихъ языкахъ».

Націи, у которыхъ учились француженки, были испанцы и итальянцы, а французы въ свою очередь стали отнынѣ учителями нѣмцевъ.

Коснуться рукой груди хорошенькой женщины, притомъ при всѣхъ, было первымъ актомъ преклоненія передъ ней, и этотъ пріемъ встрѣчается постоянно во всѣхъ классахъ. Такъ дѣлали при каждомъ удобномъ случаѣ, и прежде всего въ собраніяхъ и при посѣщеніяхъ, въ особенности же во время танца. Такой

шутливый жестъ нисколько не предполагалъ болѣе интимныхъ отношеній, наоборотъ, онъ самъ часто становился началомъ болѣе близкаго знакомства. Отсюда слѣдуетъ, что такое поведеніе тогда не казалось предосудительнымъ, а считалось вполнѣ естественнымъ. Поэтому и женщина — если только была недурна — видѣла въ этомъ не оскорбленіе, а лесть и комплиментъ, и притомъ вполнѣ законные. И если она обладала красивой грудью, то она не очень и противилась этимъ жестамъ мужчины, а если и противилась, то больше для вида или ради вящщей пикантности или прямо для того, чтобы дать возможность оцѣнить ея прелести, лучше чѣмъ позволяла господствовавшая мода.

О распространенности и популярности этого метода свидѣтельствуетъ процитированная выше рифмованная проповѣдь Мурнера. Изъ предыдущаго видно, что Мурнеръ—хотя онъ и сатирикъ—вовсе не преувеличивалъ. Если мужчина позволялъ себѣ подобные комплименты дѣйствіемъ, если женщина постоянно вызывала на это и находила въ этомъ удовольствіе, то это не что иное, какъ другъ друга дополняющія и другъ отъ друга неотдѣлимыя части и разныя стороны одного и того же явленія, а именно основной чувственно-животной тенденціи вѣка. Эта тенденція та внѣшняя рамка, въ предѣлахъ которой одна черта логически обусловливаетъ другую: завоеваніе земной жизни обусловливаетъ культъ физическаго, культъ тѣла обусловливаетъ (по отношенію къ женщинѣ) культъ груди, культъ груди—культъ ея наготы, а этотъ послѣдній—соотвѣтствующую ему форму признанія со стороны мужчины. А это соотвѣтствующее признаніе выражается въ какъ можно болѣе частомъ и откровенномъ заявленіи, что тѣлесная красота цѣнится выше всего. По духу времени мужчина не можетъ выразить это настроеніе иначе, какъ подчеркивая при каждомъ удобномъ случаѣ свое желаніе завладѣть этими столь заманчиво выставленными сокровищами и смѣло и дерзко протягивая къ нимъ руки. Въ рамку общей картины надо естественно включить и принципіальное снисхожденіе женщины къ подобной предпріимчивости мужчины и, наконецъ, убѣжденіе всѣхъ въ невинности этого грубаго комплимента.

Неудивительно послѣ всего сказаннаго, что литература и искусство всѣхъ народовъ необычайно богаты примѣрами этой первоначальной формы галантерейности. Ограничимся лишь нѣкоторыми примѣрами, такъ какъ та же тема затрогивается нами въ другихъ комбинаціяхъ то и дѣло на всемъ протяженіи нашей работы. Въ «Spiel von Jungfrauen und Gesellen» одна изъ дѣвушекъ говоритъ:

«Выслушайте теперь и меня. Изъ меня хотѣли сдѣлать монашенку... Но по утрамъ я не люблю поститься и потому позволяю молодцамъ трогать меня. Я предпочитаю вино водѣ и потому не гожусь въ монастырь».

Въ одной эпиграммѣ Клеманъ Маро говорится:

«Прекрасная Катарина воспламенила мое сердце. Шаловливо опустилъ я руку за ея корсажъ, пока не воспламенилась и она».

Особенно откровенны, разумѣется, проповѣдники-моралисты, ополчавшіеся противъ безнравственности вѣка. Гейлеръ изъ Кайзерсберга говоритъ въ своей извѣстной проповѣди, представляющей передѣлку Narrenschiff Себастіана Бранта:

«Третій грѣхъ — любить касаться голаго тѣла, т. е. хватать женщинъ и дѣвушекъ за грудь. Нѣкоторые люди думаютъ, что если они разговариваютъ съ женщиной, то непремѣнно должны схватить ихъ за грудь. Это большая нравственная разнузданность».

Отъ Брантома мы узнаемъ изъ многочисленныхъ приводимыхъ имъ историческихъ примѣровъ, что и высшіе круги относились весьма неравнодушно къ такимъ удовольствіямъ. Цѣлую главу онъ посвящаетъ темѣ «О касаніяхъ въ любви». Глава начинается словами:

«Что касается касанія, то надо признаться, что оно очень пріятно, ибо завершеніемъ любви является наслажденіе, а послѣднее невозможно безъ того, чтобы не касаться любимаго предмета».

Разумѣется, ограничивались не одной только грудью. Гриммельсгаузенъ разсказываетъ о своемъ героѣ Симплициссимусѣ, что онъ долженъ былъ ежедневно искать блохъ у жены пол-

ковника, такъ какъ ей было пріятно, когда молодой парень касался ея груди и другихъ частей тѣла. Брантомъ сообщаетъ разные случаи изъ придворнаго общества, когда дамы давали придворнымъ кавалерамъ взоможность касаться всего ихъ тѣла и удостовѣриться такимъ образомъ въ реальности ихъ интимнѣйшихъ прелестей. Англійскіе придворные хронисты, напр. Гамильтонъ, говорятъ намъ о такихъ же фактахъ изъ жизни англійскаго двора и т. д.

Въ пластическомъ искусствѣ, въ рисункахъ и картинахъ, изображеніе грубаго прикосновенія мужчинъ къ женской груди прямо одинъ изъ излюбленнѣйшихъ мотивовъ. Всѣ протягиваютъ руку къ этимъ заманчивымъ плодамъ любви: юноша, мужчина, старикъ. Это первая побѣда юноши, ежедневная пища мужчины, послѣднее утѣшеніе старца. Влюбленный, все равно мужикъ или дворянинъ, обыкновенно опускаетъ руку за корсажъ возлюбленной и не можетъ достаточно насладиться этой игрой. Онъ изслѣдуетъ упругость, пышность, величину, форму, красоту ея грудей. Если парень хочетъ обнять дѣвушку, онъ одной рукой беретъ ее за грудь, другой за талію. Ландскнехтъ и мужикъ, сидящіе въ трактирѣ, поступаютъ также. Каждая женская грудь, еще не отцвѣтшая, пользуется такимъ почетомъ. Въ особенности голландскіе художники, великіе и малые, любятъ изображать подобныя сцены и каждый создаетъ ихъ по нѣсколько, но и нѣмцы, италіанцы, и французы усердно воспроизводятъ подобные сюжеты.

Всѣ эти картины доказываютъ яснѣе яснаго, съ какой любовью это дѣлается. Художникъ хочетъ прославить одно изъ величайшихъ удовольствій, которыя только существуютъ, и не знаетъ границъ въ этомъ прославленіи. Это примѣнимо даже къ большинству морализующихъ сатирическихъ изображеній. Сообразно сильно развитой морализующей тенденціи вѣка многочисленныя, можно даже сказать большинство такихъ картинъ проникнуты нравственнымъ наставленіемъ. Сатирическая мораль эпохи говоритъ: не одна женщина только потому позволяетъ прикасаться къ ней, что такимъ образомъ легче всего можетъ опустошить карманы мужчины. И сатира воспроизводитъ это явленіе въ рядѣ простыхъ, недвусмысленныхъ картинъ. Между тѣмъ, какъ влюбленный юноша занятъ пышнымъ корсажемъ снисходительной партнерши, послѣдняя украдкой вынимаетъ деньги изъ его кармана. А если кошелекъ его туго набитъ, то дѣвица ничего не имѣетъ и противъ его еще болѣе дерзкихъ вольностей.

Когда съ ней влюбленный старикъ, то женщина можетъ даже и открыто опустошить его карманы, такъ какъ все равно платить за любовь онъ можетъ уже только одной лишь монетой. Наслаждаясь красотой расцвѣтающей дѣвушки, забавляясь пышной прелестью зрѣлой женщины, старикъ спокойно смотритъ, какъ она вытаскиваетъ деньги изъ его мѣшковъ и считаетъ ихъ на столѣ. Послѣднее положеніе является часто и сатирической формой изображенія брака между старикомъ и молодой дѣвушкой.

Какъ ни мѣтка сатира этихъ листковъ и картинъ, нельзя не видѣть, что они косвенно восхваляютъ тѣ самые нравы, которые высмѣиваютъ. Изображая «блуднаго сына» въ компаніи падшихъ женщинъ, разстегивающимъ сразу двумъ изъ нихъ корсажъ, или старика удовлетворяющимъ свою безсильную похоть созерцаніемъ раскрытой пышной женской груди, художникъ вмѣстѣ съ тѣмъ изображаетъ предметъ, манящій къ «грѣху», съ такимъ вдохновеніемъ и восторгомъ, что поступокъ какъ «блуднаго сына», такъ и старика становится самой естественной вещью. И тотъ и другой были бы дураками, если бы поступили иначе.

Другой обычной темой литературы и искусства является тотъ и въ жизни обычный фактъ, что вмѣстѣ съ деньгами исчезаетъ и женская любовь. Въ старой нѣмецкой народной пѣснѣ говорится:

«Моя милая улетѣла, какъ пташка, на зеленую вѣтвь. Кто будетъ со мною коротать длинныя зимнія ночи? Моя милая заставляла меня сидѣть рядомъ съ собой и смотрѣла черезъ мое плечо на мой кошелекъ. Пока въ немъ были деньги, она меня цѣнила, а когда они вышли, погасла и любовь. Моя милая напи-

сала мнѣ письмо, въ которомъ говоритъ, что любитъ другого и забыла меня. Что она меня забыла, не очень то печалитъ меня. Пусть потеряно, чего нельзя удержать. Мало ли на свѣтѣ хорошенькихъ дѣвушекъ».

Въ пластическихъ изображеніяхъ мораль этой исторіи представлялась обыкновенно такъ, что мужчина, за которымъ недавно еще нѣжно ухаживали, безцеремоннѣйшимъ образомъ выставляется на улицу и ему указывается путь-дорога.

Само собой понятно, что во всѣхъ странахъ снисходительныя дѣвицы и женщины, охотно позволяющія дерзкому молодцу всевозможныя вольности, пользуются бо́льшимъ спросомъ, чѣмъ сдержанныя, отказывающія ему въ нихъ. Не одна строго нравственная дѣвушка не заплатила за свою сдержанность тѣмъ, что любовникъ бросилъ ее, предпочитая ей другую, которая охотно отдаетъ прелести своего тѣла во власть его рукъ за право хозяйничать въ его кошелькѣ. Въ стихотворной пьесѣ Die Egen выступаетъ такая дѣвушка, покинутая за свою скромность, и говоритъ:

«У меня былъ женихъ, обѣщавшій на мнѣ жениться. Но прошло уже около четырнадцати недѣль и онъ не хочетъ исполнить своего обѣщанія. Другая отбила его у меня. Она позволяетъ ему трогать ее, а сама въ это время занимается его кошелькомъ. Хорошо это не кончится».

Было бы неосновательно думать, будто роль женщины въ этомъ флиртѣ была совершенно пассивная, будто она сводилась только къ тому что она не противилась. Женщина знала во всѣ времена, что необходимо случаю подставить ножку, чтобы заручиться успѣхомъ. А этотъ маневръ заключался въ томъ, что женщина ловко создавала обстановку, которая провоцировала мужчину къ весьма ею желанной, хотя и стыдливо отклоняемой активности. Однимъ изъ главныхъ средствъ для достиженія этой цѣли была мода, въ которой женщина систематизируетъ то, что особенно дѣйствуетъ на чувственность мужчины. Формы же диктовались модѣ основной тенденціей вѣка.

Но женщина всегда шла въ этомъ направленіи такъ далеко, какъ только позволяла эпоха. Мы уже знаемъ, какія смѣлыя средства и формы допускало въ этомъ отношеніи Возрожденіе, какія возможности предоставляло оно взорамъ по отношенію къ женской груди. То были, естественно, не единственныя средства и также естественно то, что остальныя не уступали имъ по смѣлости и грубости: смѣлому декольтированію сверху внизъ соотвѣтствовало не менѣе смѣлое систематическое декольтированье снизу вверхъ. Женщина слишкомъ хорошо знала гипнотизирующее воздѣйствіе ея ногъ и еще болѣе интимныхъ прелестей, хотя бы зрѣлище длилось всего секунду, другими словами, она скоро угадала значеніе зрѣнія въ любви. И потому глазамъ мужчины предоставлялись широчайшія свободы. Декольтированіе снизу вверхъ достигалось въ эпоху Ренессанса, главнымъ образомъ путемъ танца или игръ, главная прелесть и главная соль которыхъ состояли часто въ возможно большемъ оголеніи женщины. Ограничимся здѣсь этимъ простымъ указаніемъ, такъ какъ танцу и играмъ будетъ посвящено детальное описаніе въ главѣ объ общественныхъ развлеченіяхъ.

Здѣсь необходимо еще обосновать индивидуальную смѣлость, до которой нерѣдко доходили женщины этой эпохи въ использованіи выше указанныхъ средствъ воздѣйствія. Хронисты разныхъ странъ сообщаютъ намъ, что женщина охотно сама старалась очутиться въ щекотливомъ положеніи или охотно позволяла друзьямъ застигать ее въ такомъ положеніи. Въ такой ситуаціи она оставалась часто очень долго, «чтобы убѣдиться, что мужчина удостовѣрился въ ея прелестяхъ и въ ея красотѣ». Примѣры можно найти въ новеллахъ королевы Наваррской, у Брантома и почти у всѣхъ современныхъ новеллистовъ. Брантомъ пишетъ: «часто дамамъ доставляетъ удовольствіе показываться намъ безъ помѣхъ, такъ какъ онѣ чувствуютъ себя безупречными и убѣждены, что могутъ насъ воспламенить». О многихъ благородныхъ дамахъ французскаго двора сообщается далѣе, что онѣ позволяли кавалерамъ исполнять при нихъ обя-

занности камеристокъ. Такъ онѣ особенно охотно разрѣшали имъ надѣвать имъ чулки и башмаки, такъ какъ это по словамъ одной французской рукописи XVI в. даетъ «влюбленнымъ дамамъ самый удобный случай показать мужчинамъ, которые имъ нравятся, тѣ прелести, которыя иначе онѣ не могли бы обнаружить». Далѣе въ этой рукописи говорится: «дамы исходятъ при этомъ еще изъ той мысли, что мужчина съ темпераментомъ никогда не упуститъ такого случая, чтобы не позволить себѣ нѣкоторыя вольности». Съ другой стороны эта ситуація позволяетъ имъ всегда помѣшать ему зайти въ его галантныхъ предпріятіяхъ дальше, чѣмъ «имъ позволяютъ ихъ совѣсть и честь».

Въ другомъ современномъ сочиненіи говорится:

«Въ наше время найдется не много дамъ, которыя не оказали бы подобныхъ знаковъ милости не только друзьямъ, но даже и чужимъ. Нѣкоторыя уступали это право ухаживателю уже по прошествіи нѣсколькихъ дней, ибо современныя женщины говорятъ: «глаза и руки друга еще не дѣлаютъ мужа рогоносцемъ». И потому онѣ предоставляютъ рукамъ и глазамъ друзей величайшую свободу... Есть не мало благородныхъ дамъ, относительно которыхъ многіе придворные кавалеры могутъ похвастать, что имѣютъ наглядное представленіе о ихъ тайныхъ прелестяхъ и однако эти дамы считаются образцами нравственности и добродѣтели. И совершенно основательно. Ибо онѣ не унижаютъ тѣмъ своихъ мужей, а только усиливаютъ зависть въ другихъ, которымъ позволено развѣ созерцать эти несравненныя красоты, тогда какъ мужья могутъ ими во всякое время и сколько угодно наслаждаться».

Эта наиболѣе смѣлая форма эксгибиціонизма, какъ гласитъ научный терминъ для опредѣленія этого вида похотливости, составлялъ, какъ видно, спортъ, которымъ тогда увлекались и приличныя дамы. Эта форма позволяла имъ по крайней мѣрѣ въ воображеніи праздновать оргіи.

Подобныя вольности разрѣшались кавалерамъ и незамужними дѣвушками. И прежде всего, конечно, тѣмъ холостымъ кавалерамъ, которыхъ хотѣли побудить сдѣлать предложеніе. И методъ этотъ вѣнчался успѣхомъ.

«Не одна благоразумная дама сумѣла тѣмъ, что ловко позволяла претенденту на ея руку удостовѣриться въ ея красотѣ, крѣпче приковать его къ себѣ, чѣмъ при помощи влюбленныхъ взглядовъ и остроумнѣйшихъ словъ».

Къ тому же это было и безопасно, такъ какъ—говорили люди—«отъ взглядовъ еще не забеременила ни одна дѣвушка». Напротивъ, если слава ея интимныхъ прелестей переходила изъ устъ въ уста, то это въ значительной степени повышало шансы дамы на счастье. О тѣхъ женщинахъ, которыя отказывали въ такихъ пустякахъ, хотя бы даже ихъ объ этомъ просили, всегда ходилъ слухъ, что имъ нужно скрывать тайные пороки, которые неминуемо вызовутъ отвращеніе въ мужчинахъ, какъ только они о нихъ узнаютъ. Этотъ фактъ удостовѣренъ и Брантомомъ въ главѣ о «зрѣніи въ любви».

При такихъ условіяхъ немудрено, если мужчина, настолько несообразительный, что упускалъ неиспользованнымъ случай и не понималъ, чего хочетъ женщина, протягивая ему галантно ногу или требуя отъ него услугъ камеристки, подвергался жесточайшимъ насмѣшкамъ.

Таковы примитивныя формы галантерейности. Надо сознаться, что грубая активность мужчинъ только соотвѣтствовала недвусмысленной формѣ, съ которой женщина обращалась къ нему.

Въ эпоху Ренессанса жизнь давала мужчинѣ и женщинѣ сотни возможностей проявленія такихъ грубыхъ формъ взаимнаго ухаживанія. Узость условій существованія, совмѣстное жительство на ограниченномъ пространствѣ, наконецъ, примитивныя средства удовлетворенія потребности въ совмѣстномъ общеніи, все это создавало такъ сказать почву для постояннаго воздѣйствія другъ на друга. Ограничимся однимъ примѣромъ: путешествіями.

Въ эту эпоху путешествія были не очень въ ходу, женщины

же особенно рѣдко путешествовали. Если же обстоятельства вынуждали къ этому, то люди за все время путешествія были положительно прикованы другъ къ другу. Если путешествовала женщина, то, конечно, не только съ мужемъ или братомъ, а также часто съ другомъ или знакомымъ, потому что опасность дороги заставляла ее даже въ случаѣ недалекаго путешествія заручиться защитникомъ. Такъ какъ дороги были плохи, то повозки не годились для путешествія, къ тому же такое путешествіе обходилось дороже и совершалось не такъ быстро. Путешествовали поэтому обыкновенно верхомъ. Но и здѣсь сложность тогдашнихъ путешествій вынуждала къ упрощеніямъ. Если путешествовала дама, то она садилась или спереди или сзади своего спутника на того же коня. Знатныя дамы отправлялись въ такомъ видѣ и на охоту. Такимъ образомъ дама и ея спутникъ находились впродолженіи цѣлыхъ часовъ въ интимной близости. Мужчинѣ къ тому же часто приходилось поддерживать женщину тамъ, гдѣ дорога пересѣкалась рытвинами или рвами. Такъ естественно, что желаніе водило часто рукой мужчины—и, конечно, и женщины!—если только они были добрыми друзьями или сдѣлались таковыми во время путешествія. Что въ большинствѣ случаевъ такъ и бывало, вполнѣ понятно и не нуждается собственно въ подтвержденіи, хотя подобныя подтвержденія можно найти у всѣхъ хронистовъ.

Начиная съ миннезингеровъ и кончая новеллистами, мы узнаемъ то и дѣло, что всадникъ порывисто прижималъ къ себѣ и нѣжно ласкалъ хорошенькую дѣвушку изъ знати или здоровую крестьянку. Таково содержаніе очень грубаго разсказа, записаннаго въ XV в. Августомъ Тюнгеромъ (рѣчь идетъ о крестьянкѣ и попѣ), аналогичный случай сообщаетъ циммерская хроника, также возникшая въ XV в., гдѣ рѣчь идетъ уже о знатной дамѣ, часто совершавшей недалекія путешествія спеціально съ цѣлью использовать ихъ для флирта.

Аналогичными привиллегіями часто пользовались гости и посѣтители. Считалось почти честью для себя, если желанный гость

черезъ короткое время вступалъ въ рукопашную съ женой или взрослой дочерью. Когда гость пользовался особеннымъ почетомъ, то хозяйка нерѣдко спѣшила послать ему для времяпрепровожденія хорошенькую дочку. А гость доставлялъ дому честь, если находилъ дочку хорошенькой и оказывалъ ей вниманіе, которое не ограничивалось непремѣнно одними поцѣлуями и однако это никому не казалось предосудительнымъ. Еще къ среднимъ вѣкамъ относится обычай, о которомъ сообщаютъ намъ миннезингеры и хронисты, посылать на ночь знатному гостю красивую служанку или достигшую зрѣлости дочь, а порой эта роль выпадала и на долю самой хозяйки. Этотъ обычай назывался «отдать жену по довѣрію». Въ своемъ Genchmatt Мурнеръ упоминаетъ объ этомъ обычаѣ, какъ о существовавшемъ еще въ XVI в. въ Нидерландахъ.

«Въ Нидерландахъ еще держится обычай, въ силу котораго хозяинъ, если у него есть дорогой гость, посылаетъ къ нему жену по довѣрію».

Какъ охотно исполняли женщины эту роль, когда рѣчь шла о красивомъ гостѣ, такъ какъ онъ наилучшимъ образомъ оправдывалъ «довѣріе»,—конечно, не мужа, а жены,—видно изъ французской рыцарской поэмы, гдѣ жена должна отказаться отъ этой роли ради красивой служанки, такъ какъ ея мужъ еще не спитъ и повидимому не поклонникъ этого обычая. Вотъ это мѣсто:

«Графинѣ было пріятно имѣть такого гостя. Она приказала изжарить для него жирнаго гуся и поставить въ его комнатѣ роскошную постель, на которой любо было растянуться. Отправляясь спать, графиня призвала самую красивую и благовоспитанную изъ своихъ служанокъ и сказала ей украдкой: «Дорогое дитя, пойди къ нему и служи ему, какъ подобаетъ. Я сама бы охотно пошла, да не хочу этого сдѣлать изъ стыдливости ради графа, моего господина, который еще не заснулъ».

Были, впрочемъ, и такіе гости, которые оправдывали доброе довѣріе мужей, но ихъ было не очень много. Гартманъ фонъ деръ Ауе говоритъ о наблюденіяхъ, сдѣланныхъ имъ на этотъ

счетъ въ Германіи: «Надо признаться, такихъ людей не очень то много».

Насколько эпоха находила флиртъ дѣйствіями естественнымъ, видно между прочимъ очень наглядно изъ того, что его всячески поощряли. Въ Аугсбергѣ, напр., еще въ серединѣ XVII в. господствовалъ обычай давать жениху и невѣстѣ возможность безпрепятственно удовлетворять свои влюбленныя желанія. Одинъ хронистъ говоритъ:

«Если женихъ посѣщалъ невѣсту, имъ отводили особый столъ въ углу комнаты и загораживали его испанскими ширмами такъ, чтобы они были одни».

Жениху и невѣстѣ даже разрѣшалось открыто обмѣниваться очень откровенными нѣжностями. Не надо было однако быть непремѣнно женихомъ и невѣстой, чтобы пользоваться такими правами. Приведенный выше процессъ Варвары Лёффельгольцъ служитъ тому убѣдительнымъ доказательствомъ. Прекрасная Варвара, правда, утверждала, что во время ночныхъ визитовъ Штромера «ничего особеннаго» не происходило, но надо думать, что она хотѣла сказать, что не произошло только самаго главнаго. Какъ въ этомъ частномъ случаѣ, такъ и вообще во время ночныхъ посѣщеній происходило весьма многое.

Таковъ доженъ быть выводъ, если мы не хотимъ насиловать факты. Этотъ обычай служилъ какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ прежде всего первбытному флирту, удовлетворенію обоюднаго эротическаго любопытства и обмѣну грубоватыхъ нѣжностей. Необходимо еще разъ это подчеркнуть. Смѣлые жесты были единственной бесѣдой между молодыми людьми съ того момента, какъ дѣвушка впускала въ свою каморку парня. Только ради этой цѣли приходилъ онъ, только этого ждала отъ него она и потому оба играли свою роль соотвѣтствующимъ образомъ: одни съ большимъ темпераментомъ, другіе съ большей утонченностью, третьи съ большей неловкостью. Но всегда происходило одно и то же. Въ этомъ общеніи не было ничего духовнаго, ничего душевнаго, царила одна животная чувственность.

Нѣмецкое выраженіе: In Zucht und Ehren (по чести и приличію значило только, что взаимныя нѣжности вращались въ границахъ, считавшихся тогда допустимыми. Но эти границы были чрезвычайно растяжимы. А эпоха была крѣпко убѣждена, что въ юности мужчина и женщина имѣютъ полное право на подобныя удовольствія. И въ нихъ не находили поэтому ничего позорящаго. Оспаривать внутреннюю логику такихъ интимныхъ визитовъ можетъ только историкъ съ предвзятой точкой зрѣнія, ибо это значитъ не болѣе, какъ превратить поколѣніе пышущихъ здоровьемъ людей произвольно въ жалкую компанію хилыхъ стариковъ, страдавшихъ размягченіемъ спинного мозга. Кто желаетъ нащупать истинный пульсъ вѣка, можетъ умозаключить только такъ, какъ умозаключили мы.

Эти грубыя формы взаимнаго флирта и ухаживанія, несомнѣнно, значительно облагородились въ эпоху Ренессанса. По мѣрѣ того, какъ подъ вліяніемъ новыхъ экономическихъ силъ богаче становилась общая культура, одухотвореннѣе становилась и любовь, все болѣе превращаясь въ искусство. Она постепенно переставала быть простой стихійной силой, возвышаясь до уровня сознательнаго оформленнаго переживанія. Конечно, это имѣло мѣсто далеко не во всѣхъ классахъ, напр., крестьянство и мелкое дворянство пребывали по прежнему въ состояніи животной грубости,—но зато тѣмъ болѣе въ буржуазіи, развивавшейся вмѣстѣ съ торговлей. Это понятно. Именно эта часть бюргерства была носительницей новаго содержанія исторіи и она же присвоила главные плоды богатой жатвы, взращенной новыми экономическими силами.

———

Бракъ считался въ XV и XVI вв. высшимъ состояніемъ. Быть холостымъ или старой дѣвой считалось напротивъ порокомъ и къ такимъ людямъ относились, какъ къ заклейменнымъ. Поэты и писатели безъ удержу прославляютъ бракъ. На всѣхъ языкахъ, въ самыхъ разнообразныхъ видахъ раздается гимнъ въ

честь него. «На брачномъ ложѣ спится мягче всего». Кто живетъ въ бракѣ, тому открыты въ будущемъ небеса, остальнымъ— грозитъ адъ.

Это постоянное громкое восхваленіе брачной жизни, какъ высочайшей заслуги, имѣетъ свои, довольно явственно выступающія наружу, естественныя причины. Послѣднія однако коренятся въ гораздо меньшей степени въ тѣхъ моральныхъ мотивахъ, которые приводились въ пользу брака, а скорѣе въ настоятельныхъ нуждахъ эпохи. Развившаяся индустрія нуждалась въ людяхъ, въ рабочихъ рукахъ, въ покупателяхъ. Абсолютная княжеская власть нуждалась въ солдатахъ. Чѣмъ больше людей, тѣмъ лучше. Съ другой стороны росту населенія противодѣйствовали сильнѣйшія преграды. Если въ средніе вѣка населеніе не увеличивалось благодаря усиленію могущества церкви—вмѣстѣ съ послѣднимъ росло число монастырей и ихъ обитателей, жившихъ въ принудительномъ безбрачіи,—то теперь на сцену выступили еще болѣе опасные факторы.

Вмѣстѣ съ новымъ хозяйственнымъ порядкомъ родились и его страшные спутники: чума, алкоголизмъ, сифилисъ. Распространявшаяся во всѣ стороны торговля создавала условія, придававшія всѣмъ этимъ болѣзнямъ эпидемическій характеръ. Всѣ эти болѣзни сокращали не только вообще населеніе, но главнымъ образомъ его мужскую половину, такъ какъ мужчины легче подвергались заболѣванію—во время путешествій, посѣщенія домовъ терпимости и т. д.—и имъ въ первую голову пришлось расплачиваться за новый экономическій порядокъ. Убыли мужского населенія способствовали также учащавшіеся распри и походы. При такихъ условіяхъ безбрачіе становилось все болѣе открытой социальной опасностью, каждый холостякъ — прямымъ врагомъ общества.

Вотъ почему люди вдругъ открыли моральныя преимущества брака, и усмотрѣли высшую его форму въ возможно многодѣтномъ бракѣ. Такъ какъ эта экономическая потребность совпадала съ основной чувственной тенденціей вѣка, то дѣйствительность совпала съ этой важнѣйшей идеологіей. Семьи съ дюжиной дѣтей были тогда не рѣдкостью. Отъ брака Виллибальда Пиркгеймера съ Варварой Лёффельгольцъ произошло тринадцать дѣтей, аугсбургскій хронистъ Буркхартъ Цинкъ, дважды женатый, имѣлъ восемнадцать дѣтей, отецъ Альбрехта Дюрера столько же, у Антона Тухера было одиннадцать, папскій секретарь Франческо Поджьо оставилъ также восемнадцать признанныхъ имъ дѣтей, среди нихъ четырнадцать незаконныхъ. Въ нѣкоторыхъ и довольно многочисленныхъ семьяхъ число дѣтей доходило и превышало цифру двадцать.

Если бракъ считался важнѣйшимъ учрежденіемъ въ интересахъ сознательно направляемой эволюціи, то въ тѣхъ же интересахъ рѣчь шла всегда только объ одной специфической формѣ брака, а именно о патріархальной семьѣ. Мужъ признавался неограниченнымъ властителемъ. Этого требовала организація ремесленнаго производства, принуждавшая каждаго подмастерья и каждаго ученика «протянуть ноги подъ столъ мастера», т.-е. всѣ участвовавшіе въ производствѣ были прикованы къ дому мастера. Рядомъ съ авторитетомъ въ мастерской долженъ былъ стоять авторитетъ въ семьѣ. Прославляя бракъ, прославляли вмѣстѣ съ тѣмъ и все, что было въ интересахъ безусловнаго господства въ бракѣ мужчины. «Мужъ да будетъ утѣшеніемъ и господиномъ жены», «мужъ да будетъ хозяиномъ ея тѣла и состоянія», «женщина да слушается совѣтовъ мужа и поступаетъ, какъ женственная женщина по его волѣ». Даже его возможной грубости жена обязана противопоставить тѣмъ большую кротость.

«Если онъ кричитъ, она да молчитъ, если онъ молчитъ, она пусть съ нимъ заговоритъ. Если онъ сердитъ, она да будетъ сдержана, если онъ взбѣшенъ, она пусть будетъ тиха и т. д.».

Кротость жены должна итти даже такъ далеко, чтобы стерпѣть измѣну мужа. И даже когда это происходитъ у нея въ домѣ, она должна молчать. Если мужъ ухаживаетъ за молодой служанкой, то она обязана дѣлать видъ, будто ничего не замѣ-

чаетъ, «если же она уличитъ ихъ, то она пусть прогонитъ эту похотливую дрянь, дабы предотвратить худшее несчастіе». Вмѣстѣ съ тѣмъ она обязана наставить мужа добрымъ словомъ на путь истинный, ибо уже тогда во всемъ всегда была виновата «похотливая дрянь». И по прежнему жена обязана видѣть въ мужѣ своего господина.

Женщина, не желавшая подчиняться этимъ законамъ, казалась эпохѣ величайшей преступницей. Образу мышленія Ренессанса вполнѣ соотвѣтствовало право, предоставленное мужу, наказывать тѣлесно жену, если она систематически не покорялась его власти. Уже Рейнмаръ фонъ Цветтернъ совѣтуетъ мужу слѣдующимъ образомъ поступить съ упрямой женой:

«Брось ласковость и возьми въ руки дубину и испробуй ее на ея спинѣ и чѣмъ чаще, тѣмъ лучше, со всей силой, чтобы она признала въ тебѣ своего господина и забыла бы свою злость».

Вотъ единственный способъ «укрощенія строптивой». Въ нѣкоторыхъ, въ XVI в. очень распространенныхъ, поговоркахъ мужьямъ рекомендуются аналогичныя и даже еще болѣе драконовскія мѣры наказанія. Сами женщины находили такое обращеніе совершенно естественнымъ—рабъ всегда вѣдь мыслитъ такъ, какъ его господинъ, пока въ немъ не проснется самосознаніе. Законъ также повсюду предоставлялъ мужу права тѣлесно наказывать жену.

Это порабощенное положеніе женщины въ бракѣ никогда однако не удерживало ее усматривать тѣмъ не менѣе въ бракѣ высшую цѣль жизни и стремиться къ тому, чтобы въ борьбѣ за мужчину—«въ борьбѣ за штаны»—остаться побѣдительницей. Это понятно. Законы природы—высшіе законы. Однако общественная мораль разрѣшала женщинѣ естественное и нормальное удовлетвореніе своихъ чувствъ только въ предѣлахъ брака. Съ другой стороны бракъ былъ тогда въ гораздо еще большей степени, чѣмъ теперь, для женщины средствомъ устроиться. Существовало еще очень мало женскихъ профессій. Если присмотрѣться къ современнымъ документамъ, то мы увидимъ съ неотвратимой убѣдительностью, что борьба женщины

за мужчину велась тогда съ такимъ ожесточеніемъ, которое въ исторіи больше не повторялось. Причины этого явленія также коренятся въ эпохѣ. Если выше приведенныя обстоятельства безъ того затрудняли для женщины шансы получить мужа, то ихъ положеніе еще осложнялось рядомъ другихъ фактовъ.

Городское ремесло, напр., представляло только внѣшнимъ образомъ однородный классъ. Застывшіе цеховые законы разбили мелкую буржуазію на рядъ подраздѣленій, строго разграниченныхъ другъ отъ друга своими особыми цеховыми интересами. Не всякое ремесло могло произвольно мѣнять своего хозяина, т.-е. продаваться другому, права его исполненія часто оставались въ семьѣ. Часто единственная дочь пекаря, портного, ювелира могла выйти замужъ только за сына пекаря, портного или ювелира, если только не хотѣла рисковать потерей всей семейной собственности. Благодаря такимъ и аналогичнымъ постановленіямъ женщина при выборѣ мужа была ограничена чрезвычайно узкимъ кругомъ. Если присоединить къ вышеприведеннымъ факторамъ еще эти обстоятельства, то неудивительно, что борьба за мужчину велась тогда женщиной самымъ отчаяннымъ образомъ, что постоянно при этомъ пускались въ ходъ интрига и клевета. Въ многочисленныхъ рисункахъ и картинахъ, изображающихъ «борьбу за штаны», возникшихъ въ эту эпоху, надо поэтому видѣть не такъ сказать общеобязательную для всѣхъ временъ сатирическую тенденцію, а скорѣе всего иллюстрацію спеціально характернаго для той эпохи остраго вопроса.

Естественнымъ дополненіемъ къ женской «падкости къ штанамъ» служатъ необычайныя претензіи мужчины. Мужчины знали, какой на нихъ существуетъ спросъ. «Число ихъ сокращается, а дѣвушки все множатся»—гласитъ современная поговорка. Каждый можетъ поэтому съ гордостью сказать: «Отъ меня зависитъ взять какая мнѣ понравится». А Гейлеръ изъ Кейзерсберга могъ съ полнымъ правомъ заявить: «Теперь женщина должна обладать всѣми качествами, если хочетъ найти мужа, а именно юностью, красотой, движимымъ и недвижимымъ».

Изъ выше очерченнаго взгляда на бракъ слѣдуетъ еще одно явленіе: подобно тому, какъ общество присвоило мужу право тѣлесно наказывать «строптивую» жену, такъ казнила она его самого, если онъ находился подъ башмакомъ у жены и особенно если дѣло заходило такъ далеко, что жена «переворачивала метлу другимъ концомъ» и сама била мужа. Подобная казнь выражалась во всѣхъ странахъ и мѣстностяхъ тѣмъ, что такой мужъ выставлялся на публичное посмѣяніе. Изъ числа разнообразныхъ, въ большинствѣ случаевъ очень забавныхъ, обычаевъ приведемъ для характеристики лишь нѣсколько примѣровъ.

Статуты города Бланкенбурга, относящіеся къ 1594 г., полагаютъ слѣдующую кару для супружеской четы—обыкновенно наказанію подвергалась жена въ томъ случаѣ, если она побила мужа.

«Если жена задастъ мужу трепку или побьетъ его, то она должна подвергнуться смотря по обстоятельствамъ денежному или тюремному наказанію, а если она состоятельна, то она обязана дать одному изъ слугъ городскаго совѣта сукно на платье. Такъ какъ необходимо наказать и мужа, который былъ такой бабой, что позволилъ женѣ ругать и бить его и не подалъ соотвѣтствующей жалобы, то онъ обязанъ доставить обоимъ слугамъ совѣта сукно на платье, а если онъ не въ состояніи этого сдѣлать, то долженъ подвергнуться наказанію тюрьмой или инымъ путемъ, а затѣмъ крыша его дома должна быть снята».

Это послѣднее наказаніе было особенно распространено и встрѣчается въ разныхъ странахъ. Въ Гессенѣ жена, побившая мужа, должна была прокатиться по мѣстечку верхомъ на ослѣ, лицомъ къ хвосту. Высмѣиваніемъ мужа-бабы занимались сатирики въ поэзіи и искусствѣ. Остановимся на послѣднихъ, такъ какъ только они сумѣли уловить самую сущность проблемы. Сводя ее къ простѣйшей формулѣ, они обнаружили вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣднюю ея тайну и подняли ее на подобающую ей высоту. Для характеристики «женскаго господства» живописцы-сатирики выбирали главнымъ образомъ два мотива. Женщина, заставляющая плясать мужа подъ свою дудку или дуракъ-мужчина, пляшущій подъ эту мелодію — таковъ одинъ мотивъ. Другой, еще болѣе распространенный, заимствованъ изъ «Аристотеля и Филлиды»: женщина ѣдетъ верхомъ на спинѣ мужчины, который, какъ настоящее покорное вьючное животное, водимое подъ уздцы, ползетъ на четвереренькахъ подъ ея тяжестью и часто надъ его головой грозно развѣвается бичъ.

Изъ другихъ мотивовъ, также довольно частыхъ, слѣдуетъ упомянуть: мотивъ мужчины, помогающаго женщинѣ одѣть панталоны, и мотивъ Юдифи. Всѣ эти символическія изображенія просты и понятны. Но именно благодаря этой простотѣ остроумію сатирика удается показать, какая сила въ концѣ концовъ превращаетъ мужчину въ дурака, заставляетъ его танцовать подъ дудку женщины, порабощаетъ даже умнѣйшаго изъ всѣхъ, Аристотеля, такъ что тотъ покорно тащитъ на себѣ эту ношу весь долгій и трудный жизненный путь: то чувственность, овладѣвающая мужчиной. На всѣхъ этихъ картинахъ художникъ изображаетъ женщину исключительно, какъ воплощеніе чувственности, предстаетъ ли она передъ нами обнаженной, какъ на большомъ рисункѣ по дереву Ганса Бальдунга Гріена или въ костюмѣ, какъ на превосходной гравюрѣ Лукаса Лейденскаго.

Иронія его собственной судьбы обезсиливаетъ мужчину: то, что его дѣлаетъ божествомъ, вознося на небеса, исполненіе его назначенія, дѣлаетъ его вмѣстѣ съ тѣмъ рабомъ его рабыни. Таковъ простой и вмѣстѣ глубокій смыслъ большинства этихъ символическихъ карикатуръ. Частая обработка этой темы въ эпоху Ренессанса доказываетъ еще слѣдующее. Во-первыхъ, что эти листки хотятъ быть больше, чѣмъ простыми карикатурами на комическую фигуру мужчины, находящагося подъ башмакомъ у женщины, что въ лучшихъ изъ нихъ мы имѣемъ передъ собой сатирическую характеристику того средства, которымъ женщина вообще господствуетъ надъ мужчиной, а во-вторыхъ, что чувственность была господствующимъ принципомъ въ жизни Возрожденія.

Высшимъ закономъ брака во всѣ времена была взаимная вѣр-

ность. Если эпоха Ренессанса ставила бракъ такъ высоко, то еще выше ставила она бракъ, построенный на взаимной вѣрности супруговъ.

«Одно тѣло, двѣ души, одинъ ротъ, одно сердце, взаимная вѣрность и обоюдное цѣломудріе, здѣсь двое, тамъ двое и все же соединены воедино постоянной вѣрностью...»

Такъ пѣлъ уже миннезингеръ Реймаръ фонъ Цветтернъ. Эпоха Ренессанса пѣла не менѣе восторженную хвалу супружеской вѣрности, въ сотнѣ самыхъ разнообразныхъ мелодій. «Нѣтъ лучшаго рая, чѣмъ бракъ, гдѣ вѣрность, какъ у себя дома». «Гдѣ вѣрность, тамъ рай на землѣ». Безъ вѣрности невозможно супружеское счастье. Мужъ, уходящій отъ доброй жены къ другой, сравнивается съ свиньей, валяющейся въ лужѣ. Шперфогель пѣлъ:

«Если мужъ уходитъ отъ доброй жены къ другой, то онъ подобенъ свиньѣ. Что можетъ быть сквернѣе этого? Онъ оставляетъ чистый источникъ и ложится въ грязную лужу».

Вѣрная жена безпощадно отплачиваетъ тому, кто хочетъ ее совратить съ пути добродѣтели. Порой она какъ бы склоняется на его предложенія, но только для того, чтобы указать ему на дверь такимъ недвусмысленныхъ путемъ, что у него навсегда пропадетъ желаніе «пристать къ честной женщинѣ».

Если же романтики-апологеты прошлаго видѣли въ такихъ изреченіяхъ и примѣрахъ указаніе на общее состояніе нравовъ, то они, конечно, ошибались. Они приписывали всему обществу то, что было свойственно лишь извѣстнымъ классамъ, въ экономическихъ условіяхъ которыхъ коренилась подобная идеологія. Этими классами были: мелкая буржуазія, пролетаріатъ и часть мелкаго крестьянства.

Мы уже говорили объ экономическихъ причинахъ важности упорядоченнаго хозяйства для мелкой буржуазіи и отсылаемъ читателя къ этимъ страницамъ. Пролетаріатъ находился въ тѣхъ же условіяхъ. Къ тому же его интересы были тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ интересами цехового ремесла и благодаря малому тогда еще развитію въ немъ классоваго сознанія онъ вращался всецѣло въ идейномъ кругу мелкой буржуазіи. Надо принять во вниманіе и то, что пролетаріатъ на ряду съ мелкимъ крестьянствомъ испытывалъ на себѣ какъ разъ отрицательныя стороны великаго экономическаго переворота, происходившаго въ жизни. Разложеніе феодальнаго общественнаго уклада первоначально не только не принесло ему освобожденіе отъ злой доли, но даже страшно усилило его тяжелое положеніе. Бѣдность стала массовымъ явленіемъ, а нищета отдѣльныхъ лицъ доходила до ужасныхъ размѣровъ. Ни одинъ солнечный лучъ не улыбался пролетарію, изъ несчастнаго случая нужда превратилась въ неотвратимую судьбу, тяготѣвшую надъ всей жизнью. Послѣдствіемъ этой нищеты явилось то, что въ пролетаріатѣ повсюду развилось безусловно аскетическое міровоззрѣніе, а послѣднее исключаетъ свободное, а еще болѣе разнузданное половое общеніе, ибо послѣднее предполагаетъ всегда радостное пользованіе жизнью и жизнерадостное міросозерцаніе.

Если это вѣрно относительно пролетарскаго брака вообще, то отсюда можно сдѣлать рядъ прочныхъ умозаключеній относительно коммунистическихъ сектъ, развившихся тогда среди пролетаріата. Такъ какъ послѣднія были ничѣмъ инымъ, какъ результатомъ аскетическаго міросозерцанія, сложившагося неизбѣжно среди пролетаріата, то отсюда слѣдуетъ, что всѣ заявленія историковъ о пропагандѣ этими сектами и въ особенности о практическомъ ими примѣненіи общности женъ въ смыслѣ сладострастной разнузданности не болѣе, какъ безсмыслица. Это подтверждается мало мальски серьезнымъ историческимъ анализомъ. Ни у одной изъ этихъ сектъ нельзя открыть и малѣйшихъ слѣдовъ существованія общности женъ. Вѣрно какъ разъ противоположное: нигдѣ адюльтеръ не карался такъ строго, какъ именно въ многочисленныхъ коммунистическихъ сектахъ XV и XVI вв.

Обычной формой наказанія было изгнаніе изъ общины, стало быть самая тяжелая форма опалы. Такія же суровыя воззрѣнія царили и у мюнстерскихъ анабаптистовъ, оклеветанныхъ впродолженіи столь многихъ столѣтій. Никогда въ Мюнстерѣ, пока

тамъ господствовали анабаптисты, не царили развратъ, половой коммунизмъ и т. д. Указъ, которымъ городской совѣтъ началъ свое правленіе, налагалъ за прелюбодѣяніе и соблазнъ дѣвушекъ смертную казнь. Въ такомъ же духѣ суроваго запрета всякаго внѣбрачнаго полового общенія выдержаны и всѣ прочіе указы и апологіи, которыми анабаптисты отвѣчали на взводимыя на нихъ обвиненія. Единственное необычайное, что происходило въ Мюнстерѣ, состояло въ приспособленіи организаціи домашняго хозяйства къ ненормальнымъ условіямъ, царившимъ въ осажденномъ городѣ, съ которымъ враждовалъ цѣлый міръ.

Благодаря убыли мужского населенія на восемъ или девять тысячъ женщинъ приходилось только двѣ тысячи мужчинъ. Было не мало хозяйствъ, состоявшихъ только изъ женщинъ, служанокъ и дѣтей, лишенныхъ мужской защиты. Это должно было привести къ разнымъ осложненіямъ, тѣмъ болѣе, что среди мужчинъ было много холостыхъ солдатъ. Соединеніе нѣсколькихъ домашнихъ хозяйствъ подъ покровительствомъ одного мужчины, практиковавшееся осажденными въ Мюнстерѣ, не имѣло стало быть ничего общаго съ полигаміей. То было не половое, а экономическое объединеніе. И не найдется ни одного серьезнаго доказательства, которое опровергло бы такое положеніе, зато тѣмъ больше есть данныхъ въ пользу царившей тамъ суровѣйшей чистоты нравовъ.

Продолжавшееся столѣтіе клеветническое изображеніе мюнстерскихъ анабаптистовъ какъ словесное, такъ и пластическое— еще нынѣ гравюру Виргилія Солиса, особенно цинично изображающую бытъ бань въ эпоху Ренессанса, толкуютъ, какъ изображеніе «бани анабаптистовъ»—въ видѣ орды, отдававшейся безстыднымъ оргіямъ сладострастія, объясняется, конечно, отнюдь не невѣдѣніемъ. Въ особенности тогда всѣ прекрасно знали, почему въ это мощное пролетарское движеніе такъ безсовѣстно вкладывалось совсѣмъ иное содержаніе. Движеніе мюнстерскихъ анабаптистовъ было самымъ грознымъ возмущеніемъ угнетеннаго народа этой эпохи противъ своихъ поработителей. А вездѣ тамъ, гдѣ народъ вставалъ во весь свой героическій ростъ, охранители

«порядка», противъ которыхъ онъ возмущался, забрасывали его грязью.

Если относительно мюнстерскихъ анабаптистовъ можно доказать съ документами въ рукахъ, что приписываемая имъ общность женъ не болѣе, какъ порожденная классовой ненавистью преднамѣренная клевета и фантазія, то относительно секты «адамитовъ», части таборитовъ, мы вынуждены опираться исключительно на внутреннюю логику этого движенія, такъ какъ въ нашемъ распоряженіи нѣтъ современныхъ документовъ, на основаніи которыхъ мы могли бы утверждать что нибудь положительное. Намъ извѣстно, что эта болѣе суровая коммунистическая секта начала XV в. въ самомъ дѣлѣ требовала общности женъ. Однако изъ самой сущности этой общности женъ можно сдѣлать какое угодно заключеніе, но только не то, что она служила основаніемъ для чувственныхъ оргій. Въ своей исторіи Богеміи современный этому движенію историкъ и будущій папа Эней Сильвій говоритъ объ общности женъ, практиковавшейся у этихъ сектъ, слѣдующее:

«У нихъ господствовала общность женъ, однако было запрещено сойтись съ женщиной безъ согласія настоятеля Адама. Если же кого охватывало желаніе обладать женщиной, то онъ бралъ ее за руку и отправлялся къ настоятелю и говорилъ ему: «Къ ней пылаетъ любовью мой духъ». Настоятель отвѣчалъ въ такихъ случаяхъ: «Идите, растите, множьтесь и заселяйте землю!»

Такимъ же анти-эротическимъ духомъ было проникнуто ихъ отношеніе къ наготѣ, въ которомъ позднѣйшіе историки видѣли кульминаціонную точку ихъ нравственной разнузданности. Фактически дѣло обстояло совсѣмъ иначе. Аскетическая секта адамитовъ стремилась вернуть человѣчество къ первобытному адамову состоянію, такъ какъ видѣла въ роскоши костюма исходную точку всякой грѣховности, а въ наготѣ состояніе «безграничной невинности», къ которому нужно стремиться. О томъ, поскольку они примѣняли этотъ взглядъ на практикѣ, намъ извѣстно еще менѣе, чѣмъ объ имѣвшей у нихъ мѣсто общности женъ.

Эней Сильвій сообщаетъ, что они ходили голыми, извѣстно

кромѣ того еще то, что они собирались голые въ мѣстахъ собранія, которыя у нихъ назывались «раемъ». Но извѣстіе это существуетъ только, какъ слухъ, а древнѣйшія изображенія возникли лишь двумя столѣтіями позже и почерпнуты просто «изъ глубины духа», къ тому же «духа», стремившагося оклеветать эти коммунистическія движенія, ибо эти изображенія являются иллюстраціями къ описанію движенія анабаптистовъ, проникнутому именно такой полемической тенденціей. Если у насъ нѣтъ никакихъ достовѣрныхъ данныхъ для того, чтобы утверждать, будто у этихъ пролетарскихъ сектъ и движеній XV и XVI вв. господствовала общность женъ въ эротическомъ смыслѣ и царила чувственная разнузданность, если на самомъ дѣлѣ эротическія представленія этихъ слоевъ народа своей монотонностью вполнѣ отвѣчаютъ мрачнымъ условіямъ ихъ существованія, то съ другой стороны мы имѣемъ такъ же мало основанія говорить объ идеальной формѣ брака, въ этой средѣ. Бракъ носилъ здѣсь чисто физическій характеръ, да и не могъ быть ничѣмъ инымъ при тѣхъ экономическихъ условіяхъ, въ которыхъ существовалъ этотъ классъ.

———

Съ общей распространенностью повышенной эротики связаны не только болѣе частыя добрачныя сношенія между полами, но и сравнительно болѣе частое уклоненіе отъ предписанія супружеской вѣрности. Это примѣнимо и къ тѣмъ классамъ, классовая идеологія которыхъ усматривала въ супружеской невѣрности великое преступленіе. Дѣло въ томъ, что приспособленіе старыхъ общественныхъ формъ къ новому способу производства было повсюду сопряжено съ серьезными соціальными потрясеніями и въ такія эпохи, какъ уже указано въ первой главѣ, многіе освобождаются отъ законовъ своей классовой идеологіи, которые ощущаются ими теперь, какъ тяжелая обуза.

Если у мелкой буржуазіи подобныя уклоненія отъ ея идеологіи были обусловлены не интересами и условіями мелкобуржуазнаго

брака, то они тѣмъ чаще были слѣдствіемъ внутренняго, вѣчнаго противорѣчія между природой и условностью, находящагося въ скрытомъ видѣ всегда въ единобрачіи, основанномъ на частной собственности. Прелюбодѣяніе сдѣлалось и въ этихъ слояхъ въ эпоху Ренессанса положительно массовымъ явленіемъ.

Этотъ фактъ, повидимому, вполнѣ вошелъ и въ сознаніе эпохи. Повидимому, она отчетливо чувствовала, что бракъ, этотъ въ ея глазахъ важнѣйшій соціальный институтъ, колеблется, ибо тема о супружеской невѣрности стала во всѣхъ странахъ главной проблемой общественной дискуссіи. Этой темой неустанно занята мысль проповѣдниковъ и сатириковъ. Чаще всего это дѣлалось, естественно, отрицательнымъ путемъ: восторженнымъ гимнамъ въ честь супружеской вѣрности противополагалось столько же или вѣрнѣе еще больше изображеній и описаній супружеской невѣрности. При этомъ явно обнаруживалось сознаніе, что прежняя идеологія ощущалась повсемѣстно, какъ раздражающая цѣпь.

Безчисленное множество словесныхъ изображеній адюльтера звучали не только какъ осужденіе, но и какъ прославленіе невѣрности. Здоровый инстинктъ эпохи сказался при этомъ въ томъ, что почти всегда прославляли невѣрную жену и очень рѣдко невѣрнаго мужа, и что болѣе всего сочувствовали молодымъ женамъ, прикованнымъ къ старымъ или безсильнымъ мужьямъ. Съ неподдѣльнымъ восторгомъ описывается часто ловкость такой жены, которой подъ конецъ удается превзойти преграды, воздвигнутыя ея ревнивымъ мужемъ, такъ что молодой человѣкъ, къ которому она неравнодушна, достигаетъ обоими ими желанной цѣли. Наиболѣе восхваляется такая жена, которая хитростью добивается того, что самъ ревнивецъ-мужъ приводитъ къ ней любовника и своими продиктованными ревностью предосторожностями самъ заботится о томъ, чтобы тотъ безпрепятственно приходилъ къ женѣ, когда ему только заблагоразсудится.

Большинство этихъ восторженныхъ изображеній хитрыхъ женъ, торжествующихъ надъ ревностью старѣющаго мужа, отличаются во всѣхъ странахъ изряднымъ цинизмомъ. Достаточно указать

на новеллу-пословицу итальянца Корнацано «Умному достаточно немногихъ словъ», разсказывающую, какъ молодая женщина заставляетъ мужа свести съ ней слугу, который всячески ея избѣгаетъ. Цинизмъ часто сквозитъ уже въ заглавіяхъ. Поджьо озаглавилъ, напр., одинъ такой разсказъ: De homine insulso, qui aestemavit duos cunnos in uxore. Подъ аналогичнымъ заглавіемъ эта тема обработана въ анонимномъ нѣмецкомъ шванкѣ.

Слѣдуетъ упомянуть еще о восхваленіи другой женской черты, часто встрѣчающемся въ литературѣ эпохи. Подчеркивается хитрость, съ которой жена мѣшаетъ мужу выполнить задуманную имъ измѣну и пользуется ею въ своихъ собственныхъ цѣляхъ. Узнавъ о свиданіи мужа съ служанкой или дамой, за которой онъ ухаживаетъ, жена incognito занимаетъ ея мѣсто, ложась въ ея постель, переставляя кровати и т. д. Такъ принимаетъ она доказательства любви, предназначенныя другой, причемъ мужъ убѣжденъ, что съ нимъ именно другая, а не жена. Типичными примѣрами подобнаго обмана являются новелла Морлини: «О графѣ, который самъ привелъ женѣ прелюбодѣя», и новелла Саккети съ слѣдующимъ длиннымъ заглавіемъ: «Мельникъ Фаринелло изъ Кьети влюбляется въ монну Колладжью. Жена его узнаетъ объ этомъ и ей удается войти въ домъ монны Колладжи и лечь въ ея постель, а Фаринелло воображаетъ, что съ нимъ находится монна Колладжья».

Надо замѣтить, что подобное прославленіе невѣрной жены всегда содержитъ вмѣстѣ съ тѣмъ насмѣшку надъ мужемъ-рогоносцемъ, но не всякая насмѣшка надъ послѣднимъ скрываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ прославленіе невѣрной жены. Гораздо чаще обратные случаи, а именно желаніе унизить путемъ насмѣшки надъ рогоносцемъ-мужемъ и невѣрную жену. Такая комбинація совершенно въ духѣ мужской логики. Пока мужчина является господиномъ женщины, невѣрная жена всегда совершаетъ преступленіе по отношенію ко всѣмъ мужчинамъ. Отсюда—систематическое глумленіе надъ рогоносцемъ. Обманутый мужъ потому такъ безпощадно высмѣивается, что позволилъ невѣрной женѣ

хитростью лишить его главнаго права, права безусловнаго господина жены. Онъ позволилъ ей вторгнуться въ свои права собственника. Въ обманномъ вторженіи въ его права за его спиной заключается въ конечномъ счетѣ его позоръ.

Если же связь его жены съ другимъ человѣкомъ не представляетъ такого воровского вторженія въ его права, — если онъ напр. предоставляетъ ее гостю,—то эта связь и не ощущается имъ, какъ позорящая, и не признается имъ таковой. Тѣмъ же матеріальнымъ основаніемъ объясняется, почему честь жены не считается запятнанной, если ея мужъ сходится еще съ другой женщиной. Только жена является собственностью мужа, мужъ же не собственность жены и потому жена юридически и не можетъ быть потерпѣвшей стороной.

По мнѣнію современниковъ супружеская вѣрность — рѣдчайшій цвѣтокъ. Кто ищетъ этотъ цвѣтокъ, можетъ пройти цѣлый день и не найти его. Она таинственное растеніе «никогда», цвѣтокъ-однодневка, который сажаютъ въ день свадьбы и который увядаетъ уже на слѣдующее утро. Напротивъ, растеніе «невѣрность» имѣется въ каждомъ саду, оно прекрасно всходитъ и цвѣтетъ лѣтомъ и зимой. «Нынѣ прелюбодѣяніе стало такимъ общимъ явленіемъ, что ни законъ, ни правосудіе уже не имѣютъ права его карать» — говоритъ Петрарка въ одномъ изъ своихъ трактатовъ. Себастіанъ Брантъ восклицалъ: «Прелюбодѣяніе кажется теперь дѣломъ такимъ же простымъ, какъ поднять и бросить въ воздухъ камень».

Обѣ стороны одинаково усердно обманываютъ другъ друга, такъ что имъ не приходится укорять другъ друга. Мужъ ночью по недоразумѣнію попадаетъ въ каморку молодой пышногрудой служанки, въ удобный часъ заявляется къ хорошенькой сосѣдкѣ, супругъ которой такъ давно уже отсутствуетъ, или заходитъ въ укромный «женскій переулочекъ» у самой городской стѣны, гдѣ имѣются недано пріѣхавшіе изъ Италіи «соловушки». А жена въ свою очередь посвящаетъ дома у себя какого нибудь юнца въ сладкія тайны любовной игры и учитъ его съ достоин-

ствомъ сражаться въ турнирахъ Венеры, или утѣшаетъ опытной рукой горе покинутаго молодца, позволяя ему забыть скудныя ласки, которыми его дарила раньше чопорная дѣвица, или наконецъ она исповѣдуетъ свою тайную тоску похотливому попу, то и дѣло заглядывающему къ ней, чтобы «вмѣстѣ съ ней помолиться на свѣтскій манеръ».

Далѣе: ни одна женщина не въ безопасности отъ похотливыхъ нападеній мужчины; «когда мужчина встрѣчается съ чужой женой, онъ тотчасъ пристаетъ къ ней съ циническими словами и жестами, чтобы заставить ее измѣнить мужу и многіе насильно берутъ то, что добромъ не могутъ получить». Нѣтъ больше женщинъ въ родѣ Лукреціи, убивающихъ себя, такъ какъ не въ силахъ пережить нанесеннаго имъ насилія, напротивъ большинство женщинъ «тайно радуются, если мужчины обращаются къ нимъ съ безстыдными словами и считаютъ для себя честью, если сумѣютъ возбудить въ сосѣдяхъ и друзьяхъ вожделѣнія». «Женщина гордится въ душѣ, если мужчина не обращаетъ вниманія на ея противодѣйствіе и такъ какъ онъ обезчестилъ ее противъ воли, то она и не видитъ въ этомъ никакого грѣха».. Сатирики издѣваются поэтому не безъ основанія: «Теперь, о Лукреція, ни одна женщина, потерявшая честь, ужъ не убьетъ себя».

Разъ мужъ и жена признаются другъ другу въ своихъ супружескихъ прегрѣшеніяхъ, то они квиты. Эта тема неоднократно затронута народными пѣснями, напр. въ «Исповѣди мельника и мельничихи», существующей во всѣхъ странахъ въ разныхъ варіантахъ. Къ сожалѣнію, эта характерная поэма понятна только въ цѣломъ и однако слишкомъ велика, чтобы привести ее здѣсь. Соль всѣхъ этихъ «исповѣдей» въ томъ, что мужъ обыкновенно довольно снисходительно прощаетъ жену, тогда какъ жена и слышать ничего не хочетъ о томъ, чтобы простить его, такъ какъ, по ея мнѣнію, у него не было никакого основанія пойти къ другой, въ виду того, что она ему никогда ни въ чемъ не отказывала. Жена поэтому нисколько не раскаивается въ своемъ поступкѣ и намѣрена и впредь украшать голову мужа дурацкимъ колпакомъ.

Если апологеты прелюбодѣянія часто на сторонѣ жены, то, какъ уже сказано, еще чаще встрѣчаются серьезныя или сатирическія обвиненія невѣрной жены. Жена готова обмануть самаго честнаго и вѣрнаго мужа и въ то время, когда мужъ обманетъ ее однажды, она надуетъ его десять разъ. «Похотливая женщина скорѣе найдетъ путь сойтись съ любовникомъ, чѣмъ мышь — дыру».

Ту же мысль иллюстрируетъ и пластическое искусство всѣхъ странъ. Въ то самое мгновеніе, когда мужъ собирается уѣхать по дѣламъ въ чужія страны, и жена киваетъ ему на прощаніе изъ окна рукой, сводня — служанка уже отворяетъ черный ходъ нетерпѣливо ожидающему любовнику. Не меньшимъ нетерпѣніемъ горитъ впрочемъ и невѣрная жена. Еще не исчезла вдали фигура уѣзжающаго мужа, какъ она уже стоитъ передъ празднично разукрашеннымъ ложемъ, съ любовникомъ, которому позволитъ все, чего онъ отъ нея потребуетъ. Если же уѣхавшій мужъ получитъ отъ друга, оставленнаго имъ въ качествѣ блюстителя его чести, извѣстіе, что жена его несмотря на бдительный надзоръ утѣшилась съ любовникомъ, то — прибавляетъ сатира — ему нечего удивляться, ибо опытъ давно показалъ, что «легче каждое утро отправить въ поле пасти саранчу, а вечеромъ собрать ее домой такъ, чтобы ни одной недоставало, чѣмъ присмотрѣть за женщиной».

Имѣть счастливаго соперника—такова неизбѣжная судьба мужа. А разъ это такъ,—ибо каждый день случается, что «дѣвушки, когда то нравственныя и цѣломудренныя, превращаются подъ конецъ въ похотливыхъ женщинъ, ведущихъ себя такъ, какъ будто хотятъ вознаградить себя легкомысленной жизнью за то, что ими упущено было благодаря стыдливости»,—то сатирики совѣтуютъ мужьямъ примириться съ этимъ и ко всему отнестись добродушно: «Вѣрь ей даже тогда, когда увидишь ее на ложѣ съ любовникомъ!»—саркастически совѣтуетъ Мурнеръ мужьямъ въ своемъ Geuchmatt. И совѣту этому буквально слѣдовали сотни мужчинъ, такъ что Себастіанъ Брантъ вполнѣ правъ, когда восклицалъ:

«Нынѣ легко переносятъ позоръ, которымъ покрываетъ насъ женщина. У мужчинъ крѣпкій желудокъ и они могутъ многое вынести и переварить»; или въ другомъ мѣстѣ:

«Прелюбодѣяніе не доставляетъ ни горя ни страданій, ибо его не принимаютъ близко къ сердцу».

Но если женщину бранятъ за то, что въ ея вѣрности можно быть увѣреннымъ только въ моментъ, когда она «отдается», какъ это грубовато и остроумно символизировано въ разсказѣ «Кольцо Ганса Карель» и если съ женщиной нужно поступать по насмѣшливому выраженію французовъ:

«Qui voudrait garder une femme—n'aille du tout á l'abandon. Il faudrait la fermer dans une pipe; Et en jouir par le bondon.» —то женщины ловко парируютъ подобныя обвиненія. У нихъ не одна, а сотни серьезнѣйшихъ причинъ не соблюдать вѣрности. Въ литературѣ новеллъ и швенковъ эти причины подробно изложены и выяснены.

Первый и главный мотивъ, приводимый женщинами для оправданія ихъ невѣрности, это право мести за невѣрность мужа. Жена заявляетъ: «Тѣло мое еще прекрасно и грудь моя еще не увяла, а ты пасешься на чужомъ лугу». При такихъ условіяхъ мужу нечего удивляться, что и въ его огородъ ворвется чужой и примется «обрабатывать его поле».

Второй мотивъ, которымъ жены оправдываютъ свою невѣрность,—это неспособность къ брачной жизни ихъ мужей. У мужа въ головѣ дѣла и заботы, онъ ночью нуждается въ покоѣ и не думаетъ о любви или онъ старъ и безсиленъ, или онъ долго путешествуетъ—всѣ эти жены, которымъ «холодно въ постели», нуждаются въ другѣ, который разогналъ бы ихъ скуку, «всегда охватывающую одинокихъ женщинъ». Клеманъ Маро поетъ:

«Если у женщины плохой мужъ, она всегда будетъ печальна!»—промолвила дѣвушка. «Для нея было бы лучше спать одной».—Однако ея кроткая сестричка воскликнула: «Противъ плохого мужа существуетъ хорошее средство. Надо взять себѣ друга дома»

Частое долгое отсутствіе изъ дома мужа,—начнемъ съ этой послѣдней причины,—дѣлаетъ женщину больной, такъ что она видимо худѣетъ, ибо ничто такъ не истощаетъ женщину, какъ «неудовлетворенная любовь». Когда одинокая хозяйка скрашиваетъ своей любовью гостепріимство, оказываемое симпатичному гостю, когда она посылаетъ украдкой любовное письмецо молчаливому любовнику, приглашающее его на ночное свиданіе, то она дѣлаетъ это всегда исключительно изъ любви къ отсутствующему мужу. «Она не хочетъ доставить ему огорченіе встрѣтить по возвращеніи вмѣсто упитанной кобылки, которую онъ оставилъ, изнуренную клячу въ конюшнѣ». И такъ какъ жена рѣдко хочетъ отстать отъ другихъ въ такомъ самоотверженіи, то исключеніе только подтверждаетъ правило. «Когда мужья отправляются на ярмарку, въ домѣ не остываютъ постели для гостей». Послѣдствія не заставляютъ себя ждать. Въ одномъ стихотвореніи говорится:

«Многіе удивляются, что мѣщане красивѣе благородныхъ. Но это имѣетъ свою причину. Часто благородные господа пріѣзжаютъ къ нимъ и надолго остаются въ городѣ, между тѣмъ какъ бюргеръ засѣдаетъ въ городскомъ совѣтѣ или отправился съ другимъ купцомъ въ далекія страны. Его жена не боится господъ, они ей милѣе мужа. Одна откажетъ, другая согласится. Вотъ почему нынѣ бюргеры выходятъ болѣе благородными, чѣмъ господа».

Тоже самое случается, когда мужья отправляются въ Римъ или на паломничество. Въ такихъ случаяхъ сами представители церкви стоятъ за справедливость, пусть каждый, мужъ и жена, удостоются благодати по своему. «Когда мужья паломничаютъ въ Римъ, монахи ихъ женамъ даютъ отпущеніе на двѣсти семдесять дней». Когда паломники возвращаются домой, они могутъ воспользоваться «благословеніемъ, не затративъ труда».

Тамъ, гдѣ «мужъ вѣчно въ отсутствіи», въ виду старости и дрях-

лости, жена также совершаетъ благочестивое дѣло, если «простаиваетъ домашнюю обѣдню съ юношей», ибо нѣтъ высшаго грѣха, какъ легкомысленно обращаться съ жизнью. Вѣчный «постъ на ложѣ» приводитъ къ «ранней смерти». Женщина, вышедшая за старика, имѣетъ вдвойнѣ причину измѣнить ему, такъ какъ старики первые нарушаютъ данную клятву и даже въ первый день не исполняютъ того, что обѣщали. Поэтому и жена не обязана держать своего слова и имѣетъ право позабавиться съ юношой, который можетъ ей дать то, чего не можетъ дать мужъ и безъ чего ея жизнь была бы одной безпросвѣтной печалью. Въ сатирическихъ листкахъ и рисункахъ юноша, любовникъ молодой женщины, всегда носитъ гордую шпагу или кинжалъ—символъ неизношенной силы.

Впрочемъ, по мнѣнію каждой жены, ея мужъ,—все равно старикъ или нѣтъ,—никогда не на высотѣ положенія. Антуанъ де ла Саль написалъ цѣлую книгу о судьбѣ, ожидающей мужчину въ бракѣ: «Пятнадцать радостей брачной жизни». Въ седьмой говорится:

«Какова бы ни была жена—существуетъ одно правило брачной жизни, въ которое каждая вѣритъ и которое каждая соблюдаетъ, а именно: мой мужъ худшій изъ всѣхъ и совершенно неспособенъ къ любви. Такъ говоритъ или такъ думаетъ о мужѣ каждая жена».

На самомъ дѣлѣ все это однако лишь дешевый предлогъ, чтобы скрыть главнѣйшую и истинную причину женской невѣрности: огромный любовный аппетитъ многихъ женщинъ, не довольствующійся однимъ мужчиной или жаждущій новизны. Положимъ, въ послѣдней причинѣ часто повинны мужья, расхваливающіе другъ другу тайныя прелести и любовное искусство своихъ женъ, создающихъ имъ на землѣ земной рай. «Почему одинъ говоритъ: тѣло моей Лизочки бѣло, какъ снѣгъ, бедра ея подобны двумъ гордымъ колоннамъ, а грудь ея тверда, какъ мраморъ». Почему другой отвѣчаетъ: «руки моей Варварочки мягки какъ бархатъ, а любовь ея сладка, какъ медъ, смѣшанный съ бальзамомъ». Такъ какъ мужья это дѣлаютъ такъ охотно и такъ часто, то сатирики основательно отвѣчаютъ: «кто расхваливаетъ свою жену публично», тотъ самъ виноватъ, если его друзья начинаютъ ластиться къ ней и если тщеславіе побуждаетъ жену доказать, что мужъ говорилъ правду и не преувеличилъ ея красоту и ея искусство любить.

Однако на такое самооправданіе женщинъ моралисты возражаютъ: большинство женщинъ все равно берутъ себѣ любовника изъ врожденной похотливости, такъ какъ послѣдній доставляетъ имъ больше опьяняющей радости, и такія наслажденія, которыхъ онѣ тщетно ждутъ отъ мужей. И дѣйствительность—заявляетъ и доказываетъ Антуанъ де ла Саль—подтверждаетъ ихъ предположенія. Любовникъ гораздо лучше удовлетворяетъ жажду любви, нежели мужъ. Объясняется это тѣмъ, что всѣ мысли любовника сосредоточены на достиженіи своей цѣли. Онъ всегда надѣется на то, что его мольбы будутъ услышаны. Его любопытство никогда вполнѣ не удовлетворено и потому онъ горитъ огнемъ, каждый разъ, когда предстаетъ передъ возлюбленной. Такъ какъ онъ вынужденъ использовать каждый удобный моментъ, то онъ всегда предпріимчивъ и никогда не упускаетъ случая доказать свою способность любить. «Если раньше жена считала мужа слабымъ и плохимъ, то теперь она уже убѣждена въ его полной негодности» и считаетъ себя вдвойнѣ вправѣ измѣнить. Все это Антуанъ де ля Саль обосновываетъ детальнѣйшимъ образомъ.

Любовникъ имѣетъ въ глазахъ женщины, по словамъ де ля Саля и другихъ, еще цѣлый рядъ преимуществъ. Во всѣ стадіи ухаживанія онъ болѣе пылокъ, чѣмъ мужъ, онъ обыкновенно также и менѣе деликатенъ, чѣмъ тотъ, онъ научаетъ ее утонченнымъ удовольствіямъ, которыя доставляютъ проститутки, и онъ прежде всего смѣлѣе и дерзче. А какъ разъ смѣлость возбуждаетъ женщинъ и повышаетъ наслажденіе ихъ любовныхъ предпріятій. Съ презрѣніемъ относятся поэтому къ любовнику, который протягиваетъ руку къ желанному плоду лишь тогда, когда нѣтъ

рѣшительно никакой опасности. Напротивъ, чѣмъ дерзче любовникъ, тѣмъ больше у него шансовъ на осуществленіе своихъ надеждъ. Жена найдетъ средства удовлетворить его желаніе даже въ присутствіи мужа, дать ему возможность восторжествовать надъ нимъ, стоя рядомъ съ нимъ. Антуанъ де ля Саль пишетъ объ этомъ слѣдующее:

«Случается, что любовникъ хочетъ съ ней говорить и не желаетъ ждать. Тогда онъ приходитъ украдкой ночью и прячется гдѣ нибудь на погребѣ или въ конюшнѣ или же, не въ силахъ удержаться, врывается въ спальню, гдѣ спитъ ея мужъ. Нѣкоторыя женщины не въ силахъ отказать въ чемъ нибудь такимъ любовникамъ и воспламеняются къ нимъ еще большей любовью, хотя бы имъ и грозила гибель».

Подобная смѣлость часто служила новеллистамъ матеріаломъ для сатирическихъ шутокъ, напр., Боккаччьо, Морлини, Адельфусу, Фрею и многимъ другимъ. Соль этихъ новеллъ заключается обыкновенно въ томъ, что любовникъ по недоразумѣнію наталкивается на мужа, а не на жену, и подвергается изрядной встрепкѣ, или въ томъ, что жена въ критическій моментъ не только спасаетъ себя и любовника смѣлой выдумкой—«это домовой возится въ комнатѣ и т. д.»,—но даже доставляетъ любовнику такимъ образомъ возможность и впредъ наносить ночные визиты алчущей любви дамѣ. Подобная смѣлость послужила также сюжетомъ многихъ картинъ. Что такіе случаи были не рѣдкостью, доказываетъ уже то обстоятельство, что въ одномъ собраніи французскихъ законовъ XVI в. такимъ именно образомъ символически изображена глава о прелюбодѣяніи.

Самымъ основательнымъ, быстро успокаивающимъ всѣ ея угрызенія совѣсти, мотивомъ въ глазахъ женщины нарушить данную клятву является ея убѣжденіе въ необычайной физической силѣ извѣстнаго мужчины. Если эта причина побуждаетъ дѣвушекъ выходить замужъ предпочтительно за такихъ людей, хотя бы они и были низшаго происхожденія, то она же заставляетъ замужнихъ женщинъ забывать всѣ клятвы вѣрности, всѣ свои обязанности, всѣ правила приличія и всѣ классовые предразсудки. Необычайная физическая сила облагораживаетъ раба въ глазахъ княгини, носильщика въ глазахъ аристократки, заставляетъ монахиню забыть свой обѣтъ, подчиняетъ самую гордую женщину самому грубому извозчику и окрыляетъ духъ женщинъ, становящихся неистощимыми на хитрости, чтобы добиться своей цѣли. Поджьо, Морлини и Корнацано доказываютъ справедливость этого наблюденія относительно итальянокъ, Бебель, Фрей, и Линденеръ—относительно нѣмокъ, Брантомъ и другіе—относительно француженокъ, англійскіе хронисты—относительно англичанокъ. Вотъ нѣсколько заглавій такихъ разсказовъ: «О паразитѣ, въ котораго влюбилась благородная дама», «О монахинѣ, отдавшейся извозчику» (оба разсказа принадлежатъ Морлини), «О герцогинѣ, возалкавшей мужской любви» (изъ хроники графа Фробенъ фонъ Циммернъ), «Для умнаго достаточно нѣсколько словъ» (Корнацано), наконецъ, укажемъ на описанія англійскихъ придворныхъ дамъ въ мемуарахъ Граммонта. Кромѣ того этотъ взглядъ довольно своеобразно обнаруживается въ цѣломъ рядѣ поговорокъ, пословицъ, загадокъ и стиховъ на всѣхъ языкахъ.

Указанная главная причина женской невѣрности служитъ также частымъ сюжетомъ для сатиры. Достаточно привести для примѣра сатиру Аріосто на похотливыхъ женщинъ, распространенную также въ видѣ иллюстрированнаго летучаго листка, притомъ, какъ часто въ такихъ, случаяхъ, на двухъ языкахъ, итальянскомъ и французскомъ. Основная мысль этой сатиры вкратцѣ слѣдующая. Дворянинъ Джьокондо призванъ ко двору. Грустно прощается онъ съ женой, которую считаетъ настолько же вѣрной, насколько она прекрасна. Не успѣлъ онъ отъѣхать, какъ ему вспоминается, что онъ забылъ на постели амулетъ, подаренный ему женой на прощанье. Онъ возвращается назадъ, неслышно входитъ въ спальню, и не вѣритъ своимъ глазамъ. Онъ видитъ жену, которую считалъ образцомъ супружеской вѣрности, въ объятіяхъ одного изъ слугъ. Такъ какъ они заснули, то они и не замѣчаютъ дворянина, который также неслышно покидаетъ

комнату. Печаль его не знаетъ границъ и онъ не можетъ забыть нанесеннаго ему позора.

Но вотъ однажды онъ видитъ королеву въ объятіяхъ безобразнаго карлика шута. Убѣдившись, что и королей ждетъ та же судьба, онъ снова проникается жизнерадостностью и такъ какъ король тоже покидаетъ жену, то оба принимаются странствовать по свѣту въ сопровожденіи подруги, любовью которой они пользуются сообща. Они устраиваютъ дѣло такъ, что имъ не приходится бояться ея измѣны. Однако ихъ ожидаетъ и здѣсь разочарованіе... Убѣдившись, наконецъ, въ ея обманѣ, король и дворянинъ приходятъ къ убѣжденію, что каждая женщина готова измѣнить, когда искушеніе велико, и оба возвращаются домой.

Въ результатѣ получилось то, что въ календарѣ рогоносцевъ не было такого дня, когда у нихъ не выростали рога.

Если свободная любовь противорѣчила интересамъ какъ мелкобуржуазной, такъ и крестьянской и пролетарской семьи, если въ этихъ классахъ обоюдная невѣрность при всей своей нерѣдкости была индивидуальнымъ несчастнымъ случаемъ и обыкновенно и ощущалось таковымъ, то иначе обстояло дѣло съ бракомъ въ купечествѣ и въ примыкавшихъ къ нему городскихъ слояхъ, а также въ придворной аристократіи.

Какъ уже указано выше, увеличившаяся торговая прибыль освободила женщину отъ домашней работы. Женщина получила такимъ образомъ возможность заниматься и другими предметами, литературой, наукой, искусствомъ. Такъ появился типъ Virago, женщины, живущей для науки и искусства, типъ ученой женщины. Такъ какъ человѣкъ, освобождаясь экономически, стремится прежде всего къ тому, чтобы понять себя и свои отношенія къ обществу, то естественно, что въ первую голову подверглись критикѣ, контролю и ревизіи половыя отношенія, что стали охотно размышлять надъ любовью, какъ самоцѣлью. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ было то, что въ этихъ классахъ возникли и распространились также болѣе свободныя половыя отношенія. «Съ юношеской отважностью опрокинуло революціонное крупное бюргерство устои патріархальной семьи, единобрачіе» (К. Каутскій). Свободная любовь стала въ этихъ классахъ возможностью, а потомъ и естественнымъ явленіемъ, такъ какъ не представляла уже опасности для семьи.

Такъ какъ эмансипація женщины въ этихъ классахъ (она затронула сравнительно небольшіе слои населенія) покоилась исключительно на томъ, что женщина превратилась изъ необходимой участницы въ производственномъ процессѣ «въ ненужный и притомъ эксплуатирующій элементъ», то новая половая свобода отражала въ этихъ классахъ не столько общее освобожденіе и ростъ умственнаго и нравственнаго развитія, а въ гораздо большей степени принципіальную разнузданность.

Женщина прежде всего эмансипировалась отъ священнѣйшихъ материнскихъ обязанностей. Не потому она такъ поступила, что ставила культъ науки и искусства выше материнства, а потому что материнство и его обязанности плохо вліяли на ея качества предмета роскоши, слѣдовательно исключительно въ интересахъ неограниченной возможности наслажденія. «Другая женщина кормитъ ея ребенка, чтобы ея грудь и тѣло оставались чистыми и нѣжными».

Если нравственная разнузданность на этомъ полюсѣ общества, на его вершинѣ, была неизбѣжнымъ явленіемъ, то не менѣе неизбѣжнымъ явленіемъ была она и на противоположномъ полюсѣ, у тѣхъ классовъ, которые находились въ процессѣ разложенія или преобразованія и у тѣхъ, которые были осуждены на гибель. Классы, потерявшіе свое историческое право на существованіе и превратившіеся въ простыхъ соціальныхъ паразитовъ, а также классы, находящіеся въ состояніи полнаго броженія, всегда предрасполагаютъ своихъ членовъ къ половой разнузданности, ибо процессы броженія и гніенія обнаруживаются одинаковымъ образомъ. Мы уже выяснили въ первой главѣ причины этого явленія и потому отсылаемъ читателя къ этой главѣ.

Въ процессѣ разложенія и преобразованія въ концѣ среднихъ вѣковъ находились два класса: рыцарство и крестьянство.

Было уже указано, что рыцарскій культъ любви былъ процессомъ не только обновленія, но и гніенія. Онъ и вошелъ въ жизнь прежде всего, какъ процессъ гніенія. Разумѣется, если смотрѣть на этотъ процессъ подъ угломъ зрѣнія вѣчности, то онъ представляется намъ въ очаровательной дымкѣ поэзіи. Художественные документы, созданные рыцарской любовью, такъ своеобразны, что во всей литературѣ трудно найти что нибудь аналогичное. Наиболѣе характерными и важными произведеніями являются столь основательно прославленныя провансальскіе альбы, нѣмецкіе «Пѣсни утра», въ которыхъ изображается прощаніе рыцаря съ своей дамой, осчастливившей его своей любовью. Стражъ на башнѣ—патронъ обоихъ тайныхъ любовниковъ. Стоя на башнѣ, онъ трубитъ въ рогъ, привѣтствуя утро, и звуки его пѣсни должны пробудить ото сна утомившихся влюбленныхъ, чтобы осчастливленный любовникъ могъ во время покинуть гостепріимное ложе жены обманутаго феодала, и послѣдній не накрылъ обоихъ прелюбодѣевъ in flagranti.

«Пора, пора, настало время. Такъ пѣлъ намъ на зарѣ стражъ. Всѣ, кто влюблены, слушайте и запомните себѣ: то поютъ птички въ рощѣ. Соловей и другія птицы звонко поютъ и будятъ насъ своимъ пѣніемъ. Я вижу, какъ занимается день».—

Даже тотъ, кто лишенъ поэтическаго чутья, согласится, что отъ этихъ пѣсенъ вѣетъ благовоннымъ утреннимъ воздухомъ, весенней порой обдающимъ виски. И въ самомъ дѣлѣ, въ нихъ вѣетъ утреннимъ воздухомъ только что родившейся въ міръ индивидуальной половой любви, высшаго завоеванія человѣческой культуры.

Однако только это художественное зеркало отличается такой кристальной чистотой. Стоитъ только снять съ даннаго явленія поэтическій покровъ и прозрѣть за нимъ дѣйствительность и передъ нами предстанетъ иная картина и мы увидимъ только гніеніе и больше ничего. Какой стереотипный фактъ скрывается за этой

идеализаціей? Бракъ — безпрерывный обманъ: вотъ смыслъ этихъ пѣсенъ. Обманывать мужа—высшій законъ любви. Правда, рыцарскій бракъ, какъ бракъ всѣхъ господствующихъ классовъ, покоился исключительно на условности. Однако только открытое возмущеніе и мужественное освобожденіе отъ безнравственныхъ оковъ можетъ наполнить нашу душу восторгомъ и уваженіемъ. Однако такой поступокъ не приходитъ въ голову ни одной тогдашней женщинѣ. Месть природы выражается въ коварномъ обманѣ, въ систематическомъ желаніи сдѣлать мужа отцомъ чужихъ дѣтей.

Если во всѣхъ поэтическихъ произведеніяхъ и говорится только о наградѣ любви, но рѣшающимъ все же является всегда конечный результатъ. Въ большинствѣ случаевъ этотъ конечный результатъ — незаконная беременность женщины, позволившей рыцарю служить ей. Большинство женъ рыцарей не только разрѣшали это, но ихъ высшимъ честолюбіемъ было, если рыцарь носилъ ихъ цвѣта. Объятія дамы — вотъ та награда, которой домогаются и которая обѣщается. Это высшая награда, которую можно предложить, такъ какъ примитивная культура эпохи видитъ въ половомъ актѣ высшее наслажденіе, которое можетъ даровать жизнь.

Но если торжество обѣихъ сторонъ и заключалось оффиціально въ томъ, чтобы обмануть мужа дамы и доставить другъ другу тайныя наслажденія любви, то самое это торжество будетъ полнымъ только въ томъ случаѣ, если дама забеременѣетъ отъ своего рыцаря. Оставить послѣ себя такое доказательство любви составляло, безъ сомнѣнія, гордость осчастливленнаго рыцаря и, вѣроятно, тайное желаніе многихъ дамъ. Таково было бы и логическое требованіе индивидуальной половой любви. Женщина хочетъ стать матерью отъ того мужчины, которому принадлежатъ ея симпатіи. Во всякомъ случаѣ она часто считается съ этими послѣдствіями, какъ съ естественными. У насъ есть данныя, подтверждающія это, хотя и относящіяся къ болѣе позднему времени. Случается, что дамы жалуются на любовника,

исполняющаго «обязанности мужа». Въ этихъ жалобахъ обнаруживается, безъ сомнѣнія, прежде всего нормальный чувственный аппетитъ. Женщина недовольна такимъ суживаніемъ ея права на наслажденіе, принадлежащаго ей, когда она даритъ мужчинѣ свою любовь. Здѣсь сказывается однако и то, на что мы выше указали: торжество надъ учрежденіемъ, противъ котораго поднято возмущеніе, остается неполнымъ, если любовь не приведетъ къ послѣдстыіямъ. Если подобное настроеніе и было безсознательнымъ, то это ничего не мѣняетъ. Итогъ рыцарскаго культа любви гласитъ: законный супругъ очень часто не является въ этихъ кругахъ истиннымъ отцомъ своихъ дѣтей и этому обману, достиженію этой цѣли впродолженіи цѣлыхъ лѣтъ посвящается все остроуміе дамы и ея рыцаря.

Въ художественныхъ докуметнахъ эпохи «миннединста» дѣло никогда не заходитъ такъ далеко и однако только здѣсь обнаруживается истинный характеръ явленія—процессъ гніенія. Но и самый культъ дамы очень далекъ отъ идеализма. Достаточно вспомнить объ одномъ его параграфѣ, о которомъ у насъ имѣются многократно подтвержденныя свѣдѣнія. Рыцарь сражается въ турнирѣ за даму, ему совершенно неизвѣстную, позволяетъ восторжествовать ея цвѣтамъ и получаетъ за это награду любви, «миннозольдъ». Взявъ ванну и утоливъ голодъ, онъ имѣетъ право раздѣлить ложе дамы и на другое утро онъ отправляется дальше, какъ неоднократно описано у Вольфрама фонъ Эшенбаха.

Однако еще болѣе странно-смѣшнымъ является въ нашихъ глазахъ тотъ случай, когда рыцарь терпитъ пораженіе. Въ такомъ случаѣ онъ лишается своей награды. Но только онъ одинъ уходитъ съ пустыми руками. Дама, за которую онъ сражался, всегда получаетъ свое, т. е. всегда получаетъ возможность незаконнаго наслажденія. Ибо вмѣсто рыцаря, который носилъ ея цвѣта, право на ея ложе получаетъ теперь его побѣдитель. Онъ долженъ доказать, что способенъ выйти побѣдителемъ изъ борьбы не только съ мужчинами, но и съ женщиной. Другими словами, право произвести ребенка предоставляется теперь тому, кто еще недавно стоялъ враждебно лицомъ къ лицу съ ея другомъ.

Нельзя сказать, чтобы подобныя воззрѣнія отличались особенной возвышенностью. Тоже самое надо сказать — и это совершенно логично — о всей семейной жизни рыцаря, такъ какъ этотъ систематическій обманъ былъ, разумѣется, взаимный: какъ мы уже замѣтили, весь рыцарскій классъ представлялъ какъ бы общество содѣйствія обоюдному прелюбодѣянію. Это должно было, естественно, отражаться обратно на всей семейной жизни. Дѣти, семейное чувство, все это лежало въ сторонѣ отъ идеальнаго міра рыцаря, не вдохновляло его, семья была для него лишь чисто внѣшней организаціонной формой его будничной жизни. Мы не должны поэтому создавать себѣ романтическаго представленія о нравахъ, господствовавшихъ въ этой средѣ.

Женское помѣщеніе въ замкѣ — помѣщеніе, гдѣ работали женщины — было въ большинствѣ случаевъ вмѣстѣ съ тѣмъ и гаремомъ рыцаря. Таково же и его отношеніе къ своимъ женскимъ вассаламъ. Помѣщикъ-рыцарь имѣлъ право дѣлать съ женами и дочерьми своихъ вассаловъ все, что онъ хотѣлъ, и онъ такъ и поступалъ. Если онѣ ему нравились, то ничто не могло ему помѣшать удовлетворить свое желаніе. Такъ называемое jus primae noctis, существованіе котораго столь часто подвергалось сомнѣніямъ, было не болѣе, какъ совершенно «естественнымъ правомъ», вытекавшимъ изъ понятій собственности. Мы къ нему еще вернемся.

Все до сихъ поръ сказанное касается однако только одной части рыцарства, и притомъ самой незначительной. Поэзія миннединста была всегда связана только съ высшей и богатой аристократіей. Большая масса рыцарства принадлежала однако къ мелкому дворянству, которое жило не въ пышныхъ замкахъ и крѣпостяхъ, а въ конурахъ, жалкихъ и отвратительныхъ, чуждыхъ всякой поэзіи. Достаточно вспомнить описаніе родного замка Гуттена Штекельбергъ, сдѣланное имъ, хотя его замокъ и принадлежалъ къ числу сравнительно болѣе завидныхъ. Да и вся жизнь низшаго дворянства была лишена всякой поэзіи. Такъ или иначе большинство изъ нихъ занималось разбоемъ и грабежомъ.

Сегодня ихъ ожидала добыча, завтра — удары. Послѣднее случалось, несомнѣнно, такъ же часто, какъ и первое. При такихъ условіяхъ нравственныя воззрѣнія этого класса должны были отличаться безконечной грубостью и низменностью. Въ половой области у него могли царить только такіе нравы и взгляды, какіе нынѣ мы встрѣчаемъ среди послѣднихъ отбросовъ профессіональныхъ рыцарей большой дороги.

И это было въ самомъ дѣлѣ такъ. Любая беззащитная женщина, все равно, носила ли она еще дѣтскіе башмаки или уже приближалась къ старости, подвергалась насилію и, разумѣется, со стороны всей шайки, въ руки которой попадала, со стороны какъ господина, такъ и его слугъ. Также поступали и съ женами и дочерьми своихъ же товарищей по ремеслу. И каждый старался уже заранѣе отомстить другому, надуть его такъ сказать авансомъ. Существовала характерная поговорка: «Мужики убиваютъ другъ друга, а благородные дѣлаютъ другъ другу дѣтей».

Въ осѣдлой части низшаго дворянства, жившаго исключительно трудомъ крѣпостныхъ и не занимавшагося благородной професcіей грабежа или потому, что въ данной мѣстности нечего было грабить, или потому, что тамъ деревни и города такъ умѣли защищаться, что разбой былъ сопряженъ съ слишкомъ большимъ рискомъ, половая нравственность была менѣе дика, отличаясь однако и здѣсь достаточной снисходительностью. Въ хроникѣ виртембергскаго графа фонъ Циммернъ приведенъ случай, несомнѣнно типическій, прекрасно характеризующій нравственную распущенность мелкаго дворянства XV и XVI вв. Жены рыцарей, впрочемъ, не отличались въ большинствѣ случаевъ такой требовательностью въ выборѣ любовника, какъ дама, о которой идетъ рѣчь въ указанной хроникѣ, измѣнившая мужу съ другимъ рыцаремъ, такъ какъ довольствовались охотно «конюхами, виночерпіями, истопниками и шутами», даже крѣпостными крестьянами какъ видно изъ пословицы, отвѣчающей на вопросъ: «Въ какой мѣсяцъ мужикъ болѣе всего занятъ?» — «Въ маѣ, такъ какъ ему приходится тогда еще ублажать жену своего господина».

Эта нетребовательность объясняетъ тотъ удивительный фактъ — по ядовитому замѣчанію Бернгарта фонъ Плауенъ, — что среди знати и рыцарства встрѣчалось гораздо больше безобразныхъ физіономій, чѣмъ среди городского бюргерства. Большинство знатныхъ, по его словамъ, родились отъ грязныхъ мужиковъ и послѣднихъ конюховъ.

Если низшее дворянство представляло классъ, находившійся въ полномъ разложеніи, такъ какъ сталъ экономической ненужностью, то крестьянство, ближе всего стоявшее къ феодальной знати и имѣвшее съ нимъ очень много точекъ соприкосновенія, представляло изъ себя классъ, находившійся тогда въ процессѣ полнаго преобразованія. Развившееся денежное хозяйство не сдѣлало его лишнимъ, но оно должно было внутренне совершенно переродиться, такъ какъ и оно всюду переходило отъ производства для собственнаго потребленія и для нуждъ общины (марки) къ производству товарному. Города нуждались все въ большемъ количествѣ съѣстныхъ припасовъ, а также сырья — шерсти, льна, кожъ, дерева, красящихъ веществъ и т. д.

Производителемъ всѣхъ этихъ предметовъ становилась деревня. Подъ вліяніемъ этого радикальнаго переворота измѣнилась и половая мораль крестьянства. Стерлись прежде всего старыя патріархальныя отношенія внутри семейнаго союза и быстрѣе всего, разумѣется, тамъ, гдѣ росло экономическое значеніе крестьянства, увеличивалось число батраковъ и батрачекъ и послѣдніе превращались изъ помощниковъ и членовъ семьи въ простыхъ наемныхъ рабочихъ.

Тамъ, гдѣ новое дворянство само занималось производствомъ, крестьянство, напротивъ, экономически разорялось, такъ какъ начался пресловутый процессъ экспропріаціи крестьянства. Занятое производствомъ дворянство нуждалось въ крестьянской землѣ и притомъ — въ противоположность феодальной эпохѣ, — въ землѣ безъ крестьянина. Съ этой цѣлью крестьянина систематически разоряли, а именно при помощи ему совершенно невѣдомаго римскаго права, которымъ алкавшіе земли дворянчики

мастерски пользовались въ своихъ интересахъ. Эта насильственная пролетаризація крестьянства привела его, какъ и городской пролетаріатъ, къ аскетизму. Тамъ же, гдѣ его экономическое разореніе не сопровождалось этимъ результатомъ, оно сказывалось въ распаденіи семейныхъ связей, въ усиленіи индифферентизма въ области половыхъ отношеній.

Народная мудрость выразила свой взглядъ на супружескую вѣрность крестьянъ въ сжатой поговоркѣ: «Попамъ нѣтъ надобности жениться, пока у крестьянъ есть жены». И этотъ взглядъ разсказчики новеллъ и фацецій, авторы масляничныхъ пьесъ и народные поэты комментируютъ сотней описаній, примѣровъ, анекдотовъ и сатирическихъ выпадовъ. Надо однако имѣть въ виду, что впродолженіи столѣтій крестьянинъ былъ излюбленнымъ предметомъ насмѣшки, что остроуміе горожанъ — всѣ описанія крестьянской жизни принадлежатъ именно перу горожанъ — съ особенной охотой подчеркивало грубость и низменность его вожделѣній. Такое поведеніе было, впрочемъ, совершенно логично. Типъ мужика противополагался горожанину не изъ простого желанія злословить и клеветать, ибо это желаніе могло остановиться и на другомъ объектѣ, а потому, что крестьянство было не только угнетеннымъ классомъ, но и классомъ враждебнымъ: въ интересахъ бюргерской классовой борьбы было навязать ему всевозможные пороки.

Если мужика изображали не иначе, какъ обжорой, пьяницей, развратникомъ и грубымъ идіотомъ, то потому, что такимъ образомъ хотѣли унизить своего классоваго противника. Но если даже принять во вниманіе эту общую тенденцію приписывать мужику всѣ грѣхи и пороки, изображать его вѣчно обманываемымъ — и прежде всего, конечно, его собственной женой, — если скинуть съ его бюджета даже половину того, что на него наговорили, то и тогда намъ придется сказать, что эти описанія только до уродливо-смѣшного преувеличивали основныя линіи дѣйствительности. А что крестьянство дѣйствительно отличалось дикостью и грубостью, достаточно объясняется его некультурностью, обусловленной его примитивными экономическими средствами существованія. Въ немъ не было и слѣдовъ какого-нибудь образованія, господствовало отчаяннѣйшее невѣжество. Столь же невѣжественный священникъ съ его узкимъ умственнымъ горизонтомъ былъ единственнымъ источникомъ знанія для деревни. При такихъ условіяхъ развѣ могли возникнуть среди крестьянства болѣе высокія этическія воззрѣнія, болѣе утонченное нравственное чувство? Ничѣмъ не сдерживаемое подчиненіе инстинкту казалось ему высшимъ блаженствомъ.

Неизбѣжныя послѣдствія такого положенія вещей подтверждаются хотя бы немногими данными. Безспорно извѣстно, напр., что процентъ незаконныхъ рожденій въ деревнѣ всегда былъ выше, чѣмъ въ городѣ. Далѣе, не менѣе безспорно, что всѣ указы, изданные властями противъ «растлѣнія дѣвушекъ, разврата и прелюбодѣянія въ деревняхъ» проходили безслѣдно, несмотря на то, что постоянно возобновлялись, и обыкновенно даже самыя суровыя церковныя эпитеміи не приводили къ желанному результату. Эта неискоренимость нравственной разнузданности имѣла свои основательныя причины.

Изнасилованіе дѣвушекъ напр. было въ многихъ мѣстностяхъ просто потому неискоренимо, что по господствовавшему наслѣдственному праву сотни парней были лишены возможности жениться, разъ старшій братъ, наслѣдникъ двора, еще не обладалъ опредѣленными средствами или если родители еще не передали дѣтямъ наслѣдство, еще не хотѣли удовольствоваться своей «старческой долей». Одно это обстоятельство объясняетъ намъ въ достаточной степени тотъ фактъ, что въ такихъ мѣстностяхъ всѣ указы противъ добрачнаго полового общенія оставались безрезультатными, а также и то обстоятельство, что въ этихъ мѣстностяхъ ни для дѣвушки ни для парня не считалось позоромъ имѣть незаконныхъ дѣтей. Надо прибавить еще и то, что въ деревнѣ не существовало проституціи, какъ суррогата брака, или во всякомъ случаѣ не въ такомъ размѣрѣ, какъ хотя бы въ ничтожнѣйшемъ городишкѣ. Это учрежденіе было деревнѣ, конечно, не

потому неизвѣстно, что открытая проституція не вязалась съ воззрѣніями деревни на нравы и нравственность, а потому, что любовь—товаръ, который можно обмѣнять почти только на деньги, а деньги имѣлись у крестьянина лишь въ очень ограниченныхъ размѣрахъ. Такъ оставалось только сходиться съ крестьянскими женами и дочерьми, а въ болѣе богатыхъ деревняхъ, гдѣ существовала женская прислуга, съ послѣдними.

Если среди крестьянства господствовали, естественно, болѣе разнузданные нравы, чѣмъ въ городѣ, то по отношенію къ батрачкамъ и служанкамъ уже, несомнѣнно, господствовалъ принципъ: Chacune pour chacun. Правда, о положеніи тогдашней прислуги у насъ почти нѣтъ никакихъ положительныхъ данныхъ, такъ какъ она не нашла своего историка. Но мы знаемъ, въ какихъ условіяхъ жила прислуга лѣтъ сто тому назадъ и каковы эти условія во многихъ мѣстахъ еще въ наше время. Мы знаемъ напр., что очень часто и теперь еще батраки и батрачки спятъ въ одной и той же комнатѣ, что одежда ихъ часто состоитъ только изъ рубахи и штановъ, изъ рубашки и юбки. Если мы приложимъ поэтому къ быту прислуги Ренессанса масштабъ недавнихъ дней или нашего времени, то придется сознаться, что вся женская прислуга находилась всецѣло во власти парней, батраковъ и кромѣ того еще хозяина-мужика. И, несомнѣнно, лишь очень немногія служанки избѣжали такой судьбы, зато было тѣмъ болѣе такихъ, которыя должны были впродолженіи года отдаваться не одному мужчинѣ, которыя вѣчно бывали беременны и часто сами не знали, кто отецъ ихъ ребенка, такъ какъ всѣ мужчины, бывшіе на крестьянскомъ дворѣ, поочередно обладали ими. Если нелѣпый романтизмъ или реакціонные классовые интересы считаютъ подобное положеніе вещей неправдоподобнымъ, то достаточно указать на упомянутыя выше жилищныя условія. Разъ батраки и батрачки спятъ въ одномъ помѣщеніи, притомъ чрезвычайно тѣсномъ, если комнаты въ лучшемъ случаѣ раздѣлены досчатой перегородкой, такъ что одни постоянно должны переходить черезъ комнаты другихъ, то говорить о стыдливости и сдержанности въ взаимныхъ отношеніяхъ приблизительно такъ же остроумно, какъ говорить о чувствѣ осязанія у носорога. А тамъ, гдѣ отсутствуютъ такія естественныя сдерживающія чувства, батрачка или служанка вынуждена сегодня раздѣлять ложе съ однимъ, завтра съ другимъ и только развѣ личная ревность можетъ поставить здѣсь преграду: ревность крестьянки, выгоняющей мужа изъ спальни служанки, или мускулистаго парня, не желающаго терпѣть рядомъ съ собой соперника у понравившейся ему батрачки.

Разумѣется, здѣсь рѣчь идетъ не о сознательномъ изнасилованіи, да оно и не ощущалось, какъ таковое. Всѣ считали такой порядокъ просто «естественнымъ», такъ какъ иначе и не могли его себѣ представить. Да и сама дѣвушка обыкновенно думала по всѣмъ вѣроятіямъ, что иначе и быть не могло, ибо она сама была не только предметомъ желанія и насилія, а также сама словами или жестами приглашала товарища по помѣщенію раздѣлить ея ложе или сама отправлялась къ нему. И потому она, вѣроятно, сознавала это свое положеніе не какъ позоръ, а скорѣе, какъ наиболѣе пріятную сторону жизни.

Наряду съ рыцаремъ и крестьяниномъ необходимо здѣсь упомянуть еще о ландскнехтѣ, вытѣснившемъ въ XVI в. рыцарское ополченіе. Хотя наемный солдатъ и является такимъ образомъ совершенно новой соціальной формаціей, однако о немъ необходимо поговорить именно здѣсь, такъ какъ сходство его жизни съ жизнью низшаго дворянства наложило сходную печать и на его нравы.

Въ глазахъ романтиковъ всѣхъ странъ ландскнехтъ — героическая фигура. Однако онъ отнюдь не является ею, даже въ области военнаго искусства. Въ XV и XVI вв. большинство наемниковъ вышло не изъ Швейцаріи, а изъ Германіи. Нѣмецкіе наемники составляли главный контингентъ наемныхъ войскъ всѣхъ государей міра. Они сражались въ Италіи, Испаніи, Франціи, Германіи, словомъ вездѣ. И притомъ безразлично, во имя какихъ интересовъ и на службѣ у какого государя. Чаще всего сра-

жались поэтому нѣмцы противъ нѣмцевъ. Поверхностные историки объясняли тотъ фактъ, что впродолженіи столѣтій нѣмцы составляли неисчерпаемый резервуаръ для всѣхъ наемныхъ войскъ міра, прирожденной имъ жаждой передвиженія и скитанія и не менѣе будто прирожденнымъ увлеченіемъ солдатской профессіей. Это — невѣрно.

Эта странная потребность въ передвиженіи и это увлеченіе солдатской профессіей объясняются просто экономическимъ положеніемъ Германіи. Благодаря путаницѣ политическихъ отношеній экономическая шаткость была особенно велика именно въ Германіи. Нигдѣ обмѣнъ соціальныхъ веществъ не происходилъ такъ быстро, какъ здѣсь. «Здѣсь всегда на лицо было не мало людей, которые сгонялись съ насиженнаго мѣста или иными путями вырывались изъ соціальной почвы и попадали въ положеніе авантюристовъ». (Гуго Шольцъ). Общая экономическая революція, вызванная въ Германіи перемѣщеніемъ торговыхъ путей — подъ вліяніемъ открытія Америки, — не только усилила эту экономическую шаткость, но и придала ей длительный характеръ. Такова истинная причина, изъ которой родилась пресловутая жажда бродяжничества, свойственная и теперь еще нѣмцамъ, впродолженіи столѣтій пополнявшая нѣмцами наемныя войска всѣхъ странъ. Надо еще замѣтить, что главный контингентъ наемниковъ составляли городскіе элементы, какъ тогда, такъ и позже: подмастерья, писаря, опустившіеся студенты, словомъ деклассированные элементы городского населенія.

Образъ жизни, да и весь обликъ ландскнехта носитъ поэтому чисто городской отпечатокъ. Это видно уже изъ того, что всѣ обычаи солдатчины, ея соціальныя условія, ея идеологія и символы имѣютъ свой прообразъ въ организаціи городскихъ цеховъ. На это обстоятельство необходимо здѣсь указать по двумъ причинамъ. Этимъ объясняется прежде всего послѣдовательно и странно враждебная позиція наемниковъ по отношенію къ крестьянамъ. Если бы наемныя войска состояли хотя бы наполовину изъ крестьянскихъ сыновей, мужикъ не третировался бы такъ же-

стоко ландскнехтами, и всѣ источники крестьянской жизни: нива, лѣса, фруктовые сады, не уничтожались бы ими такъ безсмысленно и безъ всякой для себя пользы, какъ это имѣло мѣсто въ дѣйствительности. То было проявленіе естественной ненависти горожанина, видящаго въ мужикѣ только получеловѣка, и эта ненависть находила свое самое грубое выраженіе въ поведеніи ландскнехтовъ. Другая, болѣе важная причина заключается въ слѣдующемъ: такъ какъ ландскнехты набирались преимущественно изъ среды городского люмпенпролетаріата, то ихъ половая мораль также была продуктомъ этихъ условій существованія и походила въ своей разнузданности на грубые нравы разбойничьяго рыцарства.

Такъ какъ условія существованія, какъ ландскнехта, такъ и разбойничьяго мелкаго дворянства отличались крайней неустойчивостью, то и наемный солдатъ жилъ исключительно изо дня въ день. Любовь, если встрѣчалась на пути, доводилась до разнузданности. Ибо кто знаетъ, что сулитъ завтрашній день. Женщиной по той же причинѣ завладѣвали всегда силой, если къ тому была возможность, и не прибѣгали сначала къ утонченному ухаживанію. Для крестьянской жены или дѣвушки было еще честью, если ее насиловали тутъ же на краю дороги или за сосѣднимъ кустомъ, а еще большей честью, если сразу претензію на нее заявляла дюжина ландскнехтовъ, бросавшихъ жребій, чтобы установить очередь. Та же судьба естественно грозила всѣмъ женщинамъ, предпринимавшимъ путешествіе безъ надежной мужской охраны и попадавшимъ въ руки шайки солдатъ — въ такихъ случаяхъ послѣдніе брали авансъ въ счетъ выкупа или — если они бывали милостиво настроены — требовали отъ беззащитныхъ женщинъ дорожную подать.

О гнусностяхъ всадниковъ и рыцарей XV в. одинъ хронистъ сообщаетъ слѣдующее:

«Въ особенности страдали женскіе монастыри. Не щадили даже маленькихъ дѣвочекъ, а женъ прямо вытаскивали изъ домовъ мужей». Такія же свѣдѣнія имѣются у насъ и о поведеніи

ландскнехтовъ въ XVI и XVII вв. Эти послѣдніе также никого не щадили, ни дѣвочекъ-подростковъ, ни старухъ, ни беременныхъ. Всѣ безъ исключенія подвергались насилію. Особенно варварски, конечно, вели себя ландскнехты при взятіи осажденныхъ мѣстъ. Въ такихъ случаяхъ «право» было вѣдь на ихъ сторонѣ и правомъ этимъ пользовались, насилуя женщинъ особенно утонченнымъ образомъ и потомъ убивая жертвы своихъ скотскихъ вожделѣній. Вотъ для примѣра описаніе событій, имѣвшихъ мѣсто при взятіи и опустошеніи городка, описаніе, которое мы находимъ у одного хрониста:

«Много замужнихъ женщинъ и дѣвушекъ, даже беременныхъ, подверглось насилію, какъ въ самомъ городѣ, такъ и за его чертой. У одной беременной женщины вырвали груди. Двѣнадцатилѣтнюю дѣвочку растлили до смерти, изнасиловали даже почти столѣтнюю старуху. Одну благородную даму такъ обыскали, думая найти у нея золото, что та отъ ужаса и стыда скончалась. На глазахъ у мужа опозорили и увели жену и молоденькую дочку, а его самого убили и т. д.»

Эта картина типична и изъ исторіи тридцатилѣтней войны можно было бы привести еще сотню подобныхъ описаній. Въ этой области прогрессъ могъ совершиться и совершился лишь очень медленно, ибо такова и теперь еще картина нашихъ современныхъ колоніальныхъ войнъ. Только самопомощь, къ которой въ отдѣльныхъ случаяхъ прибѣгали крестьяне и бюргеры, ставила нѣкоторую преграду подобнымъ насиліямъ.

Все сказанное здѣсь о ландскнехтахъ вполнѣ приложимо и къ морали большой дороги, кишѣвшей тогда всевозможными отбросами. С Баваріи XVI в. напр., сообщается: «Страна изобиловала бывшими ландскнехтами и солдатами, ставшими ворами и разбойниками, разнузданными голодными бродягами и босяками всѣхъ видовъ». Не мало преступныхъ элементовъ встрѣчалось и среди «бродячаго люда», среди тѣхъ многихъ людей безъ рода и племени, которыми тогда были полны проѣзжія дороги. Разумѣется, въ нихъ нельзя видѣть только преступниковъ. Но съ

другой стороны, не слѣдуетъ забывать, что среди бродячаго люда находилось много разбойниковъ, такъ какъ и эта группа еще въ большей степени, чѣмъ ландскнехты, вербовала своихъ членовъ среди деклассированныхъ. Тамъ, гдѣ разбойники (Landzwinger, какъ ихъ называли) были въ большинствѣ, они, разумѣется, не просили милостыню и не вступали въ переговоры, а удовлетворяли свои желанія путемъ насилія — грабили, убивали, насиловали. Что даже и на улицахъ многихъ городовъ честь женщины никогда не была въ безопасности, видно изъ частыхъ и строгихъ указовъ городскихъ властей, направленныхъ противъ возраставшаго числа «насилій надъ честными женщинами и дѣвушками», а также изъ постановленій, въ силу которыхъ женщинамъ запрещалось съ наступавшей темнотой выходить на улицу безъ свѣта и безъ мужской охраны.

Не менѣе значительна была нравственная распущенность восходившихъ классовъ, соотвѣтственнымъ образомъ пользовавшихся своими средствами. Но такъ какъ соціальныя причины, приводившія революціонную крупную буржуазію и абсолютныхъ князей къ свободѣ и смѣлости въ области половыхъ отношеній, существенно разнились отъ тѣхъ, которыя дѣйствовали въ средѣ низшаго дворянства и крестьянства, то и самая распущенность облекалась здѣсь въ совершенно иныя формы. Богатство создавало почву для золотой жизнерадостности. По мѣрѣ того, какъ богатства достигали въ этомъ классѣ чудовищныхъ размѣровъ,— подготовленныя прошлымъ силы выбивали теперь во всѣхъ концахъ свѣта золото изъ камней и это золото стекалось исключительно въ карманы этого класса, — жизнерадостность здѣсь должна была распуститься самымъ пышнымъ образомъ, должна была постоянно вновь торжествовать и созидать кругомъ свои золотые чертоги. Трудно представить себѣ болѣе благопріятную почву для развитія вакхическаго культа чувственности.

Покоившаяся на чрезвычайно повышенной жизнерадостности и возможности наслажденія жизнью чувственность характеризуетъ поэтому нравственную разнузданность крупнаго бюргер-

ства и княжескаго абсолютизма. Надо принять во вниманіе и то, что тамъ, гдѣ отсутствуетъ производительный, доставляющій удовольствіе, трудъ, половой инстинктъ получаетъ свое крайнее искусственное развитіе. Такъ какъ ни физическія, ни психическія силы человѣка не расходуются въ борьбѣ за существованіе, то онѣ находятся въ безпрепятственномъ распоряженіи чувственныхъ наслажденій и прежде всего наслажденій половыхъ. Удовольствіе, котораго ищутъ у Вакха и Цереры, не атрофируетъ желаніе и силу, а напротивъ подкрѣпляетъ ихъ, постоянно создавая эротическія мысли, представленія и воздѣйствія. Всѣ чувства и мысли сосредоточиваются такимъ образомъ на эротикѣ, все сводится къ половому наслажденію.

У культурнаго человѣка любовь не только проявленіе инстинкта размноженія, но и стремленіе къ болѣе интенсивной личной жизни, къ индивидуальному психическому обогащенію, къ болѣе успѣшному саморазвитію. И въ самомъ дѣлѣ, ничто такъ душевно не обогащаетъ человѣка, какъ интимныя отношенія его къ представителю другого пола. Каждая изъ сторонъ получаетъ такъ сказать двѣ души, каждая доставляетъ другой тѣ дополненія, которыя позволяютъ имъ стать цѣльными и совершенными. Этой дивной тайной жизни развратъ часто позлащалъ свою грязь, а мужской и женскій Донъ Жуанъ подражалъ позѣ Креза человѣческаго совершенства. Однако это не болѣе, какъ декорація, способная ослѣпить глупцовъ, ибо каждое явленіе имѣетъ свои собственные законы. Въ любви не царитъ тотъ законъ, въ силу котораго, какъ въ экономикѣ и политикѣ, количество при извѣстныхъ условіяхъ превращается въ качество.

Человѣкъ по своему существу моногаменъ, поэтому онъ можетъ и долженъ удваиваться, чтобы обогатить свою индивидуальность и достигнуть полной внутренней гармоніи, но онъ лишенъ возможности такимъ же образомъ умножать себя и обогащаться до безконечности. Человѣкъ не въ состояніи любить одновременно нѣсколькихъ представителей противоположнаго пола. Онъ развѣ способенъ воспроизвести во множественномъ числѣ животную

видимую форму любви, распространить на многіе индивидуумы техническій актъ. Но въ такомъ случаѣ любовь сведется къ простому удовольствію. Вездѣ тамъ, гдѣ совершается эта подстановка, результатомъ ея какъ для отдѣльнаго индивидуума, такъ и для всего общества является уже не внутреннее обогащеніе, а оскудѣніе. Изъ источника индивидуальнаго и соціальнаго совершенствованія любовь превращается въ проблему простого наслажденія.

Тамъ, гдѣ любовь сведена къ удовольствію,—это происходитъ въ систематическомъ видѣ и какъ массовое явленіе вездѣ тамъ, гдѣ чувственное удовольствіе есть результатъ роскоши—на первомъ планѣ стоитъ принципъ разнообразія. Это разнообразіе достигается одновременнымъ половымъ общеніемъ съ нѣсколькими мужчинами или нѣсколькими женщинами. Тенденція эта главнымъ образомъ выражается въ возникновеніи института постоянной любовницы или постояннаго любовника. Мужъ имѣетъ кромѣ жены еще одну или нѣсколько метрессъ, порой тутъ же въ своемъ домѣ. Гейлеръ изъ Кейзерсберга пишетъ: «Есть и такіе мужчины, которые содержатъ въ своемъ домѣ рядомъ съ женой еще публичную женщину». Жена часто не только супруга, но и метресса другого, порой третьяго и т. д. Большинство сексуаль-психологовъ ошибочно называютъ это «прирожденной склонностью женщины къ проституціи», — потому что исходятъ изъ отдѣльныхъ индивидуальныхъ случаевъ. На самомъ дѣлѣ это соціальное и потому заурядное явленіе, обусловленное вышеприведенными экономическими причинами. Уже въ романѣ о Розѣ говорится поэтому, правда, грубовато, но не безъ основанія: Estes ou futes, D'effet ou de volonté putes.

Безчисленное множество мужчинъ въ такихъ классахъ и въ такія эпохи находятъ совершенно естественнымъ, что ихъ жены имѣютъ любовниковъ или являются метрессами другихъ. Надо, впрочемъ, замѣтить, что чаще всего здѣсь сказывается рафинированность мужей, а не ихъ снисходительность или справедливость, предоставляющая другимъ тѣ же права, какія они сами при-

своили себѣ. Мужчина находитъ у проститутки больше наслажденія,—ибо она утонченнѣе рѣшаетъ проблему любви, сведенной къ простому удовольствію—и потому превращаетъ въ проститутку свою собственную жену. Молчаливымъ соглашеніемъ является при этомъ требованіе, чтобы жена, сходясь съ любовникомъ, избѣгала беременности. Только беременность дискредитируетъ, потому что компрометируетъ не самый фактъ, а только неловкость, неумѣніе соблюдать правила любви, ибо любовь не болѣе, какъ игра.

Женская невѣрность ограничена такимъ образомъ исключительно неудобными послѣдствіями. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ такомъ классѣ совершенно видоизмѣняются и понятія о «приличіи». Приличнымъ считается мужъ, уважающій права любовника и умѣющій такъ устроить дѣло, что ни любовникъ, ни жена не попадаютъ передъ нимъ въ неловкое положеніе. Въ нужный моментъ онъ покинетъ комнату или квартиру, никогда онъ не появится на сценѣ въ неурочный часъ—если бы онъ поступилъ иначе, онъ нарушилъ бы правила приличія.

Воплощеніемъ добродѣтели считается въ такія эпохи женщина, отдающаяся другимъ только въ періодъ беременности, виновникомъ которой является ея мужъ, такъ какъ послѣдній уже не рискуетъ въ такомъ случаѣ воспитать дѣтей, принадлежащихъ не ему. «Беременная женщина не можетъ быть невѣрной»—гласила распространенная поговорка.

Подъ вліяніемъ этого мѣняется и жизненная мудрость женщины. Одинъ современникъ говоритъ: «Какъ только женщина забеременитъ, она уже считаетъ, что не можетъ оскорбить мужа и сдѣлать его рогоносцемъ, и ни въ чемъ не отказываетъ своимъ друзьямъ». Послѣдствія этой философіи обрисовываетъ поговорка: «Беременныя женщины отдаются тѣмъ охотнѣе». Однако жена не всегда становится матерью отъ мужа, вмѣстѣ съ тѣмъ она желаетъ избѣжать послѣдствій и отъ связи съ любовникомъ, не отказываясь однако отъ радостей незаконной любви. Какъ быть въ такомъ случаѣ? Очень просто. Не слѣдуетъ

ограничиться однимъ любовникомъ, надо ихъ имѣть нѣсколько. «Кто живетъ одновременно со многими мужчинами, не можетъ забеременить» — гласитъ поговорка.

Матеріалъ, по которому мы могли бы судить объ извращенности, царившей среди крупнаго бюргерства въ эпоху Ренессанса, чрезвычайно богатъ и мы можемъ здѣсь сослаться на тѣ цитаты, которыя приведены нами въ другихъ мѣстахъ. Въ своей исторіи города Любека Бекеръ сообщаетъ о томъ, какъ жаждавшія любви патриціанскія жены, которымъ обстоятельства не позволяли держать оффиціальнаго любовника, вознаграждали себя за потерю любовныхъ наслажденій.

«Въ 1476 г. жены патриціевъ Любека отправлялись вечеромъ подъ густой вуалью въ винные погребки, чтобы въ этихъ очагахъ проституціи удовлетворять свои желанія, оставаясь неузнанными».

Какъ видно, тѣ же методы, какъ въ императорскомъ Римѣ. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: экономическая ситуація культурныхъ націй въ эпоху Ренессанса походила на экономическое положеніе Рима.

Институтъ любовниковъ и метрессъ получилъ наиболѣе ясны выраженное оффиціальное значеніе при дворахъ и среди придворной аристократіи. Каждый князь содержалъ фаворитокъ, т.-е. при каждомъ дворѣ существовала цѣлая свита обворожительныхъ проститутокъ. Большинство изъ нихъ принадлежало къ придворной аристократіи, но и бюргерство поставляло очень часто метрессъ для княжескаго ложа. Генрихъ VIII, король Англіи, по очереди пригласилъ двухъ хорошенькихъ дочекъ пекарей, Людовикъ XI французскій имѣлъ нѣсколько метрессъ изъ горожанокъ, бранденбургскій курфюристъ Іоахимъ I жилъ съ развратной вдовой литейщика, съ красавицей Сидовинъ. Можно было бы привести сотню именъ. Придворныя дамы часто составляли не что иное, какъ оффиціальный гаремъ князя. Пріобщеніе къ чину придворной дамы значило часто не болѣе, какъ то, что данная дама удостоилась чести украсить ложе короля или чести

принять на своемъ ложѣ его или принцевъ. О дворѣ Франциска I Совалъ сообщаетъ, что здѣсь каждая придворная дама въ любой моментъ была обязана удовлетворять султанскія прихоти короля:

«Король любилъ наносить неожиданные ночные визиты то одной, то другой придворной дамѣ. Комнаты дамъ были такъ устроены, что король въ любой моментъ могъ явиться къ нимъ, имѣя ключъ отъ каждой комнаты».

И тѣ же нравы господствовали при многихъ другихъ дворахъ.

Такъ какъ назначенiе въ чинъ придворной дамы здѣсь было равносильно назначенiю метрессы, то тѣмъ изъ придворныхъ, жены которыхъ отличались особенной пикантностью или красотой, приходилось впродолженiи десятилѣтiй дѣлиться ими съ королемъ, а потомъ впродолженiи годовъ съ дюжиной другихъ мужчинъ, принцевъ и фаворитовъ. Для дамы это не считалось позоромъ, ибо всѣми признанная логика абсолютизма гласила: «кто раздѣляетъ ложе съ королемъ, не совершаетъ позорнаго поступка, только кто отдается маленькимъ людямъ, становится проституткой, а не тотъ, кто даритъ свою любовь королямъ и знати». Мужья, естественно, имѣли это въ виду и порой даже строили на этомъ весь свой бракъ. Въ такихъ случаяхъ «права» жены прямо заносились въ брачный контрактъ, чтобы потомъ не возникало недоразумѣнiй. Брантомъ разсказываетъ о подобномъ случаѣ:

«Я слышалъ объ одной благородной дамѣ, которая при заключенiи брака выговорила у мужа право свободно отдаваться при дворѣ любви... Въ видѣ вознагражденiя она выдавала ему ежемѣсячно тысячу франковъ карманныхъ денегъ и ни о чемъ другомъ не заботилась, какъ только о своихъ удовольствiяхъ».

Если же находился мужъ, настолько наивный, что отказывался понимать логику абсолютизма, то ему ее внушали такимъ убѣдительнымъ образомъ, что онъ прекрасно усваивалъ ее себѣ. Доказательствомъ пусть служитъ слѣдующiй случай, происшедшiй при дворѣ Франциска I. Хронистъ разсказываетъ:

«Мнѣ передавали, что однажды король Францискъ хотѣлъ провести ночь съ дамой, которую любилъ. Онъ встрѣтилъ ея мужа со шпагой въ рукѣ: мужъ намѣревался ее убить. Однако король направилъ свою шпагу ему на грудь и подъ страхомъ смерти приказалъ не трогать ее. Если онъ только посмѣетъ хоть немного коснуться ея, король или убьетъ его или велитъ отрубить ему голову. Онъ показалъ мужу на дверь и самъ занялъ его мѣсто. Эта дама могла считать себя счастливой, что нашла такого покровителя, такъ какъ мужъ ничего ей не говорилъ и предоставилъ ей полную свободу дѣйствiя.

Мнѣ передавали, что не только эта дама, но и многiя другiя пользовались покровительствомъ короля. Многiе люди въ годы войны, желая спасти свои владѣнiя, украшаютъ ворота королевскимъ гербомъ. Также точно многiя женщины пришивали къ платью королевскiй гербъ, такъ что ихъ мужья ничего не могли имъ сказать, если не хотѣли лишиться жизни».

Можно было бы привести массу аналогичныхъ случаевъ изъ жизни другихъ абсолютистическихъ дворовъ. Не мало такихъ примѣровъ, когда мужья, не желавшiе понять своего положенiя, должны были въ самомъ дѣлѣ за это расплачиваться. Само собой понятно, что въ такихъ случаяхъ задача освободить княжескому любовнику дорогу къ упорно защищаемому брачному ложу падала на какого нибудь хорошо оплаченнаго браво. (бандита)..

Вторымъ логическимъ выводомъ изъ мiровоззрѣнiя абсолютизма было убѣжденiе, что для мужа не составляетъ безчестiя служить ширмой для придворной наложницы и покрывать своей фирмой поступки своего господина. Въ этомъ сходились всѣ абсолютистическiе дворы мiра, какъ и въ томъ, что эта почтенная обязанность падала не только на низкiя креатуры, но и на высшихъ сановниковъ государства и на представителей древнѣйшей знати. Такъ въ Пруссiи, чтобы привести только одинъ примѣръ, ширмой для метрессы Фридриха I служилъ графъ Кольбе фонъ Вартенбергъ, первый канцлеръ ордена чернаго орла.

Само собой понятно, что абсолютные князья имѣли преиму-

щество у дамы даже передъ ея мужемъ, не говоря уже о другихъ ея избранникахъ. Если высокаго владѣльца секретнаго ключа охватывало желаніе побесѣдовать съ дамой и если онъ находилъ мѣсто уже занятымъ или мужемъ или другимъ любовникомъ, то какъ тому, такъ и другому приходилось уступить. Многочисленные историческіе примѣры, документально обоснованные, доказываютъ, что мужу красивой или почему нибудь другому покровительствуемой дамы приходилось часто ночью оставлять ложе супруги, такъ какъ его высокому повелителю было угодно нанести ей визитъ или потому, что ее пригласили въ его спальню. Порою получившій отставку не успѣвалъ во время ретироваться и тогда ему приходилось прятаться гдѣ нибудь въ комнатѣ и быть свидѣтелемъ подвиговъ своего конкурента. Изъ ряда подобныхъ случаевъ упомянемъ только одинъ, касающійся Діаны Пуатье, офиціальной метрессы Генриха II, и особенно характерный своимъ цинизмомъ:

«Однажды вечеромъ Генрихъ постучалъ въ дверь Діаны Пуатье, какъ разъ, когда у той находился маршаллъ Бриссакъ. Послѣднему не оставалось ничего другого, какъ поспѣшно спрятаться подъ кровалью. Вошелъ король, дѣлая видъ, что ничего не знаетъ о визитѣ Бриссака... Потомъ онъ попросилъ ѣсть и Діана принесла тарелку конфектъ. Генрихъ съѣлъ нѣсколько штукъ и вдругъ часть ихъ бросилъ подъ постель, воскликнувъ: Ѣшь, Бриссакъ! Каждому надо жить».

Подобныя неудобства были не единственными, съ которыми приходилось безропотно мириться придворнымъ. Они должны были молчать и тогда, когда высокій другъ награждалъ ихъ женъ маленькимъ Mal d'amour, которое затѣмъ передавалось и имъ. Всѣ эти и подобныя непріятности были обычной и неизбѣжной расплатой за придворную карьеру. О Францискѣ I Соваль сообщаетъ, что онъ всю жизнь страдалъ половыми болѣзнями и что ими поэтому страдали и весь дворъ и даже королева, которую король порой все же навѣщалъ.

Все это однако мелочи въ сравненіи съ тѣмъ, что совершалось при дворахъ по мѣрѣ роста рафинированности. Первымъ ея проявленіемъ былъ обычай дѣлать третьяго человѣка свидѣтелемъ интимной сцены. Брантомъ сообщаетъ о такомъ случаѣ. Какъ ни чудовищенъ такой развратъ, онъ былъ однако только началомъ утонченности въ наслажденіи. Развратъ систематизировался и огранизовался шагъ за шагомъ. Индивидуальное наслажденіе его и дѣло расширялось до наслажденія массоваго, до оргіи. Любили не только публично, но прямо въ обществѣ, какъ въ обществѣ пировали.

Высшей точки этотъ развратъ достигъ однако не въ Мадридѣ, Парижѣ или Лондонѣ, а въ Римѣ, при дворѣ различныхъ папъ, Борджій, Ровере и др. Многіе изъ этихъ высшихъ церковныхъ сановниковъ, а съ ними большая масса ихъ пышной, упоенной свѣтомъ жизнерадостности, свиты кардиналовъ, архіепископовъ и епископовъ превзошли смѣлостью поведенія всѣ свѣтскіе дворы. Въ Ватиканѣ, рядомъ съ папой, царила гордая, золотомъ засыпанная, куртизанка, прославившаяся своимъ искусствомъ любви. Такимъ папскимъ любовницамъ, какъ Ваноцца, Джулія Фарнезе и дюжинѣ другихъ, воздвигались пышные дворцы, посвящались церкви и т. д.

Сообщенія хронистовъ изобилуютъ чудовищными пороками, бывшими здѣсь въ ходу. При дворѣ папы Александра VI любовь была превращена въ зрѣлище, въ которомъ участвовали красивыя куртизанки и крѣпкаго тѣлосложенія лакеи, и такими представленіями любовался весь дворъ.

То, чему апплодировали въ Римѣ, скоро вошло въ моду въ Парижѣ и въ Лондонѣ. Намъ извѣстно изъ описаній герцога Рочестерскаго, что при дворѣ англійскаго короля Карла I почти столѣтіемъ позже увлекались тѣми же увеселеніями, какими восторгался Александръ VI и его придворные. Разъ волны разврата шли такъ высоко, то неудивительно, что распространились и всевозможные противоестественные пороки. Всюду процвѣтали содомія, гомосексуализмъ и т. п. Пресыщеніе требовало все новыхъ ощущеній, все новаго разнообразія. Тѣ пороки,

которые Аретино воспѣлъ въ своихъ Sonetti lussuriosi, принадлежали еще къ числу самыхъ скромныхъ. Порочные нравы, царившіе при англійскомъ дворѣ въ эпоху Шекспира, Брандесъ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ:

«Вмѣстѣ съ чувствомъ достоинства были откинуты и всѣ приличія. Даже старшій Дизраэли, принципіальный защитникъ и поклонникъ короля Якова I, признается, что нравы двора были чудовищны, что придворные, раздѣлявшіе время между бездѣльемъ и безумнымъ расточительствомъ, отличались худшими пороками. Онъ самъ цитируетъ стихъ Драйдена изъ его «Moonkalf» о джентльменѣ и лэди этихъ круговъ: He's too much Woman and She's too Man».

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ этихъ кругахъ никто не хотѣлъ отказаться отъ своего права на развратъ, обусловленнаго исторической ситуаціей. Если обстоятельства лишали нѣкоторыхъ женщинъ—напр. принцессъ—возможности открыто осуществлять это право, то онѣ вели себя тѣмъ необузданнѣе подъ покровомъ тайны. Если любовникъ такого же ранга представлялъ для нихъ нѣкоторую опасность, то его замѣняли кѣмъ нибудь другимъ, любовью котораго можно было пользоваться безъ опасенія. Очень часто этимъ другимъ былъ камердинеръ.

Правда, искушеніе въ этомъ отношеніи было чрезвычайно велико, такъ какъ послѣднему весьма благопріятствовали обстоятельства. Такъ какъ міровоззрѣніе абсолютизма видѣло равнаго только въ человѣкѣ одинаковаго соціальнаго положенія, то дама этихъ круговъ никогда не стѣснялась передъ камердинеромъ и могла довѣрять ему самыя интимныя порученія. Нѣмецъ Форбергъ пишетъ:

«Благородныя дамы заставляютъ своихъ рабовъ исполнять самыя щекотливыя порученія, ибо рабъ въ глазахъ болѣе высокопоставленныхъ не является человѣкомъ, такъ что передъ нимъ можно и не стыдиться, какъ и передъ животнымъ. По словамъ русскихъ дамъ, надо быть одинаковаго съ ними положенія, чтобы заставить ихъ покраснѣть!».

Одинъ французскій авторъ сообщаетъ:

«Такъ какъ слуги помогаютъ дамамъ при одѣваніи и раздѣваніи, какъ это принято при нашихъ дворахъ и часто практикуется и въ другихъ кругахъ, то имъ приходится видѣть ихъ прелести и часто дѣвушки нарочно показываютъ имъ свою красоту».

Если же и связь съ камердинеромъ была сопряжена съ опасностью или если она не доставляла удовольствія, то при помощи сводника или сводни устраивалось свиданіе съ незнакомымъ человѣкомъ или съ иностранцемъ, который такъ и не узнавалъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло. Устройство такихъ приключеній многократно описано не только скандальной хроникой, но и серьезной литературой. Такое приключеніе пережилъ, напр., герой извѣстнаго романа Гриммельсгаузена, честный малый Симплицій Симплициссимусъ, въ бытность свою въ Парижѣ, и авторъ описываетъ это приключеніе со всей обстоятельностью и очаровательной пластичностью, свойственной его стилю. Рѣчь идетъ о трехъ принцессахъ, обратившихъ случайно свое вниманіе на статнаго Симплиція, а можетъ быть ихъ вниманіе было кѣмъ либо на него обращено. При посредствѣ сводни, обходнымъ путемъ, его приводятъ ночью во дворецъ, онъ принимаетъ ванну, тѣло его умащивается благовоніями, ему даютъ какія-то возбуждающія средства, разжигающія кровь, общество его составляютъ соблазнительныя декольтированныя нимфы, все дѣлается, чтобы распалить до крайности его чувство. Послѣ такой подготовки онъ выступаетъ на сцену своей дѣятельности. Такъ какъ въ комнатѣ царитъ полный мракъ, то онъ не знаетъ кто съ нимъ, знаетъ только, что эта молодая, чрезвычайно красивая дама... Это повторяется каждую ночь впродолженіи нѣсколькихъ недѣль и каждую ночь къ нему приходятъ другая изъ принцессъ. Изъ этой Венериной пещеры Симплиція отпускаютъ только, когда онъ совершенно истощенъ и заболѣваетъ. Въ награду за свои услуги, въ которыхъ дамы не разочаровались, онъ получаетъ значительную сумму денегъ.

Во многихъ другихъ случаяхъ приключеніе кончалось далеко

не такъ счастливо. Когда грозила опасность разоблаченія тайны, удовольствіе обрывалось ударомъ кинжала какого нибудь браво или сообщника, которымъ герой авантюры безжалостно устранялся съ пути.

Разврать былъ, разумѣется, не только самоцѣлью, не только вулканическимъ изверженіемъ таившихся въ нѣдрахъ эпохи сильныхъ страстей и вожделѣній, но въ большинствѣ случаевъ также и средствомъ къ цѣли. Послѣ того, какъ любовь получила товарный характеръ, она стала въ эту чувственную эпоху наилучше оплаченнымъ товаромъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе ходкимъ предметомъ торговли. Во всѣхъ переулкахъ и на всѣхъ площадяхъ стояла Венера и безстыдно выставляла на показъ свою пышную красоту. Она стояла особенно охотно передъ каждой дверью, за которой царила власть и могущество. Обладательница тѣлесной красоты могла тамъ получить въ обмѣнъ за свою любовь не только деньги, но и власть, положеніе, права. И она на самомъ дѣлѣ выторговывала все это для себя, для мужа, для братьевъ, для семьи.

Для большинства молодыхъ аристократокъ красота была тѣмъ капиталомъ, который онѣ пускали въ оборотъ и который почти всегда приносилъ имъ ростовщическій процентъ. Въ своемъ описаніи англійскаго двора конца XVI в. англичанинъ Вильсонъ говоритъ:

«Многія молодыя аристократки, очутившіяся благодаря расточительной жизни родителей въ стѣсненномъ положеніи, смотрѣли на свою красоту, какъ на капиталъ. Онѣ пріѣзжали въ Лондонъ, чтобы продать себя, добивались значительныхъ пожизненныхъ пенсій, выходили затѣмъ замужъ за выдающихся и состоятельныхъ людей и на нихъ смотрѣли какъ на благоразумныхъ дамъ, даже какъ на героическіе умы».

Повинуясь эротическимъ капризамъ могущественнаго покровителя, не мало дамъ завоевали себѣ и мужьямъ общественное положеніе. Ничто такъ не просвѣщало князей относительно выдающихся способностей ихъ подданныхъ, какъ любовные таланты

ихъ женъ. Соблазнительная красота жены, дочери или сестры упрощала самыя сложныя юридическія дѣла. Для безчисленнаго множества судей не было болѣе убѣдительнаго аргумента, болѣе серьезнаго довода въ пользу обвиняемаго, какъ прекрасная грудь или очаровательное тѣло его жены, въ особенности, если она была не прочь впустить судью въ этотъ эдемъ. Въ своей книгѣ Брантомъ говоритъ:

«Очень часто мужья оставляютъ своихъ женъ въ галлереѣ или въ залѣ суда, а сами уходятъ домой, убѣжденные, что жены сумѣютъ лучше распутать ихъ дѣла и скорѣе доведутъ ихъ до рѣшенія. И въ самомъ дѣлѣ, я знаю многихъ, выигравшихъ свой процессъ не столько потому, что были правы, а благодаря ловкости и красотѣ ихъ женъ. Правда, въ такихъ случаяхъ жены потомъ часто бывали въ «такомъ» положеніи».

Эти слова могутъ быть иллюстрированы цѣлымъ рядомъ случаевъ изъ исторіи всѣхъ странъ. Это явленіе вызвало къ жизни не мало поговорокъ: «Въ судъ надо итти съ женой», «Молодыя женщины имѣютъ неопровержимые доводы», «Что можетъ быть остроумнѣе красиваго тѣла женщины, оно опровергнетъ доводы десяти юристовъ» и т. д.

Такъ какъ развратъ былъ не только цѣлью, но и прежде всего надежнѣйшимъ средствомъ къ цѣли, то аристократія всегда считала наслѣдственной привиллегіей своего класса право только ея дочерей на роль любовницъ суверена. Иначе аристократія предоставила бы это право съ готовностью бюргерству, а на самомъ дѣлѣ она всегда оспаривала его у этого класса.

Чѣмъ неблагороднѣе были средства, пускавшіяся въ ходъ аристократіей въ борьбѣ за мѣсто королевской любовницы, тѣмъ выше была гордость плебеевъ, если женщина изъ этого класса побѣждала своихъ аристократическихъ конкурентокъ. И не только ея семья, удостоившаяся такой чести, утопала въ блаженствѣ, если дочь или жена попадали въ чинъ королевской любовницы, но часто и все бюргерство даннаго города исполнялось гордости и видѣло въ этомъ честь, выпавшую на долю

всего класса. Въ этой подробности ярко сказался характерный для эпохи и для классоваго развитія моментъ. Чтобы ограничиться хотя бы однимъ примѣромъ, укажемъ на французскаго короля Людовика XI, неоднократно выбиравшаго своихъ любовницъ среди roturiers (плебеевъ). Одинъ хронистъ сообщаетъ, что буржуазія Парижа чрезвычайно гордилась тѣмъ, что «король взялъ себѣ любовницу изъ ея числа». А когда потомъ король остановилъ въ Дижонѣ свой выборъ на Гюгеттъ Жаклинъ, а въ Ліонѣ на мадемуазель Жигоннъ, то эти города также увидѣли въ этомъ для себя большую честь. Изъ этого общаго воззрѣнія вытекаетъ, что, конечно, и дочери мѣщанства безпрестанно соперничали другъ съ другомъ въ желаніи сдѣлать карьеру королевской любовницы.

Если по мнѣнію этихъ общественныхъ круговъ высшимъ счастьемъ, которое могло выпасть на долю хорошенькой женщины, было стать королевской метрессой, то удостоиться вниманія герцога, графа, кардинала, епископа, даже простого дворянина тоже было незаурядной честью.. Въ концѣ концовъ на свѣтѣ существовалъ только одинъ король и одинъ папа. Карьеру же сдѣлать хотѣлось каждой. Такъ ужели же не отдать тотъ чудесный капиталъ, который представляла собою физическая красота дочери или жены, въ руки какого нибудь платежеспособнаго и вліятельнаго аристократа? Очень многія порядочныя мѣщанки придерживались поэтому всегда того мнѣнія, что ихъ любовный капиталъ долженъ по крайней мѣрѣ такимъ образомъ приносить какъ можно бо́льшій процентъ.

Эта столь обычная гордость горожанъ карьерой проститутки, дѣлаемой ихъ женами, представляла собой впрочемъ вполнѣ естественное проявленіе исторической ситуаціи. Вездѣ тамъ, гдѣ абсолютизмъ достигалъ господства — напр. въ такихъ городахъ, какъ Парижъ, Лондонъ, Римъ, Вѣна, Мадридъ и кромѣ того, во многихъ епископствахъ — вся буржуазія очень быстро попадала въ полную экономическую зависимость отъ двора и потому логически воспринимала и его «мораль». Придворная роскошь, придворная нравственная разнузданность представляли собою самую доходную статью промышленнаго бюргерства. Тамъ, гдѣ процвѣталъ режимъ метрессъ, процвѣтала и торговля, ибо онъ былъ всегда связанъ съ самой безумной роскошью. Уже одно это постоянно связывало съ развратомъ. Далѣе, очень значительная часть населенія состояла на непосредственной службѣ у двора: всѣ государственные и городскіе чиновники назначались абсолютнымъ государемъ. А такъ какъ королевская власть нуждалась въ антуражѣ, то всѣ важнѣйшія административныя должности также были пріурочены къ столицѣ.

По всѣмъ этимъ причинамъ бюргерство представляло собой не только тотъ резервуаръ, изъ котораго дворъ черпалъ все новый матеріалъ людьми, но и тотъ резервуаръ, куда постоянно стекала придворная «мораль». Такъ неизбѣжно цитадели абсолютизма становились вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпостями порока. Исключеніе составляли только тѣ города, гдѣ мелкое ремесло было соціальной и политической господствующей силой. Здѣсь царила всегда «сравнительная» нравственность.

Такъ какъ историческое развитіе приводило въ крупныхъ городахъ къ тому, что специфическая придворная мораль становилась общепризнанной общественной моралью, то въ нихъ мы встрѣчаемъ тѣ же нравственныя воззрѣнія, тѣ же методы разврата, тѣ же ухищренія, которыя царили среди командующей группы и которыя уже описаны нами.

Многіе мужчины бывали часто усерднѣйшими сводниками своихъ женъ и дочерей и столько же браковъ были лишь замаскированными сводническими предпріятіями. Эти мужья слѣдующимъ образомъ доставляли добычу своимъ женамъ.

«Они говорятъ любовнику: Жена моя расположена къ вамъ, она даже любитъ васъ. Навѣстите ее, она будетъ рада. Вы можете поболтать и развлечься».

Другіе стараются объяснить своимъ женамъ ситуацію такимъ образомъ:

«Такой-то въ тебя влюбился. Я хорошо его знаю. Онъ часто

у насъ бываетъ, изъ любви ко мнѣ, дорогая, прими его ласково. Онъ можетъ доставить намъ не мало удовольствій и знакомство съ нимъ можетъ быть для насъ полезно».

И когда означенный другъ явится, онъ всегда найдетъ красавицу-жену не только одну, но вдобавокъ еще въ восхитительномъ неглижэ, которое и самаго неуклюжаго мужчину заставитъ найти подходящія слова. «Да и какъ могла бы умная жена лучше исполнить желанія мужа?» И хитрая женщина превосходно умѣетъ использовать ситуацію: «Какъ только другъ (Gauch) чувствуетъ любовный жаръ, ему приходится оставить золото и серебро, плащъ и шубу, одежду и башмаки».

Если уже пріемы аристократовъ, продававшихъ своихъ женъ, не отличались особенной деликатностью, то у простонародья торговля эта велась прямо въ открытую. Послушаемъ Гейлера изъ Кейзерсберга.

«Если у нихъ нѣтъ денегъ, то они говорятъ женамъ: Пойди и постарайся достать денегъ. Пойди къ тому или другому попу, студенту, или дворянину и попроси взаймы гульденъ, а безъ денегъ домой не возвращайся, смотри заработай деньги... И вотъ она покидаетъ домъ честной и благочестивой женой, а возвращается публичной женщиной».

Конечно, не одни только мужчины были виновны въ томъ, что ихъ «благочестивыя жены становились публичными женщинами», и не имъ однимъ принадлежала инициатива. Сами жены прекрасно знаютъ, какой спросъ существуетъ у «поповъ и дворянъ» на капиталъ красоты, скрывающійся за ихъ платьемъ, и если мужъ отказывается купить красивые наряды и украшенія, жена грозитъ ему, просто отправиться къ «монахамъ и попамъ и позволить имъ полакомиться ею».

«Желаю, чтобы тебя лихорадка взяла! Если ты не купишь мнѣ наряда, я побѣгу къ монахамъ, къ дворянамъ, къ попамъ. Они купятъ мнѣ платье, за которое я, какъ всѣ, заплачу своимъ тѣломъ».

Такъ говоритъ Мурнеръ въ своей Narrenbeschwörung.

Если женская невѣрность и свободное половое общеніе женщинъ и считались тогда въ этихъ классахъ самымъ естественнымъ явленіемъ, то отсюда не слѣдуетъ заключать, что оно было вмѣстѣ съ тѣмъ и самымъ простымъ и безопаснымъ дѣломъ. Лицомъ къ лицу съ изображенными здѣсь кругами и индивидуумами стояло не мало и такихъ мужей, которые съ величайшей страстностью и ревностью охраняли свои самодержавныя права на супружеское ложе. Въ этихъ случаяхъ жена должна была домогаться посторонней любви на собственный рискъ и страхъ. А если она такъ поступала, то это очень часто грозило жизни какъ невѣрной женѣ, такъ и любовнику, ворвавшемуся въ чужую собственность. «Отсутствію предразсудковъ» у однихъ вполнѣ соотвѣтствовала жестокая мстительность другихъ, когда они застигали виновника на мѣстѣ преступленія. Въ нашемъ распоряженіи не мало описаній, разсказовъ и пластическихъ изображеній, знакомящихъ насъ съ такими актами мести. Здѣсь на лицо всѣ виды мести и кары со стороны оскорбленнаго въ своихъ правахъ мужа.

Наиболѣе распространенное наказаніе заключалось, какъ и во всѣ времена, въ томъ, что мужъ избивалъ обоихъ провинившихся. Часто онъ призывалъ сосѣдей, чтобы выставить обоихъ прелюбодѣевъ на публичное посмѣяніе, но такъ поступали только глупцы, забывавшіе, что они тѣмъ выставляютъ на показъ свой собственный позоръ и сами же ставятъ себя въ неловкое положеніе. Такого позора мужъ избѣгаетъ только тогда, когда убиваетъ обоихъ. Циники мстятъ такъ, что сначала подвергнутъ любовника на глазахъ невѣрной жены гнусному наказанію, а потомъ уже убиваютъ его. Такіе акты мести разсказаны намъ многими новеллистами. Другая разновидность цинической мести состояла въ томъ, что мужъ кастрировалъ любовника, а жена должна была присутствовать при этой ужасной процедурѣ, о чемъ у насъ также имѣется не мало сообщеній. Самое дьявольское наказаніе, какое только могъ придумать обманутый мужъ, приписывается одному итальянскому дворянину, который имѣлъ право

считать самого себя чрезвычайно сильнымъ въ любви. Такъ какъ его женѣ и этого было мало и она все таки отдавалась любовникамъ, то онъ замѣтилъ цинично: «онъ дастъ ей возможность хоть разъ въ жизни насытиться» и предалъ ее въ руки двѣнадцати оплаченныхъ носильщиковъ и гребцовъ, пока несчастная не скончалась, что произошло на третій день.

———

Жестокой мести обманутаго мужа соотвѣтствовалъ не менѣе жестокій пріемъ предусмотрительнаго мужа искусственно обезпечить себѣ находившуюся въ опасности вѣрность жены. Мы имѣемъ въ виду механическія средства защиты физической вѣрности жены, которыми пользовались мужья въ эпоху Ренессанса.

Какъ ни высоко ставила вся тогдашняя жизненная философія дѣйствіе моральной проповѣди — прославляя на всѣ лады цѣломудріе — все же болѣе хитрые мужья думали: «чѣмъ безопаснѣе, тѣмъ лучше». И это «лучшее» находили въ томъ, что дьяволу — въ данномъ случаѣ діаволу разврата — ставили ножку, портили ему игру. А этой цѣли лучше всякихъ моральныхъ принциповъ и восторженныхъ похвалъ цѣломудрію достигали, по мнѣнію предусмотрительныхъ мужей, прочныя механическія средства, «запиравшія входъ въ эдемъ земной любви». Разъ жена знала, что она лишена возможности удовлетворить просьбы любовника, то она могла изъ необходимости сдѣлать добродѣтель, отвергнуть съ гордымъ выраженіемъ лица нашептыванія алчнаго ухаживателя и съ болѣе спокойной совѣстью побѣдить собственныя дурныя мысли.

Эта философія привела къ изобрѣтенію желѣзнаго охранителя цѣломудрія, извѣстнаго подъ названіемъ «пояса цѣломудрія» или «пояса Венеры». Онъ былъ устроенъ такъ, что носившая его на себѣ женщина могла исполнять свои естественныя потребности, но не половой актъ, и запирался очень сложнымъ замкомъ, ключъ отъ котораго находился въ рукахъ мужа, жениха или любовника.

«Поясъ цѣломудрія» былъ, безспорно, не единственнымъ техническимъ средствомъ, которымъ пользовались противъ невѣрности женщинъ. Въ народныхъ низахъ по всѣмъ вѣроятіямъ были въ ходу пріемы, аналогичные тѣмъ, которыми еще теперь пользуются на балканскомъ полуостровѣ, нѣкоторые изъ которыхъ описаны Фр. Штраусомъ, лучшимъ знатокомъ нравовъ этихъ странъ, въ его Antropophytheia. Эти пріемы заключаются въ томъ, что въ женскій половой органъ вводятся предметы, которыхъ не легко изъять, или вспрыскиваются разныя кислоты, вызывающія длительные воспалительные процессы и доставляющія женщинѣ при малѣйшемъ прикосновеніи самыя ужасныя боли. Объ употребленіи такихъ средствъ въ эпоху Ренессанса у насъ болѣе подробныя свѣдѣнія не имѣются и только косвенно, исходя изъ внутренней логики явленій, мы вправѣ заключить, что ревность господскаго права отличалась тогда не меньшей продуктивностью и жестокостью, чѣмъ теперь.

Безусловно достовѣрныя свѣдѣнія имѣются у насъ объ употребленіи «пояса Венеры», а также о распространенности этого средства. Установлено, что имъ пользовались во всѣхъ странахъ и притомъ впродолженіи цѣлыхъ столѣтій. Правда, вплоть до послѣдняго времени существованіе этого техническаго средства обезпеченія женсой вѣрности повдергалось сомнѣнію. Романтики, идеализирующіе прошлое, ни за что не хотѣли допустить возможности подобной жестокости или въ крайнемъ случаѣ относили его употребленіе къ среднимъ вѣкамъ, къ эпохѣ крестовыхъ походовъ. Поступая такъ, можно было оправдать примѣненіе этого средства тѣмъ, что рыцарь пользовался имъ по неволѣ не только для того, чтобы обезпечить себѣ вѣрность жены во время своего отсутствія, а главнымъ образомъ для того, чтобы обезопасить ее отъ возможнаго изнасилованія. Нелогичность такого взгляда, а также мысль, что мы имѣемъ передъ собой изобрѣтеніе именно эпохи Ренессанса, мы уже выясняли и обосновали въ другомъ мѣстѣ, въ нашей Geschichte der erotischen Kunst и ссылаемся поэтому на сказанное тамъ (стр. 161 и 185).

Сомнѣніе въ фактическомъ существованіи пояса цѣломудрія, утвержденіе, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ придуманной болѣе поздними эпохами эротической мистификаціей, находили себѣ пищу въ томъ обстоятельствѣ, что при ближайшемъ изслѣдованіи хранящихся въ разныхъ коллекціяхъ и музеяхъ поясовъ многіе оказались болѣе или менѣе рафинированными поддѣлками. Но рядомъ съ ними имѣется и не меньшее количество настоящихъ, а кромѣ того въ послѣднее время удалось найти не мало литературныхъ свидѣтельствъ въ пользу ихъ существованія. Еще гораздо болѣе важно слѣдующее обстоятельство: новѣйшія раскопки, исторія которыхъ намъ достовѣрно извѣстна, несомнѣннѣйшимъ образомъ доказываетъ истинное существованіе этого средства. Послѣднее относится напр. къ поясу коллекціи Пахингера изъ Линца. Этотъ поясъ былъ найденъ его владѣльцемъ на скелетѣ молодой женщины, относящемся къ XVI в., вырытомъ на одномъ австрійскомъ кладбищѣ случайно въ его присутствіи. Установить имя и соціальное положеніе этой женщины оказалось невозможнымъ. Что женщина эта принадлежала къ высшему классу, видно было изъ того, что скелетъ находился въ оловянномъ гробу.

Безусловно настоящіе пояса находятся далѣе въ мюнхенскомъ Національномъ Музеѣ, въ Венеціи, въ королевскихъ коллекціяхъ въ Мадридѣ, въ музеѣ Toussand въ Лондонѣ, въ музеѣ въ Пуатье. Слѣдуетъ замѣтить, что всѣ эти пояса относятся къ эпохѣ Ренессанса, среди нихъ нѣтъ ни одного экземпляра, который восходилъ бы дальше начала XV в.

Для оцѣнки этого инструмента съ точки зрѣнія исторіи нравовъ, важно знать, какіе классы употребляли его и въ какомъ размѣрѣ они имъ пользовались. На первый вопросъ необходимо отвѣтить, что это были господствующіе и имущіе классы: купеческая крупная буржуазія и круги, связанные съ княжескимъ абсолютизмомъ. Что же касается второго вопроса, а именно, распространенности этого средства, то нужно думать, что оно было значительно въ этихъ классахъ и въ особенности въ кругахъ

абсолютизма и въ группахъ, экономически и соціально съ нимъ связанныхъ, что это далеко не было единичнымъ явленіемъ. Изъ этого, разумѣется, еще не слѣдуетъ, что большинство женщинъ и тѣмъ менѣе всѣ женщины этихъ круговъ были такимъ образомъ «заперты и застрахованы».

Если сфера распространенія пояса цѣломудрія явствуетъ убѣдительнѣйшимъ образомъ изъ драгоцѣнности и артистической ихъ обработки — очень многіе такіе пояса сдѣланы изъ серебра, даже изъ золота и многіе отличаются красивой чеканкой и инкрустаціей, — то распространенность этого средства подтверждается не малымъ количествомъ литературныхъ ссылокъ. Другимъ доказательствомъ служатъ многочисленныя изображенія, сохранившіяся до насъ и иллюстрирующія его употребленіе.

Если большинство изображеній нѣмецкаго происхожденія, то литературныя данныя встрѣчаются во всѣхъ странахъ и разсѣяны повсюду: въ новеллахъ, стихотвореніяхъ, поговоркахъ, пословицахъ, загадкахъ, швенкахъ, масляничныхъ пьесахъ, а также въ хроникахъ и современныхъ сообщеніяхъ.

Благодаря такому сравнительному изобилію литературныхъ данныхъ мы довольно точно освѣдомлены о возникновеніи этого обычая въ разныхъ странахъ и городахъ, о внѣшнемъ видѣ этого инструмента, о его конструкціи, способѣ примѣненія, отношеніи къ нему женщинъ и т. д. По наиболѣе распространенной версіи, первымъ изобрѣтателемъ этого пояса былъ падуанскій тираннъ Франческо II, по другой версіи большинство поясовъ изготовлялось въ Бергамо, поэтому они назывались не только «венеціанскими рѣшетками», но и «бергамскими замками» и было въ ходу выраженіе «запереть свою жену или любовницу на бергамскій ладъ». По всѣмъ вѣроятіямъ изобрѣтеніе было сдѣлано одновременно въ разныхъ мѣстахъ.

Что поясъ цѣломудрія былъ до извѣстной степени оффиціальнымъ средствомъ, видно изъ того, какъ о немъ упоминается. Молодому человѣку, просящему руки дочери, мать съ гордостью заявляетъ, что та уже съ двѣнадцати лѣтъ носитъ днемъ и

ночью «венеціанскую рѣшетку». Другой, которому важно жениться на нетронутой дѣвушкѣ, касается бедеръ невѣсты и когда подъ платьемъ нащупываетъ желѣзный поясъ, объявляетъ себя удовлетвореннымъ. Молодоженъ получаетъ въ тотъ моментъ, когда приводятъ его жену къ его ложу — свадьба обыкновенно справлялась въ домѣ родителей невѣсты — отъ ея матери добросовѣстно годами охраняемый ключъ къ искусно сдѣланному замку и становится отнынѣ его единоличнымъ обладателемъ. На замокъ цѣломудрія обращены прежде всего взоры молодого мужа и торжествуя заявляетъ онъ нѣсколько мгновеній спустя ожидающимъ передъ дверью родителями и друзьями, что «замокъ и ворота оказались невредимыми».

Иногда «изящная рѣшетка Венеры» первый подарокъ, подносимый молодымъ мужемъ своей молодой женѣ на другое утро послѣ свадьбы. Она такъ наивна, что не знаетъ, что дѣлать съ этимъ подаркомъ. Мужъ объясняетъ любопытной, для какой цѣли она должна носить это своеобразное украшеніе и самъ опоясываетъ ее имъ. «Отнынѣ закрыта возможность преступной любви» и жена носитъ эту «лучшую защиту добродѣтели почтенныхъ женщинъ» всегда тогда, когда не покоится рядомъ съ мужемъ. Когда патрицій или феодалъ отправляется въ далекія страны, онъ заказываетъ для своей «похотливой жены друга, который лучше всего сумѣетъ защитить ея вѣрность». Этимъ надежнымъ другомъ является «узда изъ желѣза, которой можно обуздывать похотливыхъ женщинъ», даже тогда, когда мужъ находится на чужбинѣ.

Обо всѣхъ этихъ подробностяхъ современная литература и искусство даютъ болѣе или менѣе детальныя свѣдѣнія. Внѣшній видъ и конструкція «пояса Венеры» явствуютъ изъ одного діалога Меурзіуса между невѣстой и молодой женщиной:

Октавія: «Въ послѣднее время я слышала не одну бесѣду между Юліей и моей матерью о поясѣ цѣломудрія. И однако я не представляю себѣ, что это за поясъ, который дѣлаетъ женщинъ цѣломудренными.

Юлія: Я тебѣ скажу... Золотая рѣшеточка виситъ на четырехъ стальныхъ цѣпочкахъ, обвитыхъ шелковымъ бархатомъ и искусно прикрѣпленныхъ къ поясу изъ того же металла. Двѣ цѣпочки придѣланы спереди, двѣ сзади рѣшетки и поддерживаютъ ее съ двухъ сторонъ. Сзади поверхъ бедеръ поясъ запирается на замокъ, отпирающійся совсѣмъ крошечнымъ ключикомъ. Рѣшетка приблизительно шесть дюймовъ вышины, три дюйма ширины и покрываетъ такимъ образомъ все тѣло между бедрами и нижней частью живота».

Изъ этого описанія видно, что существовали еще и другія конструкціи, кромѣ тѣхъ, которыя намъ извѣстны по дошедшимъ образцамъ.

На распространенность «пояса Венеры» въ Германіи указываетъ слѣдующая надпись, выгравированная на поясѣ, хранящемся въ замкѣ Эрбахъ въ Оденвальдѣ: «Мы хотимъ вамъ нажаловаться, что насъ — женщинъ — изрядно замучили этими замками». Эта надпись служитъ поясненіемъ къ изображенію, также находящемуся на поясѣ: на колѣняхъ мужчины сидитъ женщина, которая не прочь помочь ему достичь обоимъ желанной цѣли. О распространенности «пояса Венеры» во Франціи сообщаетъ Брантомъ:

«Во времена Генриха II торговецъ привезъ на ярмарку въ Сенъ Жерменъ дюжину инструментовъ, служившихъ къ тому, чтобы запирать половыя части женщины. Это были желѣзные пояса, снизу надѣвавшіеся и запиравшіеся на ключъ. Они были сдѣланы такъ искусно, что опоясанная такимъ поясомъ женщина была лишена возможности доставить себѣ любовное наслажденіе, такъ какъ въ немъ находилось только нѣсколько маленькихъ отверстій для мочи».

Нѣчто аналогичное сообщаетъ объ Италіи Морлини:

«Съ той поры и по сю пору знатные люди Милана опоясываютъ своихъ женъ золотыми или серебряными, искусно сдѣланными, поясами, запирающимися у пупка на ключъ и имѣющими только нѣсколько маленькихъ отверстій для естественныхъ потребностей, и затѣмъ предоставляютъ имъ жить свободно и безъ надзора».

Въ новеллахъ Корнацано встрѣчается разсказъ о томъ, какъ купцы, уѣзжающіе на продолжительное время на чужбину, обезпечиваютъ себѣ такимъ образомъ вѣрность своихъ женъ.

«Былъ тамъ и купецъ, мужъ прекрасной женщины. Такъ какъ онъ долженъ былъ ѣхать за море и не былъ увѣренъ въ женѣ, которую многіе любили и желали, онъ рѣшилъ сдѣлать такъ, чтобы она не могла впасть въ грѣхъ, даже если бы сама этого захотѣла. И вотъ онъ приказалъ сдѣлать поясъ ассирійскаго типа, изобрѣтенный Семирамидой. Онъ опоясалъ ее этимъ поясомъ, взялъ ключъ и спокойно рѣшилъ ѣхать на востокъ».

О «поясѣ Венеры», какъ предохранителѣ противъ женской невѣрности, упоминаетъ и Раблэ, указывающій на то, что его слѣдуетъ одѣвать на женщинъ каждый разъ, когда выходишь изъ дома.

«Да возьметъ меня чортъ, если я не запираю свою жену на бергамскій ладъ, каждый разъ, когда покидаю свой сераль».

Вотъ нѣсколько документовъ, свидѣтельствующихъ объ употребленіи пояса цѣломудрія въ разныхъ странахъ и у разныхъ классовъ. Изъ нихъ мы узнаемъ еще нѣчто, нѣчто болѣе важное — а именно о злой ироніи исторіи, обнаружившейся въ данномъ случаѣ. Эпоха, изобрѣтшая поясъ цѣломудрія, сейчасъ же напала и на мысль о воровскомъ ключѣ. Мы узнаемъ, что тотъ же торговецъ, который продавалъ мужьямъ за дорогія деньги поясъ цѣломудрія, въ то же время продавалъ ихъ женамъ за не меньшія деньги второй ключъ: «противоядіе противъ морали». Пословица выразила фатальную мораль исторіи въ слѣдующихъ сжатыхъ словахъ: «На женщину, которая не желаетъ защищаться, ты тщетно надѣнешь поясъ».

Если такая «Гименеемъ на замокъ запертая» дама сама не имѣла второго ключа, то для могущественнаго человѣка, который натыкался у снисходительной къ нему дамы на такое препятствіе, не было особенно трудно найти ловкаго слесаря, способнаго въ нѣсколько часовъ открыть сложный замокъ и соорудить другой ключъ, при помощи котораго любовникъ могъ впредь

по своему усмотрѣнію отпирать мѣшавшія его предпріимчивости врата и снова ихъ запирать, не возбуждая въ мужѣ дамы ни тѣни подозрѣнія. Въ предисловіи, которымъ Клеманъ Маро снабдилъ свои эпиграммы, подобный случай описанъ очень подробно. Соблазнителемъ является въ данномъ случаѣ французскій король Францискъ I, этотъ второй царь Давидъ, а Урієй—вассалъ короля, баронъ д'Орсонвиллье. Новая Батсеба, прекрасная баронесса д'Орсонвиллье, такъ же уступчива по отношенію къ своему соблазнителю, какъ и ея историческій прообразъ, и охотно отдаетъ себя въ руки ловкаго слесаря, который долженъ устранить замокъ, и открыть ея любовнику врата эдема.

Аналогичные случаи часто разсказаны въ формѣ новеллъ, причемъ преступная любовь всегда достигаетъ своей цѣли, ибо Амуръ всегда въ союзѣ съ силой, домогающейся исполненія своихъ желаній. Сюжетъ этотъ часто служилъ мотивомъ и для художниковъ. «Любовь моя на замкѣ, о Амуръ, приди и раскрой ворота!» и Амуръ появляется услужливо съ связкой ключей, чтобы исполнить желаніе дамы. Превосходный политипажъ въ краскахъ «Неравный любовникъ», приписываемый, быть можетъ, не безъ основанія Петру Флетнеру, воспроизводитъ тотъ же мотивъ. Болѣе молодой изъ двухъ мужчинъ гордо заявляетъ: «У меня ключъ къ подобнымъ замкамъ». И красавица-дама охотно покупаетъ этотъ ключъ за деньги, которыя она полными пригоршнями вынимаетъ изъ кармана стараго ревниваго мужа. Эта великолѣпная картина допускаетъ двоякое толкованіе. При помощи денегъ, на которыя не скупится мужъ, жена можетъ подкупить самаго ловкаго золотыхъ дѣлъ мастера, но ближе къ истинѣ, вѣроятно, второе толкованіе: жена отдаетъ любовнику не только свою любовь, но и деньги, которыя мужъ въ изобиліи тратитъ на нее. Въ такомъ случаѣ ключъ, который она покупаетъ, имѣетъ еще другое аллегорическое значеніе.

Большинство женщинъ, какъ упомянуто, однако сами обладали вторымъ ключемъ, который и передавали вмѣстѣ съ любовью избранному мужчинѣ.

Такой случай изображался и иллюстрировался чаще указаннаго. На одной гравюрѣ Альдегревера красавица-дама, опоясанная поясомъ цѣломудрія, протягиваетъ изумленному юношѣ — любовнику ключъ, въ тотъ моментъ, когда онъ ее обнимаетъ. На гербѣ Мелхіора Шеделя опоясанная поясомъ цѣломудрія женщина держитъ въ одной рукѣ ключъ, а въ другой, протянутой съ искушающимъ жестомъ — полный кошелекъ: здѣсь, слѣдовательно, также любовника ожидаетъ за любовь, которой онъ домогается, еще и звонкая награда.

Всѣмъ этимъ однако не исчерпывается иронія, о которой мы выше говорили. Что эпоха, создавшая поясъ Венеры, изобрѣла и второй ключъ, такъ что защита противъ женской невѣрности становилась не болѣе, какъ иллюзорной, является только одной и притомъ далеко не самой крупной фатальностью. Главная иронія заключалась въ томъ, что поясъ цѣломудрія, усыпивъ бдительность ревнивыхъ мужей, сдѣлался главнымъ виновникомъ невѣрности ихъ женъ. Мужъ уже не боялся галантныхъ шутокъ, которыя позволяютъ себѣ съ его красавицей-женой гости или друзья, и потому чаще и дольше отсутствовалъ изъ дома, чѣмъ дѣлалъ бы при другихъ условіяхъ. Такъ создавались сотни ранѣе не существовавшихъ возможностей для измѣны. И вполнѣ въ порядкѣ вещей, что жены въ большинствѣ случаевъ старались использовать всѣ эти сотни возможностей. Или какъ говорила пословица: «Поясъ дѣвственности съ замкомъ только усиливаетъ невѣрность женъ». И таковъ въ самомъ дѣлѣ итогъ всѣхъ сообщеній и описаній, посвященныхъ примѣненію пояса цѣломудрія. Въ небольшомъ сочиненіи Le miroir des dames de nostre temps, говорится:

«Я зналъ нѣсколько женщинъ, славившихся во всемъ городѣ, какъ образцы супружеской вѣрности и цѣломудрія, и однако всегда имѣвшихъ одного или нѣсколько любовниковъ и часто мѣнявшихъ ихъ въ теченіе года. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣли дѣтей отъ этихъ любовниковъ, такъ какъ извѣстно, что не мало женщинъ предпочитаютъ забеременить отъ друга или любовника, даже

отъ незнакомаго человѣка, чѣмъ отъ мужа. Репутація этихъ женщинъ, внѣ всякаго сомнѣнія, въ глазахъ ихъ мужей стояла высоко. Это происходило отъ того, что онѣ носили тѣ самые венеціанскіе замки, которые считаются надежнѣйшей опорой противъ невѣрности женъ».

Такова высшая иронія, постоянно скрывавшаяся въ обычаѣ пояса цѣломудрія. Онъ искусственно создавалъ изъ женщины проститутку. Трудно придумать болѣе странно-смѣшную иронію!

Какой же выводъ долженъ сдѣлать историкъ нравовъ изъ изобрѣтенія и изъ повидимому значительной распространенности пояса цѣломудрія въ средѣ господствующихъ классовъ въ эпоху Ренессанса? Отвѣтъ гласитъ:

Примѣненіе механической защиты цѣломудрія въ видѣ сооруженія искусственной преграды для женской невѣрности, вызваннаго недостаточностью естественныхъ тормазовъ стыдливости, является прямо классическимъ подтвержденіемъ всѣхъ точекъ зрѣнія, приведенныхъ нами пока для характеристики половой физіономіи Ренессанса и служитъ въ частности важнѣйшимъ заключительнымъ аккордомъ для этой главы. Примѣненіе пояса цѣломудрія вполнѣ подтверждаетъ нашъ взглядъ на чисто чувственное представленіе Ренессанса о любви, и служитъ положительно классическимъ доказательствомъ въ пользу господства въ сферѣ галантерейности и любви грубыхъ жестовъ, въ пользу предпочтенія, которое давалось при взаимномъ ухаживаніи возможно болѣе сокращенному методу, и, наконецъ, не менѣе краснорѣчивымъ доказательствомъ въ пользу наиболѣе главнаго факта: чрезвычайной эротической напряженности эпохи Ренессанса.

IV.

Нравственность церкви.

Если мы говоримъ о церкви эпохи Возрожденія, въ виду имѣется всегда только римско-католическая, такъ какъ принципы евангелически-лютеранской или протестантской церкви лишь значительно позднѣе стали факторомъ, ощутительно влiявшимъ на общественную и частную нравственность.

Римско-католическая церковь, о которой одной идетъ здѣсь рѣчь, представляла благодаря своему охватывавшему все христiанство господству, социальную организацiю, влiявшую на публичную и частную жизнь всѣхъ классовъ, равной которой никогда не существовало въ европейской культурѣ и притомъ во всѣхъ тогдашнихъ христiанскихъ государствахъ. Не оспаривавшееся никѣмъ впродолженiи всѣхъ среднихъ вѣковъ это влiянiе длилось послѣ зарожденiя первыхъ реформацiонныхъ попытокъ еще нѣсколько столѣтiй, пока наконецъ сначала небольшие круги и секты, а потомъ и цѣлыя государства начали освобождаться отъ ея огромнаго влiянiя.

Такъ какъ римская церковь представляла столь же грандiозную, какъ и важную социальную организацiю въ организмѣ европейскаго человѣчества, то и ея специфическая половая мораль, вытекавшая изъ особыхъ условiй ея существованiя, сдѣлалась какъ въ теорiи, такъ и на практикѣ такой же важной составной частью общей публичной и частной нравственности. Вотъ почему нравы, господствовавшие въ средѣ этой организацiи, а также ихъ влiянiе на отдѣльные классы и слои населенiя, требуютъ въ нашемъ изслѣдованiи особой главы.

Такъ какъ конфликты, переживаемые людьми, никогда не доходятъ до ихъ сознанiя въ ихъ чистомъ видѣ, а всегда, какъ уже указано въ другомъ мѣстѣ, въ переносномъ смыслѣ, т.-е. въ ихъ идеологическихъ отраженiяхъ,—люди видятъ внѣшнiй покровъ, а не внутреннее содержанiе, не двигающую силу,—то они постоянно смѣшиваютъ слѣдствiе и причину. Это имѣло раньше, несомнѣнно, гораздо больше мѣста, чѣмъ теперь, и этимъ объясняется стереотипное ошибочное объясненiе реформацiоннаго движенiя. Историки — идеологи видѣли въ продолжавшихся столѣтiя реформацiонныхъ войнахъ не болѣе, какъ возмущенiе порабощеннаго и изнасилованнаго духа, другими словами чисто духовное движенiе на религiозной почвѣ. Никому въ голову не приходило усматривать въ нихъ типическую картину классовой борьбы въ грандiозномъ масштабѣ, вызванной не менѣе сильными чисто экономическими интересами и всецѣло покоившейся на этихъ экономическихъ интересахъ.

И однако это именно такъ.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что въ этомъ грѣхѣ повинны главнымъ образомъ болѣе поздние историки. Такъ эта грандiозная революцiя свелась въ представленiи публики къ простой поповской распрѣ, къ богословскимъ диспутамъ о такихъ глубокомысленныхъ вопросахъ, какъ способъ причастiя или отпущенiе грѣховъ папою и т. д. Современники понимали сущность этого событiя лучше, чѣмъ позднѣйшие историки. Не потому, конечно, что они постигли тайну создающихъ исторiю законовъ, а потому, что конфликты между народностями—и въ особенности Германiей—и папствомъ носили такую явную печать вызвавшихъ ихъ экономическихъ причинъ и эти послѣдствiя такъ бросались въ глаза, что надо было быть слѣпымъ, чтобы не видѣть, что реформацiонное движенiе было по существу экономической борьбой, борьбой экономически эксплуатируемыхъ противъ безсовѣстнаго эксплуататора.

Этимъ эксплуататоромъ былъ Римъ, римская церковь, а предметомъ его рафинированнѣйшей эксплуатацiи было все христiан-

ство, въ особенности же Германія. Тогда вездѣ понимали очень ясно, что рѣчь шла о кошелькѣ. И понадобилось цѣлое море профессорскихъ чернилъ, чтобы затемнить смыслъ этой борьбы, похоронить его подъ ворохомъ идеологическихъ компромиссовъ, еще понынѣ въ значительной степени подавляющихъ его.

Если современники, правда, прекрасно понимали, что Римъ интересовался ихъ кошелькомъ въ гораздо большей степени, чѣмъ ихъ безсмертными душами, если ихъ эмансипація отъ Рима преслѣдовала главнымъ образомъ цѣль обезопасить свои карманы, то причинную связь событій они иначе, какъ идеологически, не могли себѣ объяснить. По этой причинѣ борьба противъ папства, поскольку она велась сознательно, носила преимущественно идеологическій характеръ, т.-е. въ ходъ пускалось нравственное негодованіе противъ нравственныхъ недочетовъ въ церковномъ организмѣ. Въ нихъ однихъ видѣли причины распада церкви, въ нихъ не видѣли того, чѣмъ они были на самомъ дѣлѣ, послѣдствій того, что благодаря происшедшей эволюціи церковь потеряла постепенно свое реальное содержаніе. И далѣе: не хотѣли понять того, что послѣдствія могли быть устранены только въ томъ случаѣ, если церковь сама отказалась бы отъ себя.

Въ настоящее время мы считаемъ такой методъ борьбы безусловно ошибочнымъ и для насъ ясно, что въ этомъ недостаточномъ проникновеніи въ суть дѣла коренится причина безрезультатности, сопровождавшей часто самый тяжеловѣсный орудійный огонь по папству. И однако этотъ методъ имѣлъ одно для насъ важное послѣдствіе. Усматривая въ нравственныхъ недочетахъ тѣ въ конечномъ счетѣ рѣшающія причины, противъ которыхъ слѣдуетъ бороться, идеологія собрала и спасла отъ забвенія положительно неисчерпаемый въ этомъ отношеніи матеріалъ для исторіи нравовъ, для реконструкціи прошлаго. Если это справедливо по отношенію ко всѣмъ историческимъ явленіямъ и формаціямъ, какъ показываетъ каждая страница нашей книги, такъ въ особенности къ нравамъ, царившимъ въ римской церкви, ибо здѣсь одинаково усердствовали и друзья и враги. Если протестанты этимъ путемъ думали восторжествовать надъ Римомъ, то многочисленные честные католики воображали, что стоитъ только очистить католическую церковь отъ грязи, въ которой она задыхается, и она снова воскреснетъ, сверкающая въ прежнемъ своемъ самодержавномъ величіи.

Главнымъ оплотомъ римской церкви были монахи и монастыри. При помощи этихъ институтовъ она прежде всего господствовала надъ христіанскимъ міромъ. Если вѣрить просвѣщеннымъ историкамъ, то монахи завоевали это господство молитвой и переписываніемъ Евангелія. Нелѣпѣе этого «просвѣщеннаго» взгляда ничего не можетъ быть. Монахи достигли власти прямо противоположнымъ путемъ.

Монастыри были первыми и долгое время единственными очагами и разсадниками культуры. Здѣсь вперые возникло профессіональное ремесло. Здѣсь мы встрѣчаемъ первыхъ ткачей. Монахи были также первыми пивоварами. Они же первые ввели раціональную обработку земли. Всему этому монахи научили окружающихъ ихъ людей. Они научили ихъ ткать шерсть, одѣваться въ шерстяное платье, выгоднѣе обрабатывать землю, они привили имъ болѣе разнообразныя и, главное, болѣе высокія требованія къ жизни. Разумѣется, то была не простая случайность, что именно монастыри сдѣлались очагами техническаго прогресса. Это было просто послѣдствіемъ того, что въ монастыряхъ впервые пришли къ тому, что является причиною всякаго техничегкаго прогресса: къ концентраціи труда. Такъ какъ монастыри практиковали ее впервые, притомъ въ самомъ интенсивномъ размѣрѣ, то они и пришли раньше другихъ къ товарному производству.

Монастыри сдѣлались такимъ образомъ первыми и были впродолженіе многихъ столѣтій самыми могущественными и богатыми купцами. Въ монастыряхъ всегда можно было получить все и притомъ все лучшее. «Монастырская работа» была высшаго

качества. Разумѣется, не потому, что «благодать Божія покоилась на этомъ трудѣ», не потому, что благочестіе направляло ткацкій челнокъ, а по простой экономической причинѣ. Здѣсь человѣкъ былъ не только безличнымъ средствомъ капиталистическаго накопленія прибыли. Таковъ, далѣе, всегда результатъ труда, построеннаго на коммунистическихъ основахъ: связывая личный интересъ съ поставленной задачей, онъ облагораживаетъ какъ процессъ работы, такъ и ея продуктъ.

Такимъ путемъ монастыри незамѣтно сдѣлались первымъ и главнымъ сосредоточіемъ культурной жизни. Въ интересахъ собственнаго существованія они первые проложили дороги, выкорчевали лѣса и сдѣлали ихъ годными для обработки, высушили болота и построили плотины. Укрѣпленныя стѣны монастырей были первыми крѣпостями, въ которыхъ окрестные жители могли укрыть себя и свое добро, когда жадный до добычи непріятель врывался въ страну. Монастыри и церкви были не только оплотами противъ дьявола, но и первыми, надежными оплотами противъ земныхъ враговъ. Все это придавало больше вѣса ихъ ученію. Не слѣдуетъ забывать, что даже самые воинственные ордена приходили въ страну почти всегда, какъ друзья, какъ люди, олицетворявшіе въ средніе вѣка повсюду идею прогресса, историческую логику вещей, обусловленную эволюціей.

Сказанное о роли монастырей и монаховъ въ области техники и хозяйства примѣнимо и къ сферѣ интеллектуальнаго творчества. Монастыри были въ средніе вѣка единственными очагами науки. Здѣсь жили первые врачи, обладавшіе лучшими средствами противъ болѣзней людей и животныхъ, чѣмъ знахарки. Здѣсь учились читать, писать, считать, только здѣсь систематически культивировали и развивали скусство письма. Въ монастыряхъ возникла прежде всего и женская эмансипація, столѣтіями раньше, чѣмъ въ средѣ имущаго бюргерства, ибо они эмансипировали женщину задолго до того времени, когда возникло бюргерство. Достаточно вспомнить многочисленныхъ ученыхъ игуменій, аббатисъ—писательницъ, напр.,—чтобы привести хоть одно имя—Росвиту, монахиню гандерсгеймскаго монастыря. Эта эмансипація была, разумѣется, возможна только потому, что здѣсь впервые были на лицо благопріятствовавшія ей экономическія условія. По той же причинѣ въ монастыряхъ расцвѣли и разныя искусства, высшія проявленія культуры. Очень и очень долго монастыри были главными меценатами искусства и по ихъ заказу возникло не только большинство художественныхъ произведеній, созданныхъ средними вѣками, но и самыя грандіозныя и великолѣпныя творенія этой эпохи.

Совокупность этихъ факторовъ объясняетъ намъ продолжавшееся столѣтія господство монаховъ и церквей. Вотъ истинныя причины ихъ власти, а не молитвы и пѣснопѣніе.

Къ этому базису слѣдуетъ свести и главную основу монашеской жизни, институтъ безбрачія, если мы хотимъ понять это явленіе въ его сущности, въ его исторической обусловленности и, слѣдовательно, уяснить себѣ его конечныя послѣдствія. «Просвѣщенные» идеологи объясняютъ этотъ институтъ не менѣе ошибочно и превратно, какъ и фактъ господства надъ людьми монастырей и монаховъ. Просвѣтительная литература видитъ въ немъ не болѣе, какъ «заблужденіе» человѣческаго ума. Нельзя, конечно, отрицать, что трудно придумать болѣе простое объясненіе массоваго историческаго явленія. Однако, къ счастью «глупость» и «заблужденіе» въ данномъ случаѣ больше на сторонѣ историковъ, чѣмъ на сторонѣ массъ.

Безбрачіе монаховъ и монахинь является отнюдь не заблужденіемъ человѣческаго ума, а «неизбѣжнымъ послѣдствіемъ опредѣленныхъ данныхъ общественныхъ условій». Безбрачіе обитателей монастырей доказываетъ «не то, что ихъ основатели были идіотами, а только то, что экономическія условія порой бываютъ сильнѣе законовъ природы». Что же это были за принудительныя экономическія условія? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо вспомнить исторію возникновенія монастырей. Правда, послѣдніе имѣли разные корни и разныя отправныя точки, однако въ большинствѣ случаевъ они были первоначально ни

чѣмъ инымъ какъ союзами бѣдняковъ, объединившихся для болѣе удобной борьбы за существованіе. То было античный «ойкосъ» на болѣе расширенной основѣ.

Вотъ почему большинство монастырей существовало ручнымъ трудомъ и наиболѣе выдающіеся основатели монастырей той эпохи—Антоній, Василій, Бенедиктъ Нурсійскій—прямо вмѣняли его въ обязанность всѣмъ членамъ общины.

Въ качествѣ экономическихъ организацій,—а ими въ первую голову и были монастыри—они представляли собой не что иное, какъ попытки «силами самихъ участниковъ разрѣшить соціальный вопросъ, для ограниченнаго круга людей». Если эти чисто хозяйственныя организаціи выступили подъ религіознымъ покровомъ, то это объясняется какъ временемъ, такъ и тѣмъ, что первобытное христіанство выстраивалось въ своей оппозиціи къ античному міру на коммунизмѣ. И хотя его осуществленіе терпѣло крушеніе подъ вліяніемъ тогдашнихъ условій жизни, послѣдніе тѣмъ не менѣе «создавали все новыхъ пролетаріевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и все новую потребность въ коммунистическихъ организаціяхъ». А таковыми и являлись монастыри.

Самая форма ихъ организаціи предполагала общее пользованіе какъ средствами производства, такъ и продуктами потребленія, ибо общее хозяйство противорѣчитъ частной индивидуальной собственности, главнымъ образомъ частному пользованію средствами производства. Тамъ, гдѣ дѣлаются попытки сохранить послѣднее, вся организація очень быстро распадается, какъ видно изъ исторіи всѣхъ коммунистическихъ общинъ. Такъ какъ общее хозяйство было продиктовано соціальной нуждой, тяготѣвшей надъ всѣми, нуждой, отъ которой хотѣли спастись, то естественно, что старались всѣми силами сохранить общее производство. Все было подчинено этому интересу, а также понятія о собственности. Люди отказывались отъ частной собственности и жили на коммунистическихъ основахъ. Тому же закону должна была естественно подчиниться и регламентація половыхъ отношеній. И здѣсь рѣшающее значеніе должны были имѣть интересы сохранности и цѣлостности хозяйственной общины.

Съ другой стороны монастыри возникли въ эпоху, когда право собственности и наслѣдованія уже находились въ развитомъ состояніи. Отсюда слѣдуетъ, что сохраненіе или введеніе брака въ монастыряхъ не мирилось съ необходимымъ для ихъ существованія коммунизмомъ, ибо кровная связь всегда сильнѣе всякихъ искусственныхъ формацій, а такими искусственными формаціями, несомнѣнно, были монастырскія общежитія. Чтобы избѣжать этой опасности, — а по существу дѣла ее необходимо было избѣжать,— монастырямъ не оставалось ничего другого, какъ отреченіе отъ брака. Кромѣ членовъ домашней общины монахи и монахини не должны были имѣть другой семьи.

Только этимъ путемъ, въ силу принудительной экономической необходимости при данныхъ экономическихъ условіяхъ, а отнюдь не въ силу идіотическаго заблужденія человѣческаго разума и возникло монашеское безбрачіе. Надо прибавить къ этому, что первоначально это отреченіе отъ брака не имѣло ничего общаго съ цѣломудріемъ, не предполагало отреченія отъ половой жизни вообще. Рѣчь шла только объ исправленіи обычной общественной формы полового общенія, т. е. брака, въ интересахъ сохраненія и существованія общины. Тысячи среди первыхъ монаховъ открыто и безпрепятственно удовлетворяли свою половую потребность. Если же рука объ руку возникло и горячо пропагандировалось требованіе воздержанія, то это тоже имѣетъ свою экономическую причину, обусловлено печальнымъ соціальнымъ состояніемъ эпохи, толкавшимъ то и дѣло людей въ объятія строжайшаго аскетизма.

Если истинная основа монашества объясняется такимъ образомъ, а господство и вліяніе всей церковной іерархіи аналогичнымъ путемъ, то не трудно понять, почему и когда этотъ институтъ долженъ былъ перекинуться въ свою противоположность, превратиться изъ фактора прогресса въ его тормазъ, стать тѣломъ, съ отвратительными, зловонными язвами, до мозга костей впродолженіи столѣтій отравлявщими христіанскій міръ.

Представляя на самомъ дѣлѣ значительныя хозяйственныя вы-

годы сравнительно съ частнымъ хозяйствомъ, коммунистическая форма организаціи жизни неизбѣжно должна была подъ конецъ перерости свою первоначальную цѣль. Экономическое превосходство надъ всѣми другими современными хозяйственными предпріятіями должно было создать рано или поздно могущество и богатство всѣхъ монастырей. «А могущество и богатство обозначаютъ ни что иное, какъ право на чужой трудъ. Монахи и монахини зависѣли теперь уже не отъ собственнаго труда, они могли теперь существовать трудомъ другихъ и они, конечно, пользовались этой возможностью. Изъ союзовъ производства монастыри превратились въ союзы эксплуатаціи».

Вмѣстѣ съ тѣмъ должны были обнаружиться всѣ тѣ послѣдствія, которыя обыкновенно сопровождаютъ въ исторіи подобные перевороты. Первоначально эти послѣдствія носятъ, несомнѣнно, положительный характеръ. Эмансипація отъ ремесла позволяетъ зародиться искусству и наукѣ и монастыри сдѣлались такимъ образомъ наиболѣе важными исходными пунктами умственной культуры. Однако, чѣмъ болѣе богатство, основанное на нетрудовомъ доходѣ, становится единственнымъ источникомъ существованія, тѣмъ болѣе развиваются и другія послѣдствія освобожденія отъ труда, а именно менѣе благородныя формы пользованія жизнью: чувственность, лѣнь, обжорство, пьянство, сладострастіе.

Параллельно съ этимъ развитіемъ и не менѣе логично монастыри забывали и о своихъ другихъ, столь важныхъ для общества, соціальныхъ добродѣтеляхъ. Въ періодъ натуральнаго хозяйства монастыри отдавали излишекъ своихъ продуктовъ бѣднымъ, паломникамъ, всѣмъ нуждавшимся въ помощи, лишеннымъ средствъ существованія, наполнявшимъ проѣзжія дороги. Благодаря этой филантропіи монастыри стали въ средніе вѣка обществами взаимопомощи съ огромнымъ соціальнымъ значеніемъ. Этотъ фактъ нисколько не ослабляется тѣмъ, что эта филантропія имѣла свою чисто экономическую основу, что монастыри просто не знали, какъ иначе употребить свой излишекъ. Но именно поэтому «благочестивое настроеніе» обитателей монастыря немедленно же измѣнилось, когда въ исторію вновь вошло денежное хозяйство и начала развиваться торговля. Теперь излишекъ продуктовъ уже можно было продавать и обмѣнять на деньги. Деньги можно было накоплять, чего нельзя было дѣлать съ лишними фруктами, мясомъ и рыбой.

Такъ постепенно изъ милосерднаго выросталъ скряга.

И чѣмъ явственнѣе становилось могущество, доставляемое наиболѣе выгодно приложимой формой богатства, деньгами и драгоцѣнностями, тѣмъ болѣе возростала алчность, тѣмъ болѣе монастыри стремились занять исключительное положеніе. Ранѣе въ большинствѣ случаевъ союзы пролетарскіе, они теперь всячески отпугивали бѣдняковъ, просившихъ о пріемѣ. Тѣмъ охотнѣе стремились они привлекать въ свой орденъ людей, приносившихъ съ собою состояніе или способныхъ доставить ему другія цѣнныя матеріальныя выгоды. Тѣмъ усерднѣе хлопотали они теперь о томъ, чтобы получить подаянія, завѣщанія, привиллегіи, хотя въ огромномъ большинствѣ случаевъ знать поступала такъ не изъ благочестія, а изъ чисто эгоистическихъ интересовъ. Феодалы видѣли теперь въ прежнихъ убѣжищахъ для бѣдняковъ удобныя мѣста, гдѣ можно было устроить оставшихся въ дѣвицахъ дочерей и младшихъ сыновей. Такое устройство своего потомства освобождало знать отъ необходимости раздѣла помѣстья. У Мурнера встрѣчаются слѣдующіе стихи:

«Замѣтьте: если благородный не можетъ выдать дочери замужъ и не можетъ ей дать приданаго, то онъ отправляетъ ее въ монастырь, не съ тѣмъ, чтобы она посвятила себя Богу, а чтобы она жила безбѣдно, какъ привыкла знать».

Разумѣется, церковь получала главныя выгоды отъ подобныхъ сдѣлокъ.

Такимъ путемъ монастыри и вся церковь шагъ за шагомъ теряли свое прежнее соціальное содержаніе, то, на чемъ зиждилось все ихъ право на историческое существованіе и что укрѣпило ихъ вліяніе лучше всякихъ молебствій и заупокойныхъ мессъ. Изъ общеполезнаго института взаимопомощи церковь пре-

вратилась въ огромный, охватывавшій весь міръ, институтъ эксплуатаціи, наиболѣе грандіозный изъ всѣхъ когда либо существовавшихъ. И такъ какъ онъ выступалъ подъ религіознымъ покровомъ, такъ какъ религія въ концѣ концовъ стала средствомъ болѣе успѣшной эксплуатаціи, то болѣе чудовищнаго учрежденія міру никогда не приходилось видѣть. Этимъ отрицательнымъ сторонамъ католическая церковь не могла противопоставить ни одной изъ тѣхъ положительныхъ цѣнностей, въ которыхъ нуждалось европейское человѣчество, вступившее въ новую эпоху развитія.

———

Если извѣстное историческое учрежденіе уже потеряло право на существованіе, то оно все же, какъ выяснено въ первой главѣ, можетъ еще существовать благодаря разнымъ причинамъ, притомъ нерѣдко еще впродолженіи цѣлыхъ столѣтій, до тѣхъ поръ, пока оно не грозитъ дальнѣйшему существованію всего общества, но въ такихъ случаяхъ это учрежденіе превращается изъ рычага прогресса въ его тормазъ, изъ кормильца въ отвратительнаго паразита. И съ той же быстротой, съ которой данное учрежденіе превращается въ болѣзненный наростъ на тѣлѣ, въ немъ развиваются всѣ качества, свойственныя паразиту. Чѣмъ разительнѣе контрастъ между дѣйствительностью и первоначальной цѣлью, тѣмъ ярче бросается въ глаза этотъ процессъ. А контрастъ между первоначальной задачей церкви и тѣмъ, что она представляла въ XIV, XV и XVI ст., былъ изъ ряда вонъ выходящій. И потому признаки распада внутри этого учрежденія достигли такихъ размѣровъ, какъ никогда больше въ новѣйшей культурной исторіи Европы.

Иллюстрировать нравы католической церкви, наложившіе въ значительной степени свой отпечатокъ на публичную и частную нравственность эпохи Ренессанса, современными документами и характерными фактами очень нетрудно по ранѣе указанной причинѣ, гораздо труднѣе соблюсти въ этомъ отношеніи мѣру, труднѣе, быть можетъ, чѣмъ въ какой угодно другой области.

Нѣтъ болѣе убѣдительнаго доказательства въ пользу того, что

извѣстное явленіе развилось до уровня общаго состоянія, какъ его формулировка въ видѣ поговорокъ и пословицъ, ибо только массовыя явленія отражаются такимъ образомъ. Пословица — та монета, въ которой народъ ярче всего отчеканиваетъ свои затаенныя чувства, свои воззрѣнія на вещи, свой опытъ. Пословица—это публичное обвиненіе народа — истца или публичный приговоръ народа — судьи. При этомъ какъ обвиненіе, такъ и приговоръ всегда основательны. Количество пословицъ, въ которыхъ отражается извѣстное явленіе, учрежденіе или историческое событіе, поэтому уже само по себѣ важный критерій значенія, которое имѣло данное явленіе или учрежденіе для общихъ жизненныхъ интересовъ народовъ и націй. Что же касается церкви эпохи Возрожденія и господствовавшихъ въ ней нравовъ, то надо замѣтить, что въ исторіи нравовъ всѣхъ народовъ ни одно явленіе не вдохновляло въ такой степени творческій духъ народа, ибо имя этимъ пословицамъ — легіонъ. Даже объ отдѣльныхъ злоупотребленіяхъ и недочетахъ существуютъ многія сотни поговорокъ. Можно было бы изложить всю исторію распада церкви, какъ соціальной организаціи, въ видѣ пословицъ и поговорокъ. Въ этой главѣ мы поэтому еще чаще, чѣмъ прежде, будемъ пользоваться этими продуктами народной мудрости для характеристики исторической дѣйствительности.

Что процессъ превращенія церкви въ единственное въ своемъ родѣ торговое предпріятіе, въ единственное въ своемъ родѣ орудіе эксплуатаціи, въ чемъ мы видѣли главную суть происшедшаго переворота, ярко отразился со всѣми его отдѣльными проявленіями въ поговоркахъ — это само собой понятно. «Въ Римѣ все продажно: boves et oves (быки и овцы, т. е. высшее и низшее духовенство)». «Въ Римѣ одно только считается грѣхомъ: отсутствіе денегъ». «Въ Римѣ можно дѣлать все, что угодно, только благочестіе не много приноситъ пользы». Послѣдствіемъ всего этого является то, что «Три вещи привозишь обыкновенно изъ Рима: нечистую совѣсть, испорченный желудокъ и пустой кошелекъ».

Не клевета ли все это на католическую церковь? Въ подтвержденіе того, что оформленный въ видѣ пословицъ приговоръ народа — судьи былъ въ самомъ дѣлѣ справедливымъ, приведемъ одинъ только фактъ: отпущеніе грѣховъ. А индульгенція лучше всего характеризуется пресловутыми прейсъ-курантами, издававшимися папами уже съ XII ст.: въ нихъ детально обозначалось, за сколько гульденовъ можно откупиться отъ совершеннаго злодѣянія или купить право на совершеніе задуманнаго преступленія такъ, чтобы не отвѣчать ни передъ небеснымъ ни передъ земнымъ правосудіемъ: крупные мошенники интересовались, разумѣется, только послѣднимъ.

Вотъ нѣсколько цифръ изъ этихъ прейсъ-курантовъ, облегчавшихъ имущимъ неровный путь къ небесамъ. Индульгенція за клятвопреступленіе стоила 6 grossi, на наши деньги приблизительно 50 руб., поддѣлки документа—7 grossi, за продажу должностей—8 grossi, за воровство и грабежъ, въ зависимости отъ добычи, — чтобы имѣть право оставить часть награбленнаго себѣ, надо было другую часть непремѣнно уступить церкви, — убійство таксировалось также различно. За убійство отца, матери, брата, сестры, жены или кровнаго родственника платили (если убитый мужчина не принадлежалъ къ церкви) 5 grossi, во второмъ случаѣ — 7grossi, кромѣ того убійца долженъ былъ лично явиться въ Римъ. Противоестественная связь съ матерью, сестрой, сыномъ стоила 5 grossi; абортъ столько же, изнасилованіе— 6 grossi (такъ какъ оно было сопряжено съ бо́льшимъ наслажденіемъ).

Беря деньги у всѣхъ и каждаго, кто только ихъ имѣлъ, церковь обирала и своихъ собственныхъ слугъ, гдѣ и какъ только могла, не говоря уже о томъ, что они были обязаны дѣлить съ своимъ начальствомъ всякій грабежъ, совершенный изъ кармана народа. На первомъ планѣ стояла здѣсь «молочная десятина», какъ называли взимавшуюся церковью подать за схожденіе съ женщиной (существовали впрочемъ и другія названія). Клирикъ долженъ былъ платить 7 grossi, а если онъ платилъ такую сумму ежегодно, то онъ получалъ право имѣть постоянную наложницу. Священникъ, нарушившій тайну исповѣди, платилъ 7 grossi, занимавшійся тайнымъ ростовщичествомъ — столько же, кто хоронилъ тѣло ростовщика по церковному обычаю, платилъ даже 8 grossi; кто сходился съ женщиной въ церкви, только 6 grossi: подобные случаи бывали часто и нельзя было слишкомъ запугивать публику. Нѣтъ никакой возможности привести всѣ цифры этого прейсъ-куранта, болѣе интереснаго, чѣмъ прейсъ-куранты всѣхъ торговыхъ фирмъ міра, пришлось бы исписать цѣлыя страницы, такъ какъ церковь ничего не забывала и изъ чувства справедливости дѣлала самыя тонкія разграниченія. Напр. изнасиловать женщину или дѣвушку, возвращавшуюся изъ церкви, стоило дороже, чѣмъ изнасиловать ее на пути въ церковь, потому что, возвращаясь изъ церкви, она была безгрѣшна и дьяволъ уже не имѣлъ на нее права.

Лицомъ къ лицу съ такими порядками немудрено, если народъ облекъ свой общій взглядъ на Римъ въ слѣдующія сжатыя слова: «Въ Римѣ даже Святому Духу обрѣзали крылья», «Если существуетъ адъ, то Римъ построенъ на немъ» или «Когда выбираютъ папу, то ни одного чорта не застанешь у себя дома».

Эти общія сужденія опирались, разумѣется, не только на ненасытную жажду денегъ, отличавшую римскую церковь, а, само собой понятно, и на обусловленные ею пороки, на пороки, которымъ богатство расчищало почву, доставляя клиру средства для ихъ развитія. Такими общераспространенными пороками были: лѣнь, глупость, грубость, хитрость, жажда наслажденій, развратъ.

Народное остроуміе посвятило лѣни монаховъ слѣдующія поговорки:

«Монахъ боится труда, какъ чортъ — ладана». «Копать землю я не могу, работать не хочу, потому я долженъ просить милостыню, говоритъ монахъ». «Надо пользоваться жизнью! — сказалъ монахъ, звоня къ завтраку». «Подъ скипетромъ церкви — рай для лѣни». «Лѣнь — начало монастырской жизни».

Грубость, глупость и хитрость клириковъ бичуютъ слѣдующія поговорки:

«Иванъ плохо видитъ, плохо слышитъ, плохо говоритъ, сдѣлаемъ его попомъ». «Монахъ и дьяволъ воняютъ». «Онъ связывается съ женщинами, какъ кармелитъ, обжирается, какъ бернардинецъ, пьянствуетъ, какъ францисканецъ, воняетъ, какъ капуцинъ, и хитеръ, какъ іезуитъ». «Ряса монаха — покрышка для мошенника». «Собаки лаютъ, волки воютъ, а монахи лгутъ». «Берегись монаха, который плачетъ».

О веселой жизни монаховъ и клира народъ сложилъ слѣдующія пословицы:

«Bibit papaliter (пьетъ, какъ папа)». «Beichtvater — Bauchvater (исповѣдники — обжоры)». «Монахини постятся такъ, что животы у нихъ вздуваются». «Я распинаю свою плоть, сказалъ монахъ и положилъ крестъ на крестъ на хлѣбъ ветчину и дичь». «Обѣдъ, достойный прелатовъ» и т. д.

Каждую изъ этихъ добродѣтелей можно было бы обставить такими же характерными свидѣтельствами, какъ и эксплуататорскую тенденцію римской церкви, можно было бы привести цѣлыя горы фактовъ, неопровержимыя цифры и даты. Можно было бы сослаться и на болѣе занимательные и забавные документы, такъ какъ большинство такихъ документовъ, самые знаменитые и классическіе, а также большинство карикатуръ посвящены какъ разъ этимъ темамъ. Еще въ гораздо бóльшей степени это справедливо относительно той черты, которая составляетъ главный предметъ нашего изслѣдованія.

Всѣ до сихъ поръ указанные и описанные пороки, даже вмѣстѣ взятые, ничто въ сравненіи съ чувственными эксцессами, отличавшими римскую церковь, главнымъ образомъ въ эпоху Ренессанса. Эротическая напряженность, характерная для эпохи, нашла въ историческихъ условіяхъ, которыя она встрѣчала въ монастыряхъ, какъ разъ почву, особенно благопріятную для наиболѣе повышенныхъ формъ чувственнаго разгула. Приступая къ этой главѣ, мы на каждомъ шагу испытываемъ то неудобство, о которомъ выше говорилось — нѣтъ ничего болѣе труднаго, какъ соблюсти здѣсь мѣру. И однако, здѣсь мы не можемъ ограничиться

простыми суммарными указаніями. Первой исходной точкой для чувственныхъ эксцессовъ монаховъ и клира послужилъ по существу вполнѣ здоровый и нормальный протестъ противъ безбрачія. Мы уже выяснили историческое происхожденіе целибата. Не менѣе важно для насъ и то, чѣмъ онъ сталъ. Послѣднее достаточно и давно извѣстно: безбрачіе сдѣлалось съ теченіемъ времени въ рукахъ церкви наиболѣе важнымъ средствомъ господства. Таковымъ оно сдѣлалось, конечно, въ силу своего хозяйственнаго значенія. Накопленныя церковью богатства концентрировались такимъ образомъ, не распыляясь благодаря передачѣ въ наслѣдство, не могли растаять и исчезнуть.

Такъ какъ рѣчь шла о религіозной организаціи, съ общимъ и авторитарнымъ главою, то всякое возрастаніе монастырскихъ владѣній означало, естественно, и возрастаніе всей сферы церковной власти. Безбрачіе клира оказалось далѣе единственнымъ средствомъ оторвать его отъ мѣстныхъ и частныхъ интересовъ и сдѣлать изъ него въ рукахъ папъ послушное іерархическое орудіе. Отреченіе отъ целибата было бы для церкви равносильно отреченію отъ возможности господства. Что первоначально было свободнымъ рѣшеніемъ, добровольно принятымъ въ интересахъ данной организаціи, превратилось по мѣрѣ того, какъ монастыри становились все болѣе важнымъ средствомъ господства церкви и особенно по мѣрѣ того, какъ выгоды безбрачія все болѣе обнаруживались въ видѣ накопленія значительныхъ богатствъ, въ категорическій законъ, которому всѣ ордена должны были подчиняться. Въ XI ст. появились брачные законы Григорія VII, запрещавшіе также и священникамъ жениться. Принудительнымъ закономъ становилось постепенно и когда-то добровольное воздержаніе, обѣтъ цѣломудрія былъ провозглашенъ величайшей добродѣтелью.

Однако кровь сильнѣе искусственныхъ сооруженій и обуздать, поработить ее удалось только у части клира. Самые строгіе указы и наказанія оставались поэтому безрезультатными. Стали распространяться самые отвратительные противоестественные по-

роки. Въ концѣ концовъ имъ служили совершенно открыто и также открыто трактовали о нихъ указы, направленные противъ нихъ. На церковномъ соборѣ въ Парижѣ было постановлено, слѣдить за тѣмъ, чтобы «монахи и каноники не предавались содоміи», чтобы «всѣ подозрительныя двери къ спальнямъ и другимъ опаснымъ мѣстамъ тщательно задѣлывались епископами», чтобы «монахини не спали на одной кровати» и т. д. Такъ какъ причина, вызвавшая подобные пороки, продолжала существовать, то всѣ эти мѣры были дѣйствительны только въ отдѣльныхъ случаяхъ. Вотъ почему дѣлали все больше уступокъ, а дѣлать эти послѣднія было тѣмъ легче, что въ целибатѣ рѣчь шла не о принципіальномъ воздержаніи, а лишь, какъ было указано, объ устраненіи той формы половыхъ отношеній, которая могла сократить источники доходовъ и сферу господства папы.

Отрицая за клиромъ право на бракъ, ему разрѣшали имѣть наложницъ. Такая уступка оказалась тѣмъ болѣе благоразумной, что эксплуататорская тактика церкви сумѣла извлечь изъ нея, какъ мы видѣли, огромныя выгоды. Передъ главою церкви открылся новый богатый и неизсякавшій источникъ доходовъ, такъ какъ большинство подобныхъ индульгенцій сбывалось клиру. Великіе казуисты церкви немедленно же изобрѣли и подходящія формулы, примирявшіе противорѣчіе. Когда въ XIV ст. снова вспыхнула борьба изъ-за вопроса о правѣ священниковъ на бракъ и многіе священники настаивали на возвращеніи этого права, то знаменитый и вліятельный французскій церковный учитель Жерсонъ слѣдующимъ образомъ оправдывалъ невоздержаніе монаховъ:

«Нарушаетъ ли священникъ обѣтъ цѣломудрія, удовлетворяя свою половую потребность? Нѣтъ! Обѣтъ цѣломудрія касается только отреченія отъ брака. Священникъ, совершающій даже самые безнравственные поступки, не нарушаетъ стало быть своего обѣта, если совершаетъ эти поступки, какъ неженатый».

Жерсонъ только слегка ограничивалъ эту свободу священниковъ:

«Notate quod sit in secreto, et extra festa et loca sancta cum personis sine vinculo. Старайтесь дѣлать это тайкомъ, не въ праздничные дни и не въ священныхъ мѣстахъ и съ незамужними женщинами».

Аргументы Жерсона стали такъ сказать догматическими взглядами. Чего же еще? Такъ какъ приходилось спасать кошелекъ, которому угрожала опасность, то какъ было не рискнуть высокой ставкой. Въ концѣ концовъ изобрѣли еще причину, какъ будто бы оправдывавшую право на наложницу въ интересахъ самихъ же вѣрующихъ. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же Жерсонъ говоритъ:

«Для прихожанъ является, конечно, большимъ соблазномъ, если священникъ имѣетъ наложницу, но было бы для нихъ еще большимъ соблазномъ, если бы онъ оскорбилъ цѣломудріе одной изъ своихъ прихожанокъ».

Во всякомъ случаѣ такимъ образомъ былъ найденъ путь, удовлетворявшій обѣ стороны, и вопросъ о целибатѣ былъ рѣшенъ въ духѣ и—что важнѣе—въ интересахъ церкви. Священникъ получалъ возможность имѣть содержанку, епископская, равно какъ и папская касса открыли источникъ постоянныхъ доходовъ, а опасность, которой священническій бракъ грозилъ папству, была устранена. Теперь напротивъ преступниками уже становились тѣ священники, которые имѣли дерзость лишить своей цѣломудренной жизнью епископа столь горячо имъ ожидаемой «подати на наложницу» («Hurenzins»). Сикстъ IV (1471—1484) сумѣлъ однако выйти изъ этого положенія тѣмъ, что упростилъ процедуру, требуя означенной подати отъ всѣхъ священниковъ безъ исключенія, хотя бы у нихъ и не было наложницы. Этотъ пріемъ былъ не только выгоденъ, ни имѣлъ и то преимущество, что ни одинъ виновный не могъ ускользнуть.

Фанатики обыкновенно довольствовались требованіемъ: «Si non caste, tamen caute»—«если святая жизнь не по силамъ, то дѣлайте по крайней мѣрѣ свое дѣло тайкомъ». Правда, требованіе это было старинное и съ этой точки зрѣнія поднимались ранѣе всего и протесты. На соборѣ въ Павіи въ 1020 г. папа Бе-

недиктъ VIII обвинялъ духовенство главнымъ образомъ въ томъ, что они грѣшили не caute, а publice et compatice—публично и демонстративно. Епископъ Даміани писалъ также въ XI ст.: «Если бы священники предавались разврату тайкомъ, то его можно было бы терпѣть, но публичныя содержанки, ихъ беременные животы, кричащія дѣти — вотъ что не можетъ не оскорблять церкви». Порой, правда, папы чувствовали угрызенія совѣсти за свою снисходительность и, объятые священнымъ негодованіемъ, они тогда повышали эпитеміи, повышали подати, которыя должны были платить священники, жившіе въ незаконномъ бракѣ, и притомъ повышали значительно. Такой священный гнѣвъ имѣлъ свои двѣ хорошія стороны: онъ тяжелѣе каралъ грѣшниковъ и обогащалъ церковную кассу.

Распространенность среди духовенства конкубината имѣла огромные размѣры. Такъ какъ этотъ фактъ общеизвѣстенъ, то достаточно двухъ цитатъ. Тайнеръ сообщаетъ:

«Во время происходившей въ 1563 г. ревизіи монастырей пяти нижнеавстрійскихъ наслѣдственныхъ провинцій почти во всѣхъ были найдены наложницы, жены и дѣти. Такъ девять монаховъ бенедиктинскаго монастыря Шоттенъ имѣли при себѣ семерыхъ наложницъ, двухъ женъ и восемь человѣкъ произведенныхъ ими на свѣтъ дѣтей; восемнадцать бенедиктинцевъ въ Гарстенѣ имѣли двѣнадцать наложницъ, двѣнадцать женъ и двѣнадцать человѣкъ дѣтей; сорокъ монахинь въ Агларѣ—19 дѣтей и т. д.»

О Баваріи той же эпохи сообщаютъ: «Во время послѣдней ревизіи въ Баваріи конкубинатъ оказался такимъ распространеннымъ, что среди духовенства едва нашлось три или четыре человѣкъ, не имѣвшихъ наложницъ, или не жившихъ въ тайномъ бракѣ».

Такъ какъ источники доходовъ церкви коренились въ эксплуатаціи чужого труда, то конкубинатъ не служилъ только удовлетворенію естественной потребности,—что могло бы представить болѣе высокую форму половыхъ отношеній, чѣмъ большинство чисто условныхъ браковъ,—а долженъ былъ выродиться повсемѣстно въ систематизированный развратъ. Это должно было случиться притомъ очень рано, ибо такова была естественная логика. Уже въ началѣ XII в. аббатъ Рупертъ изъ Дейца недалеко отъ Кельна сообщаетъ:

«Тѣ изъ священниковъ, которые воздерживаются отъ брака, такъ какъ онъ противорѣчитъ законамъ церкви, тѣмъ не менѣе отнюдь не ведутъ воздержаннаго образа жизни, напротивъ они ведутъ себя тѣмъ хуже, что никакая супружеская связь не обуздываетъ ихъ и они тѣмъ легче могутъ переходить отъ одного предмета наслажденія къ другому».

Такова схема, сохранившаяся впродолженіи столѣтій. Въ знаменитой нюрнбергской поэмѣ Triumphus Veritatis, появившейся приблизительно въ 1520 г., говорится:

«Если одному недостаточно одной, онъ возьметъ себѣ двухъ, или трехъ, смотря по желанію. Какая ему не понравится, ту онъ броситъ, возьметъ себѣ другую, сколькихъ ему угодно».

Нравственная разнузданность была, слѣдовательно, правиломъ, обусловленнымъ исторической ситуаціей. Разнузданность же не знаетъ ни границъ, ни удержу. Ея стихіей является—разнообразіе. Такъ сама собой она доходитъ всегда до оргіи. Тысячи монастырей становились «очагами безстыдства и всяческихъ пороковъ». Нигдѣ культъ Пріапа и Венеры не былъ до такой степени распространенъ. «Монахиня» и «проститутка» были часто синонимами. Одна пословица гласила: «Она монахиня или дѣвка», другая: «Внизу дѣвка, сверху святая», третья: «Когда попъ ржетъ, монахиня открываетъ ворота». По мнѣнію народа, столь своеобразно логическаго, на свѣтѣ вообще не существовало цѣломудренныхъ монахинь. «Были только три цѣломудренныя монашки: одна убѣжала, другая утонула, третью все еще ищутъ». Монахи, по общему убѣжденію, занимаются только скверной и занимаются ею при каждомъ случаѣ. Пословица говорила: «Монахъ долженъ держать кубокъ обѣими руками, а то онъ будетъ подъ столомъ искать фартука».

Масса монастырей были самыми бойкими домами терпимости.

По этому поводу сложилось не мало поговорокъ: «Августинка по ночамъ всегда хочетъ имѣть на подушкѣ двѣ головы», «Во многихъ монастыряхъ подъ постелью найдешь всегда пару разныхъ туфель», «Сорная трава растетъ во всѣхъ садахъ—сказалъ пріоръ, когда братъ—монахъ увидѣлъ утромъ у него подъ кроватью женскія башмаки». Тайный секретарь Буркхартъ сообщаетъ о Римѣ: Quamvis monasteria urbis quasi omnia jam facta sint Lupanaria «почти всѣ монастыри города стали вертепами». И то, что вѣрно относительно Рима, приложимо и ко всему христіанскому міру.

Въ Германіи, Испаніи, Франціи и, разумѣется, въ Италіи было не мало монастырей, въ которыхъ ни одна келья не оставалась безъ ночного посѣтителя, мужчины или женщины. Во многихъ мѣстностяхъ монастыри были излюбленными гостиницами окрестнаго дворянства. Нигдѣ бравый рыцарь не могъ расчитывать на болѣе гостепріимный пріемъ, нигдѣ Венера не доставляла ему столько развлеченія. Здѣсь гости веселились и безобразничали больше, чѣмъ въ женскомъ притонѣ, да къ тому же заѣзжему гостю не приходилось ничего платить. Отъ него требовали только силы и въ изрядной дозѣ, какъ сообщаютъ многочисленныя новеллы и швенки. Такъ какъ монастыри были часто самыми интересными домами веселья, то порой дворяне наѣзжали цѣлыми ордами и оставались тамъ нѣсколько дней, чтобы насладиться танцами, игрой, музыкой и всѣми дарами Венеры. Какъ намъ извѣстно изъ многихъ сообщеній, монахини во время такихъ визитовъ соперничали съ опытнѣйшими жрицами любви. Въ девяноста изъ ста случаевъ веселье завершалось общей оргіей, падали всѣ преграды и желаніямъ не было удержу и помѣхи.

Идеализаторы прошлаго, спекулирующіе на невѣжествѣ публики, объявили такія сообщенія клеветой. Всякое отрицаніе, затушевываніе и замазываніе совершенно безполезны, ибо тотъ, кто хоть немного пороется въ историческихъ документахъ, хроникахъ и сообщеніяхъ, найдетъ на каждомъ шагу все новыя подтвержденія. Прочтите для примѣра хотя бы слѣдующее письмо графа Эбергарта Виртембергскаго, упрекающаго сына за тѣ безчинства, которыя онъ позволилъ себѣ въ сообществѣ съ своими дружинниками въ женскомъ монастырѣ въ Кирхгеймѣ:

«Недавно ты пріѣхалъ въ Кирхгеймъ и устроилъ пляску въ монастырѣ, въ два часа ночи, позволилъ и своимъ молодцамъ ночью войти въ монастырь, а когда тебѣ и этихъ гнусностей было мало, ты пригласилъ еще и своего брата и вы такъ плясали и такъ кричали, что даже, если бы это происходило въ домѣ терпимости, то и тогда было бы слишкомъ».

Такіе же нравы царили и въ женскомъ монастырѣ въ Сефлингенѣ около Ульма. Здѣсь устраивались такія безчинства, что населеніе, наконецъ, возстало и церковнымъ властямъ пришлось волей-неволей вмѣшаться. Во время ревизіи, предпринятой епископомъ Гаймбусомъ Кастельскимъ, въ кельяхъ монахинь нашли не мало писемъ весьма непристойнаго содержанія, вторыхъ ключей, изысканныхъ свѣтскихъ костюмовъ, причемъ большинство монахинь были въ «такомъ» положеніи.

Въ циммернской хроникѣ встрѣчается аналогичное сообщеніе, также касающееся одного виртембергскаго монастыря, который авторъ называетъ «домомъ терпимости дворянства», и нѣчто похожее мы узнаемъ изъ описанія пожара, происшедшаго въ одномъ страсбургскомъ монастырѣ.

Очевидно, женскіе монастыри уже рано превратились въ «дворянскіе дома терпимости», а монахи, повидимому, были не очень довольны конкуренціей мірянъ. Такой выводъ можно сдѣлать изъ того факта, что монахинямъ выдавались своего рода преміи, если онѣ согрѣшили съ клирикомъ. Такой грѣхъ считался менѣе великимъ. Доказательствомъ можетъ служить слѣдующее заявленіе магистра Генриха изъ ордена мендикантовъ (нищихъ) въ Страсбургѣ. Документъ относится къ 1261 г.

«Если монахиня, поддавшаяся искушенію плоти и человѣческой слабости, нарушитъ обѣтъ цѣломудрія, то вина ея меньше и она заслуживаетъ большаго снисхожденія, если отдается клирику, чѣмъ если согрѣшитъ съ міряниномъ».

Этотъ взглядъ послужилъ также матеріаломъ для сатирической поэмы на латинскомъ языкѣ «Соборъ любви», относящейся къ XII в. Какъ бы тамъ не было, клирики никогда не оставались въ дуракахъ, тѣмъ болѣе, что по общему убѣжденію они отличались особенной одаренностью въ дѣлахъ любви. Объ этомъ единодушно толкуютъ всѣ сатирики, Аретино, Раблэ, авторы швенковъ. Къ нимъ присоединяются и поговорки: «Онъ силенъ, какъ карм тъ», или «Онъ развратенъ, какъ братъ—темпліеръ», или еще грубѣе: «Похотливыя женщины чуютъ кармелита по платью», или «Истаго капуцина женщины чуютъ уже издали».

Послѣдствія развратной жизни монастырей должны были прежде всего сказаться въ томъ, что «стѣны ихъ оглашаются не столько псалмами, сколько дѣтскимъ крикомъ». Поговорки отражаютъ этотъ фактъ, который былъ слишкомъ обычнымъ. «Странно, что черныя куры несутъ бѣлыя яйца—сказала монахиня, удивляясь, что ея ребенокъ не похожъ на чернаго бенедиктинца». «Никто не застрахованъ отъ несчастья!—сказала монахиня, родивъ близнецовъ». Поговорки подчеркиваютъ, что явленіе это было именно обычнымъ. «Женскій монастырь безъ родильнаго пріюта то же, что крестьянскій дворъ безъ стойла».

Слѣдующее послѣдствіе этого разврата носило уже болѣе мрачный характеръ. Въ монастыряхъ «грѣхомъ» также часто считали только рожденіе дѣтей, тѣмъ болѣе, что оно было связано со всякими неудобствами. Въ женскихъ монастыряхъ процвѣтали поэтому, какъ дѣтоубійство, такъ и абортъ.

Циммернская хроника сообщаетъ:

«Что сказать о такихъ монастыряхъ, гдѣ монахини часто рожаютъ дѣтей? Да поможетъ имъ Богъ, чтобы дѣти по крайней мѣрѣ родились живыми, воспитывались бы во слову Божію и не убиьались бы, а то существуетъ слухъ, будто около такихъ монастырей имѣется прудъ, въ которомъ запрещено ловить рыбу неводомъ, и воду изъ котораго никогда не выпускаютъ, а то пожалуй найдется кое-что, могущее навлечь на монастырь позоръ и плохую молву».

Другой хронистъ, Дитрихъ Нимскій сообщаетъ о монастыряхъ Бремена, Утрехта и Мюнстера:

«Монахи и монахини живутъ вмѣстѣ въ монастыряхъ и превращаютъ ихъ въ дома терпимости, въ которыхъ совершаются самыя гнусныя преступленія. Монахини убиваютъ собственныхъ дѣтей».

Такъ какъ рожденіе ребенка монахиней считалось величайшимъ преступленіемъ, то еще болѣе процвѣталъ абортъ. Братья Тейнеръ доказываютъ въ своемъ изслѣдованіи о безбрачіи священниковъ, богатомъ ссылками на источники, путемъ потрясающихъ примѣровъ, что «монахини, готовившіяся стать матерями, подвергались самому ужасному обращенію какъ разъ въ наиболѣе безстыдныхъ монастыряхъ». Это логично, и всегда такъ бываетъ: чѣмъ безнравственнѣе проститутка, тѣмъ болѣе дорожитъ она репутаціей. Было время, когда церковь была гуманнѣе, когда она чувствовала состраданіе къ матерямъ. Такъ соборъ, засѣдавшій въ Авиньонѣ, запрещалъ священникамъ, «давать женщинамъ ядъ или пагубныя снадобья для уничтоженія плода». Потомъ, т.-е. когда «безстыдство церкви положительно стало вопіющей язвой», когдо оно сдѣлалось исходнымъ пунктомъ требованія права священниковъ на бракъ, церковь уже ничего не имѣла противъ того, что ея слуги и служанки всячески освобождались отъ послѣдствій своей нечистой жизни. Вотъ почему Фишартъ имѣлъ полное право писать въ своемъ Bienenkorb des heiligen römischen Reiches Immenschwarm:

«Мы знаемъ изъ ежедневнаго опыта, что священная римская церковь охотно терпитъ, если ея милыя святыя сестрички въ монастыряхъ, монахини и бегинки, уничтожаютъ лекарствомъ и снадобьями плодъ, прежде чѣмъ онъ созрѣлъ, или гнуснымъ образомъ убиваютъ своихъ только-что родившихся дѣтей».

Если таковы были нравы низа церковной іерархіи, то ея верхушка утопала въ неменьшихъ порокахъ и грязи. Безчисленное множество папъ являлись для низшаго клира положительно классическими образцами нравственнаго одичанія. Съ своимъ об-

разнымъ языкомъ народъ попадалъ прямо въ цѣль, называя извѣстныхъ папъ не «его римскимъ святѣйшествомъ», а «его развратнымъ святѣйшествомъ» или называя многихъ кардиналовъ «безстыдными псами».

Краснорѣчивымъ комментаріемъ къ этимъ эпитетамъ служитъ не одна грязная страница изъ исторіи папства. О Іоаннѣ XXIII Дитрихъ Нимскій сообщаетъ, что онъ «по слухамъ въ качествѣ болоньскаго кардинала обезчестилъ до двухсотъ женъ, вдовъ и дѣвушекъ, а также многихъ монахинь».

Еще въ бытность свою папскимъ делегатомъ въ Анконѣ Павелъ III долженъ былъ бѣжать, такъ какъ изнасиловалъ молодую знатную даму. Ради кардинальской шапки онъ продалъ свою сестру Юлію Александру VI, а самъ жилъ въ противоестественной связи съ второй, младшей сестрой. Банифацій VIII сдѣлалъ двухъ племянницъ своими метрессами. Въ качествѣ кардинала Сіенскаго будущій папа Александръ VI прославился главнымъ образомъ тѣмъ, что въ союзѣ съ другими прелатами и духовными сановниками устраивалъ ночные балы и Soirée, гдѣ царила полная разнузданность и участвовали знатныя дамы и дѣвушки города, тогда какъ доступъ къ нимъ былъ закрытъ ихъ «мужьямъ, отцамъ и родственникамъ». Пій III имѣлъ отъ разныхъ метрессъ не менѣе двѣнадцати сыновей и дочерей.

Не менѣе характерно и то, что самые знаменитые папы Ренессанса благодаря безмѣрному разврату страдали сифилисомъ: Александръ VI, Юлій II, Левъ X. О Юліи II его придворный врачъ сообщаетъ: «Прямо стыдно сказать, на всемъ его тѣлѣ не было ни одного мѣста, которое не было бы покрыто знаками ужасающаго разврата». Въ пятницу на святой, какъ сообщаетъ его церемоніймейстеръ Грассисъ, онъ никого не могъ допустить до обычнаго поцѣлуя ноги, такъ какъ его нога была вся разъѣдена сифилисомъ. Къ эпохѣ реформаціи относится сатирическое стихотвореніе, вложенное въ уста высокаго сановника съ носомъ, изъѣденнымъ сифилисомъ и потому подлежащимъ операціи. Въ этомъ стихотвореніи отмѣченный печатью сифилиса сановникъ обращается съ трогательной рѣчью къ своему носу, называетъ его «кардиналомъ, зеркаломъ всяческой мудрости, никогда не впадавшимъ въ ересь, истиннымъ фундаментомъ церкви, достойнымъ канонизаціи» и выражаетъ надежду, что «тотъ еще станетъ со временемъ папой».

Въ одномъ изъ своихъ знаменитыхъ «писемъ безъ назначенія»—они были адресованы всему міру—Петрарка сдѣлалъ правильную характеристику не только своего времени, но и будущаго, говоря: «Грабежъ, насиліе, прелюбодѣяніе—таковы обычныя занятія распущенныхъ папъ; мужья, дабы они не протестовали, высылаются; ихъ жены подвергаются насилію; когда забеременятъ, онѣ возвращаются имъ назадъ, а послѣ родовъ опять отбираются у нихъ, чтобы снова удовлетворить похоть намѣстниковъ Христа».

Къ этимъ такъ сказать «естественнымъ» порокамъ присоединялись въ неменьшемъ размѣрѣ пороки противоестественные....

Церковь нарушила бы свои священнѣйшія традиціи, если бы не извлекла изъ этихъ пороковъ выгоду для себя. Какъ разсказываетъ голландскій богословъ Вессель, долго прожившій въ Римѣ, бывшій другомъ папы, папы за извѣстную плату разрѣшали и противоестественные пороки. Эти послѣдніе были настолько распространены среди высшаго духовенства, что о нихъ только и говорили въ народѣ. И что они были весьма древняго происхожденія, видно изъ того, что уже въ XI в. эпископъ Даміани облекъ ихъ въ цѣлую систему въ своемъ liber gomorrhianus. Все должно было быть подчинено порядку, даже и порокъ.

Въ высшей степени характерны также и увеселенія, бывшія въ ходу при папскомъ дворѣ. Красивѣйшія куртизанки Италіи нигдѣ не были такими частыми гостями, какъ на праздникахъ при папскомъ дворѣ или въ кардинальскихъ дворцахъ и всегда составляли ихъ наиболѣе блестящій центръ. О пиршествѣ, устроенномъ однимъ кардиналомъ, говорится въ одномъ письмѣ, относящемся къ эпохѣ Ренессанса, что на немъ участвовало «больше

испанскихъ куртизанокъ, чѣмъ римскихъ мужчинъ». Тонъ, господствовавшій въ этихъ кругахъ, достаточно характеризуютъ фацеціи кардинала Поджыо, и въ особенности пьесы въ родѣ Calandra Кардинала Биббіены или еще болѣе смѣлая Mandragola Маккіавелли.

Не то является самой важной чертой въ галлереѣ пороковъ, что высшіе сановники церкви порой представляли олицетвореніе чудовищной нравственной испорченности, а то, что подобные нравы были типичны. Они были типичны, потому что были логичны. Здѣсь на вершинахъ церковной іерархіи, въ ея сосредоточіи, и пороки, типичные для низшаго клира, должны были стать единственнымъ въ своемъ родѣ грандіознымъ факеломъ, коптящій свѣтъ котораго мрачно ложился на низины.

Такъ какъ церковь, какъ іерархическая организація, въ силу своей исторической ситуаціи никогда не представляла замкнутаго въ себѣ организма, а оказывала огромное умственное и политическое вліяніе на весь христіанскій міръ, то переживаемый ею процессъ нравственнаго разложенія неизбѣжно долженъ былъ заразить своими тлетворными міазмами весь міръ, нравственная разнузданность клира должна была, какъ указано въ началѣ главы, сильнѣйшимъ образомъ повліять на нравы всего общества, на всю публичную нравственность мірянъ. Въ одномъ реформаціонномъ обвинительномъ сочиненіи противъ папства можно найти подтвержденіе этого факта.

«Германія благодаря такимъ нравамъ перестала молиться и потеряла свое христіанское благочестіе. Развратъ, инцестъ, клятвопреступничество, убійство, воровство, грабежъ, ростовщичество и сонмище всѣхъ прочихъ пороковъ—таковы послѣдствія».

Вліяніе это распространялось не только путемъ плохого примѣра, всегда стоявшаго передъ глазами толпы. Весьма понятно, что священники и монахи систематически злоупотребляли находившейся въ ихъ рукахъ властью не только для того, чтобы эксплуатировать народъ, какъ массу, въ экономическомъ отношеніи, но и для того, чтобы его поработить своимъ личнымъ прихотямъ, своимъ чувственнымъ удовольствіямъ. Похотливость монаха вазбуждалась, естественно, не только при видѣ физическихъ достоинствъ невѣстъ Христа, но и при видѣ пышнаго корсажа здоровенной крестьянки или хорошенькой мѣщанки. «Не только тѣло монахинь вкусно, воскликнулъ патеръ, протягивая свои руки къ крестьянкѣ». Вожделѣнія монаховъ вспыхивали даже чаще и скорѣе лицомъ къ лицу съ женщинами изъ простонародья, такъ какъ въ виду исполняемыхъ ими религіозныхъ функцій монахи чаще и ближе соприкасались съ ними, чѣмъ съ монахинями. Къ тому же здѣсь послѣдствія ихъ любовныхъ похожденій сопровождались для нихъ меньшей опасностью, или во всякомъ случаѣ меньшими неудобствами. Если въ интересномъ положеніи оказывалась жена крестьянина или бюргера, то виновникъ изъ духовенства могъ и не заботиться о дальнѣйшемъ, такъ какъ истинной причиной могъ считаться ея мужъ. По этой причинѣ его священническая дѣятельность открывала ему здѣсь безграничныя возможности наслажденія, которыхъ онъ жаждалъ. Развратникъ—клирикъ могъ удовлетворять свои желанія съ десятками, даже сотнями женщинъ.

Какъ только слуга церкви сталъ въ итогѣ происходившей эволюціи человѣкомъ, исключительно жившимъ для наслажденія, онъ сталъ систематически пользоваться властью церкви, ея средствами господства, въ интересахъ своей развратной жизни. Главнымъ изъ этихъ средствъ была исповѣдь. Исповѣдь и исповѣдальная доставляли условія, наиболѣе благопріятныя для совращенія женщинъ. Исповѣдникъ имѣлъ не только право, но и обязанность ставить самые интимные вопросы. Такимъ путемъ исповѣдь становилась важнѣйшимъ и сильнѣйшимъ средствомъ политическаго господства церкви, а похотливый священникъ могъ одновременно служить и церкви и себѣ. Такъ поступали впродолженіи столѣтій сотни тысячъ и такъ поступаютъ они еще и теперь. Развращенная фантазія безчисленнаго множества изъ нихъ отдавалась этимъ путемъ безъ удержа наслажденію совращенія любого невиннаго существа, приходившаго съ ними въ

соприкосновеніе, купалось въ утонченномъ удовольствіи, которое доставляли имъ интимнѣйшія свѣдѣнія, сообщавшіяся имъ самой же прекрасной «грѣшницей», или возможность довести до высшаго эротическаго возбужденія невинную дѣвушку, невѣсту, мечтающую о днѣ свадьбы, или молодую замужнюю женщину.

И однако въ исповѣдальнѣ праздновались не однѣ только воображаемыя оргіи. Порабощенныя властью церкви надъ душами, милліоны женщинъ лишались не только духовнаго, но и физическаго цѣломудрія. Нигдѣ такъ легко не усыплялась совѣсть, не устранялись сомнѣнія: вѣдь священнику было достаточно объявить грѣхъ своей жертвы—добродѣтелью. Сотни тысячъ невѣжественныхъ женщинъ были искренно убѣждены, что совершаютъ Богу угодное дѣло, охотно исполняя самыя дикія прихоти исповѣдника. Смѣлая новелла Боккачьо о пустынникѣ Алибекѣ—классическая сатира на подобное состояніе нравовъ. Исповѣдальни многихъ церквей являлись самыми гнусными алтарями, которые когда либо человѣчество воздвигало въ честь Пріапа и Венеры.

Достаточно убѣдительнымъ доказательствомъ служитъ то обстоятельство что даже и церковь не вытерпѣла и рѣшила вмѣшаться соотвѣтствующими указами. Въ 1322 г. на оксфордскомъ соборѣ священникамъ запрещается «выслушивать исповѣдь женщинъ въ темныхъ мѣстахъ». Триста лѣтъ спустя. въ 1617 г. архіепископъ Камбрейскій постановилъ, что «исповѣди женщинъ должны приниматься не въ сакристіи, а на свободномъ мѣстѣ въ церкви», и что «въ случаѣ темноты должны зажигаться свѣчи». Такимъ путемъ надѣялись сократить по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ храма слишкомъ откровенные и излюбленные по отношенік къ женщинамъ пріемы «отпущенія грѣховъ и благословенія».

Само собой понятно, что подобные указы мало чѣмъ улучшили дѣло, такъ какъ исповѣдникъ имѣлъ право пригласить исповѣдующихся въ свою квартиру или свободно могъ самъ явиться къ нимъ на домъ: его визитъ всегда считался честью.

Комедія, начатая въ исповѣдальнѣ, разыгрывалась здѣсь до конца съ большими или меньшими въ зависимости отъ обстоятельствъ удобствами. Такъ какъ бывали исповѣдальни, гдѣ Пріапу и Венерѣ поклонялись болѣе дерзко, чѣмъ въ самомъ бойкомъ домѣ терпимости, то существовало столько же общинъ, гдѣ не только всѣ зрѣлыя дѣвушки, но и вообще всѣ женщины, обладавшія еще хотя намекомъ на красоту, безъ исключенія принадлежали къ гарему священника. Въ такихъ мѣстностяхъ матери часто качали на рукахъ дѣтей, обязанныхъ своимъ существованіемъ только активному участію, которое духовный пастырь принималъ въ благѣ своихъ прихожанокъ. Въ масляничной пьесѣ «Von den Pauern» говорится:

«Да убьетъ тебя градъ за то, что ты такъ лжешь. Я просто хотѣлъ тебя пощадить въ глазахъ твоихъ друзей и потому скрылъ, что твоя сестра имѣетъ уже по крайней мѣрѣ трехъ дѣтей отъ попа».

Въ своей Neue Apologia und Verantwortung Martini Luthers 1523» Кеттенбахъ пишетъ о результатахъ исповѣди:

«Первымъ плодомъ, происходящимъ отъ исповѣди, является плодъ утробы, ибо такимъ путемъ родилось не мало славныхъ дѣтишекъ, именуемыхъ незаконными. Они родились отъ святого исповѣдника и исповѣдницъ-дочерей. Когда мужъ безполезенъ, помочь долженъ исповѣдникъ. Бываетъ такъ, что исповѣдникъ заразъ утѣшаетъ тридцать. О, мужчина, ты дуракъ, вѣдь они совращаютъ твою жену, дочь и служанку».

Въ уже упомянутомъ сочиненіи братьевъ Тейнеръ между прочимъ говорится:

«Ансимиро, августинскій монахъ, отшельникъ въ Падуѣ, обезчестилъ почти всѣхъ своихъ исповѣдницъ. Когда его обвинили, и онъ долженъ былъ назвать изнасилованныхъ, онъ перечислилъ имена многихъ дѣвушекъ и женщинъ самыхъ знатныхъ семействъ города, и среди нихъ жену секретаря, который допрашивалъ его. Въ Брешіи священникъ научалъ женщинъ, исповѣдовавшихся ему, что онѣ обязаны платить ему десятину также и съ ихъ супружескихъ обязанностей».

Гдѣ слово и жесты оказывались неубѣдительными, прибѣгали къ хитрости, а гдѣ и она была безуспѣшна, къ насилію. Многія тысячи женщинъ подвергались насилію въ ризницѣ, въ домѣ священника, въ собственной квартирѣ или даже въ исповѣдальнѣ. Гейлеръ изъ Кейзерсберга предъявляетъ къ своимъ собратьямъ по сословію слѣдующій обвинительный актъ:

«Ты грѣшилъ съ публичными женщинами, обманывалъ дѣвушекъ, насиловалъ вдовъ и женъ и связывался съ исповѣдницами. Я уже не говорю о безстыдствѣ, съ которымъ ты нарушалъ святость брака, я не говорю и о томъ безстыдствѣ, за которое тебя слѣдовало бы сжечь».

Исторія каждаго города даетъ такой обильный въ этомъ отношеніи матеріалъ, которымъ можно было бы наполнить цѣлую книгу. Въ этомъ безконечномъ тріумфальномъ шествіи порока имѣли бы свое мѣсто всѣ классы общества, какъ и всѣ ступени церковной іерархіи. На мягкихъ епископскихъ ложахъ покоились, добровольно или вынужденно, прекрасныя дамы изъ аристократіи и бюргерства, на суровомъ ложѣ въ узкой кельѣ отшельника — дочери народа. Народная поговорка: «Впусти монаха въ домъ, онъ войдетъ въ комнату, впусти его въ комнату, онъ полѣзетъ въ постель» — была столь же неопровержима, какъ десять аксіомъ математики, ибо подкрѣпляется тысячью достовѣрныхъ фактовъ.

Такой же опытъ вынесъ народъ изъ болѣе близкаго знакомства съ монастырями. «Священникъ говоритъ: я люблю свое стадо, но овечекъ больше козлищъ». Также разсуждали и монахи и доказывали это усерднѣйшимъ образомъ на практикѣ. «Кто пошлетъ жену въ монастырь, получитъ все, что ему нужно, да сверхъ того еще ребенка». Монастырскихъ служанокъ естественно часто ожидала та же судьба. Если въ мужскихъ монастыряхъ совращались жены мѣщанъ и крестьянъ, то въ женскихъ ихъ нерѣдко сводили. Въ Циммернской хроникѣ не безъ основанія говорится: «Благоразумный человѣкъ не отпуститъ своей благочестивой жены и своихъ дочерей въ женскій монастырь, а оставитъ ихъ у себя, ибо женскіе монастыри могутъ научить лишь очень плохому». Хронистъ подчеркиваетъ: «очень» плохому.

Въ концѣ среднихъ вѣковъ и въ эпоху Ренессанса большинство монастырей были отнюдь не святынями, гдѣ занимались постомъ, умерщвленіемъ плоти и молитвами, а мѣстами, гдѣ во всю наслаждались жизнью. Если уже будни въ такихъ монастыряхъ представляли отнюдь не жизнь, полную лишеній, то тѣмъ болѣе праздники, а въ монастыряхъ было достаточно причинъ праздновать праздники. Ихъ праздновали, — какъ еще теперь въ деревнѣ, — пьянствомъ, ѣдой, музыкой и пѣніемъ и — конечно — пляской. Танецъ имѣетъ смыслъ только тогда, когда мужчина пляшетъ съ дѣвицей, — танецъ, въ которомъ участвуютъ одни только мужчины, смѣшонъ! — въ дѣвицахъ поэтому никогда не было недостатка. Не было недостатка еще въ одномъ: рѣдко участницы вечеровъ уходили не обласканными. Въ тишинѣ кельи имъ убѣдительнѣйшимъ образомъ доказывалось, что «ряса отнюдь не умерщвляетъ плоть».

Гейлеръ изъ Кейзерсберга зналъ это по собственному опыту, и быть можетъ имѣлъ въ виду этотъ свой опытъ, когда писалъ:

«Если въ день ярмарки, да и въ другое время женщины посѣщаютъ монастыри и пляшутъ съ монахами, а потомъ уединяются съ ними въ кельяхъ, то это явный позоръ и этого бы не слѣдовало допускать. Въ мужскихъ монастыряхъ не должно быть мѣста женщинамъ. Многія женщины входятъ въ монастырь порядочными, а выходятъ — дѣвками».

Если веселье ограничивалось этимъ, то это было еще ничего. Бывало и хуже. Порой случай, этотъ услужливый помощникъ, гасилъ лучину и тогда не нужно было уже звать друга или подругу въ уединенную келью или потаенный уголокъ «прочесть вдвоемъ веселое Pater noster». Въ Циммернской хроникѣ можно прочесть, какъ однажды гостившіе въ женскомъ монастырѣ дворяне «отпустили» такимъ образомъ въ женскомъ монастырѣ «грѣхи» падкимъ до любви монахинямъ.

Въ виду подобныхъ фактовъ такія поговорки, какъ «Уже одна тѣнь монастырской колокольни плодовита» или «Въ тѣни монастыря все гибнетъ, только женщины становятся плодовиты», такія по-

говорки, въ которыя народъ вѣрилъ, какъ въ Евангеліе, являлись ничѣмъ инымъ, какъ нѣсколько преувеличивающей, и потому лишь рѣзче подчеркивающей суть дѣла характеристикой дѣйствительности.

Если всѣ многочисленныя намъ извѣстныя попытки возмущенія народа противъ погрязшихъ въ порокахъ церковнослужителей не привели въ большинствѣ случаевъ къ побѣдѣ, достигая въ лучшемъ случаѣ лишь частичныхъ успѣховъ, то не потому, что народное возмущеніе было недостаточно велико, а или потому, что церковь успѣла стать союзницей могущественныхъ господствующихъ классовъ, или потому, что, какъ въ Италіи, почти весь экономическій базисъ жизни покоился на прочномъ господствѣ церкви. Лицомъ къ лицу съ такими причинами тщетной оказывалась даже высочайшая степень нравственнаго возмущенія. А тамъ, гдѣ вдохновляемое нравственнымъ негодованіемъ народное возмущеніе достигало въ самомъ дѣлѣ существенныхъ результатовъ, это опять таки происходило по тѣмъ же экономическимъ причинамъ. Въ этихъ случаяхъ побѣда надъ приматомъ церкви стала въ такой же степени насущнымъ жизненнымъ интересомъ данныхъ странъ.

Это въ особенности касается Германіи.

И потому здѣсь въ большей степени, чѣмъ въ другихъ странахъ, практическая мораль церкви перестала, начиная съ XVI в., влiять на общественную нравственность.

V.

Проституція.

Отъ моногаміи, основанной на частной собственности, и являющейся чаще объективной обязанностью, чѣмъ субъективной склонностью, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ посредникомъ является та или другая условность, неотдѣлима проституція. Она неизбѣжный коррелатъ единобрачія. Проститутка такой же постоянный соціальный типъ, какъ и любовникъ. Оба эти явленія выражаютъ двѣ стороны того факта, что съ ходомъ экономической эволюціи любовь, какъ и всѣ предметы обихода, получила товарный характеръ.

Въ проституціи особенно ясно обнаруживается этотъ товарный характеръ любви, а исторія проституціи доказываетъ сверхъ того, что товаръ «любовь» подчиненъ тѣмъ же законамъ, какъ и всякій другой товаръ. Эту основную мысль, являющуюся исходной точкой для этой главы, мы уже обосновали въ первой главѣ, къ которой и отсылаемъ читателя.

Въ концѣ среднихъ вѣковъ и въ эпоху Ренессанса люди еще были чрезвычайно далеки отъ теоретическаго проникновенія въ сущность и условія существованія гражданскаго брака. Тѣмъ лучше понимали они тогда логику событій. Такъ какъ эпоха отличалась крайней эротической напряженностью, то люди очень хорошо уясняли себѣ практическія нужды времени. Было ясно, что безъ проституціи не обойдешься, если только бракъ хотѣлъ съ грѣхомъ пополамъ достигнуть своей цѣли, а именно производства законныхъ наслѣдниковъ.

Что это роковое сознаніе было дѣломъ не отдѣльныхъ лицъ,

а общимъ настроеніемъ, видно хотя бы изъ той выдающейся и своеобразной роли, которую въ эпоху Ренессанса приписывали проституткѣ и которую она на самомъ дѣлѣ и играла.

Люди знали, что въ ихъ жилахъ течетъ кровь, что она течетъ бурно и кипуче, воспламеняя горячими желаніями стариковъ и молодыхъ. Всѣ были убѣждены, что держать въ объятіяхъ хорошенькую женщину, или ласкать удалого молодца — высшее наслажденіе въ жизни, которому далеко уступаютъ всѣ другія. И потому желаніе «грѣшить» было у всѣхъ велико. Бѣсъ сладострастія сидѣлъ на каждой крышѣ, нашептывалъ каждому изо дня въ день самыя жадныя желанія. Десятки примѣровъ ежедневно доказывали тому, кто умѣлъ смотрѣть, что это было такъ. Каждый день можно было видѣть, какъ добрый молодецъ подстерегаетъ дѣвицу, какъ сосѣдъ обнимаетъ служанку, какъ подмастерье заигрываетъ съ женой мастера, если того нѣтъ дома, какъ сосѣдка приводитъ въ порядокъ платье, когда молодой монахъ выходилъ изъ дома и многое другое. Само собой понятно, въ своемъ домѣ никто ничего подобнаго не видѣлъ или только очень рѣдко, такъ какъ большинство вѣрило въ незапятнанность своей домашней и семейной чести.

Если на добрые нравы своей семьи и можно было разсчитывать, то все же въ эту эпоху существовало нѣчто, передъ чѣмъ и они не могли устоять: а именно насиліе. Передъ дикой жаждой наслажденія, не совращающей словами, а прямо прибѣгающей къ силѣ, была безпомощна и самая нравственная дѣвушка и самая честная жена. А подобная опаснасть подстерегала ихъ на всѣхъ перекресткахъ и углахъ. Всюду массами проходили ландскнехты и всевозможный бродячій людъ, нищіе и паломники. Во многихъ городахъ они насчитывались сотнями, даже тысячами. Изо дня въ день приходили извѣстія, что не только на большой дорогѣ или въ захолустныхъ деревняхъ женщинамъ постоянно грозитъ «насиліе», но и во всѣхъ углахъ и на всѣхъ улицахъ города.

Эта опасность, подстерегавшая около каждаго дома, протягивавшая руки за каждой женщиной, вызывала всеобщій страхъ. Нуженъ былъ надежный громоотводъ для страстей, ежеминутно готовыхъ вспыхнуть. Уже одной этой опасности достаточно, чтобы объяснить, почему эпоха Ренессанса относилась повсемѣстно съ такой широкой терпимостью къ проституціи.

Сознаніе этой опасности укрѣплялось однако еще однимъ обстоятельствомъ, быть можетъ наиболѣе важнымъ изъ всѣхъ: чрезвычайно сильными соціальными потребностями, обусловленными всей структурой общества. Мы уже указали раньше на тотъ фактъ, что тогда во многихъ странахъ и во многихъ ремеслахъ подмастерья не имѣли права жениться. Для этой значительной части населенія во многихъ городахъ и городкахъ оставалось только внѣбрачное удовлетвореніе половой потребности, притомъ впродолженіи почти всей ихъ жизни. Чѣмъ больше росла индустрія, а съ ней и число занятыхъ въ ней подмастерьевъ — часто они составляли половину населенія — тѣмъ, естественно, увеличивалась опасность, грозившая женщинамъ и дѣвушкамъ отъ этой холостой части населенія. Благодаря узости жизненныхъ условій и мѣстной связанности, въ виду малаго развитія путей и средствъ сообщенія, благодаря тому, что всѣ знали другъ друга и постоянно сталкивались другъ съ другомъ, эта опасность достигала размѣровъ, которые мы, нынѣ живущіе, можемъ легко не доцѣнить, но едва ли переоцѣнить.

Въ виду этого обстоятельства интересы семьи требовали прямо чрезвычайной охраны. Въ этомъ никто не сомнѣвался. А подобную охрану обѣщала именно проституція, эта продажа и купля любви въ розницу и за задѣльную плату. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ причинъ въ эпоху Ренессанса рѣшили не только узаконить проституцію, но и оказать проституткѣ такое снисхожденіе, отвести ей въ общественной жизни такое мѣсто, которое наложило въ концѣ концовъ на эпоху очень своеобразный отпечатокъ.

Въ эпоху Ренессанса прямо откровенно заявляли, что проститутка и домъ терпимости — необходимая защита брака и семьи. Въ теченіе всего этого періода, во всѣхъ странахъ, дома терпимо-

сти считались созданными «для лучшей защиты брака и дѣвичьей чести»; такъ говорилось не только въ хроникахъ и литературныхъ трактатахъ, а также въ указахъ властей, разрѣшавшихъ открытіе дома терпимости или санкціонировавшихъ уже совершившееся открытіе такого учрежденія. Такими соображеніями далѣе отстранялись повсюду возникавшія требованія уничтоженія проституціи. Тамъ, гдѣ оппозиціи порой удавалось закрыть дома терпимости и изгнать ихъ юбитательницъ, ихъ часто вновь открывали на основаніи именно вышеуказаннаго соображенія. Подтвержденіемъ можетъ служить одно мѣсто въ одной базельской хроникѣ XVI в. Тамъ говорится:

«До сихъ поръ очень много говорили, но ничего не предпринимали противъ дома терпимости въ Лейсѣ. Люди не считали его позорнымъ пятномъ и публичнымъ скандаломъ, не видѣли здѣсь нарушенія законовъ божьихъ. Ибо хотя въ другихъ мѣстахъ еще въ началѣ реформаціи церкви покончили съ этими безнравственными учрежденіями, простые люди держались того мнѣнія, что ихъ не слѣдуетъ трогать, во избѣжаніе прелюбодѣянія, растлѣнія дѣвушекъ и другихъ грѣховъ, которыхъ мы не хотимъ назвать. Даже держалось убѣжденіе, что если не будетъ такихъ домовъ, то не будетъ больше ни порядочныхъ дѣвушекъ, ни честныхъ женъ».

Организуя и систематизируя развратъ, люди не только говорили, но и искренно вѣрили, что дѣлаютъ это въ интересахъ священнѣйшихъ идей, каковы: бракъ и женское цѣломудріе. И однако эта вѣра была въ значительной степени просто великимъ благочестивымъ самообманомъ. Охрана семьи была, конечно, важной причиной своеобразной терпимости къ проституткѣ, но отнюдь не ея важнѣйшей причиной. Главнымъ, хотя и несознаннымъ, мотивомъ этого стремленія избѣжать бóльшее зло путемъ меньшаго, было желаніе мужчины обезпечить свое господское право.

Мужчина хотѣлъ безпрепятственно удовлетворять свои желанія, а это было бы невозможно, если бы строго относились къ требованію мужской вѣрности и мужского цѣломудрія, или если

бы захотѣли придать ему законную силу. Вотъ почему и узаконили проституцію, тѣмъ болѣе, что она къ тому же позволяла мужчинѣ удовлетворять изо дня въ день свою потребность въ разнообразіи въ чувственныхъ удовольствіяхъ, свою повышенную потребность въ развратѣ. Ибо въ этомъ вся суть: имѣлось въ виду облегчить только мужчинѣ возможность полового удовлетворенія, но не женщинѣ, у которой были тѣ же потребности, хотя эти потребности или мало или совсѣмъ не удовлетворялись.

Вотъ почему тотъ фактъ, что проститутка была включена въ рамки общественной организаціи, и особенно тотъ способъ, какимъ проституція была легализирована, представляли вмѣстѣ съ тѣмъ и одинъ изъ величайшихъ тріумфовъ господскаго права. Если однако послушать наивныхъ людей, не находящихъ достаточно словъ для прославленія этой удивительной «терпимости», то оказывается, по ихъ мнѣнію, что она не болѣе, какъ результатъ вообще бóльшей терпимости, свойственной будто этой эпохѣ, не знавшей еще острой классовой борьбы. Но если даже пойти на уступки этимъ людямъ, все же и тогда придется сказать, что это во всякомъ случаѣ недостаточное объясненіе. Несомнѣнно, острая классовая борьба, вызванная развитіемъ въ сторону капитализма денежнаго хозяйства, въ періодъ отъ XIII по XV ст., болѣе замѣтно обнаружилась лишь со второй половины XV в. Несомнѣнно также и то, что и послѣ этого прошло не мало времени, прежде чѣмъ имѣвшіяся на лицо классовыя противорѣчія отлились въ форму сознательной классовой вражды, вслѣдствіе чего исчезли прежнія сравнительно миролюбивыя взаимныя отношенія между отдѣльными классами.

Однако лицомъ къ лицу съ этими явленіями стоитъ не менѣе существенный факторъ, обыкновенно игнорируемый наивными умами, а именно, что въ виду господства никогда окончательно не упраздненныхъ мелкобуржуазныхъ условій жизни, въ которыхъ находился тогда весь міръ, свободныя воззрѣнія воцарились лишь въ сравнительно ограниченныхъ кругахъ, тогда какъ филистерская мораль задавала тонъ въ большей массѣ. А въ гла-

захъ мелкаго буржуа и обывателя проститутка является воплощеніемъ всѣхъ пороковъ и гнусностей, существомъ, достойнымъ величайшаго презрѣнія. Оно и не можетъ быть иначе, такъ какъ такой взглядъ коренится въ условіяхъ мелкобуржуазнаго существованія. И потому и эпоха Ренессанса была проникнута подобнымъ настроеніемъ, ибо мелкобуржуазное мышленіе всегда обусловлено одинаковыми предпосылками. Если, несмотря на господство указаннаго моральнаго воззрѣнія, проститутка тѣмъ не менѣе сдѣлалась важнымъ центромъ жизни, то отсюда можно сдѣлать только тотъ выводъ, что мужчина, какъ господствующій классъ, осмѣлился провозгласить свои частные мужскіе интересы почти безъ всякаго прикрытія какимъ-нибудь флагомъ. А это служитъ доказательствомъ въ пользу не общераспространенной «терпимости», а открытаго торжества господства мужчинъ.

Разительное различіе между положеніемъ проституціи въ эпоху Ренессанса и ея положеніемъ въ другіе періоды выражается въ двухъ явленіяхъ: въ размѣрахъ ея, въ большомъ количествѣ проститутокъ, и въ той своеобразной роли, которую проститутки могли играть и на самомъ дѣлѣ играли въ общественной жизни.

Что касается фактическихъ размѣровъ проституціи, то цифрами ихъ нельзя охарактеризовать ни абсолютно, ни относительно. Статистическихъ бюро тогда еще не существовало. А если по тѣмъ или инымъ причинамъ производилась перепись, то средства были настолько примитивны, что результаты ея не могутъ претендовать на научную цѣнность. Не слѣдуетъ забывать далѣе, что ни въ одной области такъ не любили преувеличивать, какъ именно въ этой. И однако въ нашемъ распоряженіи рядъ данныхъ, позволяющихъ намъ получить болѣе или менѣе вѣрный взглядъ на этотъ вопросъ. Если исходя изъ этихъ данныхъ дѣлать сравненія, то придется не только принять сравнительно очень высокую цифру проститутокъ, но и притти къ тому заключенію, что эпоха Ренессанса значительно превосходитъ въ этомъ отношеніи наше время, такъ часто выставлявшееся, какъ крайне-безнравственное.

Въ глаза бросается тотъ фактъ, что тогда даже самый ничтожный городокъ имѣлъ свой домъ терпимости, свой «женскій домъ», какъ его тогда называли, а подъ часъ и цѣлыхъ два. Въ болѣе значительныхъ городкахъ существовали цѣлыя улицы, заселенныя проститутками, а въ крупныхъ и портовыхъ городахъ даже цѣлые порой значительные кварталы, гдѣ публичныя женщины жили или вмѣстѣ въ домахъ терпимости или въ одиночку, одна рядомъ съ другой. Кліентовъ проститутки искали не только на улицѣ, ихъ онѣ ожидали не только дома, онѣ отправлялись за ними и въ другія мѣста. Такъ трактиры были тогда часто синонимами домовъ терпимости, а также въ еще большей степени многочисленныя общественныя бани, во многихъ городахъ излюбленная арена дѣйствія проститутокъ. А тамъ, гдѣ сами посѣтительницы и не были проститутками, эту профессію исполняли банщицы.

Чтобы обрисовать степень развитія проституціи въ нѣкоторыхъ городахъ, укажемъ на слѣдующія данныя современныхъ хроникъ и другихъ источниковъ. Въ Лондонѣ, какъ сообщаютъ, уже рано существовало «невѣроятное количество домовъ терпимости». Одинъ авторъ говоритъ:

«Въ царствованіе Ричарда II (1377—1401) лордмайоръ содержалъ дома, гдѣ легкомысленные господа изъ знати развлекались съ вывезенными имъ фландрскими красавицами. Генрихъ VII (1442) далъ двѣнадцати изъ такихъ домовъ привиллегію. Нарисованные на стѣнахъ знаки отличали ихъ отъ другихъ домовъ и приглашали посѣтителей».

Это сообщеніе подкрѣпляется еще тѣмъ фактомъ, что въ Англіи, уже въ XII ст., встрѣчается указъ, касающійся домовъ терпимости. Другой авторъ разсказываетъ слѣдующее о Соутукѣ въ Англіи:

«Недалеко отъ мѣста травли звѣрей находился домъ терпимости и бани, не только терпѣвшіеся правительствомъ, но и имѣвшіе публичную привиллегію съ условіемъ нѣкоторыхъ ограниченій. Обыкновенно они сдавались въ аренду. Даже одинъ изъ

лордмайоровъ, великій серъ Вилліамъ Уальворсъ (1400) не считалъ ниже своего достоинства взять ихъ въ аренду и сдавать ихъ froes'амъ т.-е. фландрскимъ сводням».

Аналогичныя не менѣе достовѣрныя свѣдѣнія имѣются у насъ относительно Парижа. Что въ Парижѣ уже въ XIII в. число публичныхъ домовъ было чрезвычайно велико, видно изъ пространнаго рифмованнаго описанія парижскихъ улицъ, принадлежащаго перу нѣкоего Гилльо. Эта поэма всегда считалась важнѣйшимъ (потому что древнѣйшимъ) источникомъ для топографіи Парижа. Значеніе ея, по обычному мнѣнію, этимъ и исчерпывалось. Лишь послѣ кропотливыхъ изысканій выяснилось, что описанныя Гилльо въ трехстахъ стихахъ улицы представляютъ не улицы вообще, а именно улицы, заселенныя проститутками. Упомянутая поэма является такимъ образомъ единственной въ своемъ родѣ топографіей проституціи, такъ сказать, рифмованнымъ каталогомъ увеселительныхъ учрежденій, составленнымъ для жуировъ XIII в. Въ послѣдующія столѣтія число этихъ улицъ возрасло.

Въ Вѣнѣ въ XIII в. также было много такихъ учрежденій. Въ Берлинѣ въ 1400 г. существовалъ домъ терпимости, имѣвшій правительственную привиллегію и находившійся подъ надзоромъ такъ называемаго Iungfernknecht'а. Въ своей исторіи проституціи Гюгель пишетъ: «Многочисленныя бани, существовавшія въ Берлинѣ въ XIV в., были также домами терпимости. Проституткъ называли городскими дѣвицами» Въ сосѣднемъ Келльнѣ на рѣкѣ Шпре въ 1400 г. возникло первое такое учрежденіе.

Хуже всего обстояло дѣло, повидимому, въ Римѣ. Здѣсь всегда насчитывались многія тысячи проститутокъ и притомъ сюда включались только «честныя проститутки», honestae meretrices», тѣ, которыя не скрывали своего ремесла. Не меньше было однако и число inhonestae, или, какъ ихъ называли въ Германіи, Boenhaesinen. Какъ указано въ предыдущей главѣ, какъ разъ въ Римѣ очень многіе женскіе монастыри были вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе бойкими домами земной любви. Можно не придавать безусловной вѣры грязнымъ эротическимъ фантазіямъ «божественнаго Аретино», въ особенности его сатирическимъ описаніямъ римской монастырской жизни, и однако безспорнымъ остается, что въ его діалогахъ въ преувеличенныхъ очертаніяхъ отражается реальная дѣйствительность и уже одно это оправдываетъ поговорку: «Всѣ пути ведутъ въ Римъ, а въ Римѣ — къ безнравственности».

Это состояніе нравовъ вполнѣ объясняется особой исторической ситуаціей Рима. Помимо изложенныхъ въ предыдущей главѣ фактовъ надо принять во вниманіе, что нигдѣ не было такого благопріятнаго для проституціи стеченія обстоятельствъ и что эти условія были совершенно своеобразными и исключительными. Подобное стеченіе обстоятельствъ никогда больше не повторялось въ культурной исторіи: въ Римѣ жилъ въ эту эпоху наибольшій процентъ холостыхъ и незамужнихъ. Изъ года въ годъ сюда стекались десятки тысячъ клириковъ и каждый изъ нихъ проживалъ здѣсь цѣлыми недѣлями, даже мѣсяцами. Какъ бы ни было велико войско этихъ холостыхъ клириковъ, оно совершенно терялось въ безконечныхъ вереницахъ паломниковъ всѣхъ странъ, ежедневно прибывавшихъ въ Римъ, большая половина которыхъ состояла изъ временныхъ холостяковъ и незамужнихъ. Въ Римѣ находилось всегда наибольшее число чужестранцевъ. Въ ту эпоху это былъ городъ иностранцевъ par excellence.

А во всѣхъ такихъ городахъ наиболѣе ходкимъ товаромъ всегда является — любовь. Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что среди женской части паломниковъ значительная часть сама занималась проституціей. Многочисленныя паломницы, матеріальныя средства которыхъ изсякли дорогой, снискивали себѣ пропитаніе продажей своего тѣла. Многія изъ нихъ въ Римѣ занимались любовью не менѣе усердно, чѣмъ молитвами. Оно и естественно. Здѣсь легче, чѣмъ гдѣ бы то ни было, могли онѣ заработать деньги, необходимыя для обратнаго путешествія. Это было настолько обычное, настолько бросавшееся въ глаза явленіе, что оно отразилось также и въ соотвѣтствующихъ карикатурахъ. Какъ ни примитивны многія изъ этихъ картинъ, ихъ

смыслъ не подлежитъ сомнѣнію: паломница не болѣе, какъ ходячее орудіе любви, само собой понятно—земной.

Очень наглядное представленіе о большомъ количествѣ проститутокъ въ эпоху Ренессанса даютъ далѣе сообщенія хронистовъ объ имперскихъ съѣздахъ, церковныхъ соборахъ и т. д. Проститутки подобны навознымъ мухамъ: гдѣ есть падаль, туда онѣ слетаются. Во всѣ времена поэтому на соборы и съѣзды стекалась масса проститутокъ. Наибольшее число сообщеній касается Констанцскаго собора. Наиболѣе важныя принадлежатъ Эбергарту Дахеру, генералъ-квартирмейстеру герцога Рудольфа Саксонскаго, получившаго отъ своего господина экстренный приказъ сосчитать куртизанокъ, явившихся на констанцскій соборъ. Сообщеніе Дахера гласитъ:

«Итакъ мы переѣзжали отъ одного женскаго дома къ другому. Въ одномъ насчитывалось около 30, въ другомъ немного меньше, въ третьемъ — больше, не считая тѣхъ, которыя жили въ одиночку или находились въ баняхъ. Такъ насчитали мы около 700 падшихъ женщинъ. Больше искать мнѣ не хотѣлось. Сообщивъ число нашему господину, мы получили отъ него приказъ узнать число тайно промышлявшихъ женщинъ. Тогда я возразилъ, пусть это сдѣлаетъ онъ самъ, я уже не въ силахъ, меня пожалуй еще убьютъ, да и не охота. Тогда мой господинъ отвѣтилъ, что я правъ. На томъ и покончили».

Другой участникъ собора, фонъ деръ Гартъ, насчитывалъ даже 1500 куртизанокъ. На тріентскомъ соборѣ присутствовало однихъ только 300 honestae meretrices, при чемъ число inhonestae также остается неизвѣстнымъ. Къ числу послѣднихъ относятся во всѣхъ этихъ случаяхъ, конечно, и почтенныя жены и дочери бюргеровъ, не отвергавшія ухаживаній церковныхъ сановниковъ. Число такихъ почтенныхъ бюргерскихъ женъ, гордившихся тѣмъ, что онѣ не уступаютъ куртизанкамъ, было значительно. То безусловное пониманіе, которое земныя потребности высшаго духовенства находили въ такихъ случаяхъ со стороны бюргерскихъ женъ, иллюстрируется циническимъ выраженіемъ кардинала

Гуго de St. Oaro. Въ 1241—51 г. папа Инокентій IV находился съ своимъ дворомъ въ Ліонѣ. Когда онъ покидалъ городъ, упомянутый кардиналъ сказалъ горожанамъ:

«Друзья, вы многимъ намъ обязаны. Мы были вамъ полезны. Когда мы прибыли сюда, здѣсь было только три или четыре публичныхъ дома. А теперь, уѣзжая, мы оставляемъ только одинъ, охватывающій зато весь городъ отъ восточныхъ и до западныхъ его воротъ».

Среди проститутокъ, стекавшихся на церковные соборы, устраивая тамъ интернаціональное rendez-vous, находились самыя красивыя и знаменитыя куртизанки всѣхъ странъ. Торговля любовью была, повидимому, въ такихъ случаяхъ очень выгодна. О констанцскомъ соборѣ сообщается, что многія первоклассныя куртизанки, находившія своихъ кліентовъ среди епископовъ и кардиналовъ, заработали состояніе, доходившее до сотни тысячъ на наши деньги.

Особую разновидность проститутокъ представляли совершенно неизвѣстныя нашему времени, но игравшія почти до конца XVIII ст. очень большую роль, солдатскія дѣвки, огромными массами сопровождавшія войска. Уже въ Парсифалѣ говорится:

«Было тамъ не мало женщинъ, иныя изъ которыхъ носили на себѣ двадцать поясовъ отъ мечей, заложенныхъ имъ за проданную имъ любовь. Онѣ совсѣмъ не походили на королевъ. Эти публичныя женщины назывались маркитантками».

Извѣстно что во время осады Нейса Карломъ Смѣлымъ, въ его войскѣ находилось «около четырехъ тысячъ публичныхъ женщинъ». Въ войскѣ нѣмецкаго кондотьера Вернеръ фонъ Урслингеръ, состоявшемъ въ 1342 г. изъ трехъ тысячъ пятисотъ человѣкъ, насчитывалось, по имѣющимся у насъ даннымъ, не менѣе тысячи проститутокъ, мальчиковъ и мошенниковъ — meretrices, ragazzii et rubaldi.

Къ войску, которое въ 1570 г. долженъ былъ привести въ Италію французскій полководецъ Страцци, присоединилась такая масса галантныхъ дамъ, что ему было трудно передвигаться. Пол-

ководецъ вышелъ изъ этого затруднительнаго положенія весьма жестокимъ образомъ, утопивъ, по сообщенію Брантома, не менѣе восьмисотъ этихъ несчастныхъ особъ. Въ войскѣ, съ которымъ отправился въ Нидерланды кровопійца Альба, насчитывалось четыреста знатныхъ куртизанокъ верхомъ и свыше восьмисотъ простыхъ проститутокъ пѣшкомъ.

Первоначально солдатскія женщины не были паразитами, питавшимися, ничего не дѣлая, отъ избытка добычи, а очень важной составной частью организаціи войска, организаціи вооруженія, интендантства и т. д., что объясняется продолжительностью войны. Отдѣльный солдатъ нуждался въ помощникѣ, который носилъ бы за нимъ ненужное въ данный моментъ оружіе, кухонныя принадлежности, который заботился бы о его пропитаніи, помогалъ бы ему дѣлать и уносить добычу и который бы ухаживалъ за нимъ во время болѣзни или когда онъ бывалъ раненъ, защищалъ бы его, иначе онъ могъ легко очутиться въ самомъ безпомощномъ положеніи и погибнуть. Эти обязанности исполняли мальчики и проститутки. Рядомъ съ такими разнообразными обязанностями роль солдатской женщины, какъ проститутки, отступала на заднiй планъ. Ничто не подтверждаетъ это лучше народныхъ пѣсенъ, въ которыхъ отражается жизнь проститутокъ и мальчиковъ, сопровождавшихъ войско. Одна изъ такихъ пѣсенъ, относящаяся къ XV и XVI вв., гласитъ:

«Мы проститутки и мальчики обслуживаемъ по собственному желанію нашихъ господъ. Мы, мальчики, уносимъ все, что можно продать. Мы приносимъ имъ ѣду и питье. Мы, проститутки, почти всѣ изъ Фландріи, отдаемся то одному, то другому ландскнехту, но мы и полезны войску, мы стряпаемъ обѣдъ, метемъ, моемъ и ухаживаемъ за больными. А послѣ работы мы не прочь повеселиться. Если бы мы вздумали ткать, мы не много заработали бы. И хотя ландскнехты часто насъ колотятъ, все же мы, проститутки и мальчики, предпочитаемъ служить имъ».

Какъ видно здѣсь говорится обо всемъ, только не о любви. Если бы въ ней была главная суть, то ужъ, конечно, не постѣснились бы на это указать.

По мѣрѣ того, какъ война принимала все болѣе разбойничій характеръ и все болѣе росла возможность дѣлать добычу, увеличивалось и число проститутокъ, сопровождавшихъ войска. Все меньше женщинъ боялось неудобствъ военной жизни. Затѣмъ больше женщинъ манила перспектива богатой жизни. Несмотря на всевозможныя жестокости, которымъ онѣ ежечасно подвергались, ихъ увлекала за собой мечта о добычѣ. Ткать, пока кровь не пойдетъ изъ пальцевъ, тоже не было особеннымъ удовольствіемъ и едва доставляло нужное для жизни. Такъ не лучше ли «служить ландскнехту»?

Естественнымъ послѣдствіемъ такого массоваго наплыва проститутокъ къ войску было то, что ихъ уже рано организовали, включили, какъ составную часть, въ организмъ войска и старались въ самомъ широкомъ масштабѣ использовать въ интересахъ военнаго дѣла. Начальникъ отряда носилъ названіе Hurenweibel. Весь отрядъ проститутокъ и мальчиковъ долженъ былъ ему безпрекословно подчиняться. Въ военныхъ правилахъ Фрондсбергера, введенныхъ въ XVI в. повсюду въ войскахъ, цѣлая глава посвящена «должности и власти начальника проститутокъ». Здѣсь тоже на первомъ планѣ стоитъ трудъ проститутокъ и мальчиковъ: они должны вѣрно служить своимъ господамъ, носить ихъ поклажу во время переходовъ, «во время стоянокъ стряпать, мыть, ухаживать за больными, должны бѣгать по порученіямъ, кормить и поить, приносить пищу и питье, а также все другое, что нужно, и держать себя скромно».

Словомъ, при тогдашнихъ условіяхъ военнаго дѣла проститутка была прежде всего работницей и притомъ очень важной. Разумѣется, это нисколько не мѣшало ей усердно отдаваться и своей исконной профессіи, позволявшей ей выманивать у ландскнехта награбленные дукаты, къ чему она въ конечномъ счетѣ главнымъ образомъ и стремилась...

Другимъ характернымъ доказательствомъ огромнаго развитія

проституціи въ эпоху Ренессанса служатъ значительные доходы, получавшіеся отъ эксплуатаціи публичныхъ женщинъ, на которыхъ смотрѣли, какъ на доходную податную статью. Въ податныхъ книгахъ разныхъ городовъ сохранилось на этотъ счетъ не мало интереснаго матеріала. Ни городскія, ни церковныя, ни княжескія кассы не упустили изъ виду, что изъ кармановъ проститутокъ можно выудить не мало денегъ, и онѣ поэтому съ самаго начала обирали проститутокъ по всѣмъ правиламъ утонченнаго финансоваго искусства. Не только назначались значительныя денежныя пени въ случаѣ нарушеній, неразрывно связанныхъ съ этой профессіей, но и взималась постоянная урегулированная подать. Содержатель притона не только пріобрѣталъ обыкновенно за дорогую плату право открыть подобный домъ, но долженъ былъ кромѣ того ежегодно платить еще извѣстный налогъ въ пользу общины, церкви и двора. Весь чистый доходъ нѣкоторыхъ женскихъ домовъ утекалъ на церковныя кассы, или составлялъ значительную часть дохода высокихъ церковныхъ сановниковъ. Не рѣдко налогъ, взимавшійся съ извѣстныхъ домовъ терпимости и съ опредѣленнаго числа проститутокъ, составлялъ тѣ синекуры, которыми папы одаряли преданныхъ имъ слугъ.

Сохранившіеся податные списки города Парижа показываютъ, какъ рано проституція была обложена податью. Изъ этого документа видно, что уже въ XIII в. налогъ на проституцію давалъ городской казнѣ изрядный доходъ. О Сикстѣ IV сообщаютъ, что онъ получалъ отъ одного только дома терпимости не менѣе двадцати тысячъ дукатовъ. Тотъ же папа часто передавалъ священникамъ въ видѣ синекуры налоги, вносившіеся извѣстнымъ числомъ проститутокъ. Агриппа фонъ Неттесгеймъ сообщаетъ, что доходы одного церковнаго сановника состояли изъ «двухъ бенефицій, одного курата въ двадцать дукатовъ, одного пріората, доставлявшаго сорокъ дукатовъ, и трехъ проститутокъ въ домѣ терпимости». Не менѣе интересныя данныя имѣются у насъ также и объ обложеніи проституціи и ея доходовъ въ Гамбургѣ, въ концѣ XV в. По имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, «городское управленіе совершило договоръ съ двумя содержателями домовъ терпимости, въ силу котораго они должны были платить ежегодно за каждую дѣвицу таксу отъ пяти до девяти талантовъ». Кое-какія данныя имѣются у насъ и относительно Нюрнберга. Правда, точныхъ цифръ у насъ въ данномъ случаѣ нѣтъ, но намъ извѣстно, что въ силу указа 1487 г. содержатель дома терпимости былъ обязанъ выплачивать по недѣлямъ выговоренную плату за наемъ помѣщенія и за концессію.

Что доходы съ домовъ терпимости часто бывали весьма значительны, видно также изъ жалобъ нѣкоторыхъ князей на ущербъ, нанесенный ихъ правамъ. Слово «право» значитъ въ этихъ случаяхъ просто «доходы». Такъ въ 1442 г. курфюрстъ Дитрихъ Майнцскій—ограничимся однимъ этимъ примѣромъ—жаловался, что горожане «нанесли ущербъ его правамъ на публичныхъ женщинъ и дѣвушекъ, item проститутокъ». Почтенные отцы—князья, конечно, были весьма озабочены относительно добрыхъ нравовъ своихъ подданныхъ, но только въ томъ случаѣ, если они не наносили ущерба ихъ кошельку. Движенія въ пользу нравственности, сокращавшія ихъ доходы, были не очень въ ихъ вкусѣ. Въ такихъ случаяхъ они предпочитали, какъ видно изъ приведеннаго случая, лучше дружить съ діаволомъ.

Къ разряду проституціи относится еще одна категорія—огромное войско тѣхъ, кто живетъ за счетъ проституціи и тѣсно съ ней связанъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ любовь стала товаромъ, продаваемымъ и въ розницу: сутенеры, maquereaux, сводники и сводни.

Когда проститутка старится и красота ея уже не находитъ спроса на рынкѣ любви, она, если только не погибнетъ въ нищетѣ и больницѣ, принимается за еще болѣе доходную профессію сводни. «Въ молодости—дѣвка, подъ старость—сводня». Въ масляничной пьесѣ Vom Papst und seiner Priesterschaft, принадлежащей великому бернскому живописцу и поэту Николаю Мануэлю, старая проститутка восклицаетъ:

«Я рада, что могу сводничать, а то плохи были бы мои дѣла. Я въ превосходствѣ изучила это искусство и оно доставляло мнѣ хорошій доходъ, съ тѣхъ поръ, какъ моя нѣкогда пышная грудь стала похожа на пустой мѣшокъ, повѣшенный на палкѣ».

Войско своденъ рекрутировалось однако не только изъ проститутокъ въ отставкѣ, а также изъ значительнаго числа женщинъ, всегда исключительно занимавшихся только этимъ ремесломъ, или публично для всѣхъ желающихъ, или подъ той или другой маской для отдѣльныхъ лицъ. Такія женщины встрѣчались во всѣхъ классахъ. Наиболѣе обычнымъ покровомъ, подъ которымъ сводня исполняла свою дѣятельность на службѣ отдѣльныхъ лицъ, былъ чинъ камеристки.

Въ Испаніи прикомандированная къ женѣ или дочери знатныхъ людей дуэнья или «блюстительница чести» была въ огромномъ большинствѣ случаевъ ни чѣмъ инымъ, какъ сводней, доставлявшей любовниковъ своей, осужденной по испанскому обычаю на затворническую жизнь, госпожѣ. О той же роли своднн, исполняемой камеристкой въ кругахъ придворной французской знати, намъ уже пришлось говорить. Своднѣ, находящейся на службѣ у всѣхъ и каждаго, посвятилъ цѣлую главу Аретино. По его описанію выходитъ, что она порой наиболѣе занятая особа. Особенно ночью у нея часто ни минуты отдыха. Выведенная Аретино сводня разсказываетъ:

«По ночамъ сводня ведетъ образъ жизни летучей мыши, которая ни на минуту не садится. Гавная ея дѣятельность начинается, когда совы и филины вылетаютъ изъ своихъ норъ. Тогда и сводня покидаетъ свое гнѣздо и бѣгаетъ по женскимъ и мужскимъ монастырямъ, дворамъ, притонамъ и трактирамъ. Въ одномъ мѣстѣ она приглашаетъ съ собой монаха, въ другомъ монахиню. Одного она сводитъ со вдовой, другого съ куртизанкой, одного съ замужней, другого съ дѣвушкой; лакею она подводитъ камеристку, мажордома соединяетъ съ госпожей. Она заговариваетъ раны, собираетъ растенія, заклинаетъ духовъ, вырываетъ мертвецамъ зубы, снимаетъ съ повѣшенныхъ сапоги, пишетъ формулы заклинанія, сводитъ звѣзды, разъединяетъ планеты и порой получаетъ изрядную встрепку».

Однако до эпохи Аретино профессія сводни была, повидимому, еще выгоднѣе. Или правильнѣе: профессіональная сводня встрѣчалась теперь лицомъ къ лицу съ дѣловитыми конкурентами даже изъ лучшихъ круговъ общества. Та же сводня у Аретино разсказываетъ по этому поводу:

«Я внѣ себя, когда думаю о томъ, что намъ подорвали нашу нѣкогда столь блестящую профессію, да еще кто!—жены и дамы, мужья и господа, придворные кавалеры и барышни, исповѣдники и монахини. Да, дорогая кормилица, нынѣ вотъ эти знатные сводники управляютъ міромъ, герцоги, маркграфы, просто графы кавалеры. Должна тебѣ сказать даже больше, среди нихъ встрѣчаются короли, папы, императоры, султаны, кардиналы, епископы, патріархи, софіи, и всякіе другіе. Наша репутація пошла къ чорту, мы уже не тѣ, чѣмъ были раньше. Да, если вспомнить о томъ времени, когда наше ремесло процвѣтало!

Кормилица: Да развѣ оно не процвѣтаетъ, разъ имъ занимаются такія особы, которыхъ ты только что перечислила.

Сводня: Для нихъ это ремесло процвѣтаетъ, но не для насъ! Намъ осталось только ругательное слово: «сводня», тогда какъ они важно шествуютъ и щеголяютъ своими титулами, почестями и синекурами. Не воображай, пожалуйста, что человѣкъ талантливый можетъ пойти далеко. Это такъ же мало возможно здѣсь въ Римѣ, въ этомъ свиномъ хлѣву, какъ и въ другихъ мѣстахъ. Знатные сводники заставляютъ себѣ держать стремена одѣваются въ шелкъ и бархатъ, обладаютъ полными кошельками и передъ ними низко снимаютъ шляпы. Я то, правда, женщина оборотливая, но ты посмотрѣла бы на другихъ, какъ онѣ жалко выглядятъ»

Эти отряды проституціи были всегда безмѣрно велики, особенно въ эпохи всеобщей разнузданности. Никто ихъ не считалъ, да и никогда не сочтетъ!

Еще значительнѣе было войско мужскихъ паразитовъ, жившихъ за счетъ проститутки, войско сводниковъ, ruffiani, какъ ихъ называли въ Италіи, да и въ Германіи, сутенеры или maquereaux, какъ ихъ называли во Франціи. Профессія сводника весьма напоминаетъ ремесло сводни. Подобно тому, какъ камеристка часто исполняла обязанности сводни при знатной дамѣ, такъ камердинеръ при знатномъ баринѣ. Гораздо больше было однако число тѣхъ, кто занимались этимъ ремесломъ на собственный рискъ и страхъ и сбывали одну или нѣсколько проститутокъ для временнаго или болѣе продолжительнаго пользованія. Такихъ людей законъ первоначально обозначалъ словомъ ruffiani, впослѣдствіи изъ этого типа выработался нашъ современный сутенеръ, воплощающій въ одномъ лицѣ и сводника и покровителя проститутки. Уже и тогда публичная женщина, промышлявшая на волѣ, нуждалась во всегда готовомъ къ ея услугамъ заступникѣ, который могъ бы защитить ее отъ нападеній и грубаго обращенія, а также во время предупредить ее о появленіи городскихъ стражниковъ, ловившихъ тайныхъ проститутокъ. Главная ихъ роль, по всѣмъ вѣроятіямъ, состояла однако въ оказаніи помощи при ограбленіи посѣтителей проститутки. Такая дѣятельность дѣлала руфіана столь опаснымъ, что уже въ XIII и XIV вв. законодательство видѣло себя вынужденнымъ заняться имъ.

Мы ограничимся приведенными данными для характеристики степени распространенности проституціи въ эпоху Ренессанса. Если сдѣлать изъ нихъ надлежащій выводъ, то само собой получится отвѣтъ на вопросъ о роли проститутки въ общественной жизни эпохи или по меньшей мѣрѣ очень яркій аргументъ въ пользу того утвержденія, что проститутка была однимъ изъ главныхъ центровъ тогдашней общественной жизни.

Наиболѣе цѣнными и характерными доказательствами въ этомъ отношеніи являются, несомнѣнно, празднества эпохи Ренессанса. Можно безъ преувеличенія сказать, что въ большинствѣ случаевъ проститутка была главнымъ факторомъ, создававшимъ праздничное настроеніе, такъ какъ она вносила больше всѣхъ жизнь въ эти увеселенія. И это было вовсе не случайностью и не было простымъ сопутствующимъ явленіемъ, именно созданіе такого настроенія было въ данномъ случаѣ главной цѣлью. Спеціально ради этой цѣли проститутокъ привлекали ко всѣмъ праздникамъ и устроители, т.-е. отцы города, сознательно выдвигали ихъ для повышенія настроенія.

Это прежде всего доказывается той выдающейся постоянной ролью, которую эти женщины играли на такихъ празднествахъ. Въ большинствѣ случаевъ, когда торжество происходило въ теплую пору года, въ эпоху Ренессанса господствовалъ обычай передавать букеты, бросать къ ногамъ торжественнаго шествія цвѣты, забрасывать ими присутствовавшій народъ. Эту обязанность возлагали въ большинствѣ случаевъ на проститутокъ. Этимъ однако еще не исчерпывалась ихъ роль въ дѣлѣ возбужденія извѣстнаго настроенія. Онѣ отнюдь не исполняли обязанности простыхъ статистокъ, не уступали потомъ своего мѣста порядочнымъ женщинамъ, дабы тѣ тѣмъ ярче сіяли своей благовоспитанностью и добродѣтелью. Нѣтъ, онѣ дѣйствовали часто впродолженіи всего празднества и являлись гвоздемъ всей увеселительной программы.

Мы уже описали во второй главѣ эту ихъ роль и отсылаемъ читателя къ этимъ страницамъ. Мы имѣемъ въ виду довольно распространенный обычай, по которому одна или нѣсколько красивыхъ нагихъ куртизанокъ встрѣчали или привѣтствовали высокаго княжескаго гостя. Именно этотъ пунктъ программы былъ всегда главной частью торжественнаго пріема. Когда начинались танцы, то проституткамъ не отводились мѣста простыхъ зрительницъ за оградой. Напротивъ, именно съ ними обыкновенно плясали придворные и дворяне, тогда какъ гордыя патриціанки смотрѣли на пляску съ высоты балкона или эстрады. Во время такихъ празднествъ устраивались далѣе всевозможныя представленія, турниры, бѣга и т. п., участницами въ которыхъ бывали исключительно «вольныя дочери» города. Однѣ изъ прекрас-

нѣйшихъ куртизанокъ изображали группы мифологическаго или символическаго характера, другія исполняли вакхическіе танцы, или онѣ состязались между собой изъ-за преміи красоты, назначенной городомъ. Особенной популярностью пользовались такъ называемыя «бѣга проститутокъ», ибо здѣсь случай всегда являлся услужливымъ сводникомъ чувствъ зрителей.

Когда праздничный день кончался, то и тогда роль проститутки еще не была сыграна до конца. Напротивъ, какъ разъ теперь начиналась ея истинно активная роль, также относившаяся къ оффиціальной программѣ. Только теперь мѣсто дѣйствія прямо переносилось въ «женскій переулокъ», въ «женскій домъ». На средства города дорога туда празднично освѣщалась во все время пребыванія въ стѣнахъ города высокихъ гостей, на средства города всѣ придворные гости могли тамъ веселиться, сколько душѣ было угодно. Самымъ красивымъ куртизанкамъ городъ далѣе приказывалъ въ любой моментъ быть готовыми къ пріему находившихся въ городѣ гостей и «обслуживать ихъ всѣхъ своимъ искусствомъ». И, несомнѣнно, куртизанки старались и въ этомъ отношеніи постоять за репутацію города.

Пусть въ особенности расточительно хозяйничали съ капиталомъ красоты куртизанокъ по случаю пріѣзда князей—самый пріемъ использованія ихъ красоты для повышенія общей жизнерадостности былъ лишь слѣдствіемъ того, что въ ней видѣли вообще необходимый реквизитъ пользованія и наслажденія жизнью. Когда въ городѣ по дѣламъ находился посланникъ и бургомистеръ и городскіе совѣтники устраивали на счетъ города пиръ въ его честь, то рядомъ съ нимъ всегда сажали какуюнибудь куртизанку, отличавшуюся особенной красотой или же совершенствомъ въ своемъ ремеслѣ; она выслушивала всѣ его остроты и не противилась и его грубѣйшимъ шуткамъ, особенно охотно пускавшимся въ ходъ въ такихъ случаяхъ.

Даже и во время чисто семейныхъ увеселеній, во время народныхъ праздниковъ, на свадьбахъ патриціевъ и т. д. проституткамъ отводилась довольно значительная роль въ цѣляхъ по-

вышенія общаго праздничнаго настроенія. На народныхъ праздникахъ и спеціально для этого придуманныхъ торжествахъ онѣ участвовали въ такихъ же представленіяхъ, какъ въ дни княжескихъ посѣщеній. Были и такія увеселенія и праздники, которые устраивались исключительно проститутками, какъ напр., танецъ Магдалины, а также и такія, которыя посѣщались главнымъ образомъ ради представленій, устраеваемыхъ проститутками, какъ напр. ярмарка въ Цурцахѣ въ Швейцаріи, славившаяся своимъ «танцемъ куртизанокъ», связаннымъ съ состязаніемъ въ красотѣ.

Необходимо замѣтить еще, что проститутки иногда получали отъ городской общины извѣстныя повинности, напр., вино и дичь. На свадьбахъ патриціевъ или городскихъ дворянъ публичнымъ женщинамъ города порой устраивался особый столъ, гдѣ ихъ угощали за счетъ жениха. А во время такъ называемой вечерней пляски, обыкновенно завершавшей свадьбу, проститутки всегда составляли главную часть женскаго элемента.

Таковы нѣкоторыя наиболѣе яркія формы, въ которыхъ обитательницы «женскаго переулка» активно содѣйствовали общему праздничному настроенію.

Протоколы городскихъ совѣтовъ и городскіе счета даютъ не не мало иллюстрацій и доказательствъ въ пользу вышеизложеннаго.

На основаніи протоколовъ бернскаго городского совѣта историкъ Швейцаріи Іоганнъ Мюллеръ сообщаетъ по поводу пребыванія въ городѣ императора Сигизмунда, въ 1414 г., проѣздомъ въ Констанцъ на соборъ:

«Городской совѣтъ постановилъ, что за все это время каждый можетъ получать вино изъ постоянно открытаго погребка (вообще двору и свитѣ устраивалось роскошное угощеніе), а также былъ отданъ приказъ, чтобы въ домахъ, гдѣ прекрасныя женщины торговали собой, придворные принимались гостепріимно и даромъ».

А императоръ путешествовалъ на восьмистахъ лошадяхъ. Свита была, слѣдовательно, не мала. Императоръ остался, по-

видимому, весьма доволенъ оказаннымъ пріемомъ и въ особенности куртизанками, ибо въ другомъ мѣстѣ говорится:

«Впослѣдствіи, въ обществѣ князей и господъ, король не могъ нахвалиться этими двумя ему оказанными почестями: виномъ и женской лаской. Городу пришлось тогда заплатить по счету, предъявленному «красавицами изъ переулка!»

Регенсбургская хроника сообщаетъ о посѣщеніи Регенсбурга другимъ императоромъ въ 1355 г.:

«Въ бытность въ городѣ императора въ публичномъ женскомъ домѣ ночью постоянно происходили скандалы. Домъ лежалъ противъ жилища дешанта, имѣлъ публичную привиллегію и сдавался городскимъ совѣтомъ въ аренду хозяину».

Въ протоколахъ счетовъ Вѣны, относящихся къ 1438 г., зарегистрированы расходы города во время пребыванія въ немъ Альбрехта II послѣ его коронаціи въ Прагѣ, между прочимъ и расходы по части публичныхъ женщинъ:

«Вино для публичныхъ женщинъ—12 achterin. Item—плата публичнымъ женщинамъ, встрѣтившимъ короля—12 achterin».

При въѣздѣ въ Вѣну короля Владислава въ 1452 г., по словамъ одной хроники, бургомистръ и городской совѣтъ снарядили «вольныхъ дочерей» встрѣтить короля у Вѣнской Горы, а послѣ его возвращенія изъ Бреславля такая же почетная встрѣча была ему устроена въ Вердѣ (нынѣ второй округъ Вѣны). Когда въ 1450 г. австрійское посольство отправилось въ Португалію за невѣстой короля Фридриха IV, то такимъ же образомъ поступилъ городской совѣтъ Неаполя: «Женщины въ домахъ терпимости были всѣ оплачены и не имѣли права брать деньги. Тамъ можно было найти арабокъ и всякихъ другихъ красавицъ, какія только угодно душѣ».

Изъ вѣнскихъ городскихъ счетовъ XV в. видно далѣе, «что высокихъ гостей бургомистръ и городской совѣтъ въ празднества и на балахъ, устраивавшихся въ домахъ бюргеровъ, знакомили съ «красавицами». Простыя проститутки приглашались на пляску въ Ивановъ день, устраивавшуюся вокругъ купальскихъ

огней, причемъ бургомистръ и городской совѣтъ отпускали имъ угощенія. Такъ же точно фигурировали онѣ во время ежегодныхъ скачекъ въ Вѣнѣ».

Одинъ городской посланникъ, Сигизмундъ фонъ Герберштейнъ разсказываетъ о своемъ посольствѣ въ Цюрихъ въ 1513 г.: «Обычай требовалъ, чтобы бургомистръ, судьи и проститутки обѣдали вмѣстѣ съ посланникомъ». Вышеупомянутый танецъ проститутокъ на ярмаркѣ въ Цурцахѣ описанъ въ одной масляничной пьесѣ:

«Я видѣлъ тебя, окруженной большими почестями, семь лѣтъ тому назадъ, во время пляски проститутокъ въ Цурцахѣ. Потому ты, вѣроятно, и носишь вѣнокъ. Тамъ было больше ста публичныхъ женщинъ, участвовавшихъ въ пляскѣ. Ты и выиграла гульденъ, предназначенный для прекраснѣйшей. Баденскій фохтъ даетъ этотъ гульденъ самой красивой изъ тѣхъ, которыя находились на лугу».

О существованіи разныхъ обычаевъ, о томъ, какъ они претворялись въ жизнь, мы часто узнаемъ изъ запрещеній, которымъ они подвергались. Изъ этихъ запрещеній выясняется также, когда именно въ общественныхъ нравахъ происходилъ переворотъ. Такъ въ царствованіи Фердинанда I полицейскій ремесленный указъ 1524 г. упразднилъ танецъ, исполнявшійся ежегодно вокругъ горѣвшихъ на площадяхъ ивановыхъ костровъ подмастерьями и украшенными цвѣтами «красавицами». Объ упраздненіи «бѣга проститутокъ» въ Мюнхенѣ мы узнаемъ изъ примѣчанія къ протоколамъ городского совѣта отъ 10 іюля 1562 г.

«Рѣшено въ городскомъ совѣтѣ, чтобы отнынѣ падшимъ женщинамъ возбранялось устраивать бѣга, въ виду ихъ непристойности, бѣгаютъ онѣ отвратительно, почти оголяются, подаютъ молодымъ людямъ плохой примѣръ и возбуждаютъ ихъ пойти за ними внизъ (т. е. въ женскій переулокъ)».

Въ Вѣнѣ такіе ежегодно устраивавшіеся бѣга были упразднены уже въ 1531 г., или вѣрнѣе, въ этомъ году они были устроены въ послѣдній разъ.

Что въ этомъ привлеченіи проститутокъ къ общественнымъ

увеселеніямъ и праздникамъ сказывалась отнюдь не похвальная терпимость, что на нихъ отнюдь не смотрѣли, какъ на равноправныхъ гражданъ, что онѣ были по прежнему той дичью, за которой каждый участникъ праздника свободно могъ охотиться и съ которой каждый могъ дѣлать все, что ему взбредетъ на умъ, также видно очень ясно изъ разныхъ городскихъ протоколовъ и сообщеній хронистовъ. Такъ напр. въ нюренбергской хроникѣ Генриха Дейкслера говорится:

«Въ этомъ году въ среду послѣ Павла (23 янв.) Гансъ Имгофъ устроилъ свадьбу сына Людвига, ночью во время вечерняго танца дикая шайка безчинствовала въ ратушѣ и сорвала вуаль съ публичной дѣвушки, по имени Агнесса Пайрейтеръ, она же вытащила ножъ и нанесла имъ ударъ».

Хроника разсказываетъ дальше, что защищавшаяся Агнеса ранила въ шею одного изъ сорванцовъ-патриціевъ. Въ наказаніе ее на пять лѣтъ выслали изъ Нюренберга, а ея благородный противникъ остался безъ наказанія. Чернь заходила, повидимому, въ своихъ эксцессахъ такъ далеко, что проститутки, объявленныя внѣ закона, вообще не были увѣрены въ своей жизни. Это явствуетъ изъ того, что съ теченіемъ времени встрѣчается все больше указовъ, ограничивавшихъ число проститутокъ, приглашенныхъ на общественные праздники. Само собой понятно, что это не мѣшало имъ присутствовать incognito, въ особенности же такъ называемымъ inhonestae meretrices.

Изображая роль, которую проститутка играла въ общественной жизни Ренессанса, мы должны сказать, естественно, нѣсколько словъ и объ отношеніяхъ къ проституціи отдѣльной личности.

Если при оцѣнкѣ роли проститутки въ общественной жизни необходимо исходить изъ размѣра городовъ—ея роль была значительнѣе въ крупныхъ городахъ и въ центрахъ коммерческой и придворной жизни,—то при освѣщеніи отношенія отдѣльныхъ индивидуумовъ къ проституціи, необходимо имѣть въ виду каждый классъ городского населенія въ отдѣльности.

Среда подмастерьевъ поддерживала почти вездѣ довольно

оживленныя сношенія съ проститутками, представлявшими для нихъ суррогатъ брака, такъ какъ большинство изъ нихъ не могли вступать въ бракъ на основаніи цеховыхъ законовъ. Само собой понятно, что здѣсь необходимо сдѣлать существенныя ограниченія. Надо имѣть въ виду, что очень многіе подмастерья, лишенные возможности вступить въ законный бракъ, жили въ конкубинатѣ, а для другихъ постоянное посѣщеніе домовъ терпимости оказалось бы слишкомъ дорого стоющимъ удовольствіемъ. Надо далѣе имѣть въ виду, что женская прислуга въ значительной степени удовлетворяла половыя потребности холостыхъ мужчинъ, отчасти добровольно, имѣя тѣ же самыя потребности, какъ мужчины, которыя онѣ также иначе не могли удовлетворить, отчасти противъ воли, такъ какъ ихъ соціальное положеніе дѣлало ихъ безпомощными жертвами насилія. Тѣмъ не менѣе подмастерья были довольно бойкими кліентами проститутокъ и то же надо сказать о холостыхъ сыновьяхъ мастеровъ, да и вообще обо всѣхъ холостякахъ. Всѣ они считали посѣщеніе женскаго дома дѣломъ естественнымъ и нормальнымъ и никто не видѣлъ въ этомъ ничего предосудительнаго и безнравственнаго. Всѣ несмотря на это продолжали слыть за «добродѣтельныхъ юношей».

Такъ какъ половое общеніе считалось тогда главнымъ содержаніемъ, самой сущностью всякаго увеселенія и развлеченія, то холостякъ, желавшій весело провести день или вечеръ, отправлялся въ большинствѣ случаевъ прежде всего въ «женскій переулокъ». Для многихъ «женскій домъ» былъ мѣстомъ свиданія, гдѣ каждый легче всего могъ встрѣтить знакомыхъ и гдѣ собиралось постоянно самое интересное общество. Всѣ, кто только легко зарабатывалъ деньги и потому такъ же легко ихъ тратилъ, встрѣчались здѣсь: праздные ландскнехты, авантюристы, всякіе искатели счастья, всякій опустившійся людъ. Очень часто туда отправлялись въ компаніи, подобно тому, какъ нынѣ отправляются въ компаніи кутить. Въ «женскомъ домѣ» веселились, какъ нынѣ веселятся въ ресторанахъ и трактирахъ: пѣли, играли, плясали, позволяли себѣ скабрезныя шутки и выходки съ ея обитательницами.

Иначе относился къ проституціи женатый, семейный мелкій буржуа. Если холостяку знакомство съ проститутками оффиціально разрѣшалось, то первому оно строго запрещалось и не только неписанными законами, а обыкновенно даже прямо спеціальными постановленіями городскихъ совѣтовъ, цѣлый рядъ которыхъ дошелъ до насъ. Мужъ, «наносящій такимъ образомъ ущербъ правамъ жены», совершаетъ, посѣщая «женскій домъ», прямо преступленіе, достойное наказанія. Въ этомъ нѣтъ ничего противорѣчащаго общему духу времени это какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ условіямъ мелкобуржуазной семьи, нами выше уже освѣщеннымъ. Семейный мелкій буржуа, конечно, являлся тѣмъ не менѣе не рѣдкимъ гостемъ въ женскомъ переулкѣ, но пробираться туда онъ могъ только тайкомъ. И эта послѣдняя черта также какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ исторической ситуаціи мелкаго бюргерства.

Если мелкая буржуазія часто и являлась въ исторіи революціоннымъ классомъ, если ея вступленіе на историческую сцену и носило революціонный характеръ, то узость ея матеріальныхъ условій существованія все же обусловливала всегда нѣкоторую узость ея морали и отъ искусственныхъ ложныхъ путъ она освобождалась не иначе, какъ только тайкомъ. А это всегда приводитъ къ лицемѣрію и ханжеству, двумъ качествамъ, которыя становятся тѣмъ могучѣе, чѣмъ болѣе политическое положеніе мелкой буржуазіи расшатывается восшествіемъ новыхъ революціонныхъ классовъ. А какъ разъ такой процессъ и происходилъ въ эпоху Ренессанса.

Тайнымъ союзникомъ мелкаго буржуа всегда, естественно, былъ содержатель притона, хотя онъ также получалъ отъ городского совѣта строжайшее наставленіе не впускать женатыхъ. Семьянинъ, еврей и монахъ — послѣднимъ двумъ категоріямъ лицъ доступъ въ «женскій домъ» также былъ запрещенъ властями — были даже наиболѣе цѣнимыми содержателемъ гостями. Женатые были обыкновенно состоятельнѣе холостяковъ, да и тратили больше, какъ всѣ, имѣющіе возможность «грѣшить» только тайкомъ. Разъ дойдя

до цѣли, они хотятъ вдвойнѣ использовать случай. Хозяинъ всегда находилъ поэтому пути и средства помочь и женатымъ, а также монахамъ безпрепятственно посѣщать его учрежденіе, или посредствомъ потаенныхъ дверей, выходившихъ на пустырь, или при помощи дозорщиковъ и сторожей. Доказательствомъ того, что и эти три категоріи лицъ были постоянными посѣтителями женскихъ домовъ, служатъ разныя сообщенія о наказаніяхъ, которымъ подвергались женатые, евреи и монахи, случайно накрытые на мѣстѣ преступленія.

Вдовецъ снова имѣлъ оффиціальное право сходиться съ проституткой. Для послѣдняго проститутка часто становилась такъ называемой «тайной женой», т. е. экономкой, необходимой для веденія хозяйства, очень часто также его сожительницей. Что это бывало не рѣдко, что въ этомъ опять таки видѣли нѣчто естественное, явствуетъ изъ частыхъ указаній на то, что, вступая въ бракъ, такой-то мужчина имѣлъ ребенка отъ своей «тайной жены».

Что конкубинатъ часто существовалъ рядомъ съ бракомъ, что мужъ часто содержалъ рядомъ съ женой въ своемъ же домѣ еще наложницу этотъ фактъ также подтверждается достовѣрными документами. Впрочемъ болѣе распространеннымъ этотъ обычай былъ не въ мелкой буржуазіи, а въ восходившей крупной буржуазіи, въ средѣ богатаго купечества, которое въ качествѣ революціоннаго класса смѣло игнорировало суровыя требованія патріархальной семьи и обнаруживало свою революціонность особенно именно въ сексуальной области.

Еще положительнѣе, притомъ съ уклономъ въ сторону рафинированности, относилось къ проституціи дворянство, какъ городское, такъ и придворное. Здѣсь открытыя связи съ красивыми куртизанками вполнѣ на очереди дня. Здѣсь красивая куртизанка становится высшимъ предметомъ роскоши. Въ этихъ кругахъ возродился поэтому до извѣстной степени античный гетеризмъ, разумѣется, именно только до извѣстной степени.

Представители знати открыто содержали красивыхъ куртиза-

нокъ, подобно тому, какъ они содержали рѣдкихъ, драгоцѣнныхъ звѣрей. Они нанимаютъ имъ дома, или отдаютъ въ ихъ распоряженіе свой домъ, окружаютъ ихъ прислугой, лошадьми, колясками, покупаютъ имъ роскошныя платья, драгоцѣнности и т. д., превращаютъ ихъ домъ въ блестящій предметъ роскоши. Здѣсь они бываютъ совершенно открыто, приводятъ сюда своихъ друзей, устраиваются общія празднества. Связи съ куртизанкой, безумная на нее трата денегъ являются даже однимъ изъ способовъ демонстративнаго выставленія на показъ своихъ богатствъ. Такія содержанки знати, кардиналовъ и прелатовъ назывались въ Италіи — въ отличіе отъ обыкновенныхъ meretrices — cortesanae honestae.

Особенно богатые жуиры содержали цѣлые гаремы съ одной, двумя и тремя куртизанками. Мы знаемъ это главнымъ образомъ о богатой аристократіи Италіи и отчасти Франціи. Въ Италіи знаменитыя, знатныя куртизанки жили преимущественно во Флоренціи, Венеціи и Римѣ, въ тѣхъ трехъ центрахъ, куда со всѣхъ сторонъ Италіи стекались волны золота. Во Флоренціи царила наибольшая пышность, въ Венеціи — наибольшее богатство, въ Римѣ предавались исключительно сладострастію и наслажденію.

Порой нѣсколько друзей сообща покрывали расходы по содержанію куртизанокъ. Такъ во Флоренціи подобный гаремъ содержался нѣкіимъ Филиппо Строцци, мужемъ нѣкоей Клариче Медичи. Посѣтителями этого лупанара были какъ самъ Строцци, такъ и его друзья. Къ нимъ принадлежали между прочимъ: Лоренцо де Медичи, герцогъ урбинскій, Франческо дельи Альбицци и Франческо дель Неро. Друзья сообща покрывали расходы по гарему. Изданныя и обработанныя Лотаромъ Шмитомъ въ интересной книжкѣ (въ серіи Die Kultur) письма этихъ куртизанокъ даютъ намъ наглядное представленіе о жизни и бытѣ этого частнаго дома терпимости. Мы узнаемъ, что въ немъ жили четыре прекрасныхъ куртизанки, Камилла де Пиза, Алессандра, Беатриче и Бриджида и что онѣ должны были отдаваться всѣмъ желающимъ, принадлежавшимъ къ этому дружескому кружку. Собственно каж-

дая изъ нихъ была подругой спеціально одного изъ друзей и порой въ самомъ дѣлѣ бывала влюблена въ этого именно своего любовника. Но это не мѣшало и четырехъ-и пятигранным связямъ. Порой эти куртизанки занимались и сводничествомъ и приводили одному изъ пріятелей женщину, которой тотъ интересовался. Такъ въ одномъ письмѣ Камиллы къ Филиппо Строцци мы читаемъ:

«Мой милый! Ты смѣшонъ, если думаешь, что я позволю Алессандрѣ вступить въ другую связь, такъ какъ я уступила и подарила ее тебѣ отъ всей души. Смотри, чтобы она была довольна тобой, я свои подарки назадъ не отнимаю. Если же мы его (какого-то кавалера) примемъ въ нашъ кружокъ, то мы ему дадимъ Бриджиду. Я же безъ Вашего согласія не сдѣлаю ни шага».

Та же самая Камилла къ себѣ самой относилась далеко не такъ сурово, принимая и другихъ друзей, чтобы дать имъ возможность удостовѣриться въ ея красотѣ и ея умѣніи любить. Одновременно съ письмомъ къ Строцци она пишетъ другому члену кружка, просившему ее о взаимности:

«Если вы придете, дайте знакъ около моей комнаты,—я опять сплю въ своей прежней спальнѣ — чтобы вамъ не пришлось долго ждать».

Словомъ господствуетъ безпорядочное половое смѣшеніе, притомъ съ общаго молчаливаго соглашенія, разумѣется, только до тѣхъ поръ, пока длится дружба. Что куртизанка и въ такихъ случаяхъ оцѣнивалась исключительно, какъ орудіе наслажденія, лучше всего явствуетъ изъ тѣхъ пріемовъ, при помощи которыхъ отдѣлывались отъ надоѣвшей. Когда одинъ изъ кавалеровъ пресыщался своей дамой, то онъ просто передавалъ ее пріятелю. Какъ цинично поступали въ такихъ случаяхъ знаменитые носители высшей духовной культуры Ренессанса, видно изъ третьяго письма этой дамы, возмущающейся тѣмъ, что ея другъ осмѣлился приказать ей, послѣ того какъ она ему надоѣла, быть къ услугамъ всякаго, кого онъ приведетъ въ домъ. Она пишетъ:

«Пусть онъ оставитъ меня въ покоѣ въ моемъ горѣ, и не усту-

паетъ другимъ, ибо я, кажется, родилась свободной и не являюсь чьей либо рабыней или служанкой. Онъ знаетъ, какъ часто я ему запрещала приводить сюда другихъ и передавать меня имъ, какъ добычу. Чортъ возьми! У него достаточно женщинъ, чтобы вмѣшиваться въ здѣшнія дѣла».

Впрочемъ съ такими пріемами мы всегда встрѣчаемся тамъ, гдѣ богатство и власть могутъ свободно исполнять всякія свои прихоти, и мы съ ними еще неоднократно встрѣтимся въ вѣкъ галантности и въ эпоху буржуазіи.

Рядомъ съ такими куртизанками, содержавшимися однимъ человѣкомъ или цѣлымъ кружкомъ, возникъ въ эпоху Ренессанса, какъ нѣкогда въ античномъ мірѣ — аналогичная историко-экономическая ситуація привела, естественно, къ аналогичнымъ послѣдствіямъ — типъ первоклассной кокотки, la grande Cocotte, la grande Puttana, типъ гетеры, зарабатывавшей своей красотой и рафинированностью столько, что могла освободиться отъ экономической зависимости, превращавшейся изъ рабыни въ госпожу, за которой ухаживали самые богатые и могущественные люди. Этотъ типъ впервые въ большомъ количествѣ появился въ Италіи, такъ какъ здѣсь впервые создались тѣ разнообразныя историческія условія, которыя благопріятствовали существованію и развитію этого пышнѣйшаго цвѣтка гетеризма.

Здѣсь въ Италіи раньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, мобилизовался движимый капиталъ, возникли крупные города, важнѣйшая предпосылка, позволяющая жрицѣ Венеры окружить себя такъ сказать оффиціально дворомъ, и сюда, въ Италію, въ виду мірового значенія Рима, стекалось изъ года въ годъ множество князей и дворянъ, а еще больше богатыхъ купцовъ. Италія — а въ Италіи преимущественно Венеція, Флоренція и Римъ — были главными центрами для путешественниковъ новаго времени. Необходимо было, чтобы всѣ эти факторы были на лицо, одного изъ нихъ было бы недостаточно, чтобы взрастить гетеру крупнаго стиля и сдѣлать ее постепенно столь характернымъ для физіономіи Ренессанса общественнымъ явленіемъ.

Въ этихъ трехъ городахъ мы и находимъ самые поразительные образчики этого типа. Въ одной Венеціи насчитывалось по словамъ Монтеня полтораста первоклассныхъ куртизанокъ, соперничавшихъ въ смыслѣ блеска и роскоши съ принцессами. Характерной представительницей этого типа, и притомъ наиболѣе знаменитой, была венеціанка Вероника Франко. Эта опытная въ любви куртизанка насчитывала среди своихъ кліентовъ высшую родовитую и умственную аристократію второй половины XVI в. Ея спальня была своего рода первоклассной гостинницей на самомъ бойкомъ перекресткѣ Европы, связывавшемъ Римъ съ Востокомъ, въ ней останавливались пестрой вереницей князья и короли, платившіе порой огромное состояніе за одну ночь любви. Вероника была долгое время подругой великаго Тинторетто и принимала въ своемъ салонѣ знаменитнѣйшихъ писателей и художниковъ Италіи, а также тѣхъ французскихъ и нѣмецкихъ, которые путешествовали въ Италію. О ней не безъ основанія говорили:

«Если эта новая Аспазія мѣняла мѣстожительство, то ея переѣздъ напоминалъ переѣздъ королевы, причемъ посланники распространяли вѣсть о ея отъѣздѣ и пріѣздѣ».

Ради славы содержать знаменитую и дорогую куртизанку разорился не одинъ арестократъ. Объ этомъ можно судить по слѣдующему сообщенію о жизни одной римской куртизанки XVII в.:

«По приказанію папы знатная куртизанка Леонора Контарина подверглась высылкѣ изъ города несмотря на просьбы многихъ знатныхъ кавалеровъ, такъ какъ къ ней стекалось наибольшее количество знатныхъ господъ, многіе изъ которыхъ благодаря чрезмѣрно щедрымъ подаркамъ потерпѣли значительный матеріальный ущербъ».

Само собой понятно, что за подобными репрессивными мѣрами скрывались не столько нравственныя соображенія, а могущественные родственники расточительныхъ содержателей дамы, боявшіеся за сохранность фамильнаго богатства. Ради обладанія такой знаменитой куртизанкой люди рисковали не только состояніемъ, но и жизнью. Кондотьеръ Джьованни де Медичи на-

сильно похитилъ нѣкую Лукрецію у Джьованни делла Стуфа во время праздника, устроеннаго послѣднимъ въ Реканати. Въ 1531 г. во Флоренціи шесть рыцарей вызвали на поединокъ каждаго, кто осмѣлился бы отрицать, что куртизанка Туллія Арагона «прекраснѣйшая и удивительнѣйшая дама во всемъ свѣтѣ». Такое кувырканіе разума на службѣ культа проститутокъ было тогда обычнымъ явленіемъ въ средѣ праздныхъ классовъ.

Необходимо здѣсь указать еще на тѣ пріемы, которыми въ эпоху Ренессанса куртизанки обращали на себя вниманіе мужчинъ.

Пріемы эти были, разумѣется, какъ и нынѣ, настолько же разнообразны, насколько разнообразно было соціальное положеніе проститутки.

Однѣ гуляли на улицѣ, провоцируя прохожихъ, другія сидѣли въ неглижэ у открытаго окна или въ дверяхъ домовъ, привлекая на себя вниманіе мужчинъ. Третьи, отличавшіяся особенной красотой, совершали у окна самый интимный туалетъ, дѣлая прохожихъ его свидѣтелями, или, какъ уже упомянуто, выставляли свою красоту на показъ въ публичныхъ баняхъ. Наконецъ, самыя важныя вели образъ жизни настоящихъ grandes dames, вобуждая желанія даже въ князьяхъ и короляхъ.

Въ хроникахъ и описаніяхъ нравовъ встрѣчается на этотъ счетъ не мало указаній. Въ своемъ Geuchmatt Томасъ Мурнеръ пишетъ:

«Одного онѣ привлекаютъ свистомъ, другого—жестомъ, третьяго—фацилеттомъ (платкомъ), другихъ—бѣлыми башмаками и бѣлыми ногами, а иныхъ—кольцами, крестиками и другими украшеніями».

Таковы были пріемы тѣхъ, которыя промышляли на улицѣ. Въ какомъ большомъ количествѣ онѣ порой сновали по улицамъ и какъ смѣло приставали къ мужчинамъ, видно напр. изъ одной жалобы, составленной въ Базелѣ:

«Молодыя дѣвицы и старыя женщины ходятъ по улицамъ, какъ павы. Мужчинѣ нельзя пройти безъ того, чтобы онѣ не напали на него и не потребовали бы отъ него денегъ».

Въ Нюрнбергѣ поведеніе уличныхъ проститутокъ также неоднократно давало поводъ къ жалобамъ и угрозамъ кары. Въ своихъ матеріалахъ къ «Нюрнбергской исторіи», фонъ Мурръ приводитъ слѣдующіе указы городского совѣта:

«Въ 1508 г. содержателю дома терпимости вмѣняется въ обязанность не пускать своихъ «дочерей» на улицу въ ихъ профессіональномъ костюмѣ, а держать ихъ какъ можно болѣе дома, если же онѣ хотятъ пойти въ церковь или въ другія мѣста, то онѣ должны надѣвать плащи и вуали. Въ 1546 г. этотъ указъ былъ возобновленъ въ болѣе суровой формѣ: въ случаѣ его неисполненія дѣвицамъ грозила тюрьма, а въ 1554 г., когда онѣ начали попарно гулять по городу и въ такомъ видѣ посѣщать церковь, этотъ обычай былъ также запрещенъ подъ страхомъ тюремнаго наказанія»

О поведеніи проститутокъ во Франціи въ гостиницахъ и трактирахъ Эразмъ Роттердамскій разсказываетъ слѣдующее:

«Были тамъ и дѣвушки, съ вызывающимъ смѣхомъ и кокетливыми манерами. Онѣ спрашивали безъ всякаго повода съ нашей стороны, нѣтъ ли у насъ грязнаго бѣлья? Онѣ стирали его и приносили чистымъ. Что еще прибавить? Повсюду, за исключеніемъ конюшни, была масса дѣвушекъ, да и въ конюшню онѣ часто врывались. При отъѣздѣ онѣ обнимали насъ и прощались съ такимъ участіемъ, словно мы были ихъ друзьями или близкими родственниками».

Поведеніе проститутокъ на праздникахъ, ихъ манера танцовать, держать себя во время бѣга—все это, конечно, тоже относится къ нашей темѣ, такъ какъ все это поведеніе было ничѣмъ инымъ, какъ концентрированной рекламой. Да и сами зрители видѣли не что иное, какъ рекламу, если тѣ, прыгая и бѣгая, поднимали юбки такъ высоко, что ихъ «бѣлыя бедра были видны довольно таки безстыднымъ образомъ». Или, если во время пляски ихъ «круглая грудь выходила изъ корсажа на соблазнъ похотливаго народа». Указаніемъ на то, что такое поведеніе про-

ститутокъ заставляетъ многихъ пойти въ «женскій переулокъ», которые при другихъ условіяхъ не пошли бы туда, обосновывались, какъ мы видѣли, часто запрещенія пляски и процессій публичныхъ женщинъ.

Рафинированностью костюма проститутки также дѣлали себѣ рекламу и притомъ каждая, публично или въ «женскомъ домѣ». Несмотря на всѣ запреты онѣ выбирали самыя роскошныя матеріи и, пока еще были сносны, страшно злоупотребляли декольтэ.

Самые утонченные пріемы рекламы пускала входъ итальянская grande Puttana, привлекая мужчинъ еще и духовными качествами, особенно охотно вступая въ союзъ съ музами. Классическимъ примѣромъ является уже упомянутая венеціанка Вероника Франко. Она, напр., пишетъ одному изъ ухаживателей, смертельно въ нее влюбленному и пытавшемуся путемъ мадригалей проложить дорогу къ ея сердцу, что онъ выбралъ лучшее средство, если хочетъ надѣется въ будущемъ на исполненіе своихъ желаній:

«Вы прекрасно знаете, что среди тѣхъ, которые сумѣли покорить мое сердце, я болѣе всего дорожу тѣми, кто интересуется наукой и свободными искусствами, мнѣ столь близкими и милыми, хотя я только невѣжественная женщина. Съ особеннымъ удовольствіемъ бесѣдую я съ тѣми, кто знаетъ, что я могла бы всю жизнь учиться, гдѣ и когда только случай представится, и что я все свое время проводила бы въ обществѣ знающихъ людей, если бы то позволяли мои обстоятельства».

Прекрасная венеціанка не единственная куртизанка, дружащая съ музами.

Другая такая дама, по имени Имперія, также пользовавшаяся большой извѣстностью среди тогдашней жуирующей публики, научилась у Никколó Компаньо, прозваннаго Страшино, писать итальянскіе стихи и читала въ подлинникѣ латинскихъ авторовъ. Третью, Лукрецію, прозванную «Madrenna non vuole», Аретино характеризуетъ слѣдующими словами:

«Она похожа по моему на Цицерона, знаетъ всего Петрарку и Боккаччьо наизусть, а также множество прекрасныхъ стиховъ Виргилія, Горація, Овидія и многихъ другихъ поэтовъ».

О четвертой, Лукреціи Скварчьо, говорили, что она способна спорить о чистотѣ итальянской рѣчи и т. д.

Тотъ фактъ, что знатныя итальянскія куртизанки демонстративно вступали въ союзъ со всѣми девятью музами, далъ нѣкоторымъ историкамъ Ренессанса поводъ къ нелѣпому заявленію, что grande Puttana являлась самой смѣлой и потому достойной уваженія представительницей Возрожденія, и они и прославили ее въ этомъ духѣ на весь міръ. Они видѣли здѣсь новый вѣкъ Лаиды, той Лаиды, которой служилъ художникъ Апеллесъ. Всѣ эти добродушно-наивные люди приняли за признакъ глубины и серьезности то, что было только позой, да и могло быть только позой, въ чемъ не трудно убѣдиться при нѣкоторомъ размышленіи, при нѣкоторомъ болѣе внимательномъ взглядѣ. Конечно, самая поза была необходима въ интересахъ дѣла.

Такъ какъ видная куртизанка была провозглашена эпохой самымъ драгоцѣннымъ предметомъ роскоши, самымъ желаннымъ предметомъ наслажденія, то она по необходимости должна была щеголять всѣми тѣми цѣнностями, которыя повышали тогда значеніе человѣка. А этими цѣнностями прежде всего были искусства и науки. Хотя каждая куртизанка усерднѣйшимъ образомъ позировала въ требуемой эпохой роли, зная, что публика хотѣла, чтобы даже и продажную любовь ей подносили на золотомъ блюдѣ, все же поведеніе ея было не больше, какъ поддѣлкой, какъ видимостью. Гетера уже не могла стать тѣмъ, чѣмъ она была въ античномъ мірѣ, такъ какъ содержаніе брака значительно измѣнилось. Въ имущихъ и господствующихъ классахъ законная жена уже перестала быть простой производительницей законныхъ наслѣдниковъ, чѣмъ она была въ Греціи, она сама стала предметомъ роскоши. Съ того момента, какъ совершился этотъ переворотъ, куртизанка была и оставалась только сур-

рогатомъ. Оба явленія тѣсно связаны между собой, а сущностью суррогата всегда является поддѣльность.

Въ заключеніе укажемъ еще на одно, далеко впрочемъ не второстепенное, доказательство въ пользу чрезвычайной роли, которую куртизанка играла въ общественной жизни Ренессанса: на искусство. Оно даетъ намъ не только очень убѣдительный, но и по своему богатству очень поучительный аргументъ въ пользу всего сказаннаго нами. Куртизанка была мотивомъ, которымъ тогда занимались всѣ отрасли изобразительнаго искусства и притомъ всѣ съ одинаковымъ усердіемъ. Мы встрѣчаемся съ этимъ мотивомъ въ маленькой интимной гравюрѣ, въ написанномъ въ стилѣ плаката рисункѣ по дереву, въ книжной иллюстраціи, наконецъ, въ большой, написанной масляными красками, картинѣ. И не только второстепенные художники интересовались этимъ сюжетомъ, но и первоклассные мастера.

Первое изображеніе куртизанки въ нѣмецкой живописи (Die Offenburgerin) принадлежитъ кисти великаго Гольбейна. Написанная Мурилльо сеньора Галльегасъ—куртизанка. Въ Италіи превосходныя изображенія куртизанокъ созданы Карпаччьо, Тиціаномъ и другими геніями, въ Нидерландахъ—рѣшительно всѣми великими мастерами: Массисомъ, Лукасомъ Лейденскимъ, Вермееромъ, Гальсомъ, Рембрантомъ. Такъ какъ тогдашнее искусство было первымъ историкомъ своего времени, то всѣ затронутыя нами подробности находятъ въ немъ свои иллюстраціи. Безусловно подтверждая всѣ эти детали, искусство своими многочисленными изображеніями куртизанокъ во всѣ моменты ея жизни и дѣятельности, изъ которыхъ ни одинъ не забытъ, даетъ намъ самое неопровержимое доказательство въ пользу той громадной роли, которую она играла въ тогдашней жизни.

———

Широкая оффиціальная терпимость проституціи въ эпоху Ренессанса скоро привела къ необходимости ея регламентаціи, отчасти въ интересахъ урегулированія разнообразныхъ подробностей, отчасти—и это была, безъ сомнѣнія, главная причина вмѣшательства властей,—въ интересахъ предупрежденія или улаживанія постоянно грозившихъ со всѣхъ сторонъ конфликтовъ. Въ этой области постоянные эксцессы были неизбѣжны.

Первоначальныя подобныя мѣры имѣли повсемѣстно въ виду локализаціи рынка любви. «Городскія дѣвушки», «красавицы», Hübscherinen, femmes folles и т. д. имѣли право промышлять и жить только на извѣстныхъ улицахъ. Такъ, часто церковь требовала, чтобы онѣ не жили на улицахъ, которыя вели къ храму. Въ одномъ гамбургскомъ указѣ отъ 1483 г. говорится: «Публичныя женщины не должны жить по близости съ церквами или на улицахъ, ведущихъ къ нимъ». Церковь видѣла насмѣшку надъ благочестіемъ прихожанъ, если развратъ «открывалъ свой рынокъ» непосредственно возлѣ церковной паперти. Если подобныя требованія усердно поддерживались многими домовладѣльцами, такъ какъ шумная жизнь отпугивала порядочныхъ людей отъ такихъ мѣстъ и цѣна земельныхъ участковъ падала, то не менѣе часто домовладѣльцы были самыми энергичными противниками подобныхъ пріемовъ нравственнаго оздоровленія.

Проститутки были тѣми квартиронанимателями, которые платили лучше другихъ, и такъ какъ онѣ всегда были внѣ закона, то онѣ были вмѣстѣ съ тѣмъ и наименѣе требовательными квартиронанимателями.

Существовали далѣе опредѣленныя улицы и кварталы, гдѣ спеціально предписывалось жить жрицамъ любви. Это были обыкновенно улицы, лежавшія въ сторонѣ отъ городской жизни, тупики, выходившіе въ ровъ или упиравшіеся въ городскую стѣну. Около послѣдней находилось большинство женскихъ переулковъ и домовъ. Въ одномъ страсбургскомъ указѣ 1471 г. говорится:

«Всѣ содержательницы домовъ терпимости и всѣ публичныя женщины, находящіяся въ городѣ, обязаны переѣхать на улицы (перечисляются ихъ имена) за городской чертой или въ другіе концы, предписанные имъ».

Аналогично содержанiе франкфуртскаго указа 1477 г.

Жрицы любви не только вытѣснялись въ отношенiи мѣстожительства за черту почтенныхъ бюргерскихъ нравовъ: каждую въ отдѣльности еще хотѣли отмѣтить особеннымъ признакомъ. Конечно, мужчины охотно прибѣгали къ услугамъ проститутокъ, и ни за что не хотѣли отказаться отъ даруемыхъ ими радостей, при каждомъ удобномъ случаѣ проститутки обязаны были доставлять удовольствiе и развлеченiе и т. д. Но именно потому, что въ нихъ видѣли только предметъ наслажденiя, ихъ хотѣли сразу распознать среди десятка другихъ женщинъ. Еще въ большей степени, впрочемъ, это дѣлалось для того, чтобы ихъ отмежевать отъ порядочнаго общества. Между нимъ и ими воздвигалась непреодолимая преграда, дабы порядочная женщина изъ мѣщанства не рисковала запятнать свое платье.

Этотъ жестокiй обычай публичнаго клеймленiя проститутки практиковался вездѣ, а именно путемъ регламентацiи ея костюма. Каждая оффицiальная публичная женщина должна была носить на своемъ костюмѣ какой-нибудь въ глаза бросающiйся значекъ. Въ одномъ указѣ города Цюриха отъ 1313 г. говорится:

«Каждая публичная дѣвушка, а также содержательница публичнаго дома, должна на улицѣ носить красную шапочку въ видѣ капюшона. Если въ церкви онѣ хотятъ снять его, то онѣ должны откинуть его на плечи, а потомъ снова надѣть. Кто уклоняется отъ исполненiя этого постановленiя, обязанъ заплатить городскому совѣту 5 R., причемъ слуги совѣта обязаны подъ присягой слѣдить за сборомъ штрафовъ. Той, которая не въ состоянiи заплатить означенный штрафъ, будетъ запрещено жить въ городѣ, пока она его не заплатитъ».

Меранскiй городской совѣтъ постановилъ въ 1400 г.

«Публичнымъ женщинамъ запрещается носить пальто или шубу и участвовать въ танцахъ съ женами бюргеровъ и другими почтенными женщинами. На башмакахъ онѣ обязаны носить желтый бантикъ, чтобы ихъ легко можно было распознать, носить же серебряныя украшенiя имъ возбраняется».

Отцы города Аугсбурга предписываютъ въ 1440 г. содержателю женскаго дома заботиться о томъ,

«чтобы тайныя женщины и дочери, когда выходятъ на улицу, не носили бархатъ, шелкъ и четки изъ ктораллов, чтобы каждая на своей вуали имѣла зеленую полосу, шириной въ два пальца, и не показывалась на улицѣ въ сопровожденiи служанки».

Въ одномъ французскомъ постановленiи, относящемся къ серединѣ XIV в., проституткамъ предписывалось показываться публично съ булавкой, вдѣтой въ платье около плечъ. Берлинскiй городской совѣтъ декретировалъ въ 1486 г.:

«Чтобы можно было отличить добрыхъ отъ злыхъ женщинъ, всѣ, ведущiя грѣховный образъ жизни, обязаны покрывать голову плащомъ или же носить коротенькiе плащи».

Мы процитировали здѣсь буквально, съ обозначенiемъ даты, пять постановленiй. Было бы не трудно удесятерить ихъ число, и не дѣлая предварительныхъ архивныхъ изысканiй. Изъ приведенныхъ документовъ видно съ достаточной ясностью, что подобное публичное клеймленiе проститутки было не единичнымъ, а стереотипнымъ явленiемъ и что въ этомъ прiемѣ отражается, слѣдовательно, болѣе или менѣе общее воззрѣнiе. Это сознательно выполненный, самый гнусный способъ очерненiя, который только можно придумать. Само собой понятно, что подобные указы не касались видныхъ куртизанокъ.

Регламентацiя костюма содержала еще рядъ другихъ постановленiй, направленныхъ противъ проститутокъ и служившихъ той же тенденцiи клеймленiя. Подобно тому, какъ имъ предписывалось носить особые отличительные значки, такъ часто имъ запрещалось одѣваться въ извѣстныя матерiи или носить то или другое украшенiе. Ношенiе этихъ тканей и украшенiй было неограниченной привиллегiей почтенныхъ и благородныхъ дамъ. Въ основѣ такихъ постановленiй лежало убѣжденiе, что, до чего ни коснется проститутка: мода, которую она выбираетъ, драгоцѣнность, которой она украшаетъ себя,—все становится также

нечистымъ. Какъ глубоко вкоренился такой взглядъ, явствуетъ съ еще большей рельефностью изъ прямо противоположныхъ постановленій противъ роскоши, дѣлавшихъ, какъ раньше было упомянуто, исключеніе только для проститутокъ. Послѣднія не только имѣли право, но даже порой обязанность носить запрещенныя порядочнымъ женщинамъ роскошныя матеріи, вуали и драгоцѣнности.

Такъ одно цюрихское постановленіе противъ роскоши, относящееся къ 1488 г., заключаетъ перечисленіе такихъ изъятыхъ изъ употребленія предметовъ, словами:

«Однако всѣ публичныя женщины, живущія на улицѣ (такой-то) и у рва имѣютъ право носить всѣ выше перечисленныя вещи».

Этимъ утонченнымъ пріемомъ хотѣли придать законамъ противъ роскоши особенную внушительность. Объявляя всѣ подобныя матеріи, украшенія и моды привиллегіей проститутокъ, городскіе совѣты не только дескредитовали ихъ въ глазахъ порядочныхъ женщинъ, но и подвергали всякую приличную женщину, пользовавшуюся этими предметами, опасности быть принятой за проститутку. И по словамъ Флѣгель-Эбелинга пріемъ этотъ вѣнчался полнымъ успѣхомъ. По поводу запрещенія такъ называемой Schellenmode онъ говоритъ:

«Въ Лейпцигѣ городской совѣтъ былъ весьма недоволенъ этой модой. Однако онъ очень скоро придумалъ превосходное средство покончить съ ней. А именно онъ постановилъ, чтобы всѣ зарегистрированныя публичныя женщины носили эту моду. Само собой понятно, что она скоро исчезла, такъ какъ ни одна женщина, слывшая за порядочную, не хотѣла, чтобы ее приняли за жрицу Венеры vulgivaga.»

Если въ приведенномъ Флѣгелемъ примѣрѣ это средство оказалось успѣшнымъ, то ему можно противопоставить безчисленное множество другихъ случаевъ, когда оно оказывалось безполезнымъ. Очень часто даже и самыя почтенныя женщины хладнокровно шли навстрѣчу опасности быть принятыми за про-

ститутокъ. И въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда уступленная проституткамъ привиллегія касалась чрезмѣрнаго декольтэ.

Тѣ же причины, которыя привели къ локализаціи проституціи, привели очень скоро и къ регламентаціи этихъ биржъ любви. Очень рано встрѣчаются уже и такъ называемые «регламенты публичныхъ домовъ». Древнѣйшіе, подлинность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію, восходятъ къ XII в. Эти порой весьма пространныя постановленія представляютъ самый важный и самый поучительный источникъ для исторіи проституціи, такъ какъ содержатъ самыя цѣнныя свѣдѣнія о ея характерѣ. Помимо многихъ другихъ данныхъ они вскрываютъ намъ особыя потребности извѣстныхъ городовъ, размѣръ платы за посѣщенія и ихъ время и далѣе тѣ особыя неудобства, противъ которыхъ ополчались или которыя хотѣли устранить.

Къ числу самыхъ интересныхъ и подробныхъ такихъ регламентовъ, сохранившихся до насъ, принадлежитъ «уставъ женскаго дома въ Ульмѣ». Къ сожалѣнію, этотъ цѣнный документъ слишкомъ пространенъ, чтобы можно было привести его здѣсь цѣликомъ. Мы ограничимся поэтому небольшой выпиской. Уже второй пунктъ, исполненіе котораго содержатель дома подтверждалъ подъ присягой передъ бургомистромъ и совѣтомъ, чрезвычайно поучителенъ:

«Во-вторыхъ, пусть онъ присягнетъ, что будетъ содержать свой домъ въ порядкѣ и снабжать его хорошими, опрятными и здоровыми женщинами, и что онъ никогда не будетъ имѣть менѣе четырнадцати, если же онъ лишится одной изъ нихъ вслѣдствіе болѣзни или по какой нибудь другой причинѣ, то онъ обязанъ въ теченіе мѣсяца возмѣстить ихъ другой или другими опытными, опрятными и здоровыми женщинами такъ, чтобы не уменьшалось вышеозначенное число четырнадцать».

Изъ этого пункта явствуетъ, что спросъ на проституцію былъ весьма великъ. Требуется не менѣе четырнадцати женщинъ, чтобы удовлетворить спросъ на любовь и потому ихъ число никог-

да не должно быть меньше. Кромѣ того, онѣ обязаны быть годными, опрятными и здоровыми. Видно, что ульмскіе бюргеры требовали за свои деньги хорошій товаръ!

Годность къ любви является требованіемъ, которое очень часто повторяется. Подъ этимъ словомъ подразумѣвали прежде всего соотвѣтствующій возрастъ. Во многихъ такихъ постановленіяхъ содержателю прямо запрещается принимать очень молодыхъ дѣвушекъ, хотя впрочемъ возрастъ никогда точно не опредѣлялся: исходили изъ соображеній «способна ли она уже къ любви», изъ соображеній индивидуальнаго развитія... Подобныя указанія интересны еще потому, что подтверждаютъ частыя сообщенія хроникъ, что въ «женскихъ домахъ» было много совсѣмъ юныхъ дѣвочекъ. Изъ этого факта слѣдуетъ выводить не то, будто существовалъ недостатокъ въ взрослыхъ проституткахъ, а то, что хозяева заведеній стремились удовлетворять требованія всякихъ посѣтителей, даже и развращенныхъ сладострастниковъ.

Въ концессіи, данной вюрцбургскому содержателю дома терпимости, Мартину Гуммелю, въ 1444 г., подробнѣе указаны всѣ признаки «годности».

«Содержатель дома не долженъ имѣть въ нихъ беременныхъ женщинъ... А если у него найдется дѣвочка, слишкомъ молодая, то ее слѣдуетъ наказать розгами и изгнать изъ города подъ страхомъ смерти, пока она не достигнетъ нужнаго возраста!»

Итакъ: бѣдная жертва еще награждалась розгами!

Подобно тому, какъ хозяину заведенія было воспрещено принимать слишкомъ «юныхъ дочерей» для потѣхи развращенныхъ гостей, такъ не имѣлъ онъ и право принимать замужнихъ. Подобное запрещеніе мы встрѣчаемъ повсюду, во Франціи, Англіи, Германіи. Не менѣе часты однако и сообщенія о томъ, что запрещеніе это нарушалось и что все большее количество замужнихъ женщинъ тайкомъ служили въ домахъ терпимости, въ особенности, когда собирался имперскій съѣздъ или въ городѣ находилось много войска, такъ что не грозила особая опас-

ность разоблаченія. Что же касается закона, въ силу котораго въ женскихъ домахъ принимались только уроженки другихъ мѣстностей, то онъ касался исключительно небольшихъ городковъ. Небольшой объемъ города и родство большинства тамошнихъ семействъ объясняютъ въ достаточной степени это постановленіе.

У насъ очень мало положительныхъ данныхъ о посѣщеніи такихъ заведеній молодежью. Изъ того факта, что среди разнообразныхъ пунктовъ, исполненіе которыхъ было для содержателя обязательно подъ присягой, часто встрѣчается и параграфъ о запрещеніи входа въ такія заведенія мальчикамъ, можно съ увѣренностью заключить, что подобные случаи бывали и, очевидно, были не рѣдкостью.

Время посѣщенія было также регламентировано уставомъ.

Во Франціи для этого предназначались часы отъ восхода до захода солнца. Послѣ захода солнца уже нельзя было ни войти, ни выйти изъ такого дома. Въ Голландіи и Англіи заведенія должны были быть закрыты по воскресеньямъ. Въ одной англійской хроникѣ говорится по поводу этихъ разнообразныхъ пунктовъ:

«Въ заведеніяхъ не должно быть замужнихъ женщинъ, а также женщинъ, страдающихъ какимъ нибудь серьезнымъ недугомъ. Также точно было запрещено открывать ихъ по воскресеньямъ, обычай, до сихъ поръ сохранившійся у благочестивыхъ кальвинистовъ Голландіи. Вывѣски не вывѣшивались, а писались на стѣнахъ, часто надъ ними красовалась кардинальская шляпа».

Бокъ-о-бокъ съ этой регламентаціей проституціи со стороны властей стояла цеховая организація самихъ проститутокъ, при помощи которой онѣ отстаивали и защищали свои права. Воздѣйствіе этой организаціи ясно сказывается въ разныхъ пунктахъ устава, носящихъ соціальный характеръ, говорившихъ объ уходѣ за больными и ограничивавшихъ права и претензіи хозяевъ. Такъ напр., проститутка имѣла право въ извѣстное время не принимать мужчинъ; далѣе, ее нельзя было насильно удерживать въ заведеніи, наконецъ у нея была и нѣкоторая защита противъ чрезмѣрной эксплуатаціи хозяина.

Всѣ эти соціальныя мѣры, развитыя между прочимъ подробно и въ вышеупомянутомъ ульмскомъ уставѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ объясняются именно организаціей самихъ проститутокъ, т. е. коллективнымъ и серьезнымъ протестомъ тѣхъ, кто лучше всѣхъ знали, въ какой защитѣ нуждалась проститутка.

При помощи своей организаціи «честныя дѣвки» вели еще другого рода борьбу, а именно въ интересахъ нравственности, противъ нечестной конкуренціи на рынкѣ любви. Онѣ хотѣли, чтобы тайныя проститутки не портили имъ дѣла, не сбивали цѣнъ, не отнимали у нихъ изъ подъ носа клiентовъ. Мужчины, по ихъ убѣжденію, были обязаны посѣщать только «честныхъ дѣвокъ», только «женскій переулокъ». Онѣ поэтому систематически доносили на тайныхъ городскому совѣту, прося его «во имя Господа и милосердія» подвергать ихъ наказанію за то, что тѣ отнимали у нихъ хлѣбъ. Уже Гансъ Розенплютъ говоритъ въ одной изъ своихъ масляничныхъ пьесъ о такихъ жалобахъ «честныхъ дѣвокъ».

«Публичныя женщины жалуются на то, что ихъ пастбище стало слишкомъ ограниченнымъ, что тайныя проститутки и прислуга отбиваютъ у нихъ кормъ. Онѣ жалуются также на монахинь, которыя умѣютъ такъ ловко веселиться. Когда послѣднія пускаютъ себѣ кровь или купаются, такъ ужъ непремѣнно въ присутствіи приглашеннаго дворянчика Конрада».

Такъ какъ тогда не ограничивались однѣми жалобами, то борьба противъ тайныхъ конкурентокъ и домашней прислуги переходила порою въ побоище. Такое исторически достовѣрное общее выступленіе проститутокъ описывается напр. въ хроникѣ нюренбергца Генриха Дейкслера:

«1500 г. Item въ тотъ же день, 26 ноября. Вышло изъ женскаго дома восемь публичныхъ женщинъ и пришли къ бургомистру Маркгарту Мендель и сказали, что въ такомъ-то мѣстѣ города находится цѣлое заведеніе тайныхъ проститутокъ и что хозяйка впускаетъ въ одну комнату холостяковъ, въ другую женатыхъ и позволяетъ имъ заниматься всякими глупостями днемъ и ночью. Изложивъ все это, онѣ просили бургомистра позволить имъ выгнать всѣхъ проститутокъ и разрушить заведеніе. Онъ позволилъ имъ и вотъ онѣ штурмовали домъ, разнесли дверь, опрокинули печи, разбили стекла въ окнахъ, каждая брала что нибудь съ собой. Птички же всѣ выпорхнули и потому тѣ страшно избили старуху-хозяйку».

Дѣло не ограничивалось этимъ случаемъ. Пять лѣтъ спустя публичныя женщины повторили свою выходку. Такое весьма далекое отъ парламентаризма сведеніе счетовъ между солидарными «честными дѣвками» и тайными проститутками, или такъ называемыми Bönhäsinen, встрѣчается впрочемъ не только въ Нюрнбергѣ, но и въ другихъ мѣстахъ.

Какъ бы ни была велика и своеобразна терпимость, съ которой Возрожденіе относилось къ проституціи, оно не исключало того, что одновременно раздавались и рѣзкіе протесты противъ нея.

Въ самомъ дѣлѣ: моралисты-проповѣдники не переставали ни на минуту громить проституцію. Они безпрестанно изображали ее самыми мрачными красками, какъ источникъ всѣхъ золъ, какъ глубочайшую пропасть ада, въ какую только можетъ упасть женщина или мужчина. Противорѣчіе между практикой и теоріей — надо замѣтить, что какъ въ теоріи, такъ и въ практикѣ господствовало одинаковое единодушіе — было, разумѣется, велико, но оно отнюдь не неразрѣшимо. Оно обусловлено тѣмъ обстоятельствомъ, что грандіозная экономическая революція совершалась въ рамкахъ мелкобуржуазнаго общественнаго строя. Постоянное столкновеніе двухъ такихъ противоположныхъ силъ должно было неизбѣжно привести къ рѣзкому противорѣчію между теоріей и практикой.

Именно изъ нѣдръ узкаго міровоззрѣнія мелкой буржуазіи родились всѣ тѣ аргументы, которые проповѣдники морали выставляли противъ проституціи. Главный ихъ доводъ постоянно со-

стоялъ въ томъ что проститутки интересуются исключительно кошелькомъ тѣхъ, кто ихъ посѣщаетъ. Безконечное множество изъ тѣхъ поговорокъ, въ которыхъ отражается нравственное негодованіе на проститутокъ, порождено именно этимъ взглядомъ. «Кто водится съ публичными женщинами, того общипятъ, какъ курицу». «Проститутка охотно принимаетъ, но только деньги». «Публичная женщина любитъ лишь до тѣхъ поръ, пока ей платятъ». «Проститутка и вино выметаютъ до чиста ящикъ съ деньгами». «Когда публичная женщина ласкаетъ, она имѣетъ въ виду не сердце, а только деньги въ карманѣ» и т. д. Такими пословицами хотѣли возбудить въ мужчинѣ отвращеніе къ проституткѣ.

Что именно эта философія лежала въ основѣ отрицательнаго отношенія къ проституціи, еще лучше доказываетъ изобразительное искусство. Главнѣйшей мыслью этихъ морализующихъ картинъ является всегда покушеніе проститутки на кошелекъ ея временнаго любовника. Замѣтьте: не то считается позорнымъ, что женщина продаетъ себя за деньги, что она связываетъ самый интимный актъ съ самымъ сквернымъ и грязнымъ торгомъ. Сатира направлена лишь на то, что проститутка украдкой врывается въ права собственности мужчины. Ущербъ, наносимый собственности — вотъ что кажется ужаснымъ, считается высшимъ преступленіемъ. Художники не устаютъ варьировать эту мысль. Вотъ содержаніе нѣсколькихъ такихъ картинъ:

Проститутка выставляетъ на показъ свою пышную грудь, какъ бы говоря мужчинамъ: это принадлежитъ вамъ на часъ или дольше, если вы столько-то заплатите, и вмѣстѣ съ тѣмъ протягиваетъ монету, за которую она продаетъ всѣ эти чары. Нѣжно обхватилъ веселый гость заигрывающую съ нимъ женщину. Теперь отступленіе уже невозможно, хитрая проститутка сдѣлала ему уже слишкомъ много авансовъ. И вотъ на сцену появляется сводня, чтобы окончательно закрѣпить дѣло и обезпечить себѣ свою долю. Или проститутка дѣлаетъ паузу, зная, что въ такія минуты мужчина охотнѣе всего готовъ тратиться. Матросъ, вернувшійся послѣ длившагося цѣлые мѣсяцы путешествія, истомившійся отъ воздержанія, прямо предоставляетъ проституткѣ весь свой кошелекъ.

Все это однако не болѣе, какъ вступленіе и противъ всего этого, пожалуй, нѣтъ основанія особенно негодовать. Главное зло, по мнѣнію проповѣдниковъ морали, состоитъ въ слѣдующихъ затѣмъ трехъ актахъ, въ которыхъ рѣчь идетъ уже не только о кошелькѣ гостя, а о еще болѣе радикальныхъ дѣйствіяхъ проститутки. Послѣдняя никогда не довольствуется тѣмъ, что ей даютъ, хотя бы давали щедро. Ей этого мало. Какъ воръ вторгается она въ карманъ посѣтителя. Каждая проститутка вмѣстѣ съ тѣмъ и воровка. Въ то самое время, когда чувства гостя воспламенены ея поцѣлуями, жестами, чарами и любовнымъ искусствомъ, одна изъ ея рукъ находитъ дорогу въ его карманъ, откуда она извлекаетъ то, чего ей не хотятъ дать добровольно. Таковъ первый актъ.

Однако проститутка желаетъ не только большаго, она желаетъ всего. Таковъ второй актъ. Онъ начинается нѣсколькими часами позже, когда вино и любовь уже оказали свое дѣйствіе и посѣтитель, утомившись, заснулъ. Въ это мгновеніе карманы его совершенно опустошаются и ничто не уцѣлѣетъ отъ жадности проститутки. Третій актъ — вѣчно повторяющійся финалъ. Жертва, обобранная до послѣдней нитки, безпощадно выбрасывается на улицу среди издѣвательствъ и насмѣшекъ. Другими словами: нѣжность проститутки продолжается лишь до тѣхъ поръ, пока эта нѣжность приноситъ проценты.

Надо признаться, что такой взглядъ совершенно правиленъ. Но если морализующая сатира вѣка видѣла только этотъ одинъ пунктъ, если въ этой вѣчной смѣхотворной трагикомедіи самымъ ужаснымъ, единственно непростительнымъ ей представлялось покушеніе на кошелекъ, то это доказываетъ, что эта мораль была именно порожденіемъ мелкобуржуазнаго духа.

Рядомъ съ борьбой противъ проституціи путемъ нравственнаго негодованія, рядомъ съ не менѣе частыми, но рѣдко исполнявшимися угрозами кары встрѣчаются уже довольно рано практиче-

скія попытки ограниченія проституціи. Такъ какъ люди не понимали соціальныхъ причинъ этого явленія, такъ какъ они усматривали въ прирожденной испорченности, въ лѣни и похотливости единственный мотивъ, побуждавшій женщинъ становиться проститутками, то они воображали, что совершенно достаточно заставить проститутокъ покаяться въ своемъ грѣхѣ. Съ этой цѣлью основывались монастыри «кающихся», бегинажи, какъ ихъ называли во Франціи, орденъ, распространенный во всѣхъ странахъ.

Въ одной шпейерской хроникѣ такъ описывается основаніе въ 1302 г. общины бегинокъ:

«Кающимися называются женщины, незамужнія или состоящія въ бракѣ, которыя предавались грѣховной плотской любви, а потомъ почувствовали раскаяніе и сожалѣніе. Для нихъ въ имперскихъ городахъ въ это время были выстроены особые дома, гдѣ онѣ могли бы покаяться въ своей безнравственной жизни, оберегаться отъ грѣха и находить себѣ пропитаніе уходомъ за больными изъ міряиъ и духовенства. Въ Шпейерѣ орденъ бегинокъ былъ основанъ въ 1302 г., или немного раньше, однимъ богатымъ горожаниномъ, который построилъ для такихъ кающихся особое помѣщеніе, гдѣ онѣ могли совмѣстно жить, далъ необходимые для ихъ содержанія деньги и постановилъ, чтобы онѣ носили грубое бѣлое полотняное платье».

Въ своемъ описаніи Вѣны, относящемся къ 1450 г., Эней Сильвій говоритъ объ основаніи такого же учрежденія:

«Здѣсь находится также монастырь Св. Іеронима, куда принимаются женщины, обратившіяся послѣ грѣховной жизни къ Богу. День и ночь онѣ поютъ гимны на нѣмецкомъ языкѣ. Если же одна изъ нихъ снова вернется къ прежнему образу жизни, то ее бросаютъ въ Дунай».

Болѣе подробныя свѣдѣнія имѣются у насъ о парижскихъ бегинажахъ. Въ ихъ статутахъ говорится:

«Никто не будетъ принятъ противъ воли, притомъ только такія, которыя нѣкоторое время вели безнравственный образъ жизни.

Во избѣжаніе обмана онѣ должны подвергнуться осмотру въ присутствіи сестеръ-монахинь особо для этой цѣли назначенными матронами, которыя подъ присягой обязаны обѣщать воздержаться отъ всякаго обмана и лжи. Во избѣжаніе того, что молодыя особы нарочно предадутся грѣховной жизни, чтобы быть принятыми, постановляется, что тѣ, кто разъ отвергнуты, никогда уже не могутъ быть приняты. Кромѣ того просительницы обязаны поклясться духовнику, что онѣ готовы терпѣть вѣчныя муки, если онѣ вели грѣховную жизнь только затѣмъ, чтобы потомъ быть принятыми въ число членовъ общины, и что онѣ будутъ изгнаны изъ монастыря, хотя бы онѣ даже уже приняли постригъ и дали свой обѣтъ. Дабы женщины легкаго поведенія не слишкомъ долго медлили съ своимъ покаяніемъ, воображая, что этотъ выходъ открытъ имъ всегда, рѣшено не принимать въ члены общины женщинъ старше 30 лѣтъ».

Возможностью покаянія исчерпывалось все, что общество сдѣлало для ограниченія проституціи. Проститутка была заклеймена и должна была на всю жизнь сохранить это клеймо. Возвращеніе въ ряды гражданскаго общества было для нея закрыто. Прошлаго ничѣмъ нельзя было искоренить, даже бракомъ съ почтеннымъ и уважаемымъ человѣкомъ. Достаточно привести одинъ документъ. Въ 1483 г. въ Гамбургѣ было постановлено:

«Публичная женщина не имѣетъ права носить украшенія. Если она выйдетъ замужъ за честнаго человѣка, то ей все-таки возбраняется знаться съ честными женщинами. Такая женщина должна носить чепецъ и никакого другого головного убора».

При такихъ условіяхъ немудрено, что опытъ съ кающимися не приводилъ къ желанному результату. Въ шпейерской хроникѣ говорится напр., что, «эти женщины» (кающіяся) по общему мнѣнію весьма вредныя сводни». Также безуспѣшны были вообще всѣ попытки поднять нравственность. Всѣ негодующія слова были сказаны на вѣтеръ.

Мы уже достаточно выяснили первую причину непрекращавшагося значительнаго спроса на проституцію. Нетрудно понять

и другую причину, почему армія проститутокъ постоянно возрастала, почему притокъ къ ней никогда не прекращался, почему предложеніе еще превосходило спросъ и повсюду промышляли руффіаны, сводни и сводники. Эта причина коренится въ продолжавшемся столѣтія переворотѣ, вызванномъ развитіемъ капитализма. Этотъ переворотъ деклассировалъ въ каждой странѣ сотни тысячъ людей, впервые возрастилъ массовый пролетаріатъ. Тотъ же самый процессъ, который переполнялъ войска солдатами, готовыми отдать свою жизнь за чуждые имъ интересы, переполнялъ женскіе переулки и дома всего свѣта дѣвушками и женщинами, не менѣе готовыми отдать свою красоту и любовь чужимъ мужчинамъ, способнымъ платить.

Неисчерпаемое гигантское войско проститутокъ представляло собой женское pendant къ войскамъ ландскнехтовъ. Тѣ же причины, которыя объясняютъ намъ (выше онѣ были выяснены), почему въ XV и XVI вв. наемныя арміи состояли въ большинствѣ случаевъ изъ нѣмцевъ, объясняютъ намъ и тотъ фактъ, что во всѣхъ женскихъ переулкахъ міра встрѣчались нѣмки, въ особенности уроженки Швабіи. Лицомъ къ лицу съ такими побудительными причинами вся мудрость нравственныхъ трактатиковъ была осуждена на безплодіе.

И все-таки: постепенно, — особенно замѣтнымъ это становится со второй половины XVI в. — люди становились нравственнѣе.

Было бы однако нелѣпо приписать этотъ положительный результатъ нравственному вліянію реформаціи, какъ это часто дѣлается, или вообще вліянію нравственныхъ проповѣдей. Оба эти факторы могли привести къ этому результату только потому, что нашли двухъ союзниковъ, діалектика которыхъ всегда была въ исторіи наиболѣе убѣдительной.

Первый изъ этихъ факторовъ уже упоминался нами однажды, а именно, какъ рѣшающая причина сокращенія роскоши въ костюмѣ и упраздненія развращенныхъ модъ, явленія, тоже относящагося страннымъ образомъ ко второй половинѣ XVI в. Этимъ факторомъ явился экономическій упадокъ, задержавшій дальнѣйшее развитіе капитализма, начавшееся въ такомъ грандіозномъ масштабѣ.

Когда сокращается прибыль имущихъ классовъ и подъ вліяніемъ серьезнаго экономическаго кризиса рушатся многочисленныя состоянія, когда въ дверь мѣщанина и пролетарія стучится нужда, по необходимости ограничиваются всѣ формы наслажденія, и прежде всего въ области половой. Рядомъ съ интенсивнымъ трудомъ нужда и горе являются самыми сильными и единственно дѣйствительными средствами противъ сексуальнаго возбужденія: они всегда приводятъ къ воздержанію.

А экономическая исторія, начиная со второй половины XVI в., представляетъ во многихъ странахъ единственную въ своемъ родѣ исторію упадка. Испанія обанкрутилась уже полстолѣтіемъ раньше, Германія доходитъ до самой черты банкротства, Италія, Франція, Голландія испытываютъ самыя серьезныя потрясенія.

То былъ первый и величайшій всемірно-историческій кризисъ новаго времени.

Капиталистическое хозяйство впервые показало міру свое страшное лицо двуликаго Януса.

Вторымъ факторомъ былъ сифилисъ. Онъ погасилъ жизнерадостность даже и тамъ, гдѣ ее не нарушили нужда и горе.

Первое появленіе сифилиса въ концѣ XV в. было самымъ страшнымъ испытаніемъ, какое пришлось пережить тогдашнему человѣчеству. То, что въ его глазахъ было высшимъ вакхическимъ проявленіемъ жизни, вдругъ получило отвратительное, ужасное клеймо. То былъ проклятый подарокъ, поднесенный Европѣ новымъ свѣтомъ, завоеваннымъ капитализмомъ рукою Колумба. То былъ вмѣстѣ съ тѣмъ апогей всемірно-исторической трагикомедіи: бѣдные туземцы вновь открытаго міра заранѣе отомстили своимъ будущимъ, жаднымъ до золота, мучителямъ. Изъ нихъ хотѣли выжать только золото, а они влили въ жилы Европы огонь, заставляющій еще теперь, четыреста лѣтъ спустя, корчиться въ безпомощномъ отчаяніи милліоны людей.

Поистинѣ ошеломляющій ужасъ охватилъ человѣчество, когда

оно почувствовало въ своей крови ужасный бичъ этой болѣзни. Оно было бы слѣпымъ, если бы не поняло, гдѣ нужно искать главный очагъ заразы, если бы не поняло, что болѣзнь выходила изъ домовъ терпимости, чтобы совершить свое зловѣщее шествіе по городу.

Такъ подсказывалась сама собой мнимая панацея. Это радикальное средство состояло въ томъ, что во время эпидеміи запирались всѣ женскіе дома, всѣ проститутки изгонялись изъ города или запирались до окончанія эпидеміи. Такого метода придерживались особенно часто въ эпоху первой атаки болѣзни, въ первой четверти XVI в. Тамъ, гдѣ болѣзнь не носила такого зловѣщаго характера или гдѣ по какимъ нибудь другимъ причинамъ не рѣшались закрывать притоны и изгонять проститутокъ, «женскіе переулки» сами пустѣли, такъ какъ боязнь заразы вмѣстѣ съ плохими временами удерживала многихъ мужчинъ отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они когда-то были постоянными посѣтителями. Многіе содержатели просили въ эти годы городскіе совѣты объ отсрочкѣ условленныхъ платежей или о пониженіи аренды. Такія прошенія всегда мотивировались тѣмъ, что въ виду рѣдкихъ посѣщеній хозяева не въ силахъ платить. А вмѣстѣ съ количествомъ посѣтителей понижалось и число обитательницъ домовъ. Тамъ, гдѣ раньше ихъ находилось съ десятокъ, теперь можно было встрѣтить лишь трехъ или четырехъ.

Если перевести оба эти фактора на языкъ идеологіи, то можно сказать: восторжествовала мораль, человѣчество становилось постепенно нравственнѣе. Если же мы хотимъ отказаться отъ такого неудачнаго опредѣленія, то мы должны принять выше приведенное объясненіе:

Мѣщанская добродѣтель и благопристойность пользовались къ концу Ренессанса бóльшимъ значеніемъ только потому, что ихъ главными борцами-піонерами были два изрядныхъ разбойника: нужда и сифилисъ.

Только поэтому.

VI.

Общественныя увеселенія.

Общественныя увеселенія эпохи Ренессанса представляютъ не мало интересныхъ данныхъ для исторіи половыхъ нравовъ. Въ прежнія столѣтія, а въ особенности въ эпоху Ренессанса, въ гораздо бóльшей степени, чѣмъ теперь, важнѣйшія формы общественныхъ увеселеній были ничѣмъ инымъ, какъ средствомъ создать благопріятныя условія для любви, и притомъ для любви in corpore. Такъ какъ большая масса понимала подъ удовольствіями жизни только: ѣду, выпивку и половое наслажденіе, то пользоваться жизнью было тогда въ большинствѣ случаевъ равносильно поклоненію этимъ тремъ божествамъ.

Среди этихъ трехъ видовъ наслажденія на первомъ мѣстѣ стояла любовь, культъ Венеры и Пріапа. Безъ нихъ люди не могли себѣ представить удовольствіе. Безъ нихъ пресными казались дары Вакха и Цереры, да и Вакха и Цереру часто приглашали къ столу только потому, что они были лучшими ходатаями передъ Венерой. Это положеніе приложимо къ Ренессансу въ гораздо большей степени, чѣмъ къ нашей эпохѣ, когда интенсивные политическіе и духовные интересы являются не только побочными занятіями имущихъ и господствующихъ классовъ, но и составляютъ главное содержаніе всей жизни значительной части трудящихся массъ.

Такъ какъ наша работа имѣетъ своей темой не всю область нравовъ, а только часть ея—половую мораль,—то въ нашу задачу не входитъ нарисовать полную картину общественныхъ развлеченій Ренессанса. Мы должны ограничиться лишь тѣми формами и сферами, въ которыхъ обнаруживался сексуальный моментъ,

другими словами, тѣми случаями, которые служили этой цѣли, и тѣми средствами, которыми она достигалась. Если къ средствамъ относятся прежде всего игры и танцы, то главными случаями для осуществленія культа Венеры были наряду съ большими частными и общественными празднествами обѣ главныя сферы тогдашнихъ общественныхъ увеселеній: прядильня и баня!

Посѣщеніе такъ называемой прядильни является во всѣхъ странахъ одной изъ основныхъ формъ общественныхъ развлеченій какъ въ деревнѣ, такъ и въ городѣ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь совмѣстная работа служила часто не болѣе какъ предлогомъ для правильно организованнаго совмѣстнаго культа Венеры и Пріапа.

Рѣчь идетъ въ данномъ случаѣ, конечно, не о частной прядильнѣ, а о тѣхъ до извѣстной степени публичныхъ прядильняхъ, гдѣ собиралась вся деревня или по крайней мѣрѣ нѣсколько молодыхъ и болѣе пожилыхъ женщинъ одинъ или два раза въ недѣлю зимой для совмѣстной работы. Эти собранія носили самыя различныя названія. Въ этихъ помѣщеніяхъ женщины сходились съ веретеномъ и прялкой, чтобы скоротать длинный зимній вечеръ. А такъ какъ мѣстнымъ парнямъ доступъ сюда былъ не запрещенъ, то эти учрежденія стали отправными точками общественныхъ увеселеній.

На этихъ собраніяхъ царилъ обычай, въ силу котораго каждый парень сидѣлъ сзади своей дѣвушки,—а честь дѣвушки требовала, чтобы за ней непремѣнно ухаживалъ какой нибудь парень — добросовѣстно исполняя возложенную на него обязанность. А эта послѣдняя состояла въ томъ, что онъ долженъ былъ то и дѣло стряхивать съ колѣнъ дѣвушки отбросы пеньки. Исполненіе этой обязанности, какъ нетрудно видѣть, давало ухаживавшему за дѣвушкой парню все новыя возможности болѣе или менѣе откровеннаго ухаживанія, а какъ его, такъ и ея честь требовали, чтобы эти возможности не оставались неиспользованными.

Чѣмъ смѣлѣе и дерзче дѣйствовалъ парень, тѣмъ выше стано-

вилась его репутація въ глазахъ дѣвушки и тѣмъ болѣе послѣдней завидовали ея подруги, если вѣрить жалобамъ современныхъ проповѣдниковъ морали. Изъ этого то и дѣло подтверждаемаго современниками факта неоспоримо слѣдуетъ правильность нашего ранѣе сдѣланнаго указанія, что работа была въ общественныхъ прядильняхъ только предлогомъ для культа Венеры и Пріапа, что большинство крестьянскихъ дѣвокъ отправлялись туда главнымъ образомъ для того, чтобы стать на цѣлый вечеръ предметомъ подобныхъ ухаживаній со стороны парней.

Вошедшее въ поговорку плохое освѣщеніе этихъ помѣщеній весьма способствовало такимъ эксцессамъ, на которые старики закрывали глаза. Часто помѣщеніе, гдѣ пряли, освѣщалось одной только лучиной. Если она гасла, когда отворялась дверь или вслѣдствіе другой причины, — а это случалось каждый вечеръ, — то, разумѣется, ни одинъ парень не медлилъ какъ слѣдуетъ использовать случай, а дѣвки не очень противились ихъ ласкамъ. Порой такимъ образомъ устраивались цѣлыя оргіи. А такъ какъ онѣ были по душѣ многимъ участникамъ, то послѣдніе сами усердно помогали случаю, такъ что лучина гасла по нѣсколько разъ въ одинъ вечеръ. Существуетъ нѣмецкая поговорка (Das ist eine rechte Gugelfuhr, вмѣсто Kunkelfeier, Kunkel—веретено) для обозначенія дикой сутолоки, и въ ней еще отражается воспоминаніе о свалкахъ, происходившихъ въ такихъ прядильняхъ.

Не только дѣвушки, но и замужнія и вдовы участвовали въ такихъ развлеченіяхъ. Если однѣ приходили съ тѣмъ, чтобы облегчить дочкѣ возможность сблизиться или пококетничать съ парнемъ, то многія другія приходили для того, чтобы позволить парню или сосѣду такимъ образомъ поухаживать за ними. Что послѣдняя цѣль довольно часто вдохновляла замужнихъ, видно хотя бы изъ того, что мужья вѣчно жалуются на частое посѣщеніе ихъ женами публичныхъ прядиленъ. Въ масляничной пьесѣ Ein Bauernspiel мужикъ въ слѣдующихъ словахъ жалуется на жену:

«Часто уходитъ она съ веретеномъ и остается тамъ до окончанія службы. Когда же я ее спрашиваю, почему она во время

не пришла и гдѣ она была, она отвѣчаетъ: «Оставь меня въ покоѣ». И такъ набросится на меня, что я смолкаю и предоставляю ей дѣлать, что она захочетъ».

Такія собранія часто сопровождались и веселой пляской. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ парни приводили поэтому спеціально для этой цѣли музыкантовъ. Этими танцами обѣ стороны пользовались все ради того же откровеннаго флирта. Въ масляничной пьесѣ «Gar ein hübsch Vasnachtspiel» парень между прочимъ хвастаетъ такими подвигами во время пляски.

Обо всѣхъ этихъ обычаяхъ кромѣ литературы наглядно свидѣтельствуетъ и цѣлый рядъ пластическихъ изображеній, напр., рисунокъ Бегама «Прядильня», а также многочисленныя каррикатуры.

Самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ, что этотъ обычай былъ во многихъ мѣстностяхъ чрезвычайно распространенъ, являются разные деревенскіе и городскіе указы, направленные противъ него. Власти видѣли себя вынужденными вмѣшаться, такъ какъ порой, особенно когда тухла лучина, участники доходили до послѣдней крайности, а еще чаще на обратномъ пути парню ничего не стоило подчинить своимъ желаніямъ чувственно возбужденную дѣвушку. Парни, хвастающіе своими подвигами въ прядильняхъ, поэтому всегда спѣшатъ упомянуть и о послѣдствіяхъ, которыя они будутъ имѣть для дѣвушки. Подъ вліяніемъ ревности дѣло часто доходило далѣе до драки, искалѣченія, даже убійства. Чѣмъ явственнѣе собранія прядильницъ вырождались въ «ночи дракъ», какъ ихъ называли въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, тѣмъ чаще власти были вынуждены ополчаться противъ нихъ путемъ предостереженій и угрозъ. Въ одномъ таком постановленіи, изданномъ въ Нюрнбергѣ въ 1572 г., говорится, что «неоднократно на такихъ сходкахъ дѣвушки совращаются или тайкомъ отъ родителей принуждаются къ неравному браку, а порой и подвергаются насилію и позору», что «молодые люди ссорятся между собой, ранятъ и убиваютъ другъ друга».

Когда всѣ наказанія оказались безуспѣшными, когда жизнь въ прядильняхъ порой даже оказывалась причиной серьезныхъ общественныхъ бѣдствій, такъ какъ легкомысленное обращеніе съ огнемъ приводило къ пожарамъ, то во многихъ мѣстахъ прядильни были закрыты. Но и эта мѣра была мало дѣйствительной и во всякомъ случаѣ лишь временной. Прядильни то и дѣло снова возрождались, а съ ними и прежнее времяпрепровожденіе, что видно изъ указовъ, направленныхъ противъ безнравственности вообще и называющихъ ея главными очагами именно публичныя прядильни.

———

Дальнѣйшей ступенью общественныхъ увеселеній были публичныя бани. Если предлогомъ для посѣщенія прядильни служилъ трудъ, то предлогомъ для посѣщенія бани служили чистота и здоровье, ибо и въ этомъ случаѣ мы имѣемъ передъ собою организованную форму систематическаго культа Венеры и Пріапа. Въ видѣ общественныхъ бань эпоха создала, наряду съ пробными ночами и публичными прядильнями, еще одну возможность откровеннаго флирта съ тою только разницей, что въ послѣднемъ случаѣ онъ носилъ болѣе индивидуальный характеръ, а въ первомъ—болѣе общій, массовый.

Подобно своеобразной роли, которую играла куртизанка, обычай банной жизни придаетъ эпохѣ Ренессанса особенно характерный отпечатокъ. Пристрастіе къ банѣ, въ Германіи восходящее къ древнимъ германцамъ, основывалось на широко тогда распространенномъ убѣжденіи, что частое и продолжительное посѣщеніе бани необходимо въ интересахъ сохраненія или возстановленія здоровья. Обычай совмѣстнаго купанья обоихъ половъ также восходитъ къ очень раннимъ временамъ. Впрочемъ, обычай почти совершенно обнажаться во время купанія имѣлъ и свою гигіеническую причину (кромѣ вышеописаннаго отношенія эпохи къ наготѣ, наиболѣе яркимъ выраженіемъ котораго служилъ обычай спать безъ рубашки). По крайней мѣрѣ этимъ

гигіеническимъ мотивомъ постоянно оправдывался обычай полнѣйшей наготы во время купанья. Долгое пребываніе въ банѣ вызывало у большинства воспаленіе кожи, такъ называемую банную сыпь, и эта сыпь доставляла при треніи о матерію сильную боль. А такъ какъ съ другой стороны въ этой сыпи видѣли предпосылку и неизбѣжное условіе полезнаго дѣйствія бани на здоровье, то она и служила удобнымъ поводомъ для возможно далеко идущей наготы во время купанья.

Оба пола были въ этомъ отношеніи одинаково требовательны. Мужчины носили въ лучшемъ случаѣ передникъ (Niedewadt) или же имѣли въ рукѣ маленькій вѣникъ, когда выходили изъ бани. Одежда женщины была такого же легкаго сорта и состояла изъ маленькаго фартука (Badehr), едва прикрывавшаго ея тѣло. Женщины обнажались даже еще охотнѣе мужчинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ подчеркивали свою наготу, придавая ей характеръ раздѣтости. Онѣ достигали этого изысканностью прически и сверкающими украшеніями: ожерельями, браслетами и т. д. Онѣ становились пикантно раздѣтыми дамами. Изъ первоначальной нужды такимъ образомъ сдѣлали для собственнаго и чужого удовольствія—добродѣтель.

Этотъ обычай совмѣстнаго купанья—и часто безусловной обнаженности при этомъ женщины—господствовалъ до XIII и XIV ст. Только съ этого момента мы встрѣчаемъ въ разныхъ мѣстахъ постановленія, запрещавшіе совмѣстное купанье мужчинъ и женщинъ и отводившія каждому полу особое время, а подчасъ и особое помѣщеніе для купанья.

Если этотъ обычай, служившій первоначально только цѣлямъ чистоты и здоровья, превратился съ теченіемъ времени въ одну изъ важныхъ формъ культа Венеры, въ свою очередь весьма содѣйствовавшаго этому обычаю, то это было въ природѣ этого явленія. Такъ какъ господствовало убѣжденіе, что баня только тогда бываетъ полезна для здоровья и только тогда имѣетъ цѣлительное дѣйствіе, когда часто ее посѣщаешь, (обыкновенно два раза въ недѣлю, а въ курортахъ, конечно, ежедневно),

что необходимо какъ можно дольше мыться и париться, то являлась, естественно, потребность скоротать время бесѣдой и забавой. Такъ баня сдѣлалась однимъ изъ главныхъ очаговъ общественнаго развлеченія. А коротали время при помощи пѣнья, музыки, шутокъ, а такъ какъ купались по цѣлымъ часамъ, то и ѣдой и выпивкой.

Не менѣе естественнымъ было и то, что взаимныя отношенія между полами носили всегда главнымъ образомъ галантный характеръ. Галантное обращеніе съ рядомъ купавшейся женщиной служило лучшимъ поводомъ для знакомства. И, разумѣется, какой мужчина не пользовался подобнымъ случаемъ для ухаживанія. Надо принять во вниманіе и то, что помѣщеніе, гдѣ купались, все равно была ли то баня или купальня, было въ большинствѣ случаевъ очень ограничено и что даже тамъ, гдѣ мужчины и женщины отдѣлялись другъ отъ друга перегородкой, послѣдняя была такъ низка, что никогда не мѣшала взорамъ, и очень рѣдко рукамъ. Что же касается ваннъ, главной формы купаленъ, то въ нихъ мужчины и женщины купались уже безусловно вмѣстѣ, какъ показываетъ цѣлый рядъ картинъ и рисунковъ.

Словомъ, купанье было наиболѣе благопріятнымъ случаемъ для всѣхъ видовъ галантныхъ похожденій. И потому объ этой важной и для всякаго интересной темѣ постоянно бесѣдовали, т.-е. къ практиковавшимся здѣсь развлеченіямъ принадлежалъ и разнузданный культъ Венеры въ словахъ, жестахъ и дѣйствіяхъ, и онъ-то и придавалъ пикантность ѣдѣ, выпивкѣ и пѣнію. А такъ какъ каждое явленіе подчинено своей собственной логикѣ, то купанье очень скоро превратилось изъ средства укрѣпленія здоровья въ удобный случай самаго дерзкаго и откровеннаго флирта. Купались уже для того, чтобы имѣть возможность поухаживать другъ за другомъ, цѣль превратилась въ средство. И притомъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

Лучшимъ доказательствомъ въ этомъ отношеніи служатъ разнообразные спеціальные случаи, когда баня являлась лишь од-

нимъ изъ номеровъ увеселительной программы. Приведемъ одинъ только примѣръ: такъ называемыя свадебныя бани. Понятно, что передъ свадьбой, какъ передъ праздникомъ, люди брали ванну. Однако въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ не о простомъ купаньи ради чистоты, а «о празднествѣ, составлявшемъ часть свадьбы, продолжавшейся нѣсколько дней». Даже болѣе: рѣчь идетъ о кульминаціонной точкѣ всего свадебнаго торжества. Это видно хотя бы уже изъ того, что баня устраивалась обыкновенно лишь послѣ свадьбы, что баня составляла заключительный эпизодъ свадебнаго пира. Этимъ объясняется также поведеніе молодыхъ и гостей. Въ сопровожденіи музыкантовъ и гостей молодые отправлялись въ баню, чтобы тамъ выкупаться. Ради чистоты? Да, конечно, но только между прочимъ. А главнымъ образомъ для того, чтобы довести свадьбу до конца среди пѣнья, выпивки и веселья. Всѣ современники единодушно сообщають, что при этомъ главную роль играли эротическія шутки, забавы и игры.

Но даже и впослѣдствіи, когда оба пола купались раздѣльно, обѣ стороны имѣли послѣ бани достаточно возможностей вознаградить себя за потерянное, такъ какъ существовалъ обычай, что послѣ купанья оба пола собирались для совмѣстнаго кутежа, танца и пѣнія. Такъ какъ скоро выяснилось, что чѣмъ меньше мѣшаетъ платье, тѣмъ удобнѣе прыгать и скакать, то обѣ стороны охотно отказывались дѣлать туалетъ, прежде чѣмъ перейти къ игрѣ и танцамъ. А это значило не болѣе, какъ создать удобный поводъ для самаго грубаго флирта. Понятно, что поводъ этотъ старались до конца использовать. Въ небольшомъ масштабѣ такое свадебное купанье, повидимому первый его актъ, изображаетъ одна гравюра Венцеля Голлара.

Что подобные нравы, какъ обычай совмѣстнаго купанья всѣхъ свадебныхъ гостей, такъ и упомянутыя оргіи представляютъ исторически достовѣрный фактъ, что они не были простымъ порожденіемъ фантазіи преувеличивающихъ моралистовъ и хронистовъ эпохи, неопровержимо доказывается оффиціальными указами и по-

лицейскими постановленіями, касающимися этого обычая. Намъ, напр., извѣстно, сколько гостей въ тѣхъ или другихъ городахъ сопровождало молодыхъ въ баню. Мюнхенское городское право начала XIV в. предписывало: «Участвовать въ праздникѣ, и въ купаньи могутъ только шесть женщинъ съ обѣихъ сторонъ, т.-е. всего двѣнадцать». Въ Регенсбургѣ въ XIV в. жениху разрѣшалось имѣть даже 24 товарища для бани; «онъ и невѣста должны имѣть каждый по восьми женщинъ и не больше». Уже изъ этихъ двухъ указовъ видна ясно и убѣдительно правильность нашего утвержденія, а именно, что и жениху разрѣшалось имѣть спутницъ, сопровождавшихъ его въ баню.

Эти же указы говорятъ намъ краснорѣчиво и о томъ, что свадебное купанье обыкновенно сопровождалось самой грубой эротической разнузданностью, такъ какъ они обыкновенно имѣли цѣлью положить предѣлъ такому поведенію, разъ оно выходило за границы приличія и благопристойности. Если молодой человѣкъ, позволившій себѣ взять сосѣдку за грудь и не считался еще развратникомъ, а просто игривымъ шалуномъ, то обычай мужчинъ—гостей плясать безъ костюма уже считался нарушеніемъ правилъ приличія. Противъ этого обычая направленъ цѣлый рядъ такихъ указовъ. Въ одномъ такомъ постановленіи, изданномъ въ Гёрлицѣ въ XV в., говорится:

«Такъ какъ молодые люди недавно въ разрѣзъ съ добрыми нравами танцовали послѣ бани въ банныхъ шляпахъ и безъ костюма, то совѣтъ постановляетъ: отнынѣ ни одинъ мужчина не имѣетъ права плясать безъ костюма, въ одной только банной шляпѣ, а долженъ надѣвать штаны и куртку, какъ принято въ другихъ странахъ и городахъ».

Было бы совершенно неправильно предполагать, что разнузданность во время свадебнаго купанья была только исключительнымъ явленіемъ. Нисколько. То былъ не болѣе, какъ режимъ, господствовавшій въ публичныхъ баняхъ и купальняхъ, только въ сконцентрированномъ видѣ. Разъ эротическому любопытству обоихъ половъ доставлялись такія сильныя возбужденія и

такія благопріятныя условія для его удовлетворенія, было бы страннымъ, если бы они стыдливо опускали глаза долу. И, разумѣется, это чудо не произошло. По крайней мѣрѣ современные бытописатели оспариваютъ это. Въ одномъ сочиненіи, описывающемъ бытъ конца XVI в., о жизни въ купальняхъ и баняхъ въ городѣ Галль въ долинѣ Инна говорится слѣдующее:

«Ключемъ дѣвственности является стыдливость, такъ какъ стыдливость удерживаетъ многихъ дѣвушекъ даже противъ воли отъ безнравственности, а благодаря обычаю купальной жизни онѣ постепенно теряютъ эту стыдливость и пріучаются являться передъ мужчинами въ обнаженномъ видѣ. Въ большинствѣ случаевъ не существуетъ отдѣльныхъ комнатъ для раздѣванія и купанья, а въ ваннахъ нарочно помѣщаютъ мужчинъ и женщинъ вмѣстѣ, чтобы они лучше видѣли другъ друга и пріучались не считаться съ стыдливостью. Какъ часто мнѣ приходилось видѣть (я не назову города) дѣвушекъ 10, 12, 14, 16 и 18 лѣтъ совершенно обнаженными, или покрытыми лишь короткой простыней или разорваннымъ плащемъ для купанья или же съ небольшимъ фартучкомъ спереди и сзади, именуемымъ здѣсь Badeehr. И въ такомъ видѣ бѣгутъ онѣ днемъ по улицѣ, изъ дома въ баню. А вслѣдъ за ними бѣгутъ совсѣмъ голые десяти, двѣнадцати, четырнадцати и шестнадцатилѣтніе мальчики, сопровождая эту почтенную компанію!».

Не менѣе ясно говорятъ и многочисленныя до насъ дошедшія пластическія изображенія эпохи. Если въ ваннѣ (а это, какъ уже указано, обычная форма купанья) другъ противъ друга сидятъ двое, увлеченные веселой бесѣдой, то это обыкновенно мужчина и женщина и мужчина рѣдко упускаетъ случай доказать своей симпатичной партнершѣ свою радость весьма недвусмысленнымъ образомъ. Въ банѣ вели себя не менѣе распущенно. Классическимъ изображеніемъ веселой жизни въ банѣ является превосходная, большая гравюра Альдегревера, сдѣланная съ картины Виргилія Солиса и обыкновенно фигурирующая въ каталогахъ подъ ошибочнымъ названіемъ «Бани анабаптистовъ».

Всѣ эти подробности подтверждаются далѣе современными указами. Вышеприведенный указъ, изданный въ Гёрлицѣ противъ обычая пляски въ обнаженномъ видѣ послѣ бани, относится не только къ свадебному купанью, а регистрируетъ общепринятый пріемъ. Ссылкой на разнузданность, царящую въ баняхъ, обставлялись далѣе въ продолженіи всего XV и XVI вв. въ большинствѣ городовъ требованія разъединенія половъ во время купанья и проводилось запрещеніе совмѣстнаго купанья. Однако, повидимому, эти постановленія постоянно игнорировались. Разумѣется, не старушками, а молодыми парнями, не желавшими упустить пріятнаго случая по своему поухаживать за дѣвицами. А о сочувственномъ отношеніи послѣднихъ къ подобнаго рода шуткамъ говорятъ послѣдствія, о которыхъ часто упоминаютъ авторы хроникъ и швенковъ. Иллюстраціей можетъ служить помѣщенный въ собраніи швенковъ Die Gartengesellschaft, сдѣланномъ Фреемъ, разсказъ «Von eines Bauern Sohn, der zwo Beginen schwanger machte». Этотъ разсказъ подтверждаетъ между прочимъ и тотъ порицаемый современными моралистами фактъ, что и монахи и монахини были усердными посѣтителями публичныхъ купаленъ и бань.

Но и тамъ, гдѣ оба пола уже не имѣли права совмѣстнаго купанья, гдѣ для каждаго было установлено особое время и существовали особыя помѣщенія, бытъ этихъ учрежденій представляетъ еще не мало характерныхъ особенностей, позволяющихъ судить о нравственныхъ воззрѣніяхъ эпохи. Такъ во многихъ мѣстахъ женщинамъ тѣмъ не менѣе разрѣшалось пользоваться услугами банщика, имѣвшаго на себѣ только небольшой фартучекъ, тогда какъ сами онѣ отказывались даже отъ передника и разоблачали передъ нимъ всю свою сіяющую красоту. Объ этомъ фактѣ свидѣтельствуютъ какъ многочисленныя сообщенія, такъ и не менѣе многочисленныя изображенія (напр. рисунки Дюрера, Нелли и др.). Надо замѣтить, что банщики не исполняли тупо-равнодушно свою обязанность, а часто позволяли себѣ довольно грубое ухаживаніе за понравившимися имъ женщинами.

Въ одномъ сообщеніи говорится, что хотя они и снабжены фартукомъ (Niederwad), но часто его «роняютъ, какъ будто невзначай». А отъ взоровъ другихъ мужчинъ женскія бани были отнюдь не герметически закупорены. Извѣстно, что Дюреръ тамъ сдѣлалъ «не одинъ хорошій рисунокъ съ натуры». Другимъ важнымъ доказательствомъ въ пользу этого факта служитъ часто повторяющійся въ искусствѣ мотивъ Батсебы. Отсюда можно дѣлать только тотъ выводъ, что возможность подглядѣть женщинъ во время купанья тогда была прямо стереотипна.

Не слѣдуетъ забывать, что въ эпоху Ренессанса публичныя бани и купальни были не только городскими учрежденіями, а имѣлись въ большинствѣ деревень. Въ болѣе значительныхъ встрѣчались порою даже двѣ. Въ болѣе крупныхъ городахъ ихъ насчитывалось десятокъ и больше. Приведемъ въ подтвержденіе нѣсколько цифръ.

Изъ документовъ видно, что въ періодъ 1426—1515 г. каждая изъ пяти деревень подъ Ульмомъ имѣла свою баню. Въ XV в. жители Лейпгейма просили разрѣшенія открыть вторую. Деревня Бургау около Бюлау въ Швейцаріи, состоявшая изъ 35 дворовъ, имѣла также свою баню. По словамъ Гвариноніуса, въ Австріи не было города, мѣстечка, деревни, какъ бы они ни были ничтожны, въ которыхъ не было бы своей бани. Присоединимъ нѣсколько цифръ относительно болѣе крупныхъ городовъ. Въ періодъ между XIII и XVI вв. въ Цюрихѣ насчитывалось пять бань, въ Шпейерѣ—девять, въ Ульмѣ—десять, въ Базелѣ—одиннадцать, въ Вюрцбургѣ—двѣнадцать, въ Нюрнбергѣ (по словамъ Ганса Закса)—тринадцать, въ Франкфуртѣ на Майнѣ—пятнадцать, въ Вѣнѣ—двадцать одна и т. д. Такъ какъ трудно было придумать болѣе удобный, а для той эпохи и болѣе пріятный, случай поклониться Венерѣ словами, взглядами, жестами и поступками, такъ какъ все въ этомъ обычаѣ прямо толкало къ использованію этого случая именно въ такомъ направленіи, то баня и домъ терпимости очень рано слились. Это сліяніе объясняетъ намъ и то обстоятельство, что профессія содержателя бани, какъ и профессія хозяина дома терпимости или скомороховъ, считалась впродолженіи всего Ренессанса ремесломъ безчестнымъ. А самое сліяніе этихъ двухъ учрежденій замѣчается повсемѣстно и господствовало очень долго.

Первымъ проявленіемъ этого сліянія бани съ проституціей была—банщица. Къ услугамъ посѣтителей всегда кромѣ банщика были и банщицы. Если первые часто обслуживали женщинъ, то вторыя не менѣе часто — мужчинъ. Банщица не только мыла, но и готовила постель для посѣтителя, если онъ желалъ послѣ бани отдохнуть и т. д. Такъ становилась она естественнымъ образомъ компаньонкой гостя, отвѣчавшей на всѣ его даже самыя грубыя выходки, которымъ благопріятствовалъ уже одинъ его костюмъ.

Одежда банщицы состояла вездѣ только изъ сорочки, которая по словамъ современниковъ и по свидѣтельству искусства часто была сдѣлана изъ прозрачной ткани. Бывали случаи, какъ видно опять таки изъ картинъ, что банщицы обслуживали гостей и совершенно обнаженными. Банщицы были лучшей рекламой хозяина бани и онъ нанималъ обыкновенно красивыхъ и крѣпкихъ, такихъ, которыя могли смѣло обнажаться передъ мужчинами, чтобы воспламенять ихъ въ такомъ видѣ. Некрасивыя банщицы были всегда предметомъ насмѣшекъ. Доходъ хозяина возрасталъ, конечно, въ зависимости отъ количества развлеченій, которыя посѣтитель находилъ въ его учрежденіи. Нѣтъ надобности доказывать, что роль банщицъ обыкновенно исполняли проститутки. Названія «банщица» и «проститутка» были синонимами. Назвать женщину «банщицей» считалось страшнымъ оскорбленіемъ. «Она вела себя такъ скверно, какъ банщица». Въ пѣсняхъ Клары Гетцлеринъ мы также находимъ подтвержденіе того, что банщицами были обыкновенно проститутки. Въ одномъ изъ ея стихотвореній, описывающемъ радости мая, говорится:

«Послѣ завтрака мы пойдемъ въ баню и пригласимъ красавицъ, чтобы они насъ мыли и развлекали. Пусть никто не спѣшитъ, а прохлаждается, какъ князь. Эй, банщица, приготовь каждому хорошую постель».

Замѣтимъ для полноты еще слѣдующее: такъ какъ публичная баня была вмѣстѣ съ тѣмъ храмомъ Венеры, а банщица—прежде всего ея жрицей, то священникамъ и монахамъ посѣщеніе этихъ учрежденій было или совсѣмъ запрещено или же имъ предписывалось пользоваться услугами лишь банщика. Часто сами священники и монахи приводили банщика съ собой. И вотъ случалось, что когда чьи-нибудь дерзкіе глаза заглядывали въ помѣщеніе, гдѣ онъ мылся, банщикъ оказывался — съ косой. Таково между прочимъ содержаніе веселаго стихотворенія «Von einem schwarzen Mönch, wie ihm und seinem Buhlen das Bad heiss wurde». Оно помѣщено въ амбразскомъ сборникѣ пѣсенъ.

Далѣе слѣдуетъ упомянуть, что банщицы представляли собой ту маску, за которой пряталась проституція въ деревняхъ. Однако не только банщицы, но и многія изъ посѣтительницъ бани принадлежали къ большому ордену «веселыхъ женщинъ» — femmes folles, какъ ихъ называли во Франціи—или «перепелокъ въ башмакахъ», «соловушекъ», какъ ихъ мѣстами называли въ Германіи. На этотъ счетъ у насъ имѣются достовѣрныя свѣдѣнія относительно Вѣны, Берлина, Нюрнберга и другихъ городовъ. Въ большинствѣ случаевъ только самыя красивыя проститутки выбирали баню мѣстомъ своей дѣятельности. Такъ какъ оба пола купались вмѣстѣ и безъ костюма, то красивая проститутка имѣла здѣсь лучшій случай рекламировать себя. При многихъ баняхъ находились обыкновенно одна или двѣ комнаты, куда парочки могли уединиться.

Многіе мужчины отправлялись въ опредѣленныя бани съ спеціальной цѣлью развлечься съ проститутками и потому многія городскія бани были въ сущности лишь расширенными домами терпимости. Если мы встрѣчаемъ въ хроникахъ указанія на такъ называемыя собственныя бани проститутокъ (такое извѣстіе существуетъ напр. относительно проститутокъ Ульма), то мы едва ли ошибемся, если увидимъ здѣсь только извѣстную разновидность публичныхъ домовъ. Убѣдительнымъ подтвержденіемъ такого предположенія служитъ то обстоятельство, что часто уставы публичныхъ домовъ соединены съ уставами бань, что въ многочисленныхъ указахъ бань подробно говорится о разрѣшеніи хозяевамъ имѣть проститутокъ. Есть и такіе уставы бань, которые по существу являются просто уставами публичныхъ домовъ. Таковъ древнѣйшій такой уставъ, возникшій въ Англіи въ XII в. Здѣсь запрещенія, касающіяся домовъ терпимости, распространены и на бани. «Ни одинъ хозяинъ бани не долженъ впускать монахинь или замужнихъ». «Ни одинъ хозяинъ бани не долженъ держать у себя женщину страдающую опасной болѣзнью». «Не слѣдуетъ никого насильно или обманно привлекать въ бани» и т. д. Подобныя постановленія лучше всего доказываютъ тождество бань и домовъ терпимости.

Рядомъ съ публичными банями слѣдуетъ упомянуть и о частныхъ, находившихся въ домахъ знатныхъ патриціевъ. Въ нихъ часто господствовали тѣ же нравы и тотъ же тонъ, какъ и въ общественныхъ, такъ какъ и онѣ были прежде всего мѣстами увеселенія и любви. Кто хочетъ повеселиться, тотъ устраиваетъ у себя баню — говорили тогда. Здѣсь влюбленная парочка могла удобнѣе всего предаться радостямъ Венеры и Пріапа. Въ этихъ домашнихъ баняхъ всѣ ходили совершенно обнаженными. Какъ долго держалась эта простота нравовъ, видно изъ автобіографіи веселаго Ганса фонъ Швейнихенъ. Когда ему было девять лѣтъ (1561 г.), съ нимъ произошелъ слѣдующій случай, какъ онъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ:

«Помню, былъ я всего нѣсколько дней при дворѣ, какъ старая герцогиня пожелала взять ванну и я долженъ былъ прислуживать въ качествѣ пажа. Не прошло много времени, какъ появилась дѣвица, по имени Катерина, совсѣмъ нагая, приказываетъ мнѣ, дать ей холодной воды. Мнѣ это показалось очень страннымъ, такъ какъ я раньше никогда не видалъ нагихъ женщинъ и я такъ растерялся, что облилъ ее холодной водой. Она громко вскрикнула и сообщила герцогинѣ, что я сдѣлалъ. Герцогиня разсмѣялась и воскликнула: «Изъ моего поросенка (игра словами: Schweinichen и Schweinchen)

выйдетъ толкъ. Такимъ образомъ я узналъ, какъ выглядятъ нагія женщины, но для чего это было сдѣлано, я такъ и не понялъ».

Этотъ обычай важенъ для исторіи общественныхъ нравовъ по слѣдующимъ двумъ причинамъ. Во-первыхъ: частная баня была не только интимной комнатой для исключительнаго пользованія членами семьи, сюда прежде всего приводили гостя, присутствуя во время его купанья и посылая ему для услуженія самую хорошенькую изъ горничныхъ и здѣсь же купались вмѣстѣ съ друзьями, развлекаясь ѣдой, выпивкой, играми и шутками.

Другая причина, заставляющая насъ считаться съ этимъ обычаемъ, какъ матеріаломъ для исторіи общественныхъ нравовъ, заключается въ томъ, что эти домашнія бани были по словамъ скандальной хроники эпохи главной ареной адюльтера и прежде всего именно для женъ. Въ домашней банѣ молодая, красивая хозяйка дома охотнѣе всего позволяла любовнику застать ее врасплохъ. Желая угодить другу, умѣющему использовать отсутствіе мужа, дама спѣшила устроить ему ванну и присутствовала во время купанья. Желая намекнуть любовнику, что она готова исполнить всѣ его просьбы, жена-измѣнница писала ему, что его «ждетъ пріятная и веселая ванна». Такія «семейныя радости» были весьма по вкусу многимъ ухаживателямъ и не менѣе охотно доставлялись имъ ихъ красавицами. Доказательствомъ могутъ служить разнообразные разсказы о томъ, какъ мужъ возвращается раньше, чѣмъ его ожидали, завершая сцену трагическимъ финаломъ.

Домашняя баня представляла часто не болѣе, какъ импровизированное помѣщеніе, куда на случай надобности ставили ванну. Въ домахъ богатыхъ бюргеровъ и патриціевъ, въ дворцахъ знати и церковныхъ сановниковъ ванная комната, напротивъ, устраивалась съ большой роскошью: съ мраморнымъ поломъ, драгоцѣнными ваннами, картинами соотвѣтствующаго содержанія, съ мягкими пуховиками на скамьяхъ, манившихъ послѣ бани къ отдыху и т. д. Классическимъ примѣромъ можетъ служить великолѣпная ванная во дворцѣ Фуггеровъ въ Аугсбургѣ и, разукрашенная фресками Рафаэля, знаменитая ванная кардинала Биббіены въ

Ватиканѣ. При такихъ условіяхъ немудрено, что ванная становилась излюбленнымъ мѣстомъ увеселеній и что развратники, въ родѣ упомянутаго кардинала Биббіены, именно ее выбирали ареной для оргій, устраиваемыхъ ими въ папскомъ дворцѣ съ своими метрессами и прекрасными куртизанками.

Домашняя ванная, несомнѣнно, болѣе древняго происхожденія, чѣмъ публичная баня. Она существовала уже въ рыцарскихъ замкахъ и изъ поэзіи миннезингеровъ явствуетъ, что уже и тогда она служила предпочтительно для культа Венеры. Но до XII в. число ихъ было, по всѣмъ вѣроятіямъ, еще очень незначительно, такъ какъ намъ извѣстно, что многіе князья и государи посѣщали публичныя бани. Въ XV и XVI вв. по мѣрѣ роста богатства въ средѣ восходившей буржуазіи, по мѣрѣ развивавшейся вмѣстѣ съ тѣмъ тенденціи къ болѣе строгому обособленію классовъ, число домашнихъ ванныхъ все увеличивается и общественная баня посѣщается уже почти исключительно среднимъ и низшимъ классомъ. Какъ велико было число домашнихъ ванныхъ, видно изъ слѣдующей цифры, которой мы и ограничимся: въ Ульмѣ въ 1483 г. кромѣ общественныхъ бань существовало не менѣе 168 домашнихъ.

Постепенный отказъ патріацата и вообще всѣхъ имущихъ классовъ отъ пользованія публичными банями, какъ публичными домами, имѣлъ однако еще одну причину. Она заключалась не въ томъ, что эти классы обращали все больше вниманія на благопристойность и нравственность. Дѣло объясняется просто тѣмъ, что они нашли себѣ другое мѣсто развлеченій. Удовольствія, отъ которыхъ они добровольно отказывались, переставая посѣщать бани, онѣ нашли въ удвоенномъ и утроенномъ количествѣ въ многочисленныхъ курортахъ, расцвѣтшихъ начиная съ XIII в. и становившихся такими же модными и роскошными мѣстами свиданія, какими являются и современные курорты.

Чтобы вполнѣ и безпрепятственно насладиться сладкими радостями жизни, многіе и многіе совершали веселое «купальное»

путешествіе, какъ тогда говорили. Первоначально, конечно, отправлялись къ различнымъ цѣлебнымъ источникамъ, открытымъ въ теченіе столѣтій, главнымъ образомъ изъ соображеній здоровья, чтобы вылѣчиться отъ разныхъ болѣзней. Однако число больныхъ, искавшихъ лѣченія, уменьшалось съ каждымъ годомъ въ сравненіи съ тѣми, которые только ссылались на какую нибудь болѣзнь, чтобы совершить купальное путешествіе. Произошло это потому, что съ этими цѣлебными источниками было связано (помимо княжескихъ дворовъ и посѣщаемыхъ иностранцами городовъ) возникновеніе свѣтской жизни, посвященной жуированію. И это понятно.

У этихъ цѣлебныхъ источниковъ впервые собиралось на болѣе или менѣе продолжительное время значительное количество людей, жившихъ для отдыха, т. е. для праздности. А тамъ, гдѣ принципіальная праздность является главнымъ условіемъ существованія значительнаго числа лицъ, притомъ въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго срока и на одномъ и томъ же участкѣ, это мѣсто само собой превращается въ увеселительное, гдѣ можно найти въ увеличенномъ количествѣ всѣ тѣ развлеченія, которыя предполагаетъ болѣе или менѣе продолжительная принципіальная праздность. Такія мѣста всегда привлекали здоровыхъ еще въ гораздо большей степени, чѣмъ больныхъ. Такъ во всѣ времена возникали модные курорты въ интересахъ имущихъ классовъ. А такъ какъ въ эпоху Ренессанса купанье представляло почти единственную возможность стать кульминаціоннымъ пунктомъ увеселенія, то курорты естественно сдѣлались центрами тогдашней свѣтской жизни. Сатирики смѣялись поэтому, что купальное путешествіе оказываетъ свое цѣлительное воздѣйствіе только на богатыхъ.

«Въ маѣ мы поѣдемъ въ курортъ! Смотри, наполни свой кошелекъ! Тамошній источникъ имѣетъ такое своеобразное дѣйствіе, что не помогаетъ тѣмъ, кто туда ѣдетъ съ женщинами, и забываетъ захватить съ собой деньги. Все его дѣйствіе въ такомъ случаѣ сводится къ тому, что человѣкъ потеряетъ все, что имѣлъ».

Такъ издѣвался Мурнеръ въ своемъ Geuchmatt.

А что купальное путешествіе было прежде всего путешествіемъ въ царство Венеры, что жизнь въ курортахъ была преимущественно праздникомъ любви, это тоже обусловлено природой самого явленія. Чувственная тенденція эпохи находила здѣсь самыя удобныя условія для своего проявленія. Здѣсь все должно было сосредоточиться въ эротическомъ наслажденіи. Ничѣмъ инымъ, какъ сплошной эротической вакханаліей и была жизнь въ видныхъ курортахъ.

О жизни и нравахъ въ различныхъ курортахъ эпохи Ренессанса мы узнаемъ какъ отъ путешественниковъ и хронистовъ, изъ швенковъ и пословицъ, такъ и изъ указовъ и запрещеній властей, и эти свѣдѣнія настолько обильны, что позволяютъ намъ получить ясную картину.

Соблазнять и быть соблазненной и притомъ путемъ самыхъ дерзкихъ и рискованныхъ средствъ составляло главную тему ежедневной жизни, облекавшуюся въ сотни разнообразныхъ формъ. Къ этому все стремилось. Это давало камертонъ жизни. Женщины исполняли эту программу главнымъ образомъ тѣмъ, что впродолженіи цѣлыхъ часовъ доставляли мужчинамъ во время совмѣстнаго купанья самыя пышныя эротическія зрѣлища, мужчины — тѣмъ, что постоянно побуждали женщинъ къ такому поведенію, создавая при помощи галантныхъ словъ, откровенныхъ жестовъ и смѣлыхъ выходокъ все новыя комбинаціи для повторенія старыхъ пріемовъ. Зрѣлище, которое женщина доставляла мужчинѣ, было притомъ не тайнымъ, спеціально для него предназначеннымъ, а открытой игрой, имѣвшей въ виду, быть можетъ, одного, но расчитанной на всѣхъ. Эта игра должна была обратить на женщину и приковать къ ней взоры всѣхъ.

Посѣтительница цѣлебныхъ источниковъ не могла, правда, обнажаться больше, чѣмъ дама, купавшаяся въ своей домашней ваннѣ, но за то она больше подчеркивала свою раздѣтость, устраивая болѣе роскошную прическу, утопая подъ блескомъ украшеній, одѣвая болѣе богатый купальный костюмъ (если прибѣгала вообще къ костюму), очень мало предназначенный служить своей перво-

начальной цѣли. Картина Л. Кранаха и рисунокъ Йостъ Аммана: «Одежда купающихся турчанокъ» даетъ намъ приблизительное представленіе о томъ, въ какомъ видѣ представала взорамъ мужчинъ дама Ренессанса въ модномъ курортѣ.

Да и самый актъ купанья носилъ характеръ публичнаго зрѣлища. Правда, купанье было зрѣлищемъ, въ которомъ большинство сами были участниками, но и публикѣ давалась возможность насладиться этимъ зрѣлищемъ, такъ какъ вокругъ мѣста купанья, какъ въ Лейкѣ, Баденѣ и т. д., шли галлереи, откуда публика могла созерцать все, что дѣлалось въ водѣ. И эта некупавшаяся публика видѣла во всемъ, что тамъ происходило, именно только зрѣлище, доставляемое чувствамъ.

Многочисленныя хроники и сообщенія свидѣтельствуютъ, что нравы, царившіе въ курортахъ, оставались неизмѣнными впродолженіи столѣтій. Достаточно упомянуть знаменитое описаніе курорта Бадена въ Аргау, сдѣланное Поджьо, или описаніе праздника, устроеннаго въ курортѣ Висбаденѣ, принадлежащее перу Генриха фонъ Лангенштейнъ и относящееся къ восьмидесятымъ годамъ XIV ст. Къ сожалѣнію, эти и тому подобные классическіе документы такъ построены, что нѣтъ возможности привести ихъ здѣсь. Взамѣнъ ихъ мы процитируемъ здѣсь два указа, не только подтверждающіе неизмѣнность нравовъ, царившихъ въ курортахъ, но и показывающихъ, что этотъ обычай сохранился во многихъ мѣстахъ вплоть до XVII ст. Въ уставѣ вюртембергскаго курорта Болль отъ 1594 г. говорится:

«Запрещается произносить безстыдныя, скабрезныя слова, а также пѣть непристойныя пѣсни. Провинившіеся обязаны уплатить полгульдена. Запрещаются далѣе непристойные жесты и поступки по отношенію къ честнымъ женщинамъ и дѣвушкамъ. Провинившіеся обязаны уплатить каждый разъ по гульдену и штрафъ этотъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть прощенъ».

Въ одномъ указѣ 1619 г. говорится:

«Въ четвертыхъ, такъ какъ часто поступаютъ жалобы отъ женщинъ, что мужчины пристаютъ къ нимъ непристойнымъ и дерзкимъ образомъ, мы постановляемъ во имя уничтоженія подобной безнравственности: хозяинъ курорта долженъ смотрѣть за тѣмъ, чтобы мужчины и женщины купались въ отдѣльныхъ мѣстахъ (за исключеніемъ благородныхъ или родственниковъ), если же въ виду обилія гостей или по другимъ какимъ нибудь причинамъ это оказывается невозможнымъ, то мы все же хотимъ (какъ можно больше) обезопасить женщинъ, и облагаемъ штрафомъ въ 2 пфеннинга всѣхъ мужчинъ, чтобы удержать ихъ отъ непристойныхъ дѣйствій и безстыдныхъ словъ и жестовъ и чтобы покончить съ такой скандальной непристойностью».

Стекавшаяся въ тогдашніе модные курорты публика отличалась значительной пестротой, а въ нѣкоторыхъ курортахъ была даже до извѣстной степени интернаціональной. Весь тогдашній журирующій свѣтъ встрѣчался здѣсь съ знатью, ежегодно посѣщавшей эти мѣста. Къ нимъ присоединялось не менѣе значительное число сводниковъ, руффіановъ и прочей сомнительной черни. Во главѣ стояла армія прекрасныхъ, рафинированныхъ проститутокъ. Такъ какъ слуги церкви всегда бывали тамъ, гдѣ весело жилось, и усердно служили плоти, то и монахи, священники и монахини поставляли довольно большой контингентъ постоянныхъ посѣтителей курорта. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленныя сообщенія, въ которыхъ говорится о посѣщеніи священниками и монахинями цѣлебныхъ источниковъ.

Такъ Пфифферъ замѣчаетъ въ своей исторіи города и кантона Люцерна подъ 1566 г., слѣдующее: «Нѣсколько духовныхъ просили разрѣшенія у совѣта совершить съ своими возлюбленными купальное путешествіе въ Баденъ, но имъ отказали во избѣжаніе публичнаго соблазна».

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что проститутки наѣзжали въ эти курорты цѣлыми ордами. Здѣсь ихъ профессія была особенно прибыльна. Куртизанки, естественно, давали тонъ всей жизни. Во время празднествъ онѣ были оживляющимъ элементомъ. Постоянное присутствіе многочисленныхъ проститутокъ было далѣе обязательно для этихъ курортовъ, такъ какъ именно онѣ позво-

ляли надѣяться многимъ мужчинамъ, предпринимавшимъ купальное путешествіе спеціально для того, чтобы отдохнуть отъ семейной жизни, что они не ошибутся въ своихъ расчетахъ. А такихъ посѣтителей было всегда не мало. Суровый домашній режимъ былъ для господствующихъ классовъ тѣмъ болѣе тяжелой обязанностью, что они не могли отъ него освободиться, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда интересы классоваго господства побуждали издавать строгіе указы въ цѣляхъ охраны нравственности или не менѣе строгіе законы противъ роскоши. По этой причинѣ въ Баденѣ въ Аргау, напр., всегда бывало много жителей Цюриха. Здѣсь они могли игнорировать тѣ строгіе законы противъ роскоши и безнравственности, которымъ они дома подчинили свою жизнь.

Желаніе отдохнуть отъ гнета семейнаго режима, отъ скуки супружеской жизни толкало не только многихъ мужчинъ къ посѣщенію курортовъ, но и многихъ «честныхъ женщинъ». Глауберъ говоритъ: «Многія женщины охотно посѣщаютъ соляные или горячіе источники, такъ какъ ихъ мужья слишкомъ стары и холодны». Еще въ 1610 г. Гвариноніусъ пишетъ: «Многія женщины ѣдутъ въ Галль, потому что тамъ имъ нетрудно обмануть своихъ мужей». Другой современникъ сообщаетъ: «Въ купальныхъ каморкахъ многія порядочныя женщины развлекаются съ молодыми людьми, отъ чего должны были отказаться дома изъ боязни сплетенъ, и многія усердствуютъ въ этомъ отношеніи больше даже, чѣмъ банщицы».

При такихъ условіяхъ неудивительно, что безплодіе было той женской болѣзнью, которая легче всего излѣчивалась цѣлебными ваннами. Поджьо сообщаетъ объ этомъ съ злой насмѣшкой:

«Если ты, о другъ, спросишь меня о дѣйствіи здѣшнихъ источниковъ, то я долженъ тебѣ сказать, что оно очень разнообразно, но въ нѣкоторыхъ пунктахъ оно прямо грандіозно и божественно. Ибо во всемъ свѣтѣ нѣтъ другихъ цѣлебныхъ источниковъ, которые лучше излѣчивали бы женское безплодіе. Если сюда пріѣзжаетъ безплодная женщина, то она очень скоро испытываетъ чудодѣйственную силу источника, если она только

усердно прибѣгаетъ къ тѣмъ средствамъ, которыя наука предписываетъ безплоднымъ».

Короче и лучше всего выражаетъ этотъ фактъ старинная поговорка: «Для безплодныхъ женщинъ лучшее средство—цѣлебные источники. Чего не сможетъ сдѣлать источникъ, то сдѣлаютъ гости». Разумѣется, порой лѣченіе было даже слишкомъ успѣшно и превосходило даже первоначальную цѣль, какъ видно изъ другой поговорки: «Лѣченіе въ курортѣ оказалось слишкомъ успѣшнымъ, такъ какъ забеременѣли мать и дочь, служанка и собака».

Послѣднимъ документомъ, рисующимъ разнузданные нравы, царившіе въ баняхъ и курортахъ, служитъ искусство. Не можетъ быть болѣе нелѣпой мысли, чѣмъ та, постоянно вновь подвигаемая, будто пластическія изображенія не воспроизводятъ вовсе сущности эпохи. Разумѣется, искусство передаетъ дѣйствительность рельефнѣе, но это нѣчто другое, чѣмъ простое подчеркиваніе наготы и скабрезности!

Картины и рисунки Флетнера, Солиса, Дюрера, Бегама передаютъ, несомнѣнно, основной тонъ вѣка. Нельзя отрицать, что этотъ тонъ получилъ нѣкоторую окраску отъ всеобщаго культа формы, т.-е. красоты, который характеризуетъ эпоху. Если же возражаютъ, что большинство картинъ, изображающихъ жизнь въ курортѣ или въ баняхъ, выставляютъ только красивыя тѣла, и въ частности только красивыхъ женщинъ, то въ этомъ надо видѣть не прекрасный вымыселъ, а отраженіе того простого факта, что отцвѣтшія и безобразныя женщины лишь въ исключительныхъ случаяхъ пользовались общественными купальнями и притомъ всегда строго соблюдали въ своемъ костюмѣ благопристойность. Безобразіе всегда неумолимый стражъ добродѣтели.

Постепенное исчезновеніе обычая публичныхъ бань и купаленъ было вызвано тѣми же причинами, которые обезлюдили «женскіе дома», а именно общимъ соціальнымъ упадкомъ и сифилисомъ.

Такъ какъ объ этомъ мы говорили уже въ первой вступительной главѣ, то болѣе подробное обоснованіе этого положенія яв-

ляется лишнимъ. По поводу общаго соціальнаго упадка надо замѣтить еще, что онъ осложнялся для содержателей бань тѣмъ, что въ XVI в. сильно вздорожали дрова. Такъ какъ бани топились исключительно дровами, то посѣщеніе ихъ становилось все дороже, по мѣрѣ того, какъ дорожали дрова, и сдѣлалось подъ конецъ роскошью, недоступной для большой массы.

Игры взрослыхъ имѣли во всѣ времена въ большинствѣ случаевъ эротическую подкладку или во всякомъ случаѣ въ нихъ всегда звучала эротическая нотка. Содержаніемъ большинства игръ, пользующихся симпатіей ,взрослыхъ, служитъ шутливое ухаживаніе другъ за другомъ молодыхъ людей обоего пола или процессъ взаимнаго завоеванія одного другимъ.

Въ средніе вѣка и въ эпоху Ренессанса это эротическое содержаніе игръ выступаетъ еще совершенно откровенно. Яснѣе всего въ тѣхъ играхъ, въ которыхъ рѣчь шла ни о чемъ другомъ, какъ объ аллегорическомъ изображеніи грубаго чувственнаго удовольствія. Мужчины и женщины хотѣли какъ слѣдуетъ и какъ можно удобнѣе насладиться удовольствіемъ, доставляемымъ такими шутками. А проще всего это можно было сдѣлать именно въ рамкахъ игры, въ которой участвовали оба пола. Характерными примѣрами такихъ игръ являются: «опрокидываніе», «похищеніе поцѣлуя», «пастухъ изъ новаго города», и др. Всѣ эти игры были одинаково популярны и распространены.

Игра «опрокидыванье» состояла въ комическомъ единоборствѣ мужчины и женщины. Каждая изъ сторонъ должна была попасть поднятой ногой въ пятку другого, чтобы вывести его изъ равновѣсія и повалить на полъ. Дама сидѣла при этомъ верхомъ на спинѣ мужчины, стоявшаго на колѣняхъ, а кавалеръ свободно стоялъ на ногахъ. Такъ какъ женщины тогда не носили нижнихъ юбокъ, то все единоборство было со стороны дамы безпрерывнымъ добровольнымъ обнаженіемъ передъ взоромъ зрителей ногъ и бедеръ. Это декольтированіе снизу вверхъ достигало своего апо-

гея, когда побѣда оставалась за кавалеромъ и дама падала на полъ. Аналогично содержаніе игры «похищеніе поцѣлуя». Поцѣлуй игралъ главную роль во многихъ играхъ. Въ той, которую мы имѣемъ здѣсь въ виду, примитивно-грубый характеръ развлеченія бросается прямо въ глаза. Борющіяся пары сидѣли верхомъ: женщина на плечахъ мужчины, мужчина на плечахъ женщины. Очевидно, это была не очень салонная игра, такъ какъ конь и всадникъ то и дѣло падали и парочки катались по полу или на травѣ въ пестрой сутолкѣ, въ чемъ и состояло главное удовольствіе.

Игра «пастухъ изъ новаго города» описана Мурнеромъ. Въ ней то же все вертѣлось вокругъ поцѣлуя, какъ награды. Эта игра требовала отъ женщины такой же силы, какъ отъ мужчины, такъ какъ и она должна была поднять и кружить его въ воздухѣ. Только та способна участвовать въ этой игрѣ, которая «можетъ поднять парня на воздухъ, когда онъ принимается скакать и прыгать». Мужчина мстилъ тѣмъ, что поднималъ свою партнершу еще выше и вертѣлъ ее въ воздухѣ еще отчаяннѣе. Мурнеръ замѣчаетъ по поводу этой игры: «Въ ней нѣтъ ни приличія, ни пристойности. Когда парни поднимаютъ дѣвицъ, то доводятъ игру до того, что у нихъ все видно». Игра кончалась, повидимому, массовыми поцѣлуями.

Такъ какъ эти игры были, какъ намъ достовѣрно извѣстно, въ ходу у всѣхъ классовъ, и у всѣхъ классовъ пользовались одинаково большой популярностью, то отсюда можно сдѣлать тотъ важный выводъ, что даже въ средѣ богатаго бюргерства и дворянства не считалось неприличнымъ, если дамы обнаруживали передъ всѣми свои тайныя прелести или если мужчины и женщины открыто наслаждались подобнымъ зрѣлищемъ.

Среди крестьянства встрѣчается рядъ другихъ игръ, отличавшихся, повидимому, еще гораздо большей циничностью. Сюда относится одна игра, о подробностяхъ которой мы не имѣемъ свѣдѣній, но, какъ видно изъ одного стихотворенія Нитгарта фонъ Рейенталя, она состояла въ самомъ грубомъ проявленіи эроти-

ческой дерзости и нравилась дѣвкамъ такъ же, какъ и парнямъ.

О цѣломъ рядѣ игръ узнаемъ мы изъ стихотворенія Der Fugenden Schatz. Какъ видно уже изъ самыхъ названій, эротическій элементъ игралъ въ нихъ главную роль. «Двое хотятъ упасть на цвѣты». «Двое ухаживали изрядно другъ за другомъ». «Одинъ обнялъ другую». «Двое подставляли другъ другу ножку». «Двое отъ души обнимались», «Двое цѣловались». и т. д.

Всѣ эти игры и шутки далеко уступаютъ по своей популярности и по своему эротическому содержанію той игрѣ, которая во всѣ времена была излюбленной забавой взрослыхъ—танцу.

Танецъ, какъ и мода, прежде всего эротическая проблема. Объ этой основной сущности пляски не слѣдуетъ забывать, не слѣдуетъ обращать вниманіе только на внѣшнюю форму, въ которую она рядится. Только если мы уяснимъ себѣ эту основную ея черту, мы поймемъ послѣднія тайны танца, поймемъ, почему каждая эпоха, безъ исключенія, творитъ новые виды танца.

Пляска всегда была ни чѣмъ инымъ, какъ переведенной на языкъ стилизованнаго ритма эротикой. Она изображаетъ ухаживаніе, отказъ, обѣщаніе, исполненіе обѣщанія. Темой всѣхъ танцевъ является символизація одного изъ этихъ элементовъ, или же совокупности всѣхъ этихъ элементовъ эротики. Существуетъ цѣлый рядъ національныхъ, а также и модныхъ танцевъ, изображающихъ въ своихъ главныхъ чертахъ и притомъ чрезвычайно прозрачно не что иное, какъ актъ любви. Достаточно указать на итальянскую тарантеллу, польскую качучу, венгерскій чардашъ и модный интернаціональный матчишъ.

Всѣ эти пляски ни что иное, какъ стилизованный любовный экстазъ.

Во время такихъ танцевъ безчисленное множество людей наслаждаются упоеніемъ безумнаго сладострастія. Если въ упомянутыхъ танцахъ эротическій элементъ обнаруживается при первомъ взглядѣ на нихъ, при первыхъ звукахъ, такъ какъ они доводятъ въ своей дикой символикѣ до послѣдняго предѣла то, что они изображаютъ, то въ сущности о томъ же самомъ идетъ рѣчь и въ другихъ современныхъ танцахъ, напр., въ вальсѣ. Вальсъ передаетъ ту же тенденцію только въ болѣе утонченной, изысканной формѣ.

Эта истинная сущность пляски объясняетъ очень многое. Такъ какъ она не только вся насыщена чувственностью, такъ какъ она ни что иное, какъ переведенное на языкъ стилизованнаго движенія ритмъ полового акта, то, естественно, никогда не существовалс болѣе опаснаго соблазнителя и сводника, какъ танецъ, и потому въ танцѣ для сладострастія раскрываются самые широкіе и смѣлые горизонты.

Въ танцахъ конца среднихъ вѣковъ и эпохи Ренессанса эта тенденція обнаруживается совершенно открыто. Танецъ представлялъ тогда высшее напряженіе тенденцій, олицетворенныхъ въ вышеописанныхъ играхъ. И если сама пляска не приводила къ этому, то пытались достигнуть цѣли путемъ разныхъ экстравагантностей. Большинство и притомъ самые излюбленные танцы Ренессанса состояли въ дикихъ прыжкахъ, въ бѣшенномъ круженіи и вращеніи дамы, такъ, чтобы юбки ея поднимались какъ можно выше. Подобные танцы еще теперь въ ходу среди горнаго населенія (напр., такъ называемый Schuhplattler). Поведеніе танцора было постояннымъ сладострастнымъ топаніемъ и крикомъ и представляло такимъ образомъ наиболѣе подходящій аккомпаниментъ къ темѣ.

Уже въ одной придворной любовной пѣснѣ говорится: «Она прыгала вверхъ на нѣсколько клафтеровъ и больше!» Парень, умѣвшій смѣлѣе другихъ кружить въ воздухѣ свою партнершу, пользовался славой лучшаго танцора, такъ какъ позволялъ ей до дна испить сладкую чашу безумія. Многія дѣвушки поэтому сами побуждали своихъ кавалеровъ вести себя какъ можно смѣлѣе. Одинъ современникъ пишетъ:

«Съ парнемъ, не умѣющимъ или не желающимъ какъ слѣдуетъ кружить дѣвку, послѣдняя ни за что не хочетъ плясать и называетъ его дуракомъ, неспособнымъ двигать своими чле-

нами. Многіе парни не плясали бы такъ безстыдно, если бы сами дѣвки не побуждали ихъ къ этому, даже болѣе, теперь сами дѣвки кружатъ въ воздухѣ парней, если послѣдніе оказываются слишкомъ лѣнивыми».

Для дѣвицы, женщины и вдовы—всѣ онѣ одинаково усердно танцовали—не было большей чести, какъ если ее приглашали къ каждому танцу, и кавалеръ поднималъ ее выше другихъ.

Когда безуміе пляски охватывало дѣвушку, она переставала скупиться на тѣ щедрости, которыхъ такъ жаждали мужчины и юноши. Болѣе стыдливая разстегивала тайкомъ для своего кавалера одну пуговицу въ корсажѣ, болѣе смѣлая дѣлала это открыто и не ограничивалась одной.

Генрихъ фонъ Миттенвейлеръ говоритъ въ одномъ стихотвореніи:

«Дѣвушки бойко прыгали такъ высоко, что видны были ихъ колѣни. У Гильды лопнуло платье такъ, что показалась вся грудь. Гюделейнъ стало такъ жарко, что она сама раскрыла спереди свое платье и всѣ мужчины могли насладиться ея красотой».

Главнымъ пунктомъ тогдашнихъ танцевъ было такъ называемое Verködern. Авторъ вышедшаго въ 1580 г. «Діавола пляски» описалъ намъ этотъ пріемъ. Онъ состоялъ въ томъ, что кавалеръ вертѣлъ въ воздухѣ свою даму и бросалъ ее на землю, причемъ падалъ самъ, другія пары спотыкались, такъ что въ концѣ концовъ образовывалась цѣлая куча тѣлъ.

«Кто любитъ непристойности, тому весьма нравится такое круженіе, паденіе и развѣваніе платьевъ. Онъ смѣется и веселится, ибо ему устраивается настоящее bel videre на иностранный манеръ» и т. д.

Наибольшее удовольствіе получала при этомъ публика, не участвовавшая въ танцахъ. Многіе мужчины отправлялись на пляску спеціально съ тѣмъ, чтобы насладиться лицезрѣніемъ. Поэтому пословица говорила: «Зритель хуже танцора». Не только женщины обнажались при этомъ непристойнымъ образомъ, но и мужчины, особенно если они приходили на пляску безъ штановъ

или въ короткой курткѣ. Въ одномъ полицейскомъ уставѣ, опубликованномъ въ 1555 г., содержится особая глава о непристойныхъ танцахъ, въ которой говорится, что было бы лучше, если бы всѣ танцы были запрещены, такъ какъ «мужчины участвуютъ почти голыми и вообще позволяютъ себѣ невозможно-непристойныя выходки».

Такъ какъ танцорки ничего не имѣли противъ того, что ихъ опрокидывали на полъ или на землю, то эта забава въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вырождалась въ настоящую оргію, безъ которой вообще не обходилась ни одна пляска. Власти старались помочь дѣлу еще тѣмъ, что ставили танцующихъ подъ надзоръ. Алойзіусъ Орелли пишетъ въ 1555 г.:

«Такъ, напр., запрещены всѣ танцы, когда-то главное увеселеніе всѣхъ классовъ и возрастовъ. Они разрѣшались только на свадьбахъ, но должны были кончаться съ заходомъ солнца. Чѣмъ рѣже становилось это удовольствіе, тѣмъ съ большей страстью наслаждались имъ. Молодые сильные юноши старались во время танца повалить другихъ, причемъ неоднократно случалось, что дѣвушка падала вмѣстѣ съ танцоромъ и падала такъ, что ея положеніе вызывало смѣхъ, оскорблявшій ея стыдливость. Правда, опрокидываніе другъ друга было запрещено, но въ увлеченіи пляской забывали объ этомъ запрещеніи. Если опрокидывали одного, это дѣйствовало заражающе, и опрокинутый старался отомстить быстротой и ловкостью. Чтобы воспрепятствовать такимъ неприличіямъ, власти посылали особыхъ цензоровъ на балъ. То были слуги городского совѣта, носившіе цвѣта города. Имъ было приказано при первой преднамѣренной попыткѣ опрокинуть одного изъ участниковъ пляски запретить музыкантамъ играть и такимъ образомъ положить конецъ всему веселію».

Пляска служила далѣе поводомъ для обмѣна всевозможными интимными нѣжностями. Главную роль игралъ поцѣлуй. Цѣловали женщину не только въ губы и щеки, а охотнѣе всего въ грудь. Эта ласка считалась актомъ преклоненія, который каждая дѣвушка и женщина могла разрѣшить, не рискуя потерять

своего добраго имени. Еще усерднѣе губъ дѣйствовали однако руки. «Мужчины хватаютъ дѣвокъ на виду у всѣхъ за корсажъ, что доставляетъ большинству изъ нихъ тайное удовольствіе». Женщины только слабо противились такому натиску, такъ какъ мужчины именно этимъ путемъ обнаруживали свой восторгъ передъ партнершей по танцу. Только женщины, не могшія гордиться пышной грудью, возмущались и ломались. Разстегивать своей партнершѣ корсажъ — таково было и главное времяпрепровожденіе мужчины въ антрактахъ, когда онъ по обычаю стоялъ на колѣняхъ передъ дамой или усаживался у нея на колѣняхъ. Если веселіе достигало своей крайней точки и кровь бѣшено бурлила въ жилахъ, то обѣ стороны становились все смѣлѣе въ своихъ взаимныхъ интимностяхъ и женщины не только охотно шли навстрѣчу самымъ дерзкимъ шуткамъ и выходкамъ мужчинъ, но, какъ видно изъ многихъ масляничныхъ пьесъ, сами же воспламеняли ихъ къ такому поведенію.

Возбуждающее дѣйствіе слова играло особо важную роль въ такъ называемыхъ хороводахъ. Здѣсь мѣсто индивидуальной бесѣды и музыки занимало хоровое пѣніе, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ также чередованіе мужского и женскаго хора. Во время хоровода всѣ брались за руку, причемъ мужчина стоялъ всегда между двумя женщинами, и плясали подъ тактъ плясовой пѣсни. Эти пѣсни носили всегда эротическій характеръ и, повидимому, нравились тѣмъ больше, чѣмъ скабрезнѣе было ихъ содержаніе. Низшіе классы и крестьяне, по всѣмъ вѣроятіямъ, распѣвали только такія скабрезныя пѣсни — вѣдь еще и въ настоящее время деревенскія плясовыя пѣсни преимущественно непристойны по своему содержанію.

Эразмъ Роттердамскій говоритъ объ этихъ хороводахъ и плясовыхъ пѣсняхъ: «Тамъ можно услышать скверныя, безстыдныя пѣсни и пѣніе, пригодное для публичныхъ женщинъ и слугъ». Въ такомъ же духѣ пишетъ Гейлеръ изъ Кайзерсберга: «Я чуть не забылъ упомянуть еще объ одномъ танцѣ, о хороводѣ, во время котораго совершаются неменьшія непристойности, а именно распѣваются позорныя и гнусныя пѣсни, чтобы воспламенить женскій полъ къ безнравственности и безстыдству».

Разъ съ обѣихъ сторонъ дѣлались такія уступки другъ другу, то неудивительно, что цѣломудріе находилось въ очень рискованномъ положеніи, и потому пословица гласила: «Когда цѣломудріе отправляется на пляску, оно пляшетъ въ стеклянныхъ башмакахъ» или «Дѣвушка, отправляющаяся танцовать, рѣдко возвращается неощипанной». То, чего требовали въ упоеніи танцемъ, что наполовину обѣщалось взглядами и рукопожатіемъ, осуществлялось потомъ на обратномъ пути, когда чувства еще были опьянены. Авторъ «Діавола пляски» подробно описываетъ это въ главѣ: «Какъ люди возвращаются съ легкомысленной пляски».

Если въ виду подобныхъ пріемовъ и нравовъ благочестивые люди требовали упраздненія всякой пляски, ибо въ «каждомъ танцѣ замѣшанъ дьяволъ», то такъ называемое почтенное бюргерство осуждало только вечерніе танцы, какъ единственные будто-бы очаги безнравственности. Отказаться же отъ «приличныхъ бюргерскихъ танцевъ» оно ни за что не хотѣло. И не только потому, что пляска была однимъ изъ наиболѣе излюбленныхъ увеселеній, но и по той не менѣе важной причинѣ, что балы тогда, какъ и теперь, служили лучшимъ случаемъ для почтенныхъ матерей семействъ заняться сводничествомъ и выгодно сбыть съ рукъ своихъ дочекъ. Въ своихъ проповѣдяхъ о положеніи невѣстъ Киріакъ Шпангенбергъ говоритъ:

«Наши предки устраивали такіе публичные танцы также и для того, чтобы показать своихъ дѣтей сосѣдямъ и устроить свадьбу. Вотъ почему въ Мейссенѣ ежегодно въ опредѣленные дни устраиваются по распоряженію властей то въ одной, то въ другой деревнѣ такъ называемые Lobetaenze».

Танцы позволяли лучше всего довести сводничество до желанной цѣли. А это неопровержимое обстоятельство опровергаетъ мнимую «порядочность» бюргерской пляски. Ибо вездѣ тамъ, гдѣ занимаются сводничествомъ, всегда прибѣгаютъ къ тайнымъ уловкамъ, чтобы не упустить выгодное дѣльце. Самымъ надежнымъ

пріемомъ, который только можетъ пустить въ ходъ женщина, все равно въ салонѣ или на танцевальной площадкѣ, состоитъ въ томъ, чтобы давать мужчинѣ авансы въ счетъ будущаго, такъ какъ эти авансы лучшая «приманка для холостяковъ», и лучше всего возбуждаютъ ихъ аппетитъ. Кромѣ того, каждая дѣвушка, все равно крестьянка или мѣщанка, знала превосходно пословицу: «Женщина любитъ такъ, какъ танцуетъ» и др. И умныя дѣвицы и вели себя сообразно такимъ пословицамъ.

Если нѣкоторые историки Ренессанса представляютъ дѣло такъ, будто такіе грубые нравы во время танцевъ существовали только въ деревняхъ, а въ городахъ только среди черни, то это безусловно невѣрно. У простонародья они отличались только бóльшей наивностью. Однако на балахъ богатыхъ и знатныхъ царили по существу тѣ же обычаи, какъ и подъ липой на травѣ или въ плохо освѣщенной харчевнѣ или прядильнѣ. Достаточно вспомнить хотя бы тѣ уступки, которыя дѣлала, какъ намъ извѣстно изъ актовъ процесса, жизнерадостная Варвара Лёффельгольцъ своимъ любовникамъ. Отсюда можно заключить, что въ этихъ кругахъ и во время танцевъ вели себя не очень чопорно, если симпатичный партнеръ обнаруживалъ слишкомъ большую любознательность или заходилъ слишкомъ далеко въ своемъ ухаживаніи.

Впрочемъ такой выводъ изъ общихъ воззрѣній эпохи вполнѣ подтверждается современными картинами, новеллами, многочисленными хрониками. Всѣ онѣ доказываютъ, что женщина богатыхъ и знатныхъ круговъ дѣлала мужчинамъ своего класса тѣ же самые уступки, и чудовищно-смѣлыя выходки, которыя позволялъ себѣ похотливый деревенскій парень по отношенію къ охваченной сладострастіемъ дѣвкѣ нравились ей не менѣе, чѣмъ послѣдней. Въ упомянутой выше новеллѣ итальянца Корнацано «Онъ не онъ», изображающей нравы знатнаго бюргерства, подробно описано, какъ дамы города Піаченца только потому ухаживаютъ за однимъ танцоромъ, что онъ во время танца невѣроятно смѣлымъ образомъ удовлетворялъ эротическое любопытство женщинъ.

Во время входившихъ тогда въ моду при дворахъ оффиціальныхъ танцевъ, напоминающихъ нашъ полонезъ, и заключавшихся въ томъ, что пары двигались по залѣ подъ звуки музыки, участники вели себя, несомнѣнно, менѣе шумно и болѣе чопорно. Однако эти танцы служили лишь оффиціальнымъ вступленіемъ къ какому нибудь торжеству. Такъ знаменитый «факельный танецъ» по своему происхожденію ни что иное, какъ церемонія, сопровождавшая шествіе молодыхъ къ брачному ложу. Но и въ этихъ случаяхъ главная суть также была въ томъ, что выше мы опредѣлили, какъ основную сущность танца, являющагося лишь стилизованной эротикой. Даже въ этихъ чопорныхъ церемоніальныхъ танцахъ чувственность подсказывала фигуры, опредѣляла темпъ, диктовала движенія и поклоны танцующихъ. Они также не болѣе, какъ символическое выраженіе любви между мужчиной и женщиной. Они только стилизованныя формы взаимнаго ухаживанія.

Такъ какъ пляска представляла наиболѣе благопріятную почву для проявленія и удовлетворенія чувственности, то она всегда и занимала первое мѣсто среди увеселеній, которыми отмѣчались дни веселья.

Если люди хотѣли веселиться, они приглашали музыканта и онъ долженъ былъ наигрывать пляску. Главный — ежегодно повторявшійся престольный — праздникъ праздновался не только обильной выпивкой и ѣдой, но и безпрерывной общей пляской. Уже за обѣдомъ музыканты играли плясовую и едва обѣдъ кончался, какъ парень обхватывалъ дѣвку, сосѣдъ — полную сосѣдку и пары неслись по травѣ въ бѣшеномъ вихрѣ. Казалось, никто не можетъ устать, мужчины топали ногами такъ, что земля гудѣла, цвѣтныя женскія юбки развѣвались въ пестрой сутолокѣ, точно огромное огненное колесо. Такъ какъ головы уже были подогрѣты виномъ, то скоро воцарялась всеобщая разнузданность. Никто не обращалъ вниманія на то, замѣчаетъ ли его сосѣдъ, мужчины не стѣснялись, а женщины смѣялись тѣмъ веселѣе, чѣмъ крѣпче прижимали ихъ парни.

Чѣмъ выше поднималось настроеніе, чѣмъ бѣшенѣе становилась общая сутолока, тѣмъ чаще доставлялъ танецъ отдѣльнымъ участникамъ сладострастныя ощущенія. То и дѣло уходили парочки, чтобы снова появиться украдкой, какъ онѣ исчезли. За окутанной вечернимъ сумракомъ изгородью тайкомъ удовлетворялась жажда любви и чопорная мѣщанка была такъ же снисходительна къ своему ухаживателю, какъ благородная дама къ разнѣжившемуся аристократу или широкоплечая батрачка къ похотливому батраку.

Когда солнце, наконецъ, клонилось къ закату, слышалось уже не воркованье и сдавленный смѣхъ, а изъ горла вырывался сладострастный стонъ и крикъ. Въ этой стадіи уже нѣтъ рѣчи о противодѣйствіи. Изъ ритма пляска превращается въ дикое торжество разнузданности. Все, все — такова единая воля, проникающая всѣхъ. И это «все» совершается въ дикомъ и пьяномъ экстазѣ. Уста льнутъ къ устамъ и подобно желѣзнымъ крючьямъ впиваются пальцы въ пышное тѣло. Парень уже не тащитъ дѣвку съ собой за изгородь, а бросаетъ ее тутъ же на землю, чтобы насытить свою дикую алчность.

Такъ изобразилъ Рубенсъ праздникъ въ деревнѣ.

Эта картина воспроизводитъ дѣйствительность не такой, какая она есть на самомъ дѣлѣ, но она самая грандіозная и потому самая правдивая символизація чувственной радости, которой отдавалась эпоха Ренессанса въ праздничные дни. Вмѣстѣ съ тѣмъ и именно поэтому она сдѣлалась смѣлымъ откровеніемъ послѣднихъ тайнъ страсти, во время пляски, текущей огнемъ по жиламъ людей.

Наряду съ престольнымъ праздникомъ важнѣйшимъ народнымъ праздникомъ въ эпоху Ренессанса была — масляница.

Замѣтьте, — «народнымъ праздникомъ». Это нѣчто такое, о чемъ мы нынѣ не имѣемъ никакого представленія. Въ настоящее время бываютъ только случаи, когда много народа собирается въ одно и то же время въ одномъ и томъ же мѣстѣ, пьянствуетъ, оретъ, скандалитъ, но такое собраніе еще не создаетъ народнаго праздника. Сущность послѣдняго заключается въ томъ, что народная масса чувствуетъ себя въ извѣстные торжественные случаи единой великой семьей.

Изъ этого опредѣленія уже явствуетъ, почему въ наше время нѣтъ и не можетъ быть народныхъ праздниковъ. Чтобы народная масса почувствовала себя единой семьей, необходимо, чтобы общество по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны представляло нѣчто однородное, чтобы оно еще не было разъединено классовой борьбой. Это значитъ: находящіяся на лицо классовыя противорѣчія еще не должны принять форму классоваго сознанія. Тамъ, гдѣ этотъ процессъ совершился, семейное единство націи разъ навсегда перестаетъ существовать, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ и возможность для нѣкоторыхъ праздниковъ стать общенародными. Въ настоящее время общество уже ни въ одномъ культурномъ государствѣ не представляетъ такого однороднаго организма и потому общіе праздники возможны уже только въ рамкахъ отдѣльныхъ классовъ.

Эпоха Ренессанса еще знала народные праздники.

Несомнѣнно, классовыя противорѣчія обнаружились уже тогда въ достаточно опредѣленной формѣ, но противоположные классовые интересы еще не привели въ такой же мѣрѣ къ классовому сознанію. Къ тому же тогда существовало одно связующее звено — религія, церковь. Этимъ, равно какъ и господствующимъ положеніемъ церкви въ государствѣ и общинѣ, объясняется также, почему престольный праздникъ былъ тогда главнымъ народнымъ праздникомъ и остался имъ вездѣ, гдѣ церковь продолжала играть эту роль связующаго звена, потому что классовыя противорѣчія были не настолько сильно развиты, чтобы разорвать эту связь.

Наряду съ престольнымъ праздникомъ значенье крупнаго народнаго праздника имѣла масляница.

Поскольку въ немъ участвовали взрослые, эротика не только звучала и здѣсь довольно явственно, но все въ немъ было положительно насыщено эротикой: она была главной темой, которую культивировали. Это тѣмъ болѣе естественно, что масляница слу-

жила, по всѣмъ вѣроятіямъ, продолженіемъ древнихъ сатурналій, т. е. другими словами, была не болѣе какъ оффиціальнымъ случаемъ для безудержнаго торжества чувственности. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому въ томъ, что масляница во многихъ мѣстностяхъ символизировалась гигантскимъ фаллусомъ, который несли на шестѣ впереди процессіи. Обычай маскироваться и рядиться давалъ особый, можно сказать, безграничный просторъ для этого культа, такъ какъ окутывалъ каждаго дымкой безвѣстности.

Съ маской на лицѣ, въ шутовскомъ костюмѣ, мужчины и женщины могли безбоязненно позволять себѣ всякія смѣлости и всякую свободу, на которыя они не отважились бы съ открытымъ лицомъ. Мужчина могъ нашептывать свои признанія и желанія дамѣ въ такой формѣ, которая даже подъ маской вгоняла ее въ краску стыда. А женщина позволяла себѣ слова, которыя въ будни никогда не сорвались бы съ ея устъ. Дерзкій могъ свободно дойти до послѣднихъ предѣловъ смѣлости, такъ какъ по законамъ шутовской свободы снисходительно прощали и самыя смѣлыя выходки, а женщина, жаждавшая чего-нибудь необычнаго, могла поощрять робкаго использовать удобный моментъ. Все это можно было дѣлать и говорить, такъ какъ никто не зналъ другого. Она вѣдь не знала, что онъ такъ цинично провоцировалъ ея стыдливость, а онъ не зналъ, что его циническая выходка такъ понравилась ей, что она была та, которая позволила ему достигнуть цѣли всѣхъ его желаній.

Ряженіе давало возможность еще для цѣлаго ряда эксцессовъ, такъ какъ при нѣкоторой ловкости человѣкъ могъ не бояться разоблаченія и преслѣдованія. Можно было устроить въ честь женщины или проститутки серенаду и отомстить ей неузнаннымъ при помощи разныхъ «позорныхъ пѣсенъ» за полученный отъ нея отказъ, можно было въ большой компаніи посѣтить «женскій домъ» и тамъ устроить дебошъ, можно было на улицѣ запугивать дѣвушекъ и женщинъ и насладиться ихъ страхомъ и т. д.

Всѣ эти обстоятельства, а также въ очень значительной степени

обычай пользоваться маскарадомъ для оппозиціонно-политическихъ цѣлей, рано привели къ тому, что городскіе совѣты или совсѣмъ запрещали публичное ряженіе во время масляницы или же предоставляли это право только нѣкоторымъ группамъ и гильдіямъ. Уже въ одномъ постановленіи, изданномъ въ 1400 г. въ Венеціи, говорится: «Никто не имѣетъ права ходить во время карнавала съ покрытымъ лицомъ». Нѣчто подобное отмѣчается и въ дневникѣ одного аугсбургскаго бюргера: «23 февр. 1561 г. я пошелъ съ ними (перечисляются имена знакомыхъ) подъ маской на карнавалъ ночью. Публичное ряженіе было запрещено и потому мы отправились съ двумя музыкантами въ разныя заведенія, гдѣ насъ приняли благосклонно, мы плясали и скакали, какъ телята, такъ какъ тамъ были belle figlie (красивыя дѣвушки), которыя намъ весьма понравились».

Какъ видно, intra muros можно было по прежнему безумствовать и оказывать принцу-карнавалу всяческое почтенье. Необходимо подчеркнуть, что таковы были карнавальные нравы не только низшихъ слоевъ народа, до подобныхъ развлеченій въ дни маскарада были одинаковы падки патриціи, дворяне и придворные. Въ этихъ кругахъ люди были только требовательнѣе, не такъ легко удовлетворялись, отличались бóльшей рафинированностью.

Объ одномъ праздникѣ, устроенномъ въ 1389 г. при французскомъ дворѣ въ связи съ турниромъ, одинъ свидѣтель сообщаетъ:

«Ночью всѣ надѣли маски и позволяли себѣ такія выходки, которыя скорѣе достойны скомороховъ, чѣмъ такихъ знатныхъ особъ. Этотъ вредный обычай превращать ночь въ день и наоборотъ, вмѣстѣ съ свободой безмѣрно ѣсть и пить привели къ тому, что люди вели себя такъ, какъ не слѣдовало вести себя въ присутствіи короля и въ такомъ священномъ мѣстѣ, какъ то, гдѣ онъ во время похода держалъ свой дворъ. Каждый старался удовлетворить свою страсть и все будетъ сказано, если мы упомянемъ, что права многихъ мужей были нарушены легкомысленнымъ поведеніемъ ихъ женъ, а многія незамужнія дамы совершенно забыли всякій стыдъ».

Вѣроятно, чтобы не нарушить общаго единодушія, королева также не противилась принципу chacune pour chacun, какъ намъ извѣстно изъ другого сообщенія. О карнавалѣ 1639 г. сообщается, что герцогиня мединьская устроила маскарадъ, на которомъ фигурировала съ двадцатью тремя красивѣйшими дамами въ костюмѣ амазонокъ и притомъ такого мифологическаго покроя, что этотъ праздникъ наготы вызвалъ цѣлый рядъ скандаловъ. Упомянутыя выше игры борьбы между обнаженными куртизанками и крѣпкими лакеями, бывшія въ ходу при дворѣ папы Александра VI, были также карнавальной шуткой.

Съ масляницей былъ связанъ рядъ обычаевъ безусловно эротическаго характера. Упомянемъ лишь объ обычаѣ «соленія дѣвственности» или объ обычаѣ «паханья плугомъ и бороной». Въ одномъ описаніи послѣдняго обычая говорится: «Молодые мужчины собираютъ всѣхъ дѣвушекъ, участвовавшихъ впродолженіи года въ танцахъ, впрягаютъ ихъ вмѣсто лошадей въ плугъ, на которомъ сидитъ музыкантъ, и гонятъ всѣхъ въ рѣку или прудъ». Эти слова только описываютъ обычай, не объясняя его тайнаго смысла. На самомъ дѣлѣ этотъ обычай служилъ средствомъ высмѣять въ юмористической формѣ тѣхъ дѣвушекъ, о которыхъ было достовѣрно извѣстно, что онѣ весьма мечтали выйти замужъ, но остались безъ жениховъ. Въ одной масляничной пьесѣ объ этомъ говорится очень ясно: «Всѣ дѣвушки, оставшіеся безъ мужей, впрягаются въ плугъ или въ борону, и обязаны ихъ тащить за собой...»

Эротическій смыслъ этого обычая нетрудно вскрыть, если вникнуть въ символику, которой онъ обставленъ. «Плугъ» и «борона» служили какъ въ средніе вѣка, такъ и въ эпоху Возрожденія (какъ нѣкогда и въ древнемъ мірѣ) символами мужской силы, тогда какъ нѣдра земли, которыя ими вспахиваются, являются символами женскаго плодородія. Этимъ обычаемъ хотѣли сказать, что означенныя дѣвушки тщетно искали пахаря, который вспахалъ бы ихъ пашню любви и потому ихъ и гнали подъ градъ насмѣшекъ въ воду, ибо воду нельзя распахать. Въ Англіи этотъ

обычай былъ пріуроченъ къ понедѣльнику, послѣ Богоявленія (Plough Monday).

Другой нами упомянутый обычай имѣлъ точно такой же смыслъ.

Искусство также доказываетъ наглядно эротическій характеръ карнавала. Достаточно указать на великолѣпный рисунокъ Петра Брегеля: «Масляничныя игры». Нетрудно понять, что мужчина, поднимающій здѣсь самострѣлъ съ стрѣлой, украшенной перьями, и женщина, предлагающая ему, какъ цѣль, кольцо, черезъ которое должна пролетѣть стрѣла, являются двумя фигурами, символизирующими эротическій моментъ.

По истинѣ классическимъ доказательствомъ того, что карнавалъ былъ ничѣмъ инымъ, какъ христіанскими сатурналіями, въ которыхъ главную роль игралъ эротическій элементъ, доведенный до фаллической скабрезности, являются однако масляничныя пьесы. Большинство изъ нихъ вращается исключительно вокругъ эротики и всѣ ея стороны подробнѣйшимъ образомъ воспроизводятся въ нихъ. Такъ какъ мы привели уже достаточно примѣровъ въ другихъ мѣстахъ нашей книги, то мы можемъ ими ограничиться. Огромная цѣнность этого литературнаго жанра состоитъ въ томъ, что эти пьесы, хотя и подъ покровомъ насмѣшки, сообщаютъ намъ значительную часть важнѣйшихъ свѣдѣній о всѣхъ сторонахъ частныхъ и общественныхъ нравовъ эпохи Ренессанса. Правда, дѣлается это обыкновенно съ такой архи-смѣлой грубостью, что если бы привести здѣсь нѣкоторыя, болѣе характерныя пьесы, то волосы стали бы дыбомъ не только у филистера.

Въ связи съ масляничными пьесами необходимо сказать нѣсколько словъ и о тогдашнемъ театрѣ. Масляничныя пьесы, хотя и не были исходной точкой театра, все же были однимъ изъ его главныхъ источниковъ. Онѣ воплощаютъ всегда веселый жанръ: комедію и фарсъ. Элементъ серьезный и трагическій въ свою очередь находилъ свое выраженіе въ мистеріяхъ. Въ этихъ послѣднихъ зрѣлищахъ, не только находившихся подъ покровительствомъ церкви, но и обыкновенно устраивавшихся ею, эротика играла также значительную роль. Достаточно упомянуть, что напр. мо-

тивъ непорочнаго зачатія трактовался въ нихъ съ невѣроятной грубостью. Это справедливо главнымъ образомъ относительно французскихъ мистерій. Въ одной такой мистеріи Марія Дѣва помогаетъ въ послѣднюю минуту забеременѣвшей отъ духовника игуменьѣ выйти изъ фатальнаго положенія, а когда одна дерзкая женщина хочетъ удостовѣриться, правда ли Она дѣва непорочная, то Она лишаетъ ее руки. Извѣстно, какіе смѣлые эротическіе мотивы и ситуаціи встрѣчаются въ драмахъ Гросвиты изъ монастыря Гандерсхейма: сцены массоваго совращенія и изнасилованія женщинъ, случаи инцеста и т. д.

При такихъ условіяхъ неудивительно, что въ свѣтскихъ драмахъ и комедіяхъ эротикѣ отводилось также весьма большое мѣсто. Такія произведенія, какъ Calandra кардинала Биббіены или Mandragola Маккіавелли не были исключеніями, а органическими частями общей картины эпохи. А если эти пьесы вызвали особенную сенсацію, то не столько своимъ откровеннымъ изображеніемъ дерзко-комическаго мотива о мужѣ, который самъ сводитъ свою противящуюся жену съ любовникомъ и напрягаетъ всѣ силы своего краснорѣчія, чтобы убѣдить ее отдаться ему, а въ гораздо бо́льшей степени своими художественными достоинствами и своимъ культурно-историческимъ значеніемъ.

Чѣмъ болѣе торжествовалъ абсолютизмъ, чѣмъ болѣе свѣтскій характеръ принималъ театръ, становясь все болѣе главнымъ средствомъ публичныхъ увеселеній, тѣмъ больше проникался онъ порнографіей. И не борьба противъ порнографіи, а ея прославленіе становилось главнымъ мотивомъ и цѣлью театра. Это одинаково справедливо по отношенію къ Италіи, Франціи и Англіи. Вездѣ театръ былъ какъ ареной самаго разнузданнаго сладострастія, такъ и оффиціальнымъ случаемъ дать восторжествовать бесстыдству и провозгласить это торжество, какъ наиболѣе достойную цѣль.

Въ очень широкихъ кругахъ распространено мнѣніе, будто Ренессансъ былъ вѣкомъ безпрерывной праздничной радости, будто одинъ праздничный день смѣнялся другимъ.

Нѣтъ спора, въ нѣкоторыхъ городахъ жизнь носила въ самомъ дѣлѣ такой праздничный характеръ, народныя празднества смѣнялись длинной вереницей рыцарскихъ турнировъ, шествій, княжескихъ посѣщеній, въѣздовъ и т. д. Но это имѣло мѣсто только въ нѣкоторыхъ городахъ. Это справедливо развѣ только по отношенію къ Италіи, а здѣсь — относительно Венеціи, Флоренціи, Рима и нѣкоторыхъ другихъ городовъ, о нихъ можно было въ самомъ дѣлѣ сказать, что они никогда не скидывали съ себя праздничнаго облаченія.

Однако было бы глубоко невѣрно обобщить это явленіе. Вѣчное праздничное настроеніе ограничивалось тѣми немногими городами, гдѣ огромныя богатства соединялись съ продиктованной классовымъ господствомъ необходимостью пышнаго представительства и гдѣ кромѣ того въ виду ихъ географическаго положенія проѣзды князей были явленіемъ неизбѣжнымъ.

Въ такихъ городахъ, какъ Нюрнбергъ, Аугсбургъ, Ульмъ, Базель, Страсбургъ,—ограничимся только нѣмецкими—также игравшими не малую роль въ эпоху Ренессанса, праздничные дни были напротивъ положительно исключеніями.

Еще въ большей степени это нужно сказать о городахъ, лежащихъ въ сторонѣ отъ большихъ дорогъ всемірной торговли, и о деревняхъ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ уже одно появленіе странствующихъ показывателей слоновъ, медвѣдей или львовъ или фокусниковъ составляло событіе огромной важности.

Вотъ почему вошло въ моду превращать семейныя торжества, въ особенности крестины и свадьбы въ домахъ богатыхъ бюргеровъ, въ общіе праздники, въ которыхъ участвовали всѣ знакомые, друзья и всѣ родичи до седьмого колѣна. Вотъ почему далѣе такія семейныя торжества длились часто нѣсколько дней, даже недѣль. Если тогда главная суть всѣхъ праздниковъ состояла въ ѣдѣ и выпивкѣ—въ деревнѣ свадьба была часто не болѣе, какъ продолжавшимся цѣлый день обжорствомъ и пьянствомъ,—то значительное мѣсто было отведено также и утѣхамъ Венеры, такъ какъ въ праздникѣ, какъ мы знаемъ, всегда участвовали и проститутки.

Если съ другой стороны главное удовольствіе состояло именно въ чрезмѣрной ѣдѣ и выпивкѣ, то тотъ же принципъ прилагался и къ культу Венеры. Въ интеллектуальныхъ развлеченіяхъ и въ бесѣдѣ царила безконтрольно скабрезность. Чѣмъ скабрезнѣе была острота или выходка, тѣмъ въ большій восторгъ приводила она и знать и чернь. На свадьбахъ эротическія остроты были, естественно, особенно въ ходу. Самая цѣль праздника представляла постоянный поводъ для нихъ, а царившая на почетномъ тронѣ молодая пара служила естественной мишенью. Поэтому не только вся бесѣда во время свадебнаго пира, не только остроты, раздававшіяся со всѣхъ сторонъ, но и оффиціальныя духовныя развлеченія, праздничныя игры, представленія и зрѣлища, устраивавшіяся въ честь молодыхъ—все было насыщено самой грубой эротикой.

Такъ называемые «свадебные супы», какъ назывались свадебные афоризмы и пѣсни, которые сочинялись и произносились въ честь молодой четы, всѣ безъ исключенія отличались скабрезностью. Въ нихъ въ очень ясныхъ выраженіяхъ говорилось о томъ, что болѣе всего интересовало жениха въ невѣстѣ, описывались подробнѣйшимъ образомъ физическія достоинства какъ его, такъ и ея. О драматическихъ сценахъ, которыя обыкновенно ставились въ дни свадебъ, К. Вейнгольдъ говоритъ въ своей книгѣ о нѣмецкой женщинѣ: «Всѣ тѣ, которыя я имѣлъ передъ собой, дышатъ тѣмъ же настроеніемъ, какъ и свадебныя пѣсни, и говорятъ самыя дерзкія вещи невѣстѣ прямо въ лицо. Однако подобная скабрезность была тогда обычнымъ явленіемъ».

На каждой свадьбѣ непремѣнно бывалъ присяжный острякъ, увеселявшій гостей своими скабрезными шутками. Одинъ хронистъ говоритъ: «Рѣдко бываетъ пиръ, на которомъ не было бы дерзкаго скомороха или остряка». Слово «дерзкій» употреблено здѣсь не въ смыслѣ порицанія, а просто для характеристики. Господствовавшій на свадьбахъ обычай бросать орѣхи въ толпу—пиръ часто происходилъ на виду у всѣхъ—имѣлъ, повидимому, единственной своей цѣлью отвлечь ея вниманіе отъ гостей,

чтобы дать имъ возможность не стѣсняться въ своихъ циничныхъ словахъ и дѣйствіяхъ.

Одинъ хронистъ говоритъ по этому поводу:

«Почему во время свадебнаго пира въ толпу бросались по старому обычаю орѣхи? Для того, чтобы люди не стояли около столовъ, когда кто либо изъ расходившихся гостей произнесетъ невзначай безстыдное слово».

Во многихъ странахъ со свадьбой связывался цѣлый рядъ обычаевъ чисто эротическаго характера. Таковъ былъ, напр., обычай похищенія подвязки. Во время пира одинъ изъ дружковъ подлѣзалъ подъ столъ и пытался снять одну изъ повязокъ невѣсты такъ, чтобы женихъ этого не замѣтилъ. Невѣста не противилась его попыткѣ, а наоборотъ была въ заговорѣ съ похитчикомъ. Если попытка удавалась, то женихъ долженъ былъ откупиться виномъ. Хотя невѣста обыкновенно и облегчала похитчику его работу, помѣщая подвязку какъ можно ниже, а порой не плотно и застегивая, однако этотъ обычай давалъ болѣе смѣлымъ возможность позволить себѣ по отношенію къ невѣстѣ какую-нибудь галантную вольность, которую та охотно прощала. Позоръ для жениха заключался въ томъ, что онъ еще «въ послѣднюю минуту позволилъ перебить у себя права на дѣвственность» невѣсты.

Другимъ аналогичнымъ обычаемъ было такъ называемое похищеніе невѣсты. Во время танца кто-либо изъ гостей пытался тайкомъ уйти съ невѣстой и если ему это удавалось, то онъ отправлялся съ нѣкоторыми посвященными въ заговоръ друзьями въ трактиръ, гдѣ они угощались за счетъ жениха. Послѣдній долженъ былъ выкупить невѣсту, платя за угощеніе, а иногда и разрѣшая всѣмъ заговорщикамъ поцѣловать невѣсту.

Подобныя же эротическія шутки, игры и обычаи были пріурочены къ мальчишнику и дѣвишнику, которые также въ большинствѣ случаевъ были просто удобнымъ случаемъ для грубаго флирта. Такими обычаями можно было бы наполнить цѣлый томъ

Выше описанный весьма популярный пріемъ скидыванія во время танца куртки, растегиванія корсажа и опрокидыванья на землю женщинъ также въ особенности пускался въ ходъ на свадьбахъ. Одинъ современникъ говоритъ:

«Часто на торжественныхъ свадьбахъ сбрасываются многія части костюма и уже послѣ этого приступаютъ къ танцамъ, а также преднамѣренно бросаютъ на полъ женщинъ самымъ безстыднымъ образомъ».

Кульминаціонной точкой празднества служило выше описанное свадебное купанье. Какъ видно, этотъ послѣдній обычай былъ не чѣмъ-то не гармонировавшимъ съ общей картиной свадьбы, а ея логическимъ завершеніемъ.

Если свадьба всегда была удобнѣйшимъ случаемъ для циническихъ словъ и дѣйствій, то вообще эпоха не упускала ни одного случая, не использовавъ его въ томъ же направленіи. Такъ въ XV в. въ моду вошло катанье на санкахъ. Кто хотѣлъ оказать женщинѣ или дѣвушкѣ особую честь, тотъ приглашалъ ее на такое катанье. Подобная «честь» значила однако въ большинствѣ случаевъ ни что иное, какъ подвергать честь женщины или дѣвушки всевозможнымъ опасностямъ, такъ какъ катанье на санкахъ очень скоро сдѣлалось средствомъ для грубаго флирта. Наиболѣе удобный случай для этого представляло такъ называемое «санное право». Предпріимчивый кавалеръ всегда старался злоупотреблять этимъ правомъ. У перваго же сугроба санки непремѣнно опрокидывались. Этотъ моментъ вскорѣ сдѣлался центральнымъ пунктомъ увеселенія.

Грубые эксцессы, особенно во время вечерняго катанія, множились до такой степени, что во многихъ городахъ оно было запрещено. Въ статутахъ города Герлица, относящихся къ 1476 г., говорится:

«Item, послѣ двадцати четвертаго часа (т.-е. съ наступленіемъ ночи) мужчинамъ, дѣвушкамъ и женщинамъ запрещается кататься на саняхъ».

Какъ мало обращалось вниманіе на подобныя запрещенія, видно хотя бы изъ того, что еще полстолѣтіемъ позже поговорка гласила, что во время катанія на санкахъ женщины особенно усердно подвергаются ухаживаніямъ со стороны мужчинъ. Позволить женщинѣ прокатиться на саняхъ съ мужчиной такъ же опасно, какъ позволить ей пойти на маскарадъ. Никогда женщина не возвращается, «неощипанной», что впрочемъ вполнѣ соотвѣтствовало ея собственному желанію.

И потому народъ былъ до извѣстной степени правъ, сложивъ слѣдующую рифмованную поговорку.

«Кто позволяетъ женѣ посѣщать всѣ праздники, а своей лошади пить изъ каждой лужи, скоро будетъ имѣть въ конюшнѣ клячу, а въ своемъ домѣ—дѣвку».

VII.

Сексуальная патологія.

Подобно юному божеству вступилъ Ренессансъ въ жизнь европейскаго культурнаго человѣчества. Шаги его оставили огненный слѣдъ въ исторіи, продолжающій сверкать еще понынѣ, какъ великолѣпный побѣдный знакъ прогресса.

И однако надъ огненнымъ плащемъ, въ который облачился юный богъ, надъ этимъ плащемъ, сообщавшимъ всѣмъ опьяняющую радость творчества, сгустились въ полдень двѣ огромныя тѣни, приносившія духовную и физическую смерть всѣмъ тѣмъ, кто попадалъ въ эту тѣнь.

То были: сифилисъ и вѣдовство.

О первой болѣзни мы уже говорили, остается сказать нѣсколько словъ о второй.

Если сифилисъ былъ своего рода всемірно исторической остротой, страшной ироніей исторіи, то вѣдовство было всемірно-исторической фатальностью. Сифилисъ могъ бы и не явиться, онъ не вытекалъ съ внутренней необходимостью изъ историческаго развитія. Вѣдовство съ его діавольскими оргіями было напротивъ исторической необходимостью. Оно было неизбѣжно.

Въ вѣдовствѣ юный богъ превратился въ безумствующаго дьявола, который доигралъ героическую пьесу своего вступленія въ міровую исторію до конца, какъ безумный фарсъ.

Юный богъ сошелъ съ ума.

Исторія вѣдовства навсегда останется одной изъ самыхъ чудовищныхъ главъ во всей исторіи человѣчества. Эта трагедія остается непонятной лишь до тѣхъ поръ, пока ее вырываешь изъ рамки эпохи. Если же ее разсматривать въ связи съ эпохой, то она является вполнѣ логической, ибо ея возникновеніе было неизбѣжно.

Не случайность, что вѣра въ вѣдьмъ и преслѣдованіе вѣдьмъ начинаются какъ разъ на исходѣ XV в. Въ 1484 г. появилась булла папы Инокентія VIII противъ вѣдовства (Summis desiderantes), въ 1487 г. вышелъ въ свѣтъ діавольскій «Молотъ для вѣдьмъ», составленный Генрихомъ Институторисомъ и Яковомъ Шпренгеромъ: такъ сказать догматика вѣры въ вѣдьмъ, приведшая безуміе въ систему. Не простой случайностью является и то, что вѣра въ вѣдьмъ и преслѣдованіе вѣдьмъ совпадаютъ съ періодомъ между 1490 и 1650 гг.

Конечно, какъ до, такъ и послѣ этой эпохи вѣдьмъ преслѣдовали. Уже столѣтіями раньше вѣдьмы сжигались и только въ XVIII в. погасли послѣдніе костры, на которыхъ ad majorem gloriam церкви жарили цвѣтущія женскія тѣла. Но временемъ истиннаго господства этого безумія былъ какъ разъ періодъ между 1490 и 1650 г.г.

Эти даты даютъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ ключъ къ разгадкѣ этой проблемы.

Насъ интересуетъ въ данномъ случаѣ не только половой, эротическій элементъ этого явленія, но и та черта, что совпаденіе этой отвратительнѣйшей главы въ исторіи съ одной изъ самыхъ гордыхъ и жизнерадостныхъ главъ европейской культуры является не простой плохой остротой міровой исторіи, которая могла бы выразиться и иначе, что это безуміе было неизбѣжнымъ финаломъ тогдашнихъ возможностей развитія.

Вѣра въ діавола и демоновъ такъ сказать вѣчна, такъ какъ тѣсно связана съ каждымъ сверхъестественнымъ объясненіемъ міра. Каждое понятіе нуждается въ своей противоположности, чтобы получить конкретное содержаніе. Понятіе теплоты пред-

полагаетъ понятіе холода, принципъ добра предполагаетъ принципъ зла. Понятіе «божество» тѣсно связано такимъ образомъ съ понятіемъ «діаволъ». Принципъ зла всегда однако олицетворяется творческой фантазіей въ большемъ количествѣ образовъ, чѣмъ идея добра. Въ злѣ люди видятъ незаслуженную злобу завистливыхъ враговъ. А такъ какъ міръ въ глазахъ каждаго полонъ неразрѣшимыхъ загадокъ, грозящихъ бѣдой и невзгодами, то онъ слѣдовательно населенъ чертями. Существуетъ 4,333,556 чертей и чертенятъ. Говорятъ, однажды у смертнаго одра игуменьи они всѣ собрались вмѣстѣ.

Представляя прямую противоположность идеѣ добра, вѣра въ діаволовъ и демоновъ является постояннымъ элементомъ во всѣхъ религіяхъ откровенія. Мы находимъ ее у древнихъ египтянъ и грековъ, равно какъ и въ христіанствѣ. Протестантизмъ не представляетъ въ данномъ случаѣ исключенія. Достаточно одного примѣра. Одинъ протестантскій пасторъ началъ свою рецензію появившагося въ 1906 г. въ нѣмецкомъ переводѣ «Молота для вѣдьмъ» слѣдующими словами:

«Это библія ада. Такъ можно было бы въ самомъ дѣлѣ назвать книгу, о которой идетъ рѣчь. Она носитъ на себѣ явные знаки адскаго внушенія. Догма буквальнаго внушенія можетъ быть смѣло примѣнена къ этой чудовищной книгѣ. Вплоть до послѣдней запятой она вдохновлена противникомъ Бога».

Эти слова представляютъ въ классически-чистомъ видѣ тѣ элементы мышленія, изъ нѣдръ которыхъ въ свое время родился «Молотъ для вѣдьмъ». Это далѣе тѣ самые элементы, изъ которыхъ родились тѣ гнусности и гадости, которыя торжествовали въ процессахъ вѣдьмъ.

Если несмотря на то, что вѣра въ вѣдьмъ является постоянной составной частью всякой религіи откровенія, эта вѣра только въ ту эпоху привела къ оргіи всеобщаго безумія, то это объясняется исключительно историческими условіями времени. Намъ надо слѣдовательно доказать, что историческія условія были тогда именно такими, что они должны были неизбѣжно привести къ оргіи вѣдовскаго безумія.

Прежде всего надо имѣть въ виду взглядъ католической церкви на діавола. Мы уже знаемъ, что католическая церковь была всегда удивительно дѣльнымъ экономомъ, умѣвшимъ все использовать въ своихъ интересахъ и потому она очень рано поняла, какъ выгодно сумѣетъ она использовать въ интересахъ своего господства именно эту фигуру. Она сдѣлала изъ него то пугало, которымъ можно было стращать взрослыхъ, внушая имъ путемъ ужасныхъ образовъ и чудовищныхъ представленій все то, что было полезно для церкви. Само собой понятно, что это пугало пускалось въ ходъ особенно въ тѣ моменты, когда господство церкви колебалось. А это имѣло мѣсто, какъ извѣстно, въ особенности въ періодъ между XV и XVII ст. и потому тогда литература о чертѣ процвѣтала самымъ ужаснымъ образомъ.

Необходимо далѣе отвѣтить на вопросъ, какое обстоятельство позволяло церкви сдѣлать изъ діавола такое пугало душъ. Генезисъ черта позволитъ намъ отвѣтить на этотъ вопросъ.

Небо и адъ, божество и діаволъ всегда ни что иное, какъ отраженія земной дѣйствительности, олицетворенія ея радостей и страховъ, ея блаженства и мукъ. Въ этомъ маскарадѣ діаволъ всегда воплощаетъ горечь жизни. Такъ какъ послѣдняя въ ту или другую эпоху болѣе или менѣе одинакова для всѣхъ людей, то и представленія людей эпохи о діяволѣ болѣе или менѣе одинаковы или во всякомъ случаѣ очень схожи. Другими словами происхожденіе понятія о діяволѣ объясняетъ намъ то иначе необъяснимое явленіе, что каждая эпоха представляетъ себѣ дьявола иначе. Далѣе отсюда слѣдуетъ, что чѣмъ сложнѣе становилась жизнь, чѣмъ больше она навязывала людямъ скорби и страданій, тѣмъ сложнѣе становились и представленія о діяволѣ, который все больше превращался въ жестокаго варвара, все на своемъ пути душащаго и убивающаго.

А именно такъ осложнилась жизнь для человѣчества вмѣстѣ съ воцареніемъ капитализма. Новое время, родившееся вмѣстѣ съ новымъ хозяйственнымъ режимомъ, принесло массамъ всѣ ужасы нищеты. Вотъ почему въ эпоху Ренессанса діаволъ, вла-

ститель ада, уже не могъ быть веселымъ шутомъ, какимъ онъ былъ въ средніе вѣка въ эпоху натуральнаго хозяйства. Теперь адъ могъ быть только синонимомъ страшныхъ мукъ, а діяволъ долженъ былъ казаться людямъ самымъ утонченно-жестокимъ мучителемъ изъ застѣнка.

Въ эпоху Ренессанса жизнь не только такимъ образомъ осложнилась; на извѣстной ступени развитія должна была неизбѣжно разразиться катастрофа. Великія стремленія, вспыхнувшія въ XIII и XIV вв., начиная съ XV ст. терпѣли по всей линіи крушеніе. Вѣкъ капитализма поставилъ себѣ цѣли, которыя тогда были неосуществимы. «Логика событій разбилась о неразвитую дѣйствительность», какъ гласитъ научная формула для этого постоянно въ исторіи повторяющагося процесса, являющагося единственно истинно трагической проблемой какъ въ жизни выдающагося индивидуума, такъ и въ историческомъ развитіи цѣлыхъ народныхъ организмовъ.

Для поясненія достаточно нѣсколькихъ словъ.

Вмѣстѣ съ рожденіемъ капитализма передъ человѣчествомъ раскрылись и всѣ его необходимыя послѣдствія. Первымъ изъ нихъ была необходимость изученія естественныхъ наукъ, проникновенія въ тайную сущность вещей. Это было необходимо для осуществленія поставленной цѣли. Чтобы объѣхать міръ, нужна была астрономія; чтобы расчленить, познать и сдѣлать своимъ собственнымъ господиномъ человѣческое тѣло, высшее понятіе эпохи, нужна была анатомія; чтобы разлагать вещества на свои составные элементы и произвольно комбинировать эти элементы, т.-е. чтобы имѣть возможность фабриковать, нужна была химія.

Воли отдѣльныхъ лицъ было однако недостаточно для рѣшенія этихъ огромныхъ задачъ. Требовалась подготовительная работа цѣлыхъ столѣтій, чтобы осуществить эту цѣль. А между тѣмъ все было обречено на половинчатость, все оставалось половинчатымъ. Человѣческій духъ поневолѣ заблудился. Астрономія превратилась въ астрологію, анатомія въ шарла-

танство, химія въ алхимію. А это было ничѣмъ инымъ, какъ банкротствомъ первоначальныхъ стремленій, внѣшними формами, въ которыхъ обнаруживалось это банкротство. Правда, никто не сознавалъ этого банкротства, но его послѣдствія были на лицо. А эти послѣдствія сказывались въ той безпомощности, съ которой народная масса стояла лицомъ къ лицу со всѣми ужасами, обрушившимися на нее, начиная съ XV в., благодаря разгоравшейся классовой борьбѣ и безсовѣстному проявленію всѣхъ тенденцій первоначальнаго накопленія капитала.

Ибо отнынѣ все принимало характеръ соціальныхъ явленій, характеръ массовыхъ явленій.

Когда же люди стали постепенно сознавать по крайней мѣрѣ фактъ банкротства—его причины и связь они никогда не уяснили себѣ—то чувство безпомощности перешло въ настоящую панику. Весь міръ казался теперь однимъ сплошнымъ предверіемъ ада, гдѣ тысяча діаволовъ простираютъ руки къ несчастной жертвѣ, чтобы насладиться ея страхомъ. Добрый милосердый Богъ, казалось, покинулъ землю.

Если незрѣлость эпохи привела къ суевѣрію, то общее отчаяніе возвело его на тронъ. Люди продавались дьяволу, бросались въ объятія вѣры въ демоновъ, чтобы до извѣстной степени примирить чорта и обмануть такимъ образомъ судьбу, уже намѣтившую свою жертву.

Таковы историческія предпосылки культа дьявола и эпидемической вѣры въ вѣдовство, принявшихъ съ конца XV в. характеръ массоваго явленія. А такъ какъ медленное теченіе развитія выводило людей лишь медленно изъ запутаннаго лабиринта, то Европа неизбѣжно превратилась на полтораста лѣтъ въ одинъ огромный вѣдьмовскій котелъ, гдѣ чудовищная галиматья «молота для вѣдьмъ» была высшимъ закономъ, а никогда не потухавшіе костры — послѣдней инстанціей мудрости.

Необходимо въ заключеніе дополнить эту картину нѣкоторыми подробностями.

Первый вопросъ, постоянно всплывающій здѣсь, гласитъ: по-

чему безумное діавольское суевѣріе обращалось преимущественно противъ женщины, почему всегда говорили о вѣдьмахъ, а не о колдунахъ. Что касается спеціально Германіи, то существенная причина этого явленія заключается въ положеніи древнегерманской женщины въ религіи. Женщина считалась жрицей, всегда находящейся въ союзѣ съ божескими силами. Вѣдьма является до извѣстной степени наслѣдницей германской жрицы.

Гораздо важнѣе однако другой факторъ, касающійся всѣхъ странъ. Этотъ факторъ заключается въ обусловленномъ ученіемъ о первородномъ грѣхѣ презрительномъ отношеніи къ женщинѣ. «Черезъ женщину въ міръ вошелъ грѣхъ», «женщина есть воплощеніе грѣха», «всякій грѣхъ отъ женщины», «объятія женщины подобны западнѣ охотника», «всякое зло ничто въ сравненіи съ женщиной». Такъ гласятъ главныя положенія христіанства, и церковь комментировала ихъ сообразно своему аскетическому міровоззрѣнію съ неисчерпаемымъ разнообразіемъ. Отсюда только одинъ шагъ къ убѣжденію, что женское начало — врата, ведущія въ адъ. А это одинъ изъ главныхъ пунктовъ вѣры въ вѣдьмъ и «Молота для вѣдьмъ». Благодаря тому, что женщина вступаетъ въ любовную связь съ діаволомъ, адъ подчиняетъ себѣ душу человѣка

Одна изъ самыхъ длинныхъ главъ «Молота для вѣдьмъ» обосновываетъ это положеніе. Это та чудовищная глава, гдѣ каждая строчка представляетъ собой глумленіе надъ женщиной. Въ этой главѣ встрѣчаются и всѣ вышеприведенные афоризмы и ими авторъ отвѣчаетъ на вопросъ: «почему подобныя гнусности встрѣчаются у слабаго пола чаще, чѣмъ у мужчинъ». Однако послѣднюю рѣшающую причину того, что преимущественно женщины предаются дьяволу, авторы «Молота для вѣдьмъ» находятъ въ ихъ ненасытномъ сладострастіи.

«Подведемъ итогъ: все это дѣлается изъ плотскихъ вожделѣній, отличающихся у нихъ ненасытностью... Вотъ почему онѣ имѣютъ постоянно дѣло съ демонами, которые должны удовлетворить ихъ похоть».

При такихъ условіяхъ немудрено, что всякая падкая до мужчинъ женщина подозрѣвалась въ томъ, что она вѣдьма. Для удовлетворенія своей половой потребности она нуждается въ сверхчеловѣчески сильномъ помощникѣ, которымъ могъ быть только дьяволъ. Впрочемъ, также часто положеніе это вывертывалось на изнанку и похотливость считалась дѣломъ дьявола.

Съ понятіемъ о грѣхѣ, въ которомъ олицетворялась женщина, связано еще другое представленіе. Имѣя такое огромное индивидуальное вліяніе на мужчину, женщина является для мужчины не только грѣхомъ, но и загадкой. Это вліяніе превращало ее въ воображеніи мужчины въ демона и постоянно ею возбуждаемыя желанія сливались невольно съ постояннымъ страхомъ передъ ней — такъ стала она вѣдьмой.

Если спросить себя о предрасположенности отдѣльныхъ индивидуумовъ къ вѣрѣ въ существованіе вѣдьмъ и о главныхъ питательныхъ источникахъ чудовищныхъ преслѣдованій, которымъ подвергались вѣдьмы, то отвѣтъ вскроетъ намъ еще дальнѣйшіе половые элементы вѣдовства.

Здѣсь важнымъ пунктомъ является тотъ фактъ, что многія женщины крѣпко вѣрили, что онѣ вступали въ любовную связь съ дьяволомъ и находятся въ союзѣ съ нимъ. Разумѣется, мы не будемъ придавать значенія ни одному слову тѣхъ чудовищныхъ признаній въ подобныхъ любовныхъ связяхъ, подробнѣйшимъ образомъ описанныхъ въ массѣ актовъ, составленныхъ во время процессовъ вѣдьмъ. Всѣ подобныя признанія получены и сдѣланы подъ пыткой. А такимъ образомъ можно доказать все, что угодно. Однако въ нашемъ распоряженіи имѣются и другія достовѣрныя данныя о распространенности этой вѣры. Что здѣсь идетъ рѣчь о видѣніяхъ и измышленіяхъ безумцевъ ничего, разумѣется, не мѣняетъ.

Важно отмѣтить здѣсь то, что эти безумныя мечты становятся настоящимъ массовымъ явленіемъ въ эпоху упадка Ренессанса. Это также находитъ свое объясненіе въ тогдашней исторической ситуаціи. Эта эпоха была благодаря въ значительной степени

вышеописанной катастрофѣ, приведшей къ гибели Ренессанса, вмѣстѣ съ тѣмъ вѣкомъ постояннаго и огромнаго недостатка въ мужчинахъ (какъ было указано уже въ другомъ мѣстѣ). Никогда не было такого множества неудовлетворенныхъ въ половомъ отношеніи женщинъ, дѣвушекъ и вдовъ, какъ тогда. Несомнѣнно, какъ мы видѣли въ каждой главѣ, сотни тысячъ женщинъ безъ зазрѣнія совѣсти удовлетворяли свои желанія полными глотками, но вѣдь и этотъ фактъ обусловленъ въ значительной степени той же причиной.

Было однако еще больше женщинъ, тщетно мечтавшихъ объ удовлетвореніи своихъ инстинктовъ. Ихъ было много вездѣ, въ особенности же среди мелкой буржуазіи, гдѣ экономическія условія сильно затрудняли вступленіе въ бракъ. Эта острая и отчаянная борьба за мужчину приводила къ тому, что множество женщинъ насильно стремились добиться любви и предпочитали всѣмъ рисковать, лишь бы достигнуть своей цѣли. Вѣра въ демоновъ приходила этимъ несчастнымъ на помощь. Какая нибудь старуха-сосѣдка или бродячая женщина знала тайну и располагала тайными средствами. Она умѣла мастерить всепобѣждающіе любовные напитки или знала средства получить надъ мужчиной тайную власть, такъ что онъ не успокоится, пока не будетъ обладать той, которая дала ему это средство.

Это было тайной мечтой безчисленнаго множества женщинъ, подъ вліяніемъ социальной нужды это желаніе становилось могучимъ стимуломъ и десятки тысячъ женщинъ изъ году въ годъ испытывали дѣйствіе подобныхъ формулъ и тайныхъ рецептовъ. Порой сосѣдка знала и еще гораздо больше, знала еще болѣе дѣйствительныя средства, побѣдоносныя формулы, заставлявшія дьявола служить ей, и она украдкой—по дружбѣ, или за мзду—доставляла все, что было нужно, чтобы вступить въ связь съ дьяволомъ — знаменитую мазь, которой нужно было натереться, чтобы ночью отправиться на шабашъ, на «козій лугъ», мѣсто тайныхъ свиданій и пляски вѣдьмъ. И сосѣдка не лгала: правда, женщины не вылетали изъ трубы, сидя на метлѣ. Но то, въ чемъ

имъ отказывала дѣйствительность, онѣ находили въ царствѣ мечты и сновидѣній.

Вѣдьмовская мазь творила чудеса. Она удовлетворяла тайную тоску лучше еще, чѣмъ дѣйствительность. Нынѣ мы знаемъ, почему эта мазь творила подобныя чудеса. Правда, она состояла изъ всякой ерунды — мышинаго мозга, толченыхъ жабъ и т. д., но она состояла часто и изъ менѣе невинныхъ средствъ, какъ-то: экстракта цикуты, мака и др. Это значитъ, что многія мази и напитки были ничѣмъ инымъ, какъ эротически-возбуждающими снадобьями, вызывавшими состояніе сна съ эротическими экстазами.

Если неудовлетворенная жажда любви приводила женщину къ эротическому помѣшательству, то получалась въ итогѣ женская болѣзнь, которая для тогдашней науки была неразрѣшимой загадкой, а суевѣрію должна была представляться признакомъ того, что такая женщина одержима демономъ и что въ ней засѣлъ дьяволъ.

Этой болѣзнью была истерія въ разныхъ ея стадіяхъ.

Цѣлый рядъ описаній поведенія женщинъ, слывшихъ въ томъ или другомъ городѣ, въ той или другой мѣстности вѣдьмами, показываетъ, что многія изъ такихъ женщинъ были просто истеричками. Швейцарская поговорка, вложенная въ уста дѣвушки, страдающей болѣзненной жаждой любви: «Мать, дай мнѣ мужа, а не то я подожгу домъ», служитъ типическимъ доказательствомъ того, какъ часто половая неудовлетворенность принимала форму истеріи.

Такимъ образомъ самая картина болѣзни давала — особенно, когда женщина уже была тайно заподозрѣна — обильнѣйшій матеріалъ для доносовъ. Въ то, во что вѣрило общественное мнѣніе, въ тысячѣ случаевъ вѣрила и сама подозрѣваемая женщина. Была еще третья причина распространенности тогда полового безумія и эту причину также не слѣдуетъ игнорировать.

Мы имѣемъ въ виду такъ часто практиковавшійся обычай религіознаго самобичеванія. Опытъ доказываетъ, что самобичева-

ніе можетъ даже нормальнымъ въ половомъ отношеніи лицамъ доставить половое наслажденіе и потому оно всегда и относилось подъ названіемъ «флягеляціи» въ репертуаръ эротическихъ извращенностей. Въ то время самобичеваніе было однимъ изъ главныхъ козырей въ рукахъ церкви, которая такимъ образомъ сама искусственно взращивала то, что ею же осуждалось, какъ высшій порокъ — то была, быть можетъ, самая жестокая иронія заблудившагося духа вѣка.

Что главнымъ содержаніемъ проблемы вѣдовства является именно половой элементъ, видно изъ того, что главные номера репертуара кухни вѣдьмъ имѣютъ почти безъ исключенія отношеніе къ половой жизни. Женщина становится вѣдьмой, вступая съ дьяволомъ въ половую связь. Такимъ путемъ она получаетъ свою тайную власть. Въ «Молотѣ для вѣдьмъ» говорится:

«Въ пятыхъ: такая женщина, пріобщенная къ царству діавола, получаетъ своего особаго чорта для любви. Онъ устраиваетъ съ ней свадьбу, а другія при этомъ веселятся. Въ шестыхъ, этотъ чортъ часто ее навѣщаетъ, вступаетъ съ ней въ половыя отношенія, иногда приказываетъ ей сдѣлать то или другое зло, вмѣстѣ съ другими, получившими такое же приказаніе».

Постоянная половая связь съ властителемъ ада или съ однимъ изъ его замѣстителей (такъ называемый incubus) — вотъ та монета, которой дьяволъ платитъ женщинѣ за то, что она ему продалась. Вѣдьма умѣетъ варить снадобья, пропитывающія кровь мужчины и женщины неодолимымъ желаніемъ обладать опредѣленной особой, но и столь же непреодолимымъ отвращеніемъ. Вѣдьма можетъ увеличить до безконечности половую способность мужчины или же совершенно ее уничтожить; она можетъ сдѣлать для мужа и жены невозможнымъ исполненіе супружескихъ обязанностей, даже лишить мужчину его полового органа, а женщинѣ обѣщать зачатіе. Все это вѣдьма можетъ сдѣлать и съ животными. Таковы главныя проявленія искусства вѣдьмы и имъ посвящена наибольшая часть главъ «Молота для вѣдьмъ».

Впрочемъ, когда въ союзъ съ дьяволомъ вступаетъ мужчина, то половой элементъ также часто играетъ существенную роль. Однимъ изъ главныхъ пунктовъ договора съ дьяволомъ всегда является тотъ, что ни одна дѣвушка или женщина не будетъ въ силахъ устоять передъ такимъ человѣкомъ.

Ничѣмъ инымъ, какъ массовымъ эротическимъ безуміемъ, все сызнова вспыхивавшимъ подъ вліяніемъ вышеизложенныхъ причинъ, являются и многочисленныя монастырскія эпидеміи, о которыхъ мы узнаемъ. Бѣшеное желаніе кусаться, убѣжденіе монахинь цѣлаго монастыря, что онѣ одержимы дьяволомъ — все это признаки нимфоманіи, вызванной половой неудовлетворенностью, насиліемъ надъ природой. Мужчина, какъ представитель пола, игралъ центральную роль во всѣхъ этихъ безумствахъ. Дьяволомъ, безумствовавшимъ въ крови монахинь, была бѣшеная жажда половыхъ ощущеній.

То же явленіе лежитъ въ основѣ и многочисленныхъ плясовыхъ эпидемій, напр. массовой пляски Св. Вита. Въ такихъ эпидеміяхъ танецъ являлся часто ни чѣмъ инымъ, какъ рядомъ безстыдныхъ позъ, продиктованныхъ безмѣрными вожделѣніями. Какъ только участниковъ этихъ танцевъ охватывало возбужденіе, они въ дикомъ бѣшенствѣ срывали другъ съ друга платье, женщины съ мужчинъ, мужчины съ женщинъ, чтобы путемъ такого безстыднаго зрѣлища дойти до настоящаго эротическаго безумія.

Сотни совсѣмъ обнаженныхъ и полуобнаженныхъ женщинъ и мужчинъ въ сладострастной истомѣ ждали спасителя. И спасеніе совершалось путемъ грандіозно-чудовищныхъ оргій, всегда сопровождавшихъ вспышку массоваго плясового безумія. Большинство женщинъ, участвовавшихъ въ такихъ плясовыхъ эпидеміяхъ, возвращались домой беременными, а меньшинство изъ нихъ знало, кто отецъ ребенка, котораго онѣ носили подъ сердцемъ, ибо оргіастическое опьяненіе бросало мужчинъ и женщинъ навстрѣчу безпорядочному половому смѣшенію.

Къ подобнымъ же явленіямъ приводила также эпидемія флягеллянтовъ, съ ихъ процессіями самобичующихся, тоже обыкновенно завершавшимися отчасти открытыми, отчасти тайными оргіями...

Чувственность впала въ смертельную болѣзнь.

Что было когда-то выраженіемъ грандіозной творческой силы, высшимъ осуществленіемъ жизни, разрѣшалось теперь мучительными судорогами.

Божество умирало!

Конецъ.

Н. И. Побѣдинскаго. Ц. 3 р., въ переплетѣ 3 р. 50 к.

Затронутые опытнымъ и авторитетнымъ профессоромъ вопросы въ изложеніи, вполнѣ доступномъ и не специалисту, дѣлаютъ „Общую гинекологію", въ большей ея части интересной и поучительной не только для врача, но и для всякаго образованнаго человѣка. (Изъ предисл. проф. Н. Побѣдинскаго).

Д-ръ С. Рабовъ. Проф. Лозаннскаго У-та. Карманная рецептура и фармакопея. Ц. 1 р. (въ переплетѣ).

II. ОТДѢЛЪ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КРИТИКИ.

Фридрихъ Куммеръ. О смѣнѣ литературныхъ поколѣній и литературныхъ кумировъ. Переводъ подъ ред. и съ пред. П. С. Когана. Ц. 25 к.

В. М. Фриче. Отъ Чернышевскаго къ „Вѣхамъ". Ц. 50 к.

В. М. Фриче. Торжество пола и гибель цивилизаціи. (По поводу книги Вейнингера „Полъ и характеръ". Цѣна 55 коп.

Людвигъ Зерингъ. Метерлинкъ, какъ философъ и поэтъ. Ц. 60 к.

Гальфданъ Лангаардъ. Оскаръ Уайльдъ. Его жизнь и литературная дѣятельность. 2 е изд. Ц. 40 к.

Германъ Эссвейнъ. Августъ Стриндбергъ. Опытъ психологической характеристики. Ц. 40 к.

Ю. Бабъ. Бернаръ Шоу, какъ писатель и художникъ. Ц. 50 к.

Эдуардъ Замакоисъ. Бласко Ибаньесъ. Критическій очеркъ. Цѣна 50 к.

Михаилъ Тригоринъ. Проблема пола и „Санинъ" Арцыбашева 2-е изд. Цѣна 35 коп.

III. ОТДѢЛЪ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Артуръ Шницлеръ. Юный Медардъ. Цѣна 1 руб.

М. Ленгіель. Тайфунъ. Ц. 50 коп.

Я. Гординъ. Убой. Ц. 50 коп.

М. Бертинъ. Жить надо (разсказы). Цѣна 1 р.

Западные Сборники. Книга первая. Цѣна 1 руб.

Западные Сборники. Книга вторая. Цѣна 1 руб.

Германъ Зудерманъ. Розы. Тетралогія. Цѣна 1 руб.

Германъ Гессе. Петръ Каменциндъ. Романъ съ кр. очерк. Ю. Айхенвальда. Цѣна 1 р.

Колетта Иверъ. Королевы науки. Романъ съ кр. очерк. П. С. Когана. Цѣна 1 р. 50 к.

Ж. Рони. Въ сѣтяхъ жизни. Романъ съ кр. очерк. Ю. Айхенвальда. Цѣна 1 р. 50 к.

Анри Бернштейнъ. Когда насъ не станетъ. Ц. 50 к.

АВГУСТЪ СТРИНДБЕРГЪ.

Полное собраніе сочиненій. 15 томовъ.

Томъ I. **Исповѣдь глупца.** Ром. 3-е изд. Цѣна 1 р.
Томъ II. **Адъ.** Романъ. Съ предислов. В. М. Фриче. 2-е изданіе. Ц. 1 р.
Томъ III. **На шхерахъ.** Ром. 2-е издан. Цѣна 1 р.
Томъ IV. **Утопіи въ дѣйствительности.** Новеллы 2-е издан. Ц. 1 р.
Томъ V. **Красная комната.** Очерки изъ жизни художн. и писателей. Цѣна 1 р. 25 к.
Томъ VI. **Чандала.** Романъ. Ц. 1 р.
Томъ VII. **Готическія комнаты.** Романъ. 2-е издан. Цѣна 1 р.
Томъ VIII. **Сынъ служанки.** Романъ 2-е изданіе. Цѣна 1 р. 50 к.
Томъ IX. **Историческія драмы.** Ц. 1 р. 25 коп.
Томъ X. **Трагикомедія брака.** 2-е изд. Цѣна 1 р. 25 к.
Томъ XI. 1) **Романтичный пономарь,** 2) **Разрывъ.** Повѣсти. Ц. 1 р.
Томъ XII. 1) **Легенды** 2) **Графиня Юлія.** Цѣна 1 р.
Томъ XIII. **Развитіе одной души.** Ром. **Мастеръ Улофъ.** Драма. Ц. 1 р. 25 к.
Томъ XIV. **Пляска Смерти. Одиночество. Самумъ. Отецъ** (печ.). Ц. 1 р. 25 к.
Томъ XV. **Черныя знамена.** Романъ. Цѣна 1 р. 25 к.

ГУСТАВЪ афъ-ГЕЙЕРСТАМЪ.

Полное собраніе сочиненій. 13 томовъ.

Томъ I. **Комедія брака.** Романъ. 3-е изд. Съ вступительной статьей Ю. В. Веселовскаго. Цѣна 1 р.
Томъ II. **Роковыя силы.** Романъ. Цѣна 1 р. 25 к.
Томъ III. **Голова медузы.** Романъ. Цѣна 1 руб.
Томъ IV. 1) **Вѣчная загадка.** 2) **Маленькій Свенъ.** Два романа. Ц. 1 р. 25 к.
Томъ V. **Власть женщины.** Ром. Ц. 1 р.
Томъ VI. **Трагедія одной жизни.** Романъ. Цѣна 1 р.
Томъ VII. **Мать и сынъ.** Романъ. Ц. 1 р.
Томъ VIII. **Въ туманѣ жизни.** Романъ. Ц. 1 р. т.т. IX и X (печ.).

ЖОРЖЪ ЭКОУТЪ.

Полное собраніе сочиненій. 5 томовъ.

Перев. съ французск. разрѣшен. авторомъ.

Томъ I. **Изъ міра «Бывшихъ людей».** Романъ. Цѣна 1 р.
Томъ II. **Жажда любви.** Ром. Ц. 1 р.
Томъ III. **Защитникъ бездомныхъ.** Ром. Цѣна 1 р. 25 к.
Томъ V. **Въ погонѣ за любовью.** Ром. Цѣна 1 р. 50 к.
Томъ VI 1) **Чудесное,** 2) **Актриса.** Цѣна 1 руб.
Томъ VII. **Романъ изъ жизни свѣтск. людей.** Цѣна 1 р. 50 к.
Томъ VIII. **Мечты и жизнь.** Романъ ч. I. Цѣна 1 р. 25 к.
Томъ IX. **Мечты и жизнь.** Романъ ч. II. Цѣна 1 р. 25 к.

БЬЕРНСТЬЕРНЕ-БЬЕРНСОНЪ.

Собраніе сочиненій. 10 томовъ.

Томъ I. 1) **Сюнневе-Сольбаккенъ.** (Пов.) 2) **Когда цвѣтетъ молодой виноградъ.** (Комедія). Цѣна 1 р.
Томъ II. 1) **Одинъ день,** 2) **Волосы Авессалома,** 3) **Перчатка,** Ц. 1 р,
Томъ III. **Рыбачка.** Романъ. Ц. 1 р.
Томъ IV. **Единобрачіе и многобрачіе. Марія Шотландская. Банкротство.** Цѣна 1 р. 25 к.
Томъ V. **Новобрачн. Леонарда. Арне.** Цѣна 1 р.

ТОМАСЪ ГАРДИ.

Полное собраніе сочененій

Томъ I. **Настоящая женщина.** Романъ, часть I-я. Цѣна 1 р. 25 к.
Томъ II. **Настоящая женщина.** Романъ, часть II-я. Цѣна 1 р. 25 к.

ТОМАСЪ МАННЪ.

Полное собраніе сочиненій. 5 томовъ.

Томъ I. **Фіоренца. Фридеманъ. Жажда счастья.** Цѣна 1 р.
Томъ II. **Новеллы.** Цѣна 1 р.
Томъ III. **Семейство Будденброоковъ.** Ром. Цѣна 1 р. 25 к.
Томъ IV. **Паденіе одной семьи.** Романъ. Цѣна 1 р. 25 к.

ГЕНРИХЪ МАННЪ.

Полное собраніе сочиненій, 10 томовъ.

Томъ I. **Діана.** Романъ. Переводъ и предисловіе прив.-доц. В. М. Фриче. 3-е изд. Цѣна 1 р.
Томъ II. **Минерва.** Романъ. 2-е издан. Цѣна 1 р.
Томъ III. **Венера.** Романъ. 2-е изданіе. Цѣна 1 р.
Томъ IV. 1) **Мелкій бѣсъ.** Романъ. 2) **Мнаисъ и Джиневра.** Новеллы. Цѣна 1 р. 50 к.

МИХАИЛЪ СИВАЧЕВЪ.

Собраніе сочиненій.

Томъ I. **Прокрустово ложе** (Записки литерат. Макара). Кн. I-я Ц. 1 р.
Томъ II. **Прокрустово ложе.** Книга 2-я. Цѣна 1 р.
Томъ III. **Прокрустово ложе.** Книга 3-я (готовится къ печати).

МЕНДЕЛЕ-МОЙХЕРЪ-СФОРИНЪ.

Полное собраніе сочиненіи.

Томъ I. **Въ долинѣ плача.** Романъ. Ч. I Цѣна 1 р. 25 к.
Томъ II. **Въ долинѣ плача.** Романъ. Ч. II. Цѣна 1 р.

ШОЛОМЪ АЛЕЙХЕМЪ.

Собраніе сочиненій 10 томовъ.

Переводъ съ еврейск., разрѣшенъ авторомъ.

Томъ I. **Дѣти „черты".** Книга первая. 2 изд. Цѣна 1 р.
Томъ II. **Дѣти „черты".** Книга вторая. 2 изд. Цѣна 1 р.
Томъ III. **Маленькіе люди.** 2 изд. Ц. 1 р.
Томъ IV. **Записки коммивояжера.** 2 изд. Цѣна 1 руб.
Томъ V. **Неунывающіе.** Ц. 1 р.
Томъ VI. **Похожденія неудачника.** Ц. 1 р.

ЖОРИСЪ-КАРЛЪ ГЮИСМАНСЪ.

Полное собраніе сочиненій.

Томъ I. **Бездна.** Романъ Ц. 1 р. 50 к.
Томъ II. (Печатается).

БЕРНАРЪ ШОУ.

Полное собраніе сочиненій. 10 томовъ.

Томъ I. 1) **Справочникъ Разрушителя.** 2) **Цезарь и Клеопатра.** Цѣна 1 р.
Томъ II. **Человѣкъ и сверхчеловѣкъ.** Цѣна 1 р. 25 к.
Томъ III 1) **Врачъ на распутьѣ.** 2) **Сила женщины.** Цѣна 1 р.

Томъ IV. **Неразумный бракъ.** Романъ. Цѣна 1 р. 50 к.
Томъ V. **Очерки.** Цѣна 1 р. 50 к.
Томъ VI. **Солдатъ изъ арміи спасенія.** Цѣна 1 р.
Томъ VII. **Карьера одного борца.** Ром. Цѣна 1 р. 50 к.

МАРІЯ КОНОПНИЦКАЯ.

Собраніе сочиненій.

Авторизованный переводъ.

Томъ I. **На Нормандскомъ берегу.** Цѣна 1 руб.
Томъ II. **Мендель Гданскій.** и др. Ц. 1 р.
Томъ III. **Милосердіе общины** и др. (печ.).

ГЕРМАНЪ БАНГЪ.

Полное собраніе сочиненій. 10 томовъ.

Томъ I. **Михаэль.** Романъ. Цѣна 1 р.
Томъ II. **Его превосходительство.** Ром. Цѣна 1 р.
Томъ III. **Тинэ.** Романъ. Цѣна 1 р.
Томъ IV. **Графиня Урнэ.** Ром. Ц. 1 р.
Томъ V. **Погибшія мечты.** Романъ. Цѣна 1 р. 25 к.
Томъ VI. **Романъ сестры милосердія.** Цѣна 1 р. 25 к.

ЛЕОНЪ ПЕРЕЦЪ.

Полное собраніе сочиненій.

Единственный разрѣшен. авторомъ пер.
Томъ I. **Изъ устъ народа.** Ц. 1 р.
Томъ II. **Сказанія вѣрующаго.** Ц. 1 р.
Томъ III. **Время.** (Готов. къ печати).
Томъ IV. **Адамъ и Ева.** (Готов. къ печ.).

ДЖОРЖЪ МЕРЕДИТЪ.

Полное собраніе сочиненій.

Томъ I. **Эгоистъ.** Романъ ч. I. Ц. 1 р.
Томъ II. **Эгоистъ.** Ром. ч. II. Ц. 1 р.

ПІО БАРОХА.

Полное собраніе сочиненій.

Единственный разрѣшен. авторомъ пер.
Томъ I. **Путь къ совершенству.** Романъ. Цѣна.
Томъ II. **Красная заря.** Ром. Ц.

БЛАСКО ИБАНЬЕСЪ.

Полное собраніе сочиненій.

Единственный разрѣшен. авторомъ пер.
Томъ I. **Проклятый хуторъ.** Романъ. Цѣна 1 р.
Томъ II. **Мертвые повелѣваютъ.** Романъ. Цѣна 1 р. 25 к.
Томъ III. **Дикая орда.** Романъ. Цѣна 1 р. 50 к.
Томъ IV. **Винный складъ.** (Бодега). Ром. Цѣна 1 р.
Томъ V. **Куртизанка Сонника.** Романъ. Цѣна 1 р.
Томъ VI. **Въ апельсинныхъ садахъ.** Ром. Цѣна 1 р.
Томъ VII. **Толедскій соборъ.** Романъ. Цѣна 1 р.
Томъ VIII. **Майскій цвѣтокъ.** Романъ. Цѣна 1 р.
Томъ IX. **Дѣтоубійцы,** Ром. Ц. 1 р.
Томъ X. **Осужденная.** Разсказы. Цѣна 1 р.
Томъ XI. **Луна Бенаморъ.** Романъ. **Печальная весна** и др. Ц. 1 р.
Томъ XII. **Обнаженная.** Романъ. Цѣна 1 р. 50 к.

ВЛАДИСЛАВЪ РЕЙМОНТЪ.

Полное собраніе сочиненій.

Единственный разрѣшен авторомъ перев.
Томъ I. **Мужики.** Часть I и II. Романъ. Цѣна 1 р. 50 к.
Томъ II. Часть III. Романъ. **Мужики.** Цѣна 1 р.
Томъ III. **Мужики.** Часть VI. Романъ. Цѣна 1 р. 25 к.
Томъ IV. **Мечтатель.** Ром. Ц. 1 р.
Томъ V. **Земля обѣтованная.** Романъ. Ч. I. Цѣна 1 р.
Томъ VI. **Земля обѣтованная.** Часть II. (печ.).
Томъ VII. **Смерть города.**

АНТОНІО ФОГАЦЦАРО.

Полное собраніе сочиненій.

Томъ I. **„Отжившій мірокъ“,** ч. I. Ром. Съ предисл. **В. М. Фриче.** Ц. 1 р.
Томъ II. **„Отжившій мірокъ“,** ч. II.

ОТТО РУНГЪ.

Полное собраніе сочиненій.

Единственный разрѣшен. авторомъ пер.
Томъ I. **Вереница тѣней.** Ром. Ц. 1 р.
Томъ II. (Печатается).

К-ВО «СОВРЕМЕННЫЯ ПРОБЛЕМЫ». МОСКВА.

ГЕНРИХЪ МАННЪ.

Полное собраніе сочиненій. 10 томовъ.

Тома		Цѣна.
1	**Діана.** Ром. Переводъ и предисловіе прив. доц. В. М. Фриче. 3-е изд.	1.—
2	**Минерва.** Ром. 2 изд.	1.—
3	**Венера.** Ром. 2 изд.	1.—
4	1) **Мелкій бѣсъ.** Романъ. 2) **Мнаисъ и Джиневра.** Новеллы.	1.50
5	**Въ погонѣ за любовью.** Романъ.	1.50
6	1) **Чудесное.** 2) **Актриса**	1.—
7	**Романъ изъ жизни свѣтск. людей.**	1.50
8	**Мечты и жизнь.** Ром. ч. I-я	1.25
9	**Мечты и жизнь.** Ром. ч. II-я (печат.).	—

Изъ отзывовъ печати.

„Когда съ чувствомъ стыда мы отрываемся отъ восхищенія старыми образцами искусства и посмотримъ на его (Манна) книги, въ насъ рождается надежда, что и мы будемъ вѣчно жить въ гордыхъ созданіяхъ искусства“.

Гансъ Бранденбургъ.

МИХАИЛЪ СИВАЧЕВЪ.

Собраніе сочиненій

Тома		Цѣна
1	**Прокрустово ложе.** (Записки литературн. Макара). Кн. 1-я.	1.—
2	**Прокруст. ложе.** Кн. 2-я.	1.
3	**Прокрустово ложе.** Кн. 3-я (печ.)	—

Изъ отзывовъ печати:

„Въ этой книгѣ разсказана исторія жизни и мысли,—исторія исканій, житейскихъ и литературныхъ, больного литератора изъ рабочихъ, представляющая громадный общественный интересъ“.

„Рус. Вѣд.“. Нояб. 1910 г. № 263.

ШОЛОМЪ-АЛЕЙХЕМЪ.

Собраніе сочиненій. 10 томовъ.

Переводъ съ еврейскаго, разрѣшенный авторомъ.

Тома		Цѣна.
1	**Дѣти „черты“.** Кн. пер. 2-е изд.	1.—
2	**Дѣти „черты“.** Кн. втор. 2-е изд.	1.—
3	**Маленькіе люди.** 2-ое изд.	1.—
4	**Записки коммивояжера**	1.—
5	**Неунывающіе.**	1.—
6	**Похожденія неудачника**	1.—

Изъ отзывовъ печати.

„Въ книгѣ Шоломъ-Алейхема найдется много весьма поучительнаго, краснорѣчиваго во многихъ отношеніяхъ,—новаго для нашей публики“. *Юрій Веселовскій.*

БЕРНАРЪ ШОУ.

Полное собраніе сочиненій. 10 томовъ.

Тома		Цѣна.
1	1) **Справочникъ Разрушителя.** 2) **Цезарь и Клеопатра.**	1.—
2	**Человѣкъ и Сверхчеловѣкъ.**	1.25
3	1) **Врачъ на распутьѣ.** 2) **Сила женщины.**	1.—
4	**Неразумный бракъ.** Романъ.	1.50
5	**Очерки.**	1.50
6	**Солдатъ изъ арміи спасенія.**	1.—
7	**Карьера одного борца.** Ром.	1.50

Отзывъ Л. Н. Толстого.

„Весьма талантливый, интересный, бойкій писатель, быть можетъ, слишкомъ выставляющій въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ свой атеизмъ, но очень хорошо вскрывающій лицемѣріе современнаго общества“.

МАРІЯ КОНОПНИЦКАЯ.

Собраніе сочиненій.

Авторизованный переводъ.

Тома		Цѣна.
1	**На Нормандскомъ берегу.**	1.—
2	**Мендель Гданскій** и др.	1.—

„Это былъ великій талантъ, многіе называютъ его геніальнымъ, и онъ безъ сомнѣнія достигалъ геніальности и больше чѣмъ у кого либо.

Она была могучей и въ настоящемъ смыслѣ этого слова“.

Казиміръ Тетмайеръ.

ГЕРМАНЪ БАНГЪ.

Полное собраніе сочиненій. 10 томовъ.

Тома		Цѣна
1	**Михаэль.** Романъ	1.—
2	**Его превосходительство.** Ром.	1.—
3	**Тинэ.** Романъ	1.—
4	**Графиня Урнэ.** Романъ	1.—
5	**Погибшія мечты.** Романъ	1.25
6	**Романъ сестры милосердія**	1.25

...„Если итти интереснымъ путемъ литературныхъ аналогій, Бангъ неминуемо приведетъ насъ къ милому имени Чехова, который съ тѣмъ же интимнымъ очарованіемъ, съ тою же большой и скорбной любовью къ людямъ, какъ Германъ Бангъ, разсказывалъ намъ свои простыя и великія легенды объ отходящемъ уже въ тѣнь поколѣніи, „о любви, о счастіи и о томъ, что должно умереть“.

Современный Міръ, № 11, 1907 г.

АДРЕСЪ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА:

Москва, Садовники, 9. Телефонъ 177-14.

БЛАСКО ИБАНЬЕСЪ.

Полное собраніе сочиненій.

Единственный разрѣшен. авторомъ пер.

Тома		Цѣна.
1	**Проклятый хуторъ.** Романъ. .	1.—
2	**Мертвые повелѣваютъ** Ром. .	1.25
3	**Дикая орда.** Романъ, ...	1.50
4	**Винный складъ.** (Бодега). Ром.	1.—
5	**Куртизанка Сонника.** Романъ .	1.—
6	**Въ апельсинныхъ садахъ.** Ром.	1.—
7	**Толедскій соборъ.** Романъ. .	1.—
8	**Майскій цвѣтокъ.** Романъ . .	1.—
9	**Дѣтоубійцы.** Романъ.	1.—
10	**Осужденная.**	1.—
11	**Луна Бенаморъ, Печальная весна и др.**	1.—
12	**Обнаженная.** Романъ.	1.50

Бласко Ибаньесъ, несомнѣнно, большой и сильный писатель. Это романистъ и творецъ типа Бальзака и Золя, съ широчайшимъ захватомъ жизни и современности, съ поразительнымъ знаніемъ самыхъ разнообразныхъ сферъ и закоулковъ общества. **(Викторъ Гофманъ).**

ВЛАДИСЛАВЪ РЕЙМОНТЪ.

Полное собраніе сочиненій.

Единственный разрѣшен. авторомъ пер.

Тома		Цѣна.
1	**Мужики.** ч. I. II. Романъ . .	1.50
2	**Мужики.** ч III. Романъ . . .	1.—
3	**Мужики.** ч. IV. Романъ . . .	1.25
4	**Мечтатель.** Романъ	1.—
5	**Земля обѣтованная.** Ром. ч. I.	1.50
6	**Земля обѣтованная.** ч. II. (печ.).	
7	**Смерть города**	

„**Мужики**“ Реймонта, это—одно изъ самыхъ художественныхъ воплощеній „власти земли“, и русскій читатель найдетъ у польскаго писателя цѣлый рядъ картинъ къ философскимъ обобщеніямъ Глѣба Успенскаго.

(Л. Козловскій).

ЛЕОНЪ ПЕРЕЦЪ.

Полное собраніе сочиненій.

Единственный разрѣшен. авторомъ пер.

Тома		Цѣна.
1	**Изъ устъ народа**	1.—
2	**Сказанія вѣрующаго** .	
3	**Время.** } Готов. къ печати.	
4	**Адамъ и Ева.**	

АНТОНІО ФОГАЦЦАРО.

Полное собраніе сочиненій.

Тома		Цѣна.
1	„**Отжившій мірокъ**“. ч. I. Ром. Съ предисл. **В. М. Фриче**...	1.—
2	„**Отжившій мірокъ**“. ч. II.	

Изъ отзывовъ печати:

„Главнымъ трудомъ, прославившимъ **Антоніо Фогаццаро** не только въ Италіи, но и по всему міру, былъ его историческій романъ „**Отжившій мірокъ**“. Одного этого произведенія уже вполнѣ достаточно, чтобы имя **Фогаццаро** можно было помѣстить въ списокъ лучшихъ писателей. Это превосходное произведеніе искусства блещетъ правдивостью изображенныхъ въ немъ характеровъ, событій, пейзажа и т. д., да и вообще **Фогаццаро**, когда писалъ, бралъ свои образы не изъ фантазіи, но по преимуществу прямо изъ жизни, изъ живой правды, съ натуры. Только, при этомъ, глазъ его не былъ простымъ механическимъ глазомъ холоднаго наблюдателя, онъ никогда не былъ только фотографомъ внѣшней дѣйствительности. Все, что бралось имъ для творчества изъ жизни и природы, прежде чѣмъ попасть въ мозгъ, должно было пройти черезъ сердце, и, хорошо прочувствованное, перебродить въ чистой и горячей душѣ поэта-романтика“.

„**Современникъ**“, 1911 г. № 3.

ТРИ РУБЛЯ.